

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

Translation Culture: Expert Insights

Historical Memory and Identity

Unfinished Projects: Historical and Human Factors

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 11 | 2023 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. 620075, Россия,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 335
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 335, 51 Lenin Ave.,
620075, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU). *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU / UK, Oxford, Bodleian Library)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Türkan Olcay** (Turkey, Istanbul University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Wang Jiaying** (China, Nanjing University); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ / Великобритания, Оксфорд, Бодлианская библиотека)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **Ван Цзясин** (Китай, Нанкинский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **Т. Олджай** (Турция, Стамбульский университет); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva. Cross-Cultural Communication: Pragmatics and the Search for Meaning 1139

Larisa Soboleva. Cross-Cultural Communication: Pragmatics and the Search for Meaning 1139

Problema voluminis

Перевод: постижение замысла и поиск формы

Translation: Comprehending the Idea and Searching for Form

Омар Лобос. Концепции перевода русской поэзии в западной культуре 1153

Omar Lobos. Concepts of Translation of Russian Poetry in Western Culture. 1153

Владислав Бортников. Пятистопный ямб Джона Мильтона в русских переводах: проблема эквиритмичности оригиналу . . . 1166

Vladislav Bortnikov. John Milton's Iambic Pentameter in Russian Translations: The Problem of Equirhythmic Correspondence to the Source Text . 1166

Ольга Турышева. Концепция музыки в новелле Ф. Кафки «Превращение»: автор vs переводчик 1182

Olga Turysheva. The Concept of Music from Kafka's *The Metamorphosis*: Author vs Translator 1182

Языки российской дипломатии восемнадцатого века

The Languages of Russian Diplomacy in the Eighteenth Century

Яна Ларина. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка 1196

Yana Larina. Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice . 1196

Владислав Ржеуцкий. Между Россией и Западной Европой: дипломатические языки российского представителя при испанском дворе князя Ивана Шербатова . . 1215

Vladislav Rjéoutski. Between Russia and Western Europe: The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov, a Russian Representative at the Spanish Court 1215

Ernest A. Zitser. *Il parlait assez bien français et plusieurs langues*: Foreign Language Acquisition and the Diplomatic Self-Fashioning of Prince Boris Ivanovich Kurakin . 1232

Ernest A. Zitser. *Il parlait assez bien français et plusieurs langues*: Foreign Language Acquisition and the Diplomatic Self-Fashioning of Prince Boris Ivanovich Kurakin . 1232

Olga Khavanova. Ambassador Count Nikolaus Esterházy: Languages and Network-Building in St Petersburg, 1753–1761 1248

Olga Khavanova. Ambassador Count Nikolaus Esterházy: Languages and Network-Building in St Petersburg, 1753–1761 1248

Мария А. Петрова. Языковые практики российских дипломатов иностранного происхождения братьев Симолиных во второй половине XVIII века 1264

Maria A. Petrova. Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century 1264

Между исторической памятью и национальной идентичностью

Between Historical Memory and National Identity

Илья Печёнкин. Воображая «русское»: Владимир Стасов в конструировании национального стиля Российской империи 1280

Ilia Pechenkin. Imagining Russian: Vladimir Stasov in the Construction of the National Style of the Russian Empire 1280

Юлия Зевако. «Исключенные из памяти»: проблема наследования национальной истории 1294

Yulia Zevako. “Excluded from Memory”: The Question of Passing Down National History. 1294

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Хоруженко. Архивы умолчаний: локализация и интерпретация лакун в фольклорном архиве 1313

Татьяна Бреева. Историографическая метапроза Юрия Буйды «Пятое царство»: мистификация исторической концептуальности . 1326

Александра Колесник. Ленинградский рок-клуб в Санкт-Петербурге: от памяти – к культурному наследию 1338

Origines

Антон Щепёткин. Неизвестные молитвы из древнерусской пергаменной Псалтыри студийской эпохи. . . . 1357

Dialogus

«Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода. 1373

Disputatio

Алексей Попович. О чем молчал Стефан Яворский? Непроизнесенные проповеди как уравнение с несколькими неизвестными. . . 1393

Светлана Севастьянова. Античное наследие в «Книге о соборе» Газского митрополита Паисия Лигарида: посвящение русскому царю 1414

Газинур Гиздатов. «Остаточные смыслы» и эстетика интермедийности в романе Павла Залымана «Средняя Азия в Средние века». . 1432

Александр Думчиков, Ксения Пименова. Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства 1445

Андрей Авдашкин. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов. 1464

Controversiae et recensione

Вероника Высокова, Михаил Киселев. Представления о власти и государстве в русской политической мысли: трудности компаративного подхода . 1479

Джеймс Уайт. Становление пастырей: православное приходское духовенство и гражданское общество в последние десятилетия Российской империи . 1491

Об авторах 1501

Сокращения. 1509

CONTENTS

Tatiana Khoruzhenko. Paralipsis Archives: Ways of Localisation and Interpretation of Gaps in a Folklore Archive. . . . 1313

Tatiana Breeva. The Fifth Kingdom, Yuri Buida's Historiographical Metafiction: Mystification of Historical Conceptualisation . . 1326

Alexandra Kolesnik. The Leningrad Rock Club in St Petersburg: From Memory to Cultural Heritage. 1338

Anton Shchepetkin. Unknown Prayers from the Old Russian Parchment Psalter of the Studite Era. 1357

“It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice. 1373

Alexey Popovich. What Was Stefan Yavorsky Silent about? Undelivered Sermons as a Multiple Equation. 1393

Svetlana Sevastyanova. Ancient Heritage in the History of the Synod by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar . . 1414

Gazinur Gizdatov. “Residual Meanings” and the Aesthetic of Intermediality in Pavel Saltzman's Central Asia in the Middle Ages 1432

Aleksandr Dumchikov, Kseniya Pimenova. An Uncompleted Machine-Building Giant in the Urals: Mobilisation Policy and Construction Practice 1445

Andrey Avdashkin. The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems 1464

Veronika Vysokova, Mikhail Kiselev. The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach 1479

James White. Becoming Pastors: The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society in the Last Decades of the Russian Empire 1491

On the authors 1501

Abbreviations 1509

Cross-Cultural Communication: Pragmatics and the Search for Meaning¹

I just want to understand,
Thus I'm seeking your intent...

A. S. Pushkin²

The fourth issue of *Quaestio Rossica* in 2023 opens with a discussion of the significance and challenges of translation. Interest in this topic grows wider in society at various turns in history, because the acquisition of meaning attached to another cultural and historical reality is often synonymous with translation. The degree of acquisition of such “otherness” is determined by the openness of a certain culture and the desire of its participants to expand informational resources. It is worth recalling that in Old Rus', a translator was called a *tolmach*, which meant not only a translator but also an interpreter [cf.: Срезневский, т. 3, стб. 1045], i. e., a person capable of explaining the unknown. The process of translation cannot be stopped, just as one cannot acknowledge the achievement of a final perfection. Infinitely, the comprehension of meaning is endless, and translation performs a crucial anthropological function of self-discovery through the mirror of the culture of a different genesis. The discussion of the possibilities and communicative essence of translation, offered in the *Problema voluminis* section, continues with a debate between translation practitioners and theorists in the *Dialogus* section.

In his article, *Omar Lobos*, a renowned translator and professor at the University of Buenos Aires (Argentina), analyses the creative principles of translators who base their poetic translations on the tradition of Western European verse. Using examples from his own translations of Russian poetry into Spanish, the author aligns rhythmic patterns in multilingual cultures and demonstrates the productivity of such work. *Vladislav Bortnikov's* (Yekaterinburg, Russia) article offers reflections on the translations of John Milton's epic poem *Paradise Lost*, comparing different translators' strategies for conveying the iambic pentameter of the English poet. The author introduces the concept of the rhythmic equality of translation and the original – *equirhythmia* – demonstrating the varying degrees of rhythmic approximation in translations.

Olga Turyшева's (Yekaterinburg, Russia) article exemplifies the possibility of a specialist making reliable conclusions about the originality of a writer's

¹ Preparation of materials for the sections on translation activity and cultural peculiarities of the late 17th–18th centuries and the introductory article were supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00488).

² Translated by Andrey Kneller.

philosophy based on limited research material. The researcher studies Franz Kafka, examining the translation of a phrase from his *The Metamorphosis*. The article shows how the accuracy of translation is related to the writer's general ideas about rational and intuitive perception of art and how the interpretation of the phenomenon can be subject to reduction in the process of translation.

The second facet of the problem is the pragmatics of a foreign language in the history of Russian diplomacy in the eighteenth century. Russia's participation in European diplomatic work and the organisation of a broad network of international relations occurred thanks to individuals' understanding of their duty and their talents. Turning to archival sources makes it possible to understand not only the officially recognised results of cooperation but also to see how proficiency in different languages optimised communication between countries.

Yana Larina (Moscow, Russia) provides a detailed description of how Russia and Sweden used the German language for diplomatic contacts during the era of Peter the Great. The researcher subtly notes a symbolic function in this process, where a document demanded in diplomatic practice had an additional symbolic subtext of affirming the strength or dominance of a certain side when presented in the national language. These same documents demonstrate the Russian diplomatic inclination to search for compromise on this issue. *Vladislav Rjéoutski* (Paris, France) looks at the efforts of Prince Ivan Shcherbatov in mastering European languages for negotiations and observing international etiquette in correspondence, leading to Russia's worthy inclusion in the diplomatic system of Peter the Great. Archival documents testify to the emergence of an understanding of the national language for the affirmation of identity: in personal correspondence, the diplomat used his native language, unlike official documents. Based on the biography of Prince Boris Kurakin, *Ernest Zitser* (Durham, NC, USA) suggests that the level of proficiency in the French language becomes the foremost step in the diplomat's career ladder. His language acquisition occurred through skilful use of the linguistic environment surrounding Kurakin's personal contacts, correspondence, and travel. Proficiency in several intermediary languages led the prince to a respectable level of the main diplomatic language of the time – French. This allowed Kurakin to integrate into the diplomatic elite of Europe and establish the state's diplomatic authority relatively quickly.

Equally interesting are the peculiarities of eighteenth-century diplomatic missions at the Russian court. Archival documents related to the activities of Count Nikolaus (Miklós) Esterházy, a Hungarian aristocrat, and the Roman-Imperial ambassador in St Petersburg show his brilliant command of European languages. His knowledge and skills were used both to establish personal relationships at the court of Empress Elizabeth Petrovna and to create reports and dispatches to Vienna. *Olga Khavanova* (Moscow, Russia) provides vivid evidence of how Esterházy, adept at the art of communication in various languages, managed to attract the attention of the court and the empress. The importance of language competencies in diplomatic service is further discussed in an article by *Maria Petrova* (Moscow, Russia).

Based on the official correspondence of Karl Gustav and Johann Matthias Simolin – Russian diplomats of the eighteenth century originating from western territories (Ostsee governorates) – the author compares the career achievements of the two brothers the dawns of whose diplomatic careers were similar but who utilised opportunities and their language talents differently. The biographies of the brothers demonstrate the importance of an active communication strategy with colleagues, personal contacts in various language communities, and an understanding of etiquette in international contexts.

The discussion in the *Dialogus* section is also related to the vocation of translation. *Olga Sidorova* and *Tatiana Kuznetsova*, the moderators of the section from Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), managed to attract highly professional translators and researchers from various countries and translation schools: *Olga Varshaver* (Moscow, Russia), *Elena Petrova* (St Petersburg, Russia), *Karen Hewitt* (Oxford, UK), and *Alejandro Gonzalez* (Buenos Aires, Argentina). The participants discussed current trends in a translator's work, the understanding of quality, and the significance of the translator's personal understanding of responsibility for their role in world culture.

The diversity of meanings is closely linked to the formation and prolongation of historical memory in relation to national identity. The articles published in the issue provide a wide picture of the selection of factual material in the process of memorisation, the refusal to preserve information, or the dramatic collision of unforgettable events and heroes with ideological clichés of external influence.

Ilya Pechenkin (Moscow, Russia) offers a new interpretation of Vladimir Stasov's ideas regarding the concept of the "Russian style" in art between the 1860s and 1880s. According to Pechenkin, the Soviet interpretation of Stasov's theories as an expression of the people's need for self-identification is nothing more than the "cultural imagination" of the theorist. It represents the manifestation of official imperial nationalism, which Stasov adhered to, and which aligned perfectly with his understanding of social progress and the interests of the people.

The theme of historical memory in relation to identity is explored in the article by *Yulia Zevako* (Yekaterinburg, Russia). Based on competing discourses of Soviet history, namely, the memory of the victors and the greatness of the Great Patriotic War, and the tragedy of the repressed, the author raises difficult questions about the criteria for preserving differently coloured events in memory. Using interviews with carriers of historical memory, Zevako connects the processes of preserving or excluding from memory with the personal readiness of informants to assess family history.

The exclusion of events from memory may be influenced by the attitudes of oral history collectors and dictated by ideological considerations. In this regard, the folklore archive of Ural Federal University is analysed for the first time by *Tatiana Khoruzhenko* (Yekaterinburg, Russia). The comparison of archival material and methodological recommendations for its collection allows the author to identify gaps that arose due to subjective circumstances. The

organisation of the survey logic and the collector's attention to certain topics and neglect of others create a context that influences the folklore carrier, which should be considered when creating a genre-motivational map of active usage of texts.

Tatiana Breeva (Kazan, Russia) reflects on contemporary trends in understanding the historical past in fiction. Yuri Buida's provocative novel, *The Fifth Kingdom*, represents a tendency within global literature to interpret history as a key to understanding the present, while simultaneously deconstructing historical myths. This produces an effect of an ambivalent nature, where overcoming the historical mythology of the past is not a goal but a way of understanding the ironic mode of modernity.

Alexandra Kolesnik (Moscow, Russia) turns to the era of rock music and its socio-cultural role in late Soviet Leningrad. Based on interviews with attendees of rock clubs, which explored their personal involvement in musical culture and offered an analysis of contemporary tourist interest in memorial sites, the author concludes that it is important to recognise these aspects of national culture as essential heritage in aesthetic and philosophical planes.

This issue also presents unknown prayer texts from a parchment manuscript from the mid-fourteenth century (RGADA. Printing Collection. No. 28). These unique texts, filled with the lively feelings of their creators, are prepared for publication and accompanied by a scholarly commentary from *Anton Shchepetkin* (Yekaterinburg, Russia).

The *Disputatio* section of this issue presents research on creative intentions at the end of the seventeenth and the beginning of the eighteenth centuries, the time span that marked the conclusion of Russia's medieval period and defined cultural shifts witnessed in the New Era. *Svetlana Sevastyanova* (Novosibirsk, Russia) considers turning to antiquity an indicator of such changes, and a means of embracing the foundations of secular European culture. A notable example is the shift initiated by Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza in 1667 in the *History of the Synod*. In dedicating the work to the Russian Tsar, the writer actively employs ancient tropes and imagery, elaborating on themes of historical purpose and the ruler's virtues. The modern complete translation of Ligarides' book significantly deepens our understanding of the assimilation of European cultural texts.

A part of a state's historical and cultural heritage consists of texts which remained unfinished for various reasons. *Alexey Popovich* (Yekaterinburg, Russia) works with such sermon texts from the turn of the eighteenth century, which were composed by Metropolitan Stefan Yavorsky and have reached us in draft form. The researcher deciphers the manuscripts of the preacher, identifying historical and life circumstances that led the author to leave a mark *non dictum*, thus postponing the delivery of sermons. The article introduces new information about the political views of this influential intellectual and his artistic preferences into scholarly discourse³.

³ The characterisation of the features of this period, both in the form of a comprehensive overview [see: Кошелева] and through multiple specific-factual perspectives [see: Waugh, 2023a; Waugh, 2023b], has repeatedly surfaced on the pages of the journal. This exploration is intertwined with historical cataclysms and manifested in the artistic transformation of literature.

Gazinur Gizdatov (Almaty, Kazakhstan) examines the unfinished novel *Central Asia in the Middle Ages* by Pavel Saltzman – for a reason. The “Eastern” theme is increasingly penetrating the global humanities, prompting a study of its talented exploration in Russian literature of the preceding era. The unique text was created in the mid-twentieth century (1939–1950), impressing not only with its artistic excellence but also with the “untimely” freedom of the author, playing with eras, referring readers to works of world literature, and incorporating innovative modernist poetic techniques, as previously noted in the journal [Казарновский].

Some projects of industrialisation in pre-war Soviet Russia turned out to be unfinished not only due to economic reasons but also because of poor organisation, lack of specialists, and unsuccessful planning. The history of the prolonged failures in the construction of the giant Ural Engineering Plant – Uralhimash – is presented in the article by *Alexander Dumchikov* and *Ksenia Pimenova* (Yekaterinburg, Russia). The cessation of construction was consistently ignored, while its repeated launches announced with aspirations to guaranteed success, served yet another slogan for moving forward, turning into a factor for mobilising efforts and patiently awaiting the promised improvement in people’s lives. The utopian discourse “worked” during the planning of the evacuation of factories from central Russia, when the Urals became a platform where, with inhuman efforts, military production redoubled during the Second World War.

The theme of the existence of population groups within Russia with different cultures and languages (with citizenship and without it) – namely, diasporas – is developed in the article by *Andrey Avdashkin* (Yekaterinburg, Russia). The researcher focuses on the Kyrgyz diaspora in cities of Eastern Russia. Based on interviews, the author identifies migrants’ views on the conflictual disadvantages of living in diasporas. The indifference of their own government, disregard for migrants by official structures, disunity, and inhumane working conditions all contribute to a negative psychological state. The desire to return to the historical homeland conflicts with an awareness of the futility of such a move⁴.

The concluding section, *Controversiae et recensiones*, offers two interrelated critical articles. The first, authored by *Veronika Vysokova* and *Mikhail Kiselev* (Yekaterinburg, Russia), critically reviews the book by Hungarian Russianist, E. Sashalmi (*Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter’s Reign*). It explores perceptions of power and the state during the historical period from the fifteenth to the eighteenth centuries. While acknowledging the author’s work, the reviewers find many contradictions in the application of a comparative approach, leading to distant parallels and an incorrect understanding of the phenomenon of Russian political culture. *James White’s* critical review (Yekaterinburg, Russia) concerns *Russia’s Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*, a monograph

⁴ The diaspora theme will be further elaborated in the 2024 issues of the journal.

by American scholar D. Scarborough, dedicated to the history of the Russian Orthodox clergy in the late imperial period. The author of the work adopts a nontrivial approach – reviewing the church's activities in the field of mutual aid and charity, while using lay people from the church community for material support and the construction of churches. According to the researcher, this partly contributed to the survival of churches in the face of further Bolshevik persecution.

Larisa Soboleva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

А. С. Пушкин

Четвертый номер 2023 г. открывается обсуждением проблем, касающихся значения и сложностей перевода. Повышение интереса к этой теме в определенные повороты истории объясняется нацеленностью социума на поиски новых смыслов жизненного устройства, принадлежащих иной культурной и исторической реальности. Степень приобщения к «инаковости» определяется открытостью культуры и желанием ее носителей расширить информационные ресурсы. Достижения русской переводческой школы, начиная с XVIII в., были продиктованы как читательской востребованностью, так и коммуникативной прагматикой в разных сферах. Можно вспомнить, что в Древней Руси переводчик именовался *толмачом*, что значило не только *переводчик*, но и *истолкователь* [см.: Срезневский, т. 3, стб. 1045], то есть человек, способный объяснить неведомое. Прагматика переводческой деятельности заслоняет ее когнитивную функцию, важной составляющей которой является приобщение через перевод к новому качеству жизни, понимание неизбежности изменений. Перевод позволяет соединять традицию и модернизацию, дает уникальную возможность открытия самого себя через зеркало культуры иного генезиса. В то же время у достоверности перевода есть границы, обусловленные неповторимостью культурно-исторических контекстов и особенностями авторской личности. Опасность искажения замысла автора преследует переводчика, являясь одновременно стимулом профессионального совершенствования. Обсуждение возможностей и коммуникативной сущности перевода, заявленное в рубрике *Problema voluminis*, продолжается в дискуссии с участием практиков и теоретиков перевода в рубрике *Dialogus*.

В статье известного переводчика, профессора Университета Буэнос-Айреса *Омара Лобоса* (Буэнос-Айрес, Аргентина) анализируются творческие установки переводчиков, берущих за основу при стихотворном переводе традиции западноевропейского стиха. На примерах собственных переводов русских стихов на испанский язык автор сближает ритмические модели разноязычных культур и показывает продуктивность такой работы. Сопоставительный анализ разных переводческих стратегий, использованных при передаче пятистопного ямба поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», и размышления об этих стратегиях представлены в статье *Владислава Бортникова* (Екатеринбург, Россия). Автор вводит понятие ритмического равенства перевода и оригинала – эквиритмии – и показывает различную степень приближения к нему в переводах разного времени, а также анализирует разные представления о важности определенного компонента, передающего поэтическую оригинальность Мильтона. Статья *Ольги Турышевой* (Екатеринбург, Россия) – пример возможностей специалиста на основании крайне лапидарного исследовательского материала сделать достоверные выводы о самобытности философии писателя. Это касается такого сложного творца, как Ф. Кафка. Рассматривая перевод одной фразы из новеллы «Превращение», исследователь показывает, насколько точная передача смысла при переводе может быть связана с общими представлениями о рациональном и интуитивном способах восприятия искусства и насколько кафкианское истолкование этого феномена может быть подвержено редукции/инверсии в процессе перевода.

Второй проблемой является прагматика иностранного языка в истории русской дипломатии XVIII в. Решительный выход России в пространство европейской дипломатической работы, организация широкой сети международных связей происходили в том числе благодаря пониманию конкретными людьми своего долга и их таланту. Обращение к архивным источникам позволяет проникнуть не только в официально признанные результаты сотрудничества, но увидеть, как владение разными языками оптимизировало коммуникацию между странами.

Подробное описание этапов приобщения к немецкому языку в целях укрепления дипломатических контактов России и Швеции в Петровскую эпоху дает *Яна Ларина* (Москва, Россия). Исследователь тонко отмечает наличие в этом процессе символической функции, когда документ, востребованный в дипломатической практике, имел дополнительный символический подтекст утверждения силы или доминирования мнения определенной стороны, будучи представленным на национальном языке. Эти же документы демонстрируют установку российской дипломатии на поиски компромисса в данном вопросе. О роли личных усилий князя Ивана Щербатова в освоении европейских языков для осуществления переговоров и соблюдения международного этикета в переписке, что вело к достойному включению России петровского времени в систему дипломатии, повествует *Владислав Ржеуцкий* (Париж, Франция). Архивные документы свидетельствуют

об использовании родного дипломату языка для подчеркивания в личной переписке национальной идентичности, в отличие от языка рабочих документов. *Эрнест Зицер* (Дарем, Северная Каролина, США) на основе исследования биографии князя Бориса Куракина высказывает мнение о том, что именно уровень владения французским языком стал первой ступенькой в карьерной лестнице дипломата. Изучение языка происходило через личные контакты, переписку и во время путешествий. Владение несколькими языками-посредниками привели к достойному уровню главного дипломатического языка времени – французскому, что позволило Куракину влиться в дипломатическую элиту Европы, способствуя установлению в относительно короткое время дипломатического авторитета российского государства.

Не менее интересным представляется разговор об особенностях работы дипломатических миссий при русском дворе. Архивные документы, связанные с деятельностью римско-императорского посла в Санкт-Петербурге графа Николауса (Миклоша) Эстерхази – аристократа венгерского происхождения, показывают его блестящее владение европейскими языками. Эти знания и умения использовались им как для налаживания личных отношений при дворе государыни Елизаветы Петровны, так и для создания отчетов и донесений в Вену. *Ольга Хаванова* (Москва, Россия) приводит яркие свидетельства того, насколько Эстерхази, владевшему искусством общения на разных языках, удавалось привлечь к себе внимание придворных и императрицы. Важность языковых компетенций на дипломатической службе выявляется на основании служебной переписки Карла Густава и Иоганна Матиаса Симолиных – российских дипломатов XVIII в., выходцев из западных земель (Остзейских губерний). В статье *Марии Петровой* (Москва, Россия) произведено продуктивное сопоставление карьерных достижений братьев, имевших равнозначные старты в дипломатической карьере, но по-разному распорядившихся возможностями и языковыми талантами. Биографии братьев показывают, насколько важными для того времени были стратегия активной коммуникации с коллегами, личные контакты в различных языковых сообществах и понимание этикетных норм общения в международном контексте.

С темой переводческой деятельности связана дискуссия, материалы которой публикуются в рубрике *Dialogus* Модераторам *Ольге Сидоровой* и *Татьяне Кузнецовой* из Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия) удалось привлечь к обсуждению высокопрофессиональных переводчиков и исследователей из разных стран и переводческих школ: это *Ольга Варшавер* (Москва, Россия), *Елена Петрова* (Санкт-Петербург, Россия), *Карен Хьюитт* (Оксфорд, Великобритания), *Алехандро Гонсалес* (Буэнос-Айрес, Аргентина). Участники обсудили современные тенденции переводческой деятельности, высказали различные мнения относительно критериев качества перевода и личной ответственности акторов, а также о роли переводчика в мировой культуре.

Новые повороты в обсуждении условий формирования и пролонгирования исторической памяти, соотношения с национальной идентичностью представлены в материалах ряда исследователей из разных научных центров.

Модернизацию в трактовке идей Владимира Стасова, касающихся понятия «русский стиль» в искусстве 1860–1880-х гг., предлагает *Илья Печёнкин* (Москва, Россия). По его мнению, советская интерпретация теории Стасова как выражение народной потребности в самоидентификации – не что иное, как «культурное воображение» теоретика, в реальности же перед нами предстает проявление официального имперского национализма, приверженцем которого был Стасов, который вполне соотносился в его сознании с пониманием социального прогресса и интересов народа.

Тема исторической памяти в связи с личностной идентичностью рассмотрена в статье *Юлии Зевако* (Екатеринбург, Россия). Взяв за основу конкурирующие дискурсы советской истории, а именно – память о победителях и о величии Отечественной войны, с одной стороны, и переживание трагедий репрессированных – с другой, автор на материале нескольких интервью ставит трудные вопросы о критериях сохранения в памяти по-разному эмоционально и идеологически окрашенных событий. Исследователь связывает процессы сохранения или исключения из памяти определенных реалий жизни в первую очередь с личностной готовностью информантов к оценке семейной истории.

Исключению из памяти могут способствовать установки самих собирателей устного материала, продиктованные идеологическими соображениями. В этом ракурсе фольклорный архив Уральского федерального университета впервые анализируется *Татьяной Хоруженко* (Екатеринбург, Россия). Сопоставление архивного материала и методических рекомендаций по его сбору позволяет обозначить лакуны, возникшие по субъективным обстоятельствам. Организация логики опроса и внимание собирателей к одним темам, пренебрежение другими, по мнению исследователя, задают коммуникативный контекст, влияющий на носителя фольклора, что и следует учитывать при создании жанрово-мотивной карты активного бытования текстов.

О современных направлениях в осмыслении исторического прошлого в художественной прозе размышляет *Татьяна Бреева* (Казань, Россия). Эпатажный роман Юрия Буйды «Пятое царство» опирается на тенденцию мировой литературы к интерпретации истории как ключа к пониманию современности и к разрушению исторических мифов. Тем самым достигается эффект амбивалентного свойства, когда преодоление исторической мифологии – не цель, а способ познания иронического модуса современности. К памяти об эпохе рок-музыки и ее социокультурной роли в позднесоветском Ленинграде обращается в своей статье *Александра Колесник* (Москва, Россия). На основании интервью с участниками рок-клубов о личной причастности к музыкальной культуре, а также анализа современного туристического

интереса к памятным местам автор делает вывод о процессе осознания этих страниц в отечественной культуре как существенном наследии не только в эстетическом, но и в философско-бытийном аспектах.

Публикуемым источником в этом выпуске стали неизвестные тексты молитв из пергаменной рукописи середины XIV в. (РГАДА. Типографское собрание. № 28). Уникальные тексты, наполненные живыми чувствами создателей, подготовлены к печати Антоном Щепёткиным (Екатеринбург, Россия) и сопровождаются его же научным комментарием.

В рубрике *Disputatio* соединились исследования творческих интенций конца XVII – начала XVIII в. – времени завершения русского Средневековья и начала изменений в культуре Нового времени. Обращение к античности, считает Светлана Севастьянова (Новосибирск, Россия), можно оценить как способ приобщения к основам светской европейской культуры. Подобный поворот предпринял в начале 1667 г. митрополит Газский Паисий Лигарид в «Книге о соборе». В посвящении русскому царю писатель активно использовал античные образы, раскрывая темы назначения истории и достоинства правителя. Современный полный перевод книги Лигарида позволяет существенно углубить научные представления о путях освоения европейского культурного текста.

Часть историко-культурного наследия составляют незавершенные по каким-то причинам артефакты. С подобными текстами проповедей Стефана Яворского, дошедшими до нас в автографах, работает Алексей Попович (Екатеринбург, Россия). Исследователь расшифровывает рукописи проповедника, выявляет исторические и жизненные обстоятельства, заставившие автора, сделавшего отметку «non dictum», отложить произнесение поучений. В научный оборот вводится новая информация о политических взглядах интеллектуала переходного времени и его художественных предпочтениях⁵.

Незавершенный роман Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» не случайно привлек внимание Газинура Гиздатов (Алматы, Казахстан). Восточная тема начинает все глубже входить в мировую гуманитаристику, заставляя обращаться к ее талантливому освоению в русской литературе предшествующей эпохи. Время создания уникального текста относится к сердцевине XX в. (1939–1950). При знакомстве с ним поражает не только художественное совершенство, но и «несвоевременная» свобода автора, играющего с эпохами, отсылающего читателя к произведениям мировой литературы, а также новаторские модернистские приемы его поэтики, что уже было отмечено на страницах журнала [см.: Казарновский].

Незавершенными не только по экономическим, но и вследствие слабой организации, отсутствия специалистов и неудачного планирования оказались некоторые проекты индустриализации советской до-

⁵ Характеристика особенностей этого периода как обзорного [см.: Кошелева], так и конкретно-фактологического плана [см.: Waugh, 2023a; Waugh, 2023b] неоднократно давалась на страницах журнала, будучи связанной с историческими катаклизмами и проявленной в художественной трансформации литературы.

военной России. История многолетних неудач при возведении гиганта уральского машиностроения – Уралхиммаша представлена в статье *Александра Думчикова и Ксении Пименовой* (Екатеринбург, Россия). Прекращение строительства всячески нивелировалось, тогда как неоднократные его возобновления, провозглашенные с пафосом успеха, становились очередным лозунгом движения вперед, превращаясь в фактор мобилизации усилий и терпеливого ожидания населением обещанного улучшения жизни. Утопический дискурс «сработал» при планировании эвакуации заводов из центра России, когда Урал стал площадкой, на которой в начале Великой Отечественной войны было развернуто военное производство.

Тема существования внутри России объединений населения с иной культурой и языком (с гражданством и без него) – диаспор – поднята в статье *Андрея Авдашкина* (Екатеринбург, Россия). В поле его внимания оказались представители киргизской диаспоры, проживающие в ряде городов на востоке России. На основании интервью с ними автор выявляет взгляды мигрантов на жизненное неблагополучие людей в диаспорах. Безразличие собственного правительства, пренебрежение к мигрантам официальных структур, разобщенность и нечеловеческие условия труда – все это порождает у людей негативные психологические состояния. А желание вернуться на историческую родину вступает в противоречие с осознанием жизненной бесперспективности такого движения⁶.

Завершающая рубрика *Controversiae et recensione* представлена двумя перекликающимися между собой критическими статьями. В первой, принадлежащей перу *Вероники Высоковой и Михаила Киселева* (Екатеринбург, Россия), на основе критического анализа книги венгерского русиста Э. Шашхалми (*Endre Sashalmi*) рассматриваются представления о власти и государстве с XV по XVIII в. Отдавая должное труду автора, рецензенты находят немало противоречий в применении компаративного подхода, приводящего к весьма далеким параллелям и некорректному пониманию феномена российской политической культуры. Критический обзор *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия) касается монографии американского ученого Д. Скарборо (*Daniel Scarborough*), посвященной истории русского православного духовенства в поздней имперский период. Автор труда, по мнению рецензента, выбирает нетривиальный подход, обозревая деятельность церкви в сфере взаимопомощи и благотворительности, привлечения мирян из церковной общины к задаче материального обеспечения и строительства храмов. По мнению американского историка, это отчасти способствовало сохранению храмов в условиях дальнейшего большевистского преследования.

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

⁶ Тема диаспоры более подробно будет развернута в одном из номеров 2024 г.

Библиографические ссылки

Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки») // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : [в 3 т.]. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1893–1912.

Waugh D. C. The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023a. Vol. 11, № 2. P. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Waugh D. C. The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2 // *Quaestio Rossica*. 2023b. Vol. 11, № 3. P. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.

References

Kazarnovsky, P. (2019). *Telesnye i prostranstvennye anomalii kak otrazhenie vseobshchego raspada (roman Pavla Zal'tsmana "Shchenki")* [Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman's *Puppies*)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Kosheleva, O. (2018). *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Rossii predpetrovskogo vremeni: novye aspekty* [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Sreznevskii, I. I. (1893–1912). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam v 3 t.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Works. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Waugh, D. C. (2023a) The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 2, pp. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Waugh, D. C. (2023b). The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 2. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 3, pp. 967–992. DOI 10.15826/qr.2023.3.829.

Problema voluminis

TRANSLATION: COMPREHENDING THE IDEA AND SEARCHING FOR FORM
THE LANGUAGES OF RUSSIAN DIPLOMACY IN THE EIGHTEENTH CENTURY
BETWEEN HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY

Problema voluminis

ПЕРЕВОД: ПОСТИЖЕНИЕ ЗАМЫСЛА И ПОИСК ФОРМЫ
ЯЗЫКИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА
МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

TRANSLATION: COMPREHENDING THE IDEA AND SEARCHING FOR FORM

DOI 10.15826/qr.2023.4.839

УДК 801.66 + 801.631 + 821.134.2-1 + 821.161.1-1

Концепции перевода русской поэзии в западной культуре*

Омар Лобос

Университет Буэнос-Айреса,
Буэнос-Айрес, Аргентина

Concepts of Translation of Russian Poetry in Western Culture

Omar Lobos

University of Buenos Aires,
Buenos Aires, Argentina

This article compares the peculiarities of Western and Russian versification and then considers the aspects to observe when translating Russian poems. While the Western tradition continues to be dominated by the distinction between form and content, Russian poetry does not share this binary logic, as both concepts are inextricably linked. Whereas in the West, poetry has become individualised, “mute”, and mostly “written”, Russian verse has not lost its “communicative” character and is therefore highly phonetic. Given this fact, it is possible to identify some Spanish-language examples that bring the two traditions closer together and can serve as rhythmic models for a more identical translation of Russian verse. The author uses his own experience as a translator of Russian-language poems.

Keywords: verse system, verse meter, rhyme, Spanish poetry, Russian poetry

В статье противопоставляются особенности западного и русского стихосложения, а также рассматриваются аспекты, которые следует соблюдать при переводе русских стихов. Показано, что

* *Citation:* Lobos, O. (2023). Concepts of Translation of Russian Poetry in Western Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1153–1165. DOI 10.15826/qr.2023.4.839.

Цитирование: Lobos O. Concepts of Translation of Russian Poetry in Western Culture // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1153–1165. DOI 10.15826/qr.2023.4.839 / Лобос О. Концепции перевода русской поэзии в западной культуре // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1153–1165. DOI 10.15826/qr.2023.4.839.

если в западной традиции продолжает доминировать различие между формой и содержанием, то русская поэзия не разделяет этой бинарной логики, в ней оба понятия неразрывно связаны между собой. И если на Западе поэзия стала индивидуалистичной, «немой» и преимущественно «написанной», то русский стих не утратил своего коммуникативного характера, а, следовательно, и своего музыкального звучания. Исходя из этого автор считает возможным выявить некоторые испаноязычные примеры, сближающие обе традиции и способные послужить ритмическими моделями для более идентичного перевода русского поэтического текста. Автор использует собственный опыт переводчика русскоязычных стихов.

Ключевые слова: система стихосложения, стихотворный размер, рифма, испанская поэзия, русская поэзия

Очень часто то, что мы называем формальными аспектами поэзии, в западном культурном своде представлений сводится к размеру и рифме. В западной переводческой традиции при переводе стихов эти элементы обычно игнорируются в пользу смысла в соответствии со знаменитой западной бинарностью формы и содержания. Это то, что французский специалист по переводу Антуан Берман называет в высшей степени платоновской особенностью западного перевода: привилегия универсального (значения) над частным (формой), характеристика, которую можно проследить от творчества святого Иеронима [Berman, p. 32, etc.]. Но даже если это предпочтение не будет полностью принято, бинарная концепция сама по себе может сделать задачу перевода стихов амбивалентной, когда переводчик сталкивается с дилеммой: придерживаться того, *что* сказано в стихотворении, или того, *как* это сказано. Наш тезис заключается в том, что эта дилемма обманчива и вредна, если вы действительно хотите перевести *стихотворение*. Достаточно учесть, что в нашем западном стихосложении такой стих, как одиннадцатисложный, рождается из потребности иметь адекватный размер, чтобы «крутить мысли», с уменьшенной до минимума цезурой между полустихиями [Madrid Cobos], то есть это стих, в котором форма и содержание неразрывно слиты друг с другом.

Размышление об этих аспектах становится центральным при принятии на себя ответственности за перевод стихотворения, особенно когда культура, подлежащая переводу, не склонна различать бинарность формы и содержания. Поэтому для начала мы попробуем совершить путешествие, чтобы выделить те аспекты, которые сформировали то, что обобщенно называется поэзией. И здесь первая проблема, которая кажется нам центральной, это концепция стиха как ее единицы.

Если обратиться к классическому стиху (а здесь надо уточнить, что вся древняя европейская литература писалась стихами – это касает-

ся и эпоса, и драмы, и лирики), то его главными составляющими являются ударение и число слогов, но в последнем пункте необходимо учитывать, что слоги (то есть гласные) имели определенную длительность (особенность, которая не сохранилась ни в современном греческом, ни в романских вариантах латыни). Отсюда и возникло понятие стихотворного размера, позволяющее систематизировать множество и разнообразий сочетаний долгих и кратких слогов. Так, у Катулла:

Vivāmūs mēā Lēsbia, ātque āmēmūs,	Sōlēs ōccidēre ēt rēdirē pōssunt:
rūmōrēsquē sēnūm sēvērīōrūm	nōbīs cūm sēmēl ōccidīt brēvis lūx,
ōmnēs ūnūs āēstīmēmūs āssis!	nox est perpetua ūna dormienda.

В современных языках, не различающих длительность гласных, сочетание долгого и короткого заменено сочетанием ударных и безударных. Таким образом, классические стихотворные размеры, такие как ямб или анапест, которые представляли собой комбинацию короткого слога и долгого слога в первом (⏏) и двух коротких слогов плюс долгий во втором (⏏⏏), могли быть преобразованы в комбинации «безударный слог плюс ударный слог» и «два безударных слога плюс ударный слог» соответственно. Из этих стихотворных размеров ямбу повезло больше всего: пятистопный ямб лежит в основе самого престижного современного стиха на Западе – одиннадцатисложного (точно так же, как четырехстопный ямб более всего распространен в классическом русском стихе).

Что же касается рифмы (особенно финальной), то она не имела большого значения в античной классической поэзии. Ее использование на Западе получило распространение в Средневековье, возможно, как мнемоническое подкрепление в устной поэзии (эпических песнях, романсах и народных песнях). Она применялась в авторской поэзии позднего Средневековья, преимущественно в итальянской лирике, в творчестве сначала Данте Алигьери, а затем Франческо Петрарки. В случае первого вся *Божественная комедия* написана одиннадцатисложными трехстишиями со сцепленными рифмами (АБА – БВБ – ВДВ – ДЕД и т. д.), это так называемое сцепленное трехстишие (*terza rima* или *terzina incatenata*):

Nel mezzo del cammin di nostra vita	Ahi quanto a dir qual era è cosa dura
mi ritrovai per una selva oscura	esta selva selvaggia e aspra e forte
ché la diritta via era smarrita.	che nel pensier rinova la paura!

Вскоре после этого великий консолидатор лирической поэзии Проторенессанса Франческо Петрарка построит свои сонеты и песни на основе этого же сцепленного трехстишия (с преобладающим ямбическим ритмом). Он же станет и великим вдохновителем для таких испанских мастеров, как Боскан и Гарсиласо [Madrid Cobos]. Общей чертой в этой традиции является то, что часто на-

чало стиха выглядит прозаическим, и лишь позднее ямбический ритм набирает силу.

Рассмотрим зарождение современной русской поэзии. Западные реформы царя Петра Великого подразумевали также автономизацию литературной сферы, до этого находившейся в ведении Церкви и Славяно-греко-латинской академии (1687). Это означало, что первые авторы (в современном смысле) также (или прежде всего) должны были отвечать за придание концептуальной сущности литературе, делать видимой проблему литературного языка и стремиться к тому, чтобы найти модели, к которым отнести этот язык. Так было с Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703–1769), Михаилом Васильевичем Ломоносовым (1711–1765) и Александром Петровичем Сумароковым (1717–1777).

Тредиаковский был первым, кто поставил вопрос о необходимости установления норм языка, особенно для целей его литературного использования. Примером для него были французские аристократические теории, поскольку он изучал математику и философию в Сорбонне. Тредиаковский написал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), в котором ввел понятие тоничности (до этого в России господствовал силлабический стих на польский манер, введенный в предыдущем веке основателем Славяно-греко-латинской академии Симеоном Полоцким). Слого-тоническое стихосложение тогда начало приобретать целостность, то есть сложилось в такую систему, при которой соблюдается не только правило равенства числа слогов, но и система расстановки ударений (стоп). В связи с этим Тредиаковский будет выступать сторонником хорея (_ ∪) как наиболее подходящего размера для сложения стихов на русском языке, а стихи, написанные ямбом, будет отвергать как плохие.

Эта первая законодательная попытка будет завершена Ломоносовым. А почти 20 лет спустя Тредиаковский напишет еще один трактат – «Способ к сложению российских стихов», в котором подтвердит некоторые из его первых положений, уступая в других в пользу критики и поэтических достижений, уже узаконенных на практике Ломоносовым и Сумароковым [Frate].

Что же касается Ломоносова, придирчивого читателя Тредиаковского, то свои размышления по поводу русского стихосложения он выразил в «Письме о правилах российского стихотворства», написанном в Германии в 1739 г. и адресованном членам Российского собрания, действовавшего в сфере Академии наук. В письме, опубликованном уже после его смерти, Ломоносов окончательно заложил основы русского стиха, сопроводив его в качестве подтверждения собственной теории «Одой на взятие Хотина», первым русским произведением, написанным четырехстопным ямбом и предопределившим развитие все последующей русской поэзии (вплоть до наших дней). По этому поводу поэт Владислав Ходасевич через два столетия

напишет, что «первый звук Хотинской оды / Нам первым криком жизни стал» (1938) [Ходасевич, с. 183]¹.

В принципе Ломоносов отвергает силлабический стих, принятый в России под французским и польским влиянием, который «никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может» [Ломоносов, с. 149]. Русский язык, утверждает он, обладает пластичностью и широтой, позволяющими без раболепия перенимать любой литературный жанр и любую метрику, так что «российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить»:

Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя [Там же].

Нельзя довольствоваться только рифмой, утверждает Ломоносов, когда идет речь о придании стиху целостности. Вот почему он придает такое большое значение понятию стихотворного размера, продолжая достижения Тредиаковского, который, как было сказано, получив образование во Франции, пошел на уступки силлабическому стиху.

За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят [Там же, с. 150].

Но Ломоносов решил вопрос и в пользу рифмы, и в пользу чередования женских рифм (ударение на предпоследний слог стиха) и мужских (ударение на последний слог), тогда как Тредиаковский отвергал использование мужских рифм в конце стиха (он допускал их применение только в конце первого полустишия).

Окончательное утверждение позиций четырехстопного ямба и женских и мужских рифм будет за подлинными поэтами, которых дала Русская земля: это Гаврила Романович Державин (1743–1816) и Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837), использовавшие этот стихотворный размер почти во всех своих произведениях. С этого момента пушкинское «солнце» станет каноническим в плане стихосложения, как и во всех других видах новой литературы.

Уже в XX в. о стихе задумывались и поэты-авангардисты, декларирующие разрыв с классической традицией. Что касается Владимира Маяковского, то он заявил в своей знаменитой статье «Как делать стихи?» о своем пристрастии к рифме как великой опоре, так как «без рифмы (понимая рифму широко) стих рассыплется. Рифма возвра-

¹ «Восторг внезапный ум пленил...» (Ломоносов).

щает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держать вместе» [Маяковский, т. 2, с. 686]. Чтобы оценить значение, которое Маяковский придавал рифме (рифмы в конце стиха, рифмы в начале стиха, рифмы конца стиха с началом следующего и т. д.), достаточно обратиться к его усилиям по работе над стихотворением, написанным на смерть Сергея Есенина. Маяковский считает необходимым иметь целый запас оригинальных рифм, потому что в них может быть скрыт ключ к поэтической силе стиха («Улавливаемая, но еще не уловленная за хвост рифма отравляет существование: разговариваешь, не понимая, ешь, не разбирая, и не будешь спать, почти видя летающую перед глазами рифму» [Там же, с. 674]).

По поводу «метров» (то есть стихотворных размеров) Маяковский заявляет, что не знает ни одного из них:

Я не знаю ни ямбов, ни хореев, никогда не различал их и различать не буду. Не потому, что это трудное дело, а потому, что мне в моей поэтической работе никогда с этими штуками не приходилось иметь дело. А если отрывки таковых метров и встречались, то это просто записанное по слуху... [Там же, с. 669].

Действительно, среди его произведений мы можем найти примеры, написанные четким ямбом, как в случае с «Необычайным приключением, бывшим с Владимиром Маяковским летом на даче»:

В сто сорок солнц закат *пылал*,
в июль катилось **лето**,
была жара,
жара *плыла* —
на даче было **это**
[Маяковский, т. 1, с. 120].

Что же тогда есть стих для Маяковского? Что придает ему внутреннюю организованность? Сколько бы строк ни насчитывалось в стихотворениях Маяковского, его сложные рифмы аккуратно организуют разрозненные четверостишия (иногда с вполне регулярной метрикой – десятисложные, одиннадцатисложные, двенадцатисложные) по схеме типа АБАБ: это вышеупомянутое стихотворение «Сергею Есенину», а также поэма «Облако в штанах», стихотворения «Хорошее отношение к лошадям», «Лиличка!», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» и т. д. Что касается стиха, то для него основной силой, организующей его энергию, является ритм. Именно поэтому он скажет, что первое, что возникает у него в голове при работе над стихотворением, это какое-то напевание (заметим, например, что первая строка стихотворения «Сергею Есенину» стала звучать так: «Та-ра-ра / ра-ра / ра-ра-ра-ра, / ра-ра»), и на этот ритм впоследствии стали накладываться слова («Вы ушли ра-ра-ра-ра-ра в мир иной»):

Размер получается у меня в результате покрытия этого ритмического гула словами, словами, выдвигаемыми целевой установкой (все время спрашиваешь себя: а то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется? И т. д.), словами, контролируруемыми высшим тактом, способностями, талантом [Маяковский, т. 2, с. 683].

Юрий Тынянов в своей статье «Ритм как конструктивный фактор стиха» за два года до этого дал теоретическое оформление тому, о чем говорил Маяковский, подчеркнув *функциональную роль ритма в стихотворении*. Он указал на то, что определяющими факторами здесь являются *единство стихотворного ряда* и вытекающая из него *теснота* (особый тип динамизации речевого материала, точнее, слова, определяемый единством и компактностью), а также *суггестивность речевого материала* стиха, поскольку динамизацию следует понимать как *соотнесение по позиции* [Тынянов].

Здесь можно добавить неперенные составляющие русской поэзии, а именно ее интонацию и ритм (близкий к пению, к декламации священных текстов, то, что в западной поэзии сегодня воспринимается как устаревшая черта), присущие и древнегреческим стихам, которые либо декламировались, либо распевались (и в эпосе, и в лирике, и в драме). Вот как об этом пишет современная русская поэтесса Ольга Аникина:

Читая в Буэнос-Айресе свои стихи и слушая, как выступает мой друг и коллега Дмитрий Легеза, я, наверное, впервые в жизни обратила внимание на то, какой эффект производит декламация силлабо-тонического русского стихотворения на слушателей, привыкших к верлибру. Русское силлабо-тоническое стихотворение создает в зале иллюзию раскачивающегося колокола, плывущей волны. Не всегда улавливая смысл (не зная русского языка), зал сначала эмоционально воспринимает звук фонетически гармонизированного рифмованного текста, интуитивно настраиваясь на его ритмическую волну, – и для такого текста смысловой перевод-подстрочник зачастую является дополнительным вспомогательным элементом [Аникина].

Точно так же, как авангардистам в свое время не удалось порвать с канонической поэзией, так и последующие попытки многих русских поэтов «научиться» писать свободным стихом на западный манер, предпринимающиеся, кстати, до сих пор, были затруднены бременем этой традиции, такой близкой к сфере музыки, которой они и по сей день сохраняют «роковую» верность. Это «ораторский» вид русского стиха, который требует глубокой выразительной коммуникативности, в то время как в нашей западной культуре интимное, молчаливое чтение сделало нашу поэзию плоской, по существу, *написанной*. Аникина заключает:

Возможно, именно исторически сложившаяся форма, идеально соответствующая фонетике русского языка, и является нашей уникальной особенностью, нашей силой, от которой русские поэты с таким упорством пытаются избавиться. Именно она интересна нашим читателям в Европе, Америке, Канаде, а не наши попытки примерить чужой фрак [Аникина].

Этот предыдущий обзор имел целью отразить историческую особенность русского стиха ввиду необходимости принять эти аспекты в переводе и избавиться от идеи, что форма — это лишь «благотворная обложка» (*“fermosa sobertura”*), по известному выражению маркиза де Сантильяны. Конечно, здесь следует винить западную бинарную логическую мысль («тело – душа», «дух – материя», «разум – вера» и т. д.). Анри Мешонник, переводчик, переводолог и поэт, сын русских евреев и переводчик Библии на французский язык, предпочитает со своей стороны винить господствующую лингвистическую теорию сосюрровского штампа, которая возвела на трон языковой знак как центральный элемент, но элемент по преимуществу *прерывистый*.

Если для того, чтобы перевести стихотворение, переводится форма, то переводится не стихотворение, а нечто, представляющее собой поэзию, но лингвистически и поэтически ложное: лингвистически – потому что переведенные единицы являются единицами языка; поэтически – потому что стихотворение есть нечто иное, чем форма и содержание. Поэтической единицей является стихотворение, а не содержащиеся в нем лингвистические единицы [Meschonnic, p. 31]².

В этом смысле свойственный стихотворению *континуум* он, наверняка читавший Тынянова, находит в ритме, понимаемом как «организация движения слова в языке» [Ibid., p. 55], как *вслушивание* в связи «между ритмом, синтаксисом и просодией, проходящие через все слова» [Ibid., p. 113]. Таким образом, переводчик должен переводить то, что стихотворение *творит*, а не то, о чем в нем *говорится*:

Потому что переводится не язык, а то, что стихотворение делает своим языком; следовательно, необходимо изобрести эквиваленты дискурса в изучаемом языке: просодия – для просодии, метафора – для метафоры, каламбур – для каламбура, ритм – для ритма [Ibid., p. 60].

Конечно, некоторые понятия выходят за пределы языкового знака: это тело, голос (*устность* голоса, как говорит Мешонник), акценты. Тут имеет место встреча поэзии и театра, которая помещает переводчика в абсолютно другую перспективу.

С учетом этих соображений можно задаться вопросом: если русская поэзия в высшей степени *фонетична* и мы как переводчики

² Здесь и далее переводы цитат и стихов принадлежат автору статьи.

готовы отдать ей должное, то какие же трудности могут возникнуть при переводе ямбов и анапестов, составляющих основу русского стиха? Никаких. Тем более что в кастильской поэтической традиции с ними начиная с эпохи Возрождения работали великие поэты. Ямб использовался Гарсиласо, а также мистиками, и Кеведо и Гонгорой. Правда, часто, начиная стихи хореем, поэты затем переходили на ямб, чтобы «закрепить» одиннадцатисложный стих, что уже имело место в итальянской традиции. Тому можно найти множество примеров:

Oh, dulces prendas por mi mal halladas
dulces y alegres cuando Dios quería
 (Гарсиласо).

En una noche oscura,
 con ansias, en amores inflamada
 ¡oh dichosa ventura!
salí sin ser notada
estando ya mi casa sosegada
 (Хуан де ла Крус).

El aire se serena
 y viste de hermosura y luz no usada,
Salinas, cuando suena
 la música estremada
 por vuestra sabia mano gobernada
 (Луис де Леон).

Столетие спустя мы находим строгие ямбы у Кеведо:

Miré los muros de la patria mía
 si un tiempo fuertes hoy desmoronados...

И менее строгие – у него и у Гонгоры:

Cerrar podrá mis ojos la postrera
sombra que me llevare el blanco día...
 (Кеведо).

Mientras por competir con tu cabello,
 oro bruñido, el sol relumbra en vano;
 mientras con menosprecio en medio el llano
 mira a tu blanca frente el lirio bello
 (Гонгора).

Ближе к нашей эпохе ямб поддерживает александрийский стих Антонио Мачадо:

Mi infancia son recuerdos de un patio de Sevilla
y un huerto claro donde madura el limonero.

Более ярко он представлен в поэзии Рубена Дарио:

Yo soy aquel que ayer nomás decía
el verso azul y la canción profana.

Итак, у нас есть «ритмическая память» о ямбе, хорошо заложенная в нашем теле, и с древних времен это означает, что это стихотворный размер, который прекрасно вмещает наш язык. Это означает, что мы можем – перефразируя Мешонника – переводить, среди прочего, ямб ямбом:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влячился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился
(А. Пушкин. «Пророк»).

De sed espiritual transido,
Por un desierto oscuro erraba,
y un seisalado serafín
saliome en una encrucijada
(A. Pushkin. “El profeta”).

Правда, девятисложный стих может оказаться слишком коротким для наших романских языков, богатых артиклями и предложениями. Но в качестве положительного аналога мы узаконили синалефу, то есть слияние гласных на стыке слов в один слог, из-за нашей атавистической тенденции к синерезису. Русская поэзия, в свою очередь, сопротивляется синалефе, каждая гласная в ней заключена в пределах своего слога и не соединяется «естественно» со следующей, сохраняя паузу. Итак, у нас есть запасы для «восстановления» слогов.

Среди достижений Рубена Дарио, великого Рубена Дарио – то, что он спас, испытал и адаптировал в своей поэзии многие другие классические размеры, даже «невозможный» дактилический гекзаметр гомеровского эпоса:

Ínclitas razas ubérrimas, sangre de Hispania fecunda...
Únanse, brillen, secúndense tantos vigores dispersos...

Анапестический одиннадцатисложный стих знаменитого стихотворения

Juventud, divino tesoro,
¡ya te vas para no volver!
Cuando quiero llorar no lloro
y a veces lloro sin querer...

– как в «Рифме VII» Густаво Адольфо Бекера:

Del salón en el ángulo oscuro,
de su dueña tal vez olvidada,
silenciosa y cubierta de polvo,
veíase el arpa.

Здесь мы видим то же ритмическое биение сердца, как в стихотворении Анны Ахматовой, перевод которого мы предлагаем:

Смуглый отрок бродил по аллеям,	Paseaba un <u>púber</u> moreno
У озерных грустил берегов,	junto al <u>lago</u> su <u>melancolía</u> ,
И столетие мы лелеем	y cien <u>años</u> guardamos con <u>celo</u>
Еле слышный шелест шагов.	ese <u>quedo rumor</u> en la <u>orilla</u> .
Иглы сосен густо и колко	Enmantelan los <u>bajos tocones</u>
Устилают низкие пни...	las <u>espesas</u> agujas de <u>pino</u> ...
Здесь лежала его треуголка	Aquí <u>cerca</u> yacía su <u>tricornio</u> ,
И растрепанный том Парни.	y un <u>deshecho</u> ejemplar de Parny.

Итамар Эвен-Зохар в книге «Полисистемы культуры» задает вопрос о том, какое участие принимает переведенная литература в принимающем языке. Здесь необходимо вспомнить, что в случае с Россией западные лингвистические и литературные модели совершили скачки туда и обратно: они там оказывали влияние, копировались, адаптировались и, наконец, присваивались, становились собственными, а затем возвращались помещенными в тот контекст, в котором они были созданы. Перевод — один из таких способов возвращения. Теперь, чтобы это стало оживляющим импульсом, его следует понимать не как простое возвращение в то место, откуда оно вышло, что соответствовало бы этноцентрическому взгляду, а скорее как обратную связь со стороны самой литературной системы и самого литературного языка. Говоря о канонической культуре и по отношению к ней — о различных формах субкультуры, Эвен-Зохар указывает, что первая, чтобы не застояться, должна терпеть угрозу вытеснения другими формами [Even-Zohar, p. 16]. По этой причине необходимо задуматься над тем, каким образом перевод может влиять на саму литературную систему, освещая новые модальности, новые возможности самого языка, а не контекста рецепции, который подавляет оригинальное произведение, навязывая свои собственные ориентиры. Именно эту «защитную» тенденцию обычно поддерживают переводы, обрекая себя тем самым на периферию в литературной системе.

С другой стороны, Эвен-Зохар утверждает, что «нет осознания того, что переводная литература может существовать как особая ли-

тературная система» [Ibid., p. 88], и, тем не менее, он считает ее «одной из наиболее активных» внутри литературной полисистемы:

Через зарубежные произведения в местную литературу привносятся некоторые черты (как принципы, так и элементы), не существовавшие ранее. Сюда, возможно, входят не только новые модели реальности, заменяющие старые и другие устоявшиеся, вышедшие из строя, но и целый ряд других особенностей, таких как новый (поэтический) язык или новые композиционные модели и приемы [Even-Zohar, p. 90].

Поэтический перевод, по Берману и Мешоннику, имеет в этом случае великолепную творческую возможность заразить нас новыми ритмами, вернуть забытые, принципиально приблизить нас к биению сердца, дыханию и голосу (мы имеем в виду голос как звучность, как устность) поэтов из других широт. Результат не гарантирован, стихотворение вполне может так и остаться «в той стороне», но всякое усилие в любом случае будет оправдано.

Библиографические ссылки

Аникина О. О верлибре, силлаботонике и не только // Литература : электрон. лит. журн. : [сайт]. 2016. 20 июня. URL: <https://litteratura.org/events/1813-olga-anikina-o-verlibre-sillabotonike-i-ne-tolko.html> (дата обращения: 03.11.2023).

Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Избр. произв. : в 2 т. М. : Наука, 1986. Т. 2. С. 146–153.

Маяковский В. В. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1987–1988.

Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л. : Academia, 1924. 140 с.

Ходасевич В. Стихотворения. СПб. : Академ. проект, 2001. 272 с.

Berman A. La traducción y la letra o el albergue de lo lejano. Buenos Aires : Dedalus, 2014. 162 p.

Even-Zohar I. Polisistemas de cultura. Tel Aviv : Universidad de Tel Aviv, 2007–2011. 228 p.

Frate R. O estabelecimento das formas poéticas na Rússia: as experiências de Trediakóvski, Kantemir e Lomonósov // *RUS* (São Paulo). 2023. Vol. 14, № 24. P. 41–62. DOI 10.11606/issn.2317-4765.rus.2023.210039.

Madrid Cobos E. Petrarca y los orígenes del soneto // El Coloquio de los Perros. Revista de Literatura. Obtenido de : [digital journal]. 2021. URL: <https://elcoloquiodelosperros.weebly.com/articulos/petrarca-y-los-origenes-del-soneto> (accessed: 03.11.2023).

Meschonnic H. Ética y política del traducir. Buenos Aires : Leviatán, 2009. 192 p.

References

Anikina, O. (2016). O verlibre, sillabotonike i ne tol'ko [About Free Verse, Accentual-Syllabic Verse, and More]. In *Litteratura. Elektronnyi literaturnyi zhurnal* [website]. June 20. URL: <https://litteratura.org/events/1813-olga-anikina-o-verlibre-sillabotonike-i-ne-tolko.html> (accessed: 03.11.2023).

Berman, A. (2014). *La traducción y la letra o el albergue de lo lejano*. Buenos Aires, Dedalus. 162 p.

Even-Zohar, I. (2007–2011). *Polisistemas de cultura*. Tel Aviv, Universidad de Tel Aviv. 228 p.

Frate, R. (2023). O estabelecimento das formas poéticas na Rússia: as experiências de Trediakóvski, Kantemir e Lomonósov. In *RUS* (São Paulo). Vol. 14. No. 24, pp. 41–62.

DOI 10.11606/issn.2317-4765.rus.2023.210039.

Khodasevich, V. (2001). *Stikhotvoreniya* [Poems]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 272 p.

Lomonosov, M. V. (1986). Pis'mo o pravilakh rossiiskogo stikhotvorstva [Letter on the Rules of Russian Poetry]. In Lomonosov, M. V. *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* Moscow, Nauka. Vol. 2, pp. 146–153.

Madrid Cobos, E. (2021). Petrarca y los orígenes del soneto. In *El Coloquio de los Perros. Revista de Literatura. Obtenido de* [digital journal]. URL: <https://elcoloquiodelosperros.weebly.com/artiacuteculos/petrarca-y-los-origenes-del-soneto> (accessed: 03.11.2023).

Mayakovsky, V. V. (1987–1988). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Pravda.

Meschonnic, H. (2009). *Ética y política del traducir*. Buenos Aires, Leviatán. 192 p.

Tynyanov, Yu. (1924). *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. Leningrad, Academia. 140 p.

The article was submitted on 15.07.2023

Пятистопный ямб Джона Мильтона в русских переводах: проблема эквиритмичности оригиналу*

Владислав Бортников

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

John Milton's Iambic Pentameter in Russian Translations: The Problem of Equirhythmic Correspondence to the Source Text

Vladislav Bortnikov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The author of this article compares two Russian poetic translations of J. Milton's *Paradise Lost* by O. Chyumina (1899) and A. Steinberg (1976). The comparison is based on the rhythmic specific features of the introduction to the poem. The article aims to identify the translators' strategies when working with the rhythmic structure of each poetic line as a peculiar case of meter (iambic pentameter) realisation. Obviously, preserving iambic pentameter does not mean making the text sound the way it does in the original in the target language. Consequently, when comparing two poetic variants of the text, it is necessary to consider the individual characteristics of each verse: pyrrhic feet, rhythmic italics, etc. The author proposes the term "equirhythmicity" for the degree of approximation to absolute rhythmic equality of the original. It is assumed that "equirhythmicity" can serve as a qualitative and quantitative characteristic of a translation and, therefore, as a basis for comparing translations. This assumption is tested with reference to the introduction to *Paradise Lost*, which occupies 26 lines in the English original and 35 (O. Chyumina) and 28 (A. Steinberg) lines in the Russian translations. This increase in text volume is not only due to the fact that Russian words are longer than those in English but also the absence of rhyme and regular stanzas and different translation strategies in general. The table of lexical correspondences

* Citation: Bortnikov, V. (2023). John Milton's Iambic Pentameter in Russian Translations: The Problem of Equirhythmic Correspondence to the Source Text. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1166–1181. DOI 10.15826/qr.2023.4.840.

Цитирование: Bortnikov V. John Milton's Iambic Pentameter in Russian Translations: The Problem of Equirhythmic Correspondence to the Source Text // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1166–1181. DOI 10.15826/qr.2023.4.840 / Бортников В. Пятистопный ямб Джона Мильтона в русских переводах: проблема эквиритмичности оригиналу // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1166–1181. DOI 10.15826/qr.2023.4.840.

proposed by the author demonstrates that O. Chyumina cares about rendering all words as fully as possible, thus not seeing any problem in syllabic inequality and, consequently, in the extension of the text. This occurs in the number of her lexical additions, which is 2.5 times higher than A. Steinberg's. On the contrary, the latter tries to compensate for the syllabic expansion using lexical omissions and choosing the shortest possible equivalents. Based on the calculated average coefficients of syllabic correspondence and qualitative equirhythmic analysis, the author draws a conclusion about a more considerable formal correspondence of Steinberg's translation to the original (as compared to Chyumina's), with minimal lexical and semantic losses. Both Russian versions come to be "equirhythmic" and reflect the corresponding trends in the history of Russian translation.

Keywords: poetic rhythm, J. Milton, *Paradise Lost*, translation strategy

Рассмотрены два стихотворных перевода поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» – О. Чюминой (1899) и А. Штейнберга (1976). Сопоставление осуществляется в проекции на ритмическую специфику вступления к поэме. Цель работы – идентификация переводческих стратегий при работе с ритмической структурой каждой стихотворной строки как частным случаем воплощения метра (пятистопного ямба). Известно, что сохранить пятистопный ямб еще не значит заставить произведение звучать на языке перевода так, как оно звучит в оригинале. Следовательно, при сопоставлении необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого стиха: пиррихии, ритмические курсивы и т. д. Степень приближения к абсолютному ритмическому равенству оригиналу (эквиритмии) предлагается обозначить термином «эквиритмичность». Выдвигается предположение о том, что эквиритмичность может служить качественно-количественной характеристикой перевода, а значит, и основанием для сопоставления двух текстов. Проверяется это предположение на вступлении к «Потерянному раю», занимающем в английском подлиннике 26 строк, а в русских переводах – 35 (О. Н. Чюмина) и 28 (А. А. Штейнберг) стихов. Обнаруженному увеличению текстового объема, следствием которого является, в частности, снижение эквиритмичности, способствует не только бо́льшая длина русских слов по сравнению с английскими, но и отсутствие рифмы и регулярных строф, и разные переводческие стратегии в целом. Таблица лексических соответствий показывает, что для О. Н. Чюминой, заботящейся о возможно полной передаче всех слов, слоговое неравенство и, как следствие, растягивание русского текста не представляется проблемой. Об этом же свидетельствует число переводческих добавлений, в 2,5 раза превышающее количество добавлений у А. А. Штейнберга. Он, наоборот, стремится компенсировать слоговое расширение объема путем лексических опущений и подбора возможно более коротких эквивалентов. В опоре на вычисленные усредненные коэффициенты слогового соответствия и качественный эквиритмический анализ делается вывод о большей близости штейнберговского перевода оригиналу сравнительно с чюминским по формальным показателям при минимальных лексико-семантических

потерях перевода 1976 г. относительно варианта 1899 г. Обе русские версии соответствуют тенденциям, доминировавшим на соответствующих этапах истории отечественного перевода, и при этом в той или иной мере эквивалентны оригиналу.

Ключевые слова: ритм в поэзии, Дж. Милтон, «Потерянный рай», переводческая стратегия

Ритм в предельно широком понимании – «временная структура любых воспринимаемых процессов; чередование соизмеримых повторяющихся явлений» [Васильева, с. 551]. Исследователи указывают, что ритмизация нашей речи так же закономерна, как биение сердца, пульс, дыхание, ходьба [Эткинд; Ритм прозы]. Типичные примеры речевой ритмизации – повторяющиеся акцентные структуры, интонационные контуры, синтаксические конструкции и др.

Особую роль ритм приобретает в поэзии, где представляет собой «второе субстанциальное начало стиха, диалектически дополняющее субстанциальность метра» [Шапир, с. 93]. Применительно к конкретной стихотворной строке, согласно М. Л. Гаспарову, это «реальное звуковое строение конкретной стихотворной строки», частный случай воплощения метра как абстрактной модели, в опоре на которую может быть создано бесконечное множество стихотворных строк [Гаспаров, 1987, с. 326]. Диалектичность ритма, отмечаемая в определении М. И. Шапира, состоит в том, что и метр, в свою очередь, может быть частным случаем воплощения ритма («Ритма с большой буквы» [Там же]) как общей упорядоченности звукового строя стихотворной речи, «способа смыслообразования в поэтическом тексте» [Шутемова, с. 157].

Передача ритма при переводе стихотворения на другой язык – сложнейшая задача. Л. Л. Нелюбин пишет: «великая миссия переводчика состоит в том, чтобы слышать биение сердца поэта, которое отдается в его стихах, суметь перенести это биение в стихи на языке своего народа и тем самым осуществить неосуществимое: перевести, не расплескав, поэзию с языка одного народа на язык другого народа» [Нелюбин, с. 162]. Важно, что «биение сердца» создается в произведении не исключительно звуковым ритмом, а «в единстве с синтаксическим и семантическим строением текста» [Гаспаров, 1987, с. 326].

В статье на основе сопоставления двух русскоязычных стихотворных вариантов вступления к поэме «Потерянный рай» поднимается проблема восприятия переводчиками индивидуального ритмического рисунка каждой отдельной строки подлинника. Выдвигается понятие *эквивитмичность* как степень, мера ритмического соответствия перевода оригиналу. Оговоримся, что в истории науки о переводе уже звучал термин *эквивитмия* – «точная передача переводчиком ритмических особенностей каждого отдельного стиха оригинала» [Словарь иностранных слов, с. 585]. Как некий абсолют эквивитмия и экви-

линеарность (равенство строк) были выдвинуты в 1920–1930-е гг. в противовес «разгульному своеволию, которое бесконтрольно царило в переводах минувшей эпохи» [Чуковский, с. 449]. Отмечая и положительные стороны такого формализма, К. Чуковский указывал на многочисленные злоупотребления новой нормой: «Какая уж тут музыкальность, какая уж тут естественность живых интонаций, какая уж тут поэтичность, если слова перевода насильственно втиснуты в такие тесные схемы, куда втиснуть их никак невозможно» (о переводах В. Д. Меркурьевой английского поэта П. Б. Шелли) [Там же, с. 318]; «чтобы соблюсти равностроиче, она [Анна Радлова] выбрасывает из Шекспира десятки эпитетов, беспощадно ломает шекспировский синтаксис, делает чуть не из каждой шекспировской фразы беспорядочную груду словесных обрубков» [Там же, с. 447] и т. д. Таковы следствия попыток абсолютного стопроцентного воспроизведения ритма и строк оригинала при переводе с английского языка на русский.

Почему же идеально «уложить» русские слова в стихотворную строку так же, как английские, не получается? Исследователи указывают, во-первых, на большую длину среднего русского слова (по результатам одного из подсчетов на выборке в 10 млн буквенных символов – примерно на 21 %, то есть более чем на 1/5 по сравнению с английским [Бойков, Жукова, Романова, с. 48]); во-вторых, на большее число словоформ, содержащих «удлиняющие» морфемы (окончания, формообразующие аффиксы), в парадигме русского словоизменения [Шувалова]; в-третьих, на разный характер синтаксических связей в обоих языках – в частности, на разные механизмы выражения падежных отношений [Скулачева]. При всех этих различиях представляется возможным говорить не об эквиритмии как абсолютном ритмическом соответствии, но об эквиритмичности как степени приближения ритма перевода к ритму оригинала. Разница между эквиритмией и эквиритмичностью аналогична разнице между содержательной точностью перевода как недостижимым абсолютом и эквивалентностью как мерой содержательного соответствия подлиннику.

Отечественная тенденция передавать подобное подобным (гекзаметр – гекзаметром, хорей – хореем) коснулась и русских стихотворных переводов поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», двум из которых (О. Н. Чюминой, 1899, и А. А. Штейнберга, 1976) посвящена данная статья. Достаточно редкий для нашей поэзии пятистопный ямб (по сравнению, например, с 4-стопным [см.: Гаспаров, 2012, с. 458]) был для Мильтона данью национальной эпической традиции и, вероятно, поэтому сохранен обоими переводчиками (в отличие, например, от Е. А. Жадовской, чей перевод 1859 г. написан как раз четырехстопным ямбом). Любопытно, что сам А. А. Штейнберг (1907–1984) когда-то ознакомился с поэмой именно в переложении О. Н. Чюминой (1864/1865–1909), ср. запись в его воспоминаниях:

Тринадцатилетним подростком прочел «Потерянный рай» в переводе О. Чюминой. Поэма произвела на меня ошеломляющее впечатление и сыграла огромную роль в формировании моего мироощущения; в дальнейшем по мере повышения уровня понимания существа поэзии и знакомства с оригиналом я осознал всю недостаточность этого перевода, его бойкого ямба и усредненного, гладкого и бесцветного языка; понял, что стихотворная информация о содержании – это еще далеко не Мильтон, что поэма должна быть не только переведена, но и пережита [Штейнберг].

Соответственно, его перевод, изданный в 1976 г. в серии «Библиотека всемирной литературы», создавался на протяжении 11 лет как своего рода рецепция перевода 1899 г.

Хотя проблема удлинения отдельных словоформ и «укладки» их в ямбическую строку решается каждым переводчиком по-своему, основных путей выхода из нее представляется два: опущение наименее значимых лексем и расширение текстового объема. Второе было бы невозможно для «строгих строфических форм» типа сонета [Орлицкий, с. 49], где выход за пределы 14 строк означает разрушение и композиции, и жанра произведения. Эпическая поэма, однако, допускает и даже подразумевает «разбухание» некоего предания, лежащего в основе сюжета, и, соответственно, разрастание собственного объема (см.: [Тетерина]). Переводчикам же при растяжении текста помогает и отсутствие рифмы. Как следствие, 798 строк оригинала «Песни первой» в переводе А. А. Штейнберга стали 946 стихами, а в переводе О. Н. Чюминой – 973. Обратим внимание, что соотношение 973 : 798 примерно равно 1,21 – тому самому показателю 21 %, различающему среднюю длину слова в русском и английском языках; при этом без опущений, как будет показано ниже, не обошлись оба переводчика.

Для установления эквивалентности выбранных для сопоставления переводов оригиналу остановимся на вступлении к поэме – первых 26 строках, после которых в издании 1674 г. следует первый абзацный отступ¹:

Of Mans First Disobedience, and the Fruit
Of that Forbidden Tree, whose mortal taste
Brought Death into the World, and all our woe,
With loss of Eden, till one greater Man
Restore us, and regain the blissful Seat,
Sing Heav'nly Muse, that on the secret top
Of Oreb, or of Sinai, didst inspire

¹ Первое издание оригинала поэмы в десяти книгах датируется 1667 г.; каноническим считается второе и последнее прижизненное издание 1674 г., «лишь слегка переработанное и дополненное» [Мильтон, 1976, с. 509], где книги 7 и 10 были разделены пополам. При цитировании в данной статье сохраняются орфография и пунктуация издания 1674 г., доступного в интернет-архивах [Paradise Lost].

That Shepherd, who first taught the chosen Seed,
 In the Beginning how the Heav'ns and Earth
 Rose out of Chaos: Or if Sion Hill
 Delight thee more, and Siloa's Brook that flow'd
 Fast by the Oracle of God; I thence
 Invoke thy aid to my adventrous Song,
 That with no middle flight intends to soar
 Above th' Aonian Mount, while it pursues
 Things unattempted yet in Prose or Rhime.
 And chiefly Thou O Spirit, that dost prefer
 Before all Temples th' upright heart and pure,
 Instruct me, for Thou know'st; Thou from the first
 Wast present, and with mighty wings outspread
 Dove-like satst brooding on the vast Abyss
 And mad'st it pregnant: What in me is dark
 Illumine, what is low raise and support;
 That to the highth of this great Argument
 I may assert th' Eternal Providence,
 And justify the wayes of God to men
 [Paradise Lost, p. 2–3].

Сюжетное наполнение вступления в общих словах таково: поэт обращается к Музе (маркер следования эпической традиции, знак подражания Гомеру и Вергилию) и Святому Духу (дань христианскому канону) с просьбой о вдохновении. Каждое обращение представляет собой отдельное предложение; весь отрывок, таким образом, состоит всего из двух предложений впечатляющего объема – 16 и 10 строк соответственно. При этом мильтоновская «Муза горная» – ... в конечном счете, возможно, Сам Бог, вдохновлявший Моисея «с вершин таинственных Синая иль Хорива», или же, как говорит поэт несколькими строками ниже, Святой Дух» [Горбунов, с. 115]; оба предложения обнаруживают значительные семантические пересечения.

В переводе О. Н. Чюминой вступление содержит уже восемь предложений и 35 строк; обращение к Святому Духу отделено от обращения к Музе отбивкой (пропуском строки):

Поведай нам, божественная муза,
 О первом послушанье человека
 И дерева запретного плode,
 Смертельный вкус которого принес
 На землю смерть и все страданья наши.
 Мы светлый рай утратили, покуда,
 Спасая мир, из смертных Величайший
 Нам не вернул блаженное жилище.

И не тобой ли, муза, на вершине
Таинственной Хорива иль Синая
Священного был Пастырь вдохновен,
Поведавший избранникам впервые
О том, как мир из хаоса восстал?
Иль, может быть, с Сионскими холмами
Тебе милей источник Силоамский,
Где чудеса Господни совершались?
Тогда тебя оттуда призываю
На помощь я к моей отважной песне,
Которая превыше Геликона
Поднимется, стремяся к высотам,
Досель стиху и прозе недоступным.

Найтием Ты вразуми меня,
О Дух Святой! Великолепным храмам
Ты чистые сердца предпочитаешь,
Ты ведаешь начало мирозданья;
Над пропастью бездонною парил,
Как голубь, Ты на крыльях распростертых
И даровал пучине плодородье.
Молю Тебя: все темное во мне
Ты просвети, все низкое возвысь
И укрепи мой дух, дабы достойно
Я справился с задачей высокой
И смертному я дал уразуметь
Величие и благость Провиденья
И оправдал Всевышнего пути
[Мильтон, 2013, с. 8–9].

Даже без специального анализа внимание в этом переводе привлекает прежде всего установка на чрезмерную пространность повествования. Каждое предложение «дотягивается» до конца строки; если какой-то компонент не влез в строку, он переносится ниже, а переводчица добавляет к нему другие слова так, чтобы целая строка оказалась заполнена. Эта особенность встраивает чюминский перевод в парадигму XIX в. в целом, когда, как отмечал К. Чуковский, переводчик мог «распоряжаться стихами... как вздумается и растягивать и кроить их по своему произволу так, чтобы из одного стиха выходило полтора или два, а порою и три и четыре. <...> И никто даже не возражал против этого, так как в ту пору это было в порядке вещей!» [Чуковский, с. 449]. Добавим, что расширение происходит и на ритмико-метрическом уровне: при сохранении 5-стопного ямба О. Н. Чюмина активно задействует возможность его расширения на один безударный слог в конце (так называемые женские клаузулы завершают 24 из 35 строк вступления, в то время как у Мильтона

все клаузулы без исключения «мужские», то есть метрическое ударение падает на последний слог в 26 строках из 26²).

Иным путем – в русле традиции уже своей эпохи – идет А. А. Штейнберг. 26 мильтоновских строк у него превращаются в 28, а «мужские» клаузулы сохраняются почти во всех случаях (только три строки из 28 – 8-я, 16-я и 19-я – заканчиваются безударным слогом). Стих приближается к мильтоновскому не только по звучанию, по упругости, но и по содержанию:

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул, —
Пой, Муза горняя! Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был тобою пастырь вдохновен,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью Неба и Земли
Из Хаоса; когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих область, – я зову
Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.

Но прежде ты, о Дух Святой! – ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца, —
Наставь меня всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя ее;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все бренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благодать Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав
[Мильтон, 1976, с. 28].

Любопытно, что Штейнберг сохранил чюминский отступ, разделяющий обращения к Музе и Святому Духу (у Мильтона в соответ-

² Это расхождение, по М. Л. Гаспарову, может отчасти объясняться «разницей языков»: «разница между господством мужских окончаний в английском стихе и равновесием мужских и женских окончаний в русском стихе объясняется только тем, что в английском языке больше односложных слов, дающих мужские окончания» [Гаспаров, 2012, с. 458].

ствующем месте абзацный отступ отсутствует). В конце вступления, наоборот, у Штейнберга отбивки (пустой строки) нет, а у Чюминой есть. Объяснить это можно, вероятно, продолжающимся и далее после 28-й строки перевода обращением к Святому Духу: *Открой сначала...* (продолжение глагольного ряда: *Наставь...* – строка 21; *Исполни... возвысь...* – строка 25).

Соотношение количества строк во вступлении – 35 : 26 у О. Н. Чюминой и 28 : 26 у А. А. Штейнберга – достаточно сильно отличается от суммарного по «Песни первой» (напомним, 973 : 798 и 946 : 798 соответственно). В переводе 1899 г. вступление объемнее мильтоновского более чем на 34,6 %, а в переводе 1976 г. – лишь на 7,7 % (показатель в 21 % находится как раз примерно посередине между этими числами). Напрашивается вывод, что расширение объема в обоих переводах происходит н е р а в н о м е р н о. Попытаемся предложить методику количественного анализа и качественной интерпретации этой неравномерности.

Количественные подсчеты меры отклонения поэтического перевода от оригинала должны учитывать разные уровни организации стиха: слоговой, словесный, собственно стиховой (деления на строки), строфический [см.: Эткинд, с. 204]. В случае с «Потерянным раем» о регулярных строфах (катренах, октавах) говорить не приходится, о соотношении количества строк сказано выше, а вот меру слогового и словесного соответствия переводов оригиналу позволяет выявить следующая таблица.

**Лексические соответствия переводов оригиналу
поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай»**

Транслатама ³ (словоформа, синтагма, фраза) в ори- гинале	Перевод О. Н. Чюми- ной	Коэффици- ент слогового соответствия в переводе О. Н. Чюминой	Перевод А. А. Штейн- берга	Коэффици- ент слогового соответствия в переводе А. А. Штейнберга
of	о	1	о	1
Mans	человека	4	–	0
First	первом	2	первом	2
Disobedience	ослушанье	1	преслуша- нье	1
and	и	1	о	1
the Fruit	плоде	1	плоде	1
of... Tree	дерева	1,5	–	0

³ Транслатама – единица, выделяемая в процессе сегментации текста при переводе его на другой язык, это «то, что переводчик стремится обнаружить и с чем он работает... то есть единица ориентирования» [Семенова, с. 140]. Транслатама может равняться одному слову, если перевод пословный (ср. *of Mans First Disobedience* → перевод Чюминой: *о первом ослушанье человека*, где *of* → *о*, *Mans* → *человека*, *First* → *первом*, *Disobedience* → *ослушанье*), а может быть и меньше (случаи транскрипции/транслитерации типа *Satan* → *Сатана*), и больше одного слова: *the Fruit of Tree* → *плод дерева*, где *the Fruit* → *плод*, *of Tree* → *дерева*), соответствовать даже целой синтагме: *one greater Man* → *из смертных Величайший*.

Окончание табл.

Транслатама ³ (словоформа, синтагма, фраза) в ори- гинале	Перевод О. Н. Чюми- ной	Коэффици- ент слогового соответствия в переводе О. Н. Чюминой	Перевод А. А. Штейн- берга	Коэффици- ент слогового соответствия в переводе А. А. Штейнберга
that	–	0	–	0
Forbidden	запретного	1,33	запретном	1
whose	которого	4	–	0
mortal	смертель- ный	1,5	пагубном	1,5
taste	вкус	1	–	0
brought	принес	2	принес	2
Death	смерть	1	смерть	1
into	на	0,5	в	0
the World	землю	1	этот мир	1,5
and	и	1	и	1
all	все	1	все	1
our	наши	2	наши	2
woe	страдания	3	невзгоды	3
with	–	0	–	0
loss	утратили	4	лишил	2
of Eden	светлый рай	1	Эдема	1
till	покуда	3	до поры когда	5
one greater Man	из смерт- ных Вели- чайший	1,75	Величай- ший Чело- век	1,75
Restore	–	0	восставил	1,5
Us	нам	1	нас	1
And	–	0	–	0
Regain	не вернул	1,5	вернул	1
the Seat	жилище	1,5	Рай	0,5
Blissful	блаженное	2	блаженный	1,5
Sing	поведай нам	4	пой	1
Heav'nly	божествен- ная	2,5	горняя	1,5
Muse	муза	2	Муза	2
Итого	–	55,08	–	39,75

Примечание. Коэффициент слогового соответствия рассчитывается как отношение количества слогов переводного соответствия к количеству слогов исходной транслатемы.

Это лишь фрагмент таблицы слоговых и лексических соответствий – в полном виде только для вступления к поэме она содержит 160 строк (по числу выделенных в процессе сопоставления транслатем). Но уже этот фрагмент при значительных совпадениях использованных переводчиками эквивалентов позволяет увидеть две разные стратегии: стремление сохранить как можно больше лексических единиц оригинала, сколько бы добавочных слогов это ни «стоило» (перевод Чюминой), и стремление компенсировать добавленные слоги, силлабически выровнять перевод относительно оригинала (перевод Штейнберга). Для 34 приведенных соответствий сумма коэффициентов составляет 55,08 и 39,75 соответственно, то есть средняя транслатема в чюминском переводе более чем в 1,5 раза длиннее оригинала, а в штейнберговском – лишь в 1,17 раза. Тот же усредненный коэффициент, рассчитанный для всех 160 транслатем вступления, показывает, что, несмотря на значительное выравнивание (примерно 1,251 у О. Н. Чюминой и 1,014 у А. А. Штейнберга), в целом стратегии остаются те же.

Таблица лексических соответствий не включает переводческие добавления. В исходном тексте слоговая длина эквивалента любого добавленного переводчиком слова равна нулю, что делает невозможным вычисление коэффициента слогового соответствия (делить на ноль нельзя). Учитывать эти случаи, однако, тоже нужно: вряд ли значительно большее расширение объема вступления в переводе 1899 г. (сравнительно с 1976 г.) объясняется лишь более длинными русскими словами. Подсчеты показывают, что в чюминском переводе всего вступления добавлены 24 слова, а в штейнберговском – только 10. Почти во всех случаях переводчики использовали прием добавления в разных местах. С некоторой вероятностью из этого следует, что почти все добавления не обусловлены смыслом и синтаксисом – например, недостаточностью контекста, необходимостью заполнения обязательной валентности и т. д., а значит, субъективны. Особенно заметен этот субъективизм у Чюминой:

And chiefly Thou O Spirit, that dost prefer
Before all Temples th' upright heart and pure...

Найтием Ты вразуми меня,
О Дух Святой! Великолепным храмам
Ты чистые сердца предпочитаешь...

Или:

What in me is dark
Illumine, what is low raise and support...

Молю Тебя: все темное во мне
Ты просвети, все низкое возвысь...

Не учитывает приведенная выше таблица лексических соответствий и комбинаторику слов внутри фразы, также создающую определенный ритм. Для сопоставления каждой отдельной синтагмы (не всегда совпадающей со стихотворной строкой из-за известной «борьбы» стиха и предложения в этом аспекте, см.: [Норман]), а также с позиции «ритмической структуры» как частного воплощения метрической модели [Красноперова, с. 3] мы осуществили качествен-

$\acute{U}$ $\overset{\cdot}{\rule{0.5cm}{0.4pt}}$ U $\overset{\cdot}{\rule{0.5cm}{0.4pt}}$...
Sing *Heav'n-* *ly* *Muse,*

$\acute{U}$ $\overset{\cdot}{\rule{0.5cm}{0.4pt}}$ U $\overset{\cdot}{\rule{0.5cm}{0.4pt}}$ U $\rule{0.5cm}{0.4pt}$
Пой, *Му-* *за* *гор-* *ня-* *я!*

Две стопы оригинала стали в переводе тремя; добавление двух слогов объясняется невозможностью передать английское *Muse* русским односложным словом и поставить в соответствие англ. *Heav'nly* русское двусложное прилагательное (в полных формах прилагательных два слога «отбирает» только окончание женского рода *-ая/-ья*; минимален из возможных, таким образом, лишь трехсложный эквивалент – *горняя*). Односложный императив *sing* передан односложным императивом *пой*, вследствие чего и на русском воссоздается спондеическая стопа. Сообразно акцентной специфике выбранных лексем (*Му́за* и *го́рняя* – у обоих слов ударение на первом слоге) Штейнберг меняет порядок слов: *Heav'nly Muse* → *Муза горняя*. Без этой трансформации получилась бы переакцентуация (**По́й, го́рняя Му́за*).

Проведенный таким образом анализ всего вступления к поэме показывает, что английский белый пятистопный ямб воссоздан в двух переводах «Потерянного рая», выбранных для сопоставления, по-разному. Размер и О. Н. Чюмина, и А. А. Штейнберг, конечно, сохранили – в этом смысле оба русских варианта «эквиметричны» оригиналу. Различной представляется работа переводчиков с ритмом каждой конкретной строки как индивидуальным воплощением метрической модели. О. Н. Чюмина делает ставку на лексически полноценное воспроизведение подлинника. Сколько бы слогов ни занимал выбранный ею эквивалент, он будет поставлен в стихотворную строку, а если нужно, то не заполненные в стихе позиции будут заполнены переводческими добавлениями либо другими растянутыми словами. Если нужно, О. Н. Чюмина идет и на повторы, которых нет у Мильтона: тавтология *смертельный – смерть*; удвоенное обращение к Музе в 1-й и 9-й строках перевода и др. Такой подход вполне соответствует традиции XIX в., отмеченной еще К. И. Чуковским. При этом нельзя назвать чюминский перевод абсолютно неэквиритмичным оригиналу: коэффициент слогового соответствия многих слов равен 1. Встречаются и ритмические соответствия целых фраз.

Перевод А. А. Штейнберга по формальным показателям ближе к английской версии поэмы: этот вариант короче перевода О. Н. Чюминой, автор выбирает более короткие эквиваленты, так что усредненный коэффициент слогового соответствия стремится к 1. При вынужденных удлинениях А. А. Штейнберг «выравнивает» перевод, применяя прием опущения (*о плоде* вместо *о плоде дерева*, *пагубном* вместо *смертельный вкус которого* и т. д.). Любопытно, что в общей

сложности потерь в «Потерянном рае» 1976 г. ненамного больше, чем в варианте 1899 г. (по нашим подсчетам, 49 и 43 транслатемы соответственно). Вступление в переводе А. А. Штейнберга длиннее, чем в мильтоновском оригинале, лишь на две строки; вероятно, соответствующие места квалифицированы переводчиком как содержательно важные и потому не подлежащие опущению.

Зафиксированный в воспоминаниях Штейнберга факт знакомства с «Потерянным раем» в переводе Чюминой, оценка будущим переводчиком чюминского языка как «гладкого и бесцветного» (см. выше) позволяют говорить о своеобразном диалоге – и даже полемике! – между сопоставляемыми вариантами поэмы. Установка Штейнберга принципиально другая: максимально сохранить не все лексемы подлинника, но смысл каждого минимального контекста, каждой фразы, синтагмы. Читатель при восприятии вступления понимает, о каком *плоде* идет речь, в опоре на соседний контекст (*О первом преслушанье, о плоде*), так что конкретизатор *дерева* оказывается не нужен. Точно так же читательская рецепция контекста обращения к Святому Духу *Возвысь всё бренное во мне* не становится менее полноценной от опущения второго сказуемого *support – поддержи* (глагол *возвысить* подразумевает и ‘поддержать’, и ‘сделать выше’). Строгий отбор лексических компонентов позволяет А. А. Штейнбергу сохранять и формальные особенности оригинала – «мужские» окончания строк, пиррихии, ритмические курсивы. Тем самым переводчик как бы доказывает предшественникам, что и ритмически поэма может звучать на русском так же или почти так же, как она звучит на английском.

Подсчет эквиритмичности как одного из показателей соответствия перевода оригиналу должен, вероятно, учитывать, помимо силлабического, еще и тонический аспект. Однако установление степени совпадения силы ударений в русском и английском ямбе – задача значительно более сложная, чем подсчет слоговой длины отдельных лексических соответствий. Для реализации данной задачи необходимы данные о вероятной тонированности каждой из пяти стоп в эпической поэзии на обоих языках (напомним: в английском стихе возможен пиррихий и на последней стопе). Поэтому числовое определение эквиритмичности переводов «Потерянного рая» пока представляется возможным лишь в далекой перспективе.

Библиографические ссылки

Бойков В. В., Жукова Н. А., Романова Л. А. Распределение длины слов в русских, английских и немецких текстах // Мир лингвистики и коммуникации. 2005. № 1. С. 46–49.

Васильева В. В. Ритм // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 551–552.

Гаспаров М. Л. Ритм // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 326.

Гаспаров М. Л. Русский ямб и английский ямб // Гаспаров М. Л. Избр. тр. М. : Языки славян. культуры, 2012. С. 457–464.

Горбунов А. Н. Три великих поэта Англии. Донн, Милтон, Вордсворт. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 320 с.

Красноперова М. А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 152 с.

Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста, прим. И. Одаховской. М. : Худож. лит., 1976. 574 с.

Мильтон Дж. Потерянный и возвращенный рай / пер. с англ. О. Чюминой. СПб. : Азбука, 2013. 416 с.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта : Наука, 2016. 319 с.

Норман Б. Ю. Борьба стихотворной строки с предложением в поэтическом тексте // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 3 (200). С. 198–210. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.053.

Орлицкий Ю. Б. Строгие строфические формы в современной русской поэзии // Гуманитар. исслед. 2007. № 3 (23). С. 48–62.

Ритм прозы от Карамзина до Чехова / под ред. Г. Н. Ивановой-Лукьяновой. М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 2017. 336 с.

Семенова М. Ю. Сегментирование текста как проблема современного переводоведения // Индустрия перевода. 2018. Т. 1. С. 139–143.

Скулачева Т. В. К вопросу о взаимодействии ритма и синтаксиса в стихотворной строке (англ. и рус. 4-ст. ямб) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. литературы и языка. 1989. Т. 48, № 2. С. 156–165.

Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. / [зав. ред. В. В. Пчелкина ; вед. ред. Л. Н. Комарова]. М. : Рус. яз., 1989. 624 с.

Тетерина Е. Н. Эпические традиции в «Потерянном рае» Дж. Мильтона и проблема специфики жанра : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2004. 191 с.

Чуковский К. И. Высокое искусство // Чуковский К. И. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1966. Т. 3. С. 237–627.

Шапир М. И. Universum versus. Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков : в 2 кн. М. : Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. 535 с.

Штейнберг Арк. О себе самом // WayBack Machine : Internet Archive [website]. URL: <https://web.archive.org/web/20020115100724/http://a88.narod.ru/901.html> (accessed: 28.08.2023).

Шувалова Е. Д. Ритм и части речи: русский, немецкий и английский четырехстопный ямб // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2017. № 14. С. 169–183.

Шутемова Н. В. Объективация глубинных поэтических смыслов оригинала в ритмической структуре перевода // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2008. № 36. С. 157–163.

Эткинд Е. Г. Ритм // Эткинд Е. Г. Проза в стихах. СПб. : Знание, 2001. С. 181–231.

Paradise Lost. A Poem in Twelve Books. The Author John Milton. The Second Ed., Revised and Augmented by the Same Author. L. : Printed by S. Simmons, 1674. 333, VI p.

References

Boikov, V. V., Zhukova, N. A., Romanova, L. A. (2005). Raspredelenie dliny slov v russkikh, angliiskikh i nemetskikh tekstakh [The Distribution of Word Length in Russian, English, and German Texts]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. No. 1, pp. 46–49.

Chukovsky, K. I. (1966). Vysokoe iskusstvo [High Art]. In Chukovsky, K. I. *Sobranie sochinenii v 6 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3, pp. 237–627.

Etkind, E. G. (2001). Ritm [Rhythm]. In Etkind, E. G. *Proza v stikhakh*. St Petersburg, Znanie, pp. 181–231.

Gasparov, M. L. (1987). Ritm [Rhythm]. In Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (Eds.). *Literaturnyi entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, p. 326.

Gasparov, M. L. (2012). Russkii yamb i angliiskii yamb [Russian Iambus and English Iambus]. In Gasparov, M. L. *Izbrannye trudy*. Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury, pp. 457–464.

Gorbulov, A. N. (2012). *Tri velikikh poeta Anglii. Donn, Milton, Vordsvort* [Three Great Poets of England: Donne, Milton, Wordsworth]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 320 p.

Ivanova-Lukyanova, G. N. (Ed.) (2017). *Ritm prozy ot Karamzina do Chekhova* [The Rhythm of Prose from Karamzin to Chekhov]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet. 336 p.

Krasnoperova, M. A. (2004). *Osnovy sravnitel'nogo statisticheskogo analiza ritmiki prozy i stikha* [Comparative Statistical Analysis of the Rhythm of Prose and Verse]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 152 p.

Milton, J. (1976). *Poteryannyi Rai. Stikhotvoreniya. Samson-borets* [Paradise Lost. Poems. Samson Agonistes] / introd. by A. Anikst, notes by I. Odakhovskaya. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 574 p.

Milton, J. (2013). *Poteryannyi i vozvrashchennyi rai* [Paradise Lost and Regained]. St Petersburg, Azbuka. 416 p.

Nelyubin, L. L. (2016). *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation]. Moscow, Flinta. 319 p.

Norman, B. Yu. (2020). Bor'ba stikhotvornoj stroki s predlozheniem v poeticheskom tekste [Conflict between the Line and the Sentence in a Poetic Text]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22. No. 3 (200), pp. 198–210. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.053.

Orlitsky, Yu. B. (2007). Strogie stroficheskie formy v sovremennoi russkoi poezii [Strict Strophic Forms in Modern Russian Poetry]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 3 (23), pp. 48–62.

Paradise Lost. A Poem in Twelve Books. The Author John Milton. The Second Ed., Revised and Augmented by the Same Author. (1674). L., Printed by S. Simmons. 333, VI p.

Pchelkina, V. V., Komarova, L. N. (Eds.). (1989). *Slovar' inostrannykh slov* [The Dictionary of Foreign Words]. 18th Ed. Moscow, Russkii yazyk. 624 p.

Semyonova, M. Yu. (2018). Segmentirovanie teksta kak problema sovremennogo perevodovedeniya [Text Segmenting as a Modern Translation Studies Problem]. In *Industriya perevoda*. Vol. 1, pp. 139–143.

Shapir, M. I. (2000). *Universum versus. Yazyk – stikh – smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov v 2 kn.* [Universum versus. Language – Verse – Meaning in Russian Poetry of the 18th – 20th Centuries. 2 Books]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Book 1. 535 p.

Shutemova, N. V. (2008). Ob'ektivatsiya glubinykh poeticheskikh smyslov originala v ritmicheskoi strukture perevoda [Objectification of the Implicit Poetic Concepts of the Source Text in the Rhythmic Structure of the Translation]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 36, pp. 157–163.

Shuvalova, E. D. (2017). Ritm i chasti rechi: russkii, nemetskii i angliiskii chetyrehstopnyi yamb [Rhythm and Parts of Speech: The Russian, German, and English Iambic Tetrameter]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 14, pp. 169–183.

Skulacheva, T. V. (1989). K voprosu o vzaimodeistvii ritma i sintaksisa v stikhotvornoj stroke (angl. i rus. 4-st. yamb) [On the Question of the Interaction of Rhythm and Syntax in a Poetic Line (English and Russian Iambic Tetrameter)]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 48. No. 2, pp. 156–165.

Steinberg, A. (N. d.). O sebe samom [About Myself]. In *WayBack Machine: Internet Archive* [website]. URL: <https://web.archive.org/web/20020115100724/http://a88.narod.ru/901.html> (accessed: 28.08.2023).

Teterina, E. N. (2004). *Epicheskie traditsii v „Poteryannom rae” Dzh. Mil'tona i problema spetsifiki zhanra* [Epic Traditions in J. Milton's *Paradise Lost* and the Problem of Genre Specificity]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 191 p.

Vasilieva, V. V. (2014). Ritm [Rhythm]. In Skovorodnikov, A. P. (Ed.). *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii). Slovar'-spravochnik*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, pp. 551–552.

The article was submitted on 21.03.2023

Концепция музыки в новелле Ф. Кафки «Превращение»: автор vs переводчик*

Ольга Турышева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Concept of Music from Kafka's *The Metamorphosis*: Author vs Translator

Olga Turysheva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the problem of preserving the meaning of the translation of fiction texts. The author refers to the translation into Russian of “War er ein Tier, da ihn Musik so ergriff?”, a phrase from Kafka's *The Metamorphosis*. It is argued that in the only translation of the novella into Russian by S. K. Apt, there is an inaccuracy in the translation of this phrase, which distorts the semantics of the source. The article reveals the grounds for the assumption of this inaccuracy in the translation of the outstanding Russian Germanist. They relate to the translator's intuitive rejection of the concept of musical art, which is reflected in the phrase analysed. While reconstructing Kafka's thought, the author of the article concludes that Kafka's work expresses an understanding of music that completely disagrees with the one that distinguishes the classical works of European philosophy of music, forged on the basis of Romantic aesthetics. Kafka has a non-Romantic understanding of music: he refuses to venerate it as an ideal metaphysical essence, reflecting on the nature of the impact of music on the listener. The author puts forward a hypothesis that in Kafka's work, there is a rethinking of the philosophy of musical art belonging to F. Nietzsche, who opposed music to the non-musical human world, subordinated to logic and language. Kafka radicalises this opposition: in his logic, music alienates people from the rational world, plunging them

* Citation: Turysheva, O. (2023). The Concept of Music from Kafka's *The Metamorphosis*: Author vs Translator. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1182–1195. DOI 10.15826/qr.2023.4.841.

Цитирование: Turysheva O. The Concept of Music from Kafka's *The Metamorphosis*: Author vs Translator // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1182–1195. DOI 10.15826/qr.2023.4.841 / Турышева О. Концепция музыки в новелле Ф. Кафки «Превращение»: автор vs переводчик // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1182–1195. DOI 10.15826/qr.2023.4.841.

into an animal, primordially natural state. Gregor Samsa's sensitivity to music, which he discovers after the metamorphosis, makes him recognise his animal essence, which requires that the analysed phrase be translated as a sentence with a clause of reason ("Was he an animal because music excited him so much?") rather than a clause of condition (as in Apt: "Was he an animal if music excited him so much?"). The reference to other novellas about "animals responsive to music" (*Investigations of a Dog, Josephine the Singer, or the Mouse Folk*) reinforces the proposed reconstruction of Kafka's understanding of music, which, in turn, opens significant semantic layers of the novella related to the interpretation of the images of other characters (Gregor's family, three guests in Mr. Samsa's apartment) and its deep tragic content.

Keywords: literary translation, F. Kafka, *The Metamorphosis*, concept of music

Статья посвящена проблеме сохранения смысла при переводе художественного текста. В основе исследования – перевод на русский язык фразы из новеллы Ф. Кафки «Превращение» «*War er ein Tier, da ihn Musik so ergriß?*». В единственном переводе новеллы на русский язык, выполненном С. К. Аптом, в данной фразе допущена неточность, искажающая семантику первоисточника. Основания этой неточности в переводе связываются с интуитивным неприятием со стороны переводчика той концепции музыкального искусства в творчестве Кафки, которая нашла свое отражение в анализируемой фразе. Реконструируя мысль писателя, автор статьи приходит к выводу, что в творчестве Кафки понимание музыки категорически не совпадает с классическим представлением европейской музыкальной философии, вытекающей из романтической эстетики. У Кафки неромантическое понимание музыки: он отказывается от ее почитания в качестве идеальной метафизической сущности, размышляя о характере ее воздействия на слушателя. Выдвигается гипотеза, что в творчестве Кафки происходит переосмысление философии музыкального искусства Ф. Ницше, который противопоставлял музыку немusicalному человеческому миру, подчиненному логике и языку. Кафка радикализирует это противопоставление: в его логике музыка отторгает человека от рационального мира, ввергая его в первозданное природное состояние. Открывшаяся у Грегора Замзы после метаморфозы чувствительность к музыке заставляет его признаться в своей животной сущности, что требует перевода анализируемой фразы как предложения с придаточным причины («Он был животным, потому что музыка так его волновала?»), а не придаточным условия (у С. К. Апта: «Был ли он животным, если музыка так волновала его?»). Обращение к другим новеллам о «музыкально чувствующих животных» подкрепляет предложенную реконструкцию кафковского понимания музыки, которая, в свою очередь, открывает важные смысловые пласты новеллы, связанные с интерпретацией образов других ее персонажей и ее глубинного трагического содержания.

Ключевые слова: художественный перевод, Ф. Кафка, новелла «Превращение», концепция музыки

Цель статьи состоит в исследовании причин допущения неточности перевода важной фразы из новеллы Ф. Кафки «Превращение» российским германистом С. К. Аптом, а также в обнаружении тех интерпретационных возможностей, которые открываются в случае выявления расхождения оригинала и перевода.

Фраза, с которой в статье связывается переводческая проблема, – «*War er ein Tier, da ihn Musik so ergriff?*»¹ [Kafka, s. 44] – принадлежит эпизоду, в котором изображено, как Грета играет на скрипке для постояльцев квартиры господина Замзы, Грегор выползает из своей комнаты в гостиную на звуки ее скрипки, а квартиранты с раздражением ждут завершения плохого концерта.

Впервые о том, что эта фраза часто неверно трактуется при переводе, заговорил В. Набоков в лекциях 1950-х гг.:

Кафка... чувствовал [в музыке] нечто животное, одурманивающее. Это отношение надо иметь в виду при интерпретации фразы, неверно понятой многими переводчиками. Сказано в ней буквально следующее: «*Был ли он животным, если музыка так волновала его?*» То есть в бытность свою человеком он ее не очень любил, а теперь, став жуком, не может перед ней устоять [Набоков, с. 357].

На русском языке лекции Набокова вышли в 1980 г. в переводе Андрея Битова, и набоковское объяснение трудностей перевода данной фразы выглядит малопонятным. Это объясняется тем, что А. Битов воспроизводит тот вариант перевода, который Набоков счел бы неверным: он не переводит фразу по английскому тексту автора, а цитирует по русскому переводу С. К. Апта: «*Был ли он животным, если музыка так волновала его?*» [Кафка, 2004, с. 45]. Этот вопрос принадлежит то ли повествователю, то ли самому Грегору Замзе: последнее допущение вполне возможно, если помнить, что в новелле целый ряд фрагментов представляет собой несобственно-прямую речь героя.

Обратим внимание, что С. К. Апт отступает от грамматики и лексики первоисточника: в его переводе причинный союз *da* обретает значение условия, а в немецком языке этот союз употребляется только в значении причины (см. например, словари: [Большой немецко-русский словарь; DWDS; Duden]). При этом сам вопрос у Апта сопровождается частицей *ли*, служащей для усиления сомнения. Конечно, перед нами фраза, выражающая сомнение. Но вопрос состоит в том, *что* является предметом сомнения говорящего. В переводе С. К. Апта предметом сомнения оказывается животное начало в Грегоре. В варианте «*Был ли он животным, если музыка так волновала его?*» подразумевается отрицание животной природы превратившегося героя. Такой перевод как бы провоцирует допущение: нет, он был челове-

¹ «Он был животным, потому что музыка так его волновала?» (здесь и далее подстрочный перевод текстов Ф. Кафки автора статьи).

ком, раз (если) музыка его так волновала. Чувствительность к музыке в переводческой концепции Апта – условие человечности.

Однако у Кафки предметом сомнения субъекта речи в этой фразе является не животное, а человеческое начало Грегора! Дословный перевод звучит так: «Он был животным, потому что музыка так его волновала?» Или: «Поскольку (так как) музыка его так волновала, он был животным?» У Кафки чувствительность к музыке является свидетельством принадлежности к животной природе, пусть и получившим вопросительное оформление. Грегор (или повествователь) задает вопрос: значит, он действительно животное, из-за того (так как, потому что, вследствие того, в связи с тем, что) музыка его так тревожит? Чувствительность к музыке в тексте Кафки фигурирует для Грегора как причина и основание считать себя животным.

Представляется, что такое отступление от буквы оригинала, меняющее смысл переведенной фразы прямо противоположным образом, произошло на почве интуитивного неприятия переводчиком кафковской концепции музыки.

У Кафки явлена неромантическая концепция музыкального искусства – вопреки классике европейской музыкальной философии, для которой характерно ее понимание как идеальной метафизической сущности. Европейская культура унаследовала романтическое почитание музыки. Абсолютную форму эта концепция нашла в философском творчестве А. Шопенгауэра, которому, конечно, предшествовали В. Вакенродер и Э. Т. А. Гофман. Для немецких эстетиков музыка, с одной стороны, образ Мировой воли, ее выражение и «отпечаток», а с другой – способ расширения сознания, интуитивного постижения сущности мира и самопознания.

Иное восприятие музыки у Кафки. Как свидетельствуют его дневники и письма, он сам отказывал себе в «музыкальном чувстве» (см. об этом: [Давид]). Возможно, что с отсутствием музыкальной чувствительности и связан кафковский отказ от почитания музыки как высшего вида искусства, как это было у романтиков, которые поместили музыку на вершину художественной иерархии. По Кафке (и на этом настаивает Набоков) звуки музыки выявляют природное, стихийное, животное начало, а вовсе не являются ни отражением, ни способом формирования высокого, духовного, человеческого.

В таком же ключе описывает кафковскую концепцию музыки немецкий исследователь Г. Нойман [Neumann]. С его точки зрения, границу между человеческим и животным у Кафки можно трактовать именно как границу между немusическим и музыкальным. Человек лишен музыкальной чувствительности, животное, наоборот, обладает и чувствительностью к музыке, и заинтересованностью в ней.

По всей видимости, в случае с кафковским пониманием музыки мы имеем дело с переосмыслением концепции музыки у Ницше (по свидетельству М. Брода, Кафка «боготворил» Ницше и «остался

верен его мысли до самой смерти»² [цит. по: Burnett, s. 69]). Ницше противопоставлял музыку немзыкальному миру, подчиненному логике и языку. Музыка, по Ницше, – сила, наиболее полно реализующая творческую природу человека и способствующая «свободному развертыванию человеческой души и воли», а именно – ее высвобождению из-под гнета языка и логики [Хахалин, с. 10].

Кафка радикализирует это противопоставление музыки и немзыкального человеческого мира, находящегося во власти рации. В его логике музыка вовсе не утверждает свободное начало в человеке, а наоборот, ввергает человеческое в животное, иррациональное, первозданно природное состояние, как бы утверждает зооморфную метаморфозу. Поэтому музыка у Кафки в «Превращении» и противопоставлена языку (как у Ницше): Грегор теряет навык человеческой речи, но обретает дар музыкального чувства, которое в то же время переживается им как средство насыщения, «путь к желанной неведомой пище»: *“Ihm war, als zeige sich ihm der Weg zu der ersehnten unbekannten Nahrung”* [Kafka, s. 44] («Ему казалось, что перед ним открывается путь к желанной неведомой пище» [Кафка, 2004, с. 45]). Это переживание голодного существа, не способного удовлетворить потребность в пище человеческой едой, но воодушевленного надеждой на насыщение.

Упование на насыщение музыкой в случае Грегора глубоко символично. На голод он прямо жалуется в сцене трапезы жильцов, предварающей «концерт» Греты. Наблюдая за тем, как они пережевывают мясо, он думает: *“Wie sich diese Zimmerherren nähren, und ich komme um!”* [Kafka, s. 42] («Как много эти люди едят, а я погибаю!» [Кафка, 2004, с. 43]). Нельзя не расслышать здесь восклицания блудного сына из Евангелия от Луки: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода» (Лк 15 : 17). Блудного сына могут «накормить» только покаяние и прощение, Грегора, в уста которого вложена прямая цитата из евангельской притчи, – любовь семьи, причастность к семейному кругу, надежда на что открывается ему во внимании к игре сестры на скрипке.

Таким образом, в художественной концепции «Превращения» преодоление антропоморфности приближает к природе, к «животности», к переживанию музыки как питающего начала, к освобождению инстинктов, недаром мечта о насыщении музыкой сочетается у Грегора с мечтой о «присвоении» Греты и заточении ее в своей комнате.

Однако у Кафки освобождение животного начала и потеря человеческих навыков вовсе не элиминируют дух, а может, и возвышают его. Вспомним о желании добровольного ухода Грегора: ради освобождения семьи от тягот, связанных с его превращением, он готов принять смерть, что дает справедливые основания для его символического отождествления с Христом, столь распространенного в герменевтике «Превращения».

² Перевод цитат из научных работ автора статьи.

Превращение в животное оборачивается для героя высвобождением природного начала, даром музыкального чувства и жертвенного сострадания – то есть всего того, чего лишена его семья. Поэтому зооморфную метаморфозу Грегора вполне возможно рассматривать не только как катастрофическое событие, но и как событие обретения и в то же время событие преодоления «человеческого, слишком человеческого».

Эту же мысль находим в статье В. Г. Зусмана и Т. Б. Сиднеевой: «Люди Кафки обречены. Единственное спасение состоит в том, что можно, превратившись в животное, вернуться в лоно музыки и природы. На границе слова и музыки в мире Кафки человек превращается в животное, способное воспринимать внутренний музыкальный план бытия. Речь на этой границе вербального и музыкального переходит в шипение и писк, звучание открывается как молчание. В пространстве этого межграницья Кафки уже нет и не может быть людей. Зато музыкально чувствующее животное оказывается способным к умирению, состраданию и добровольному уходу» [Зусман, Сиднеева, с. 83].

Эта мысль присутствует и в других новеллах Кафки о «музыкально чувствующих животных». Но в новелле «Исследования одной собаки» Кафка описывает воздействие музыки на животное совсем не так, как в «Превращении». Повествование выстроено от лица собаки, которую волнует вопрос, откуда берется пища, и при этом рассказывается о двух эпизодах ее встреч с музыкой. Но если Грегор в музыке открывает желанную пищу, то повествующий пес воспринимает звуки музыки как силу, «которой ничего не стоило сломать позвоночник» [Кафка, 1999, с. 661–662]. Единственное, что сближает описанное здесь воздействие музыки на животное с тем, что мы видели в «Превращении», это акцент на силе воздействия музыки. Но звуки, которыми Грегор заморожен и взволнован и которые пробуждают в нем надежды и желания, для юной собаки воплощают жестокую власть.

В заключительной части новеллы нарратор, преодолев юношеский максимализм, сетует на то, что «в музыкальную науку... никогда серьезно не вникал» и потому стал искать суть собачьей природы не в науке о музыке, а в науке о пище. Недаром Ж. Делёз и Ф. Гваттари, говоря об этой новелле, вспоминают Бувара и Пекюше [см.: Делёз, Гваттари] – имитаторов научного поиска. Сопоставление вполне оправдано: исследуя вопрос о происхождении пищи, пес надеется усилием воли «заставить небеса раскрыться» и насытить его едой, свалившейся сверху. Исследовательский опыт чуть было не заканчивается фатально, если бы не вторая встреча с музыкой: умирающий от голода пес встречается с поющей собакой. И этот эпизод влечет за собой иные выводы исследователя: признаваясь в той же музыкальной сверхчувствительности, он уже совсем по-другому воспринимает музыку – не как насилие и принуждение, а как вдохновляющую, питающую силу. Песня собаки, «перед величием которой умолкал лес», придает невероятные силы измотанному и голодному животному.

Насилие «ужасной» музыки в первом эпизоде здесь противопоставлено достоянию, дару, а инстинкт переживания музыки в заключительной фразе сопоставляется рассказчиком со свободой.

Речь опять идет о крайней форме чувствительности к музыке: она производит на животное потрясающее воздействие очень широкого диапазона – от ужаса и боли до ощущения полета и свободы. И с этой точки зрения исследования одной собаки подтверждают семантику интересующей нас фразы Грегора как сомнения в собственной человеческой природе: ведь так переживать музыку могут только звери³.

Тот же мотив находим и в новелле «Певица Жозефина, или Мышиный народ». Жозефина так же, как и собака-исследователь в юношестве, «ослеплена самомнением». Но в рамках поставленной темы мы сосредоточим внимание не на ее образе⁴, а на том, как восприятие ее пения объясняется самим мышинным народом, от имени которого выстроено повествование и который прямо объясняет тайну воздействия пения Жозефины на соплеменников. Коллективный нарратор рассказывает о том, что почитание Жозефины связано вовсе не с совершенством ее пения, мастерством и талантом, вызывающими у слушателей наслаждение (все это отсутствует у боготворимой народом певицы). Почитание Жозефины связано с тем, что ее выступления удовлетворяют их потребности, обусловленные их животной природой. Запоздалая детскость, преждевременное увядание, отсутствие молодости (в силу особой плодовитости) «накладыва[ю]т заметный отпечаток усталости и безнадежности на жизнерадостную в общем-то и жизнеспособную... натуру [мышиного народа]; возможно, отсюда и нелюбовь к музыке» [Кафка, 2001, с. 82]. «Мы, – далее объясняет повествователь, – слишком стары для музыки, связанное с ней волнение, все эти порывы и взлеты нам тяжелы, и мы устало от нее отмахиваемся; недаром мы ограничили себя писком» [Там же]. Ценность пения Жозефины для мышиного народа в том и состоит, что оно представляет собой писк и потому не обременяет, а «расслабляет усталые мускулы», «освобождает от оков повседневной жизни и на краткий миг освобождает и нас» [Там же]. Это та несовершенная музыка, которая только и нужна мышиному народу, она выполняет единственно нужные ему функции: «это как раз то, что нам нужно», – говорит повествователь [Там же].

В этом плане важно, что Грегора захватывает плохая неумелая игра Греты на скрипке (аналог писка Жозефины), но именно она утверждает его в зооморфном статусе, позволяющем мечтать о пленении Греты и лелеять мечты о желанной пище. То есть речь идет

³ Автор статьи оставляет за рамками размышлений мотив парадоксальности музицирования животных в этой новелле: и музыка танцующих собак, и песня красивой собаки звучат в немоте и молчании. В статье в соответствии с ее темой анализируется мотив воздействия музыки, а не ее таинственной природы.

⁴ Традиционный вектор в анализе новеллы. Так, В. Кудзус, разбирая ее сценические приемы, пишет, что главный вопрос новеллы составляет «загадка воздействия музыкальных представлений Жозефины» [Kudszus, S. 249].

не о музыке с точки зрения воплощения гармонии и творящей мир воли (как у романтиков), а о музыке с точки зрения ее прагматики, способности удовлетворить усталый народ или голодное животное. Усталый народ восстанавливает силы, слушая необременительный писк; изнуренное насекомое обретает надежду на насыщение, внимая музыкальным упражнениям сестры. А умирающая от голода собака обретает силы и способность к «потрясающим прыжкам», услышав песню, «поднимавшуюся из глубины груди» красивой собаки. Кстати, собака-исследователь, как и Грегор, рифмует музыку, пищу, освобождение. Музыка насыщает и освобождает. Об освобождающем действии музыки речь идет и в «Певице Жозефине».

В рамках этой рифмы («музыка – пища – свобода») нельзя не вспомнить новеллу «Голодарь». Голодарь, в отличие от Грегора и пса-исследователя, не находит пищи, которая бы его удовлетворила, и погибает. Для Замзы и пса-исследователя такой спасительной пищей становится музыка.

Анализ «музыкальных» новелл Кафки поддерживает семантику исследуемой фразы из «Превращения» о чувствительности героя к музыке как свидетельстве его принадлежности к животной природе и лишний раз подтверждает важность сохранения смысла первоисточника при переводе, даже если он противоречит традиционному, вшитому в европейскую культуру пониманию музыкального искусства. Выразительный пример сопротивления неклассической (то есть неромантической) концепции музыки можно встретить в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» в сцене полемики Цейтблома и Леверкюна⁵: Леверкюн настаивает на том, что музыка пробуждает чувственность, она пропитана «хлеwnым коровьим теплом», и в этом плане он оказывается носителем кафковского взгляда на музыку. Цейтблом воспринимает эту метафору как святотатство и оскорбление искусства, что представляется гораздо более понятной позицией, учитывая характерное для европейской культуры модерна благоговение перед музыкой, о чем мы писали выше, пытаясь разобраться в причинах допущенной С. К. Аптом неточности в переводе «музыкальной» фразы из «Превращения». В свою очередь, сохранение разрывающего романтический шаблон смысла фразы открывает те оттенки семантики целого, которые казались невидимыми или не вписывающимися в интерпретационную традицию. Так, самосознание Грегора как животного заставляет нас по-новому взглянуть и на других героев новеллы.

Во-первых, на образ семьи Грегора. Ее принято отождествлять с биологической природой, противопоставляя духовному. Оснований для такого понимания в новелле достаточно, и особнным образом его поддерживает последний абзац новеллы, где семья вопреки скорби торжествует освобождение от Грегора.

⁵ Автор статьи благодарит профессора МГУ О. Ю. Панову, обратившую его внимание на эту параллель.

Однако в рамках мысли о том, что в зооморфной метаморфозе Грегор обретает связь с природным, животным (и убеждается в этом благодаря музыке), сестру, отца и мать Грегора лучше отождествить не с биологическим, лишенным духа, а с «человеческим, слишком человеческим» – и именно в том самом меланхолическом и презрительном смысле, который имел в виду Ницше. Слишком человеческое – подчиненное эгоистической прагматике жизни. А Грегор – животное, но именно он способен на деликатность, сочувствие, самопожертвование, что и позволяло исследователям отождествлять его с Христом. Людям, как они выведены в новелле, ни любовь, ни сострадание недоступны.

Во-вторых, принадлежность Грегора к животной, а не человеческой природе позволяет пристальнее взглянуть и на других персонажей новеллы – трех жильцов, которым сдает комнату семья превратившегося Грегора. Восприятие игры Греты жильцами антонимично восприятию Грегора. Для него музыка – желанная неведомая пища. Они же воспринимают возможность послушать интересную игру на скрипке в качестве продолжения ужина, насытившись. Он взволнован и очарован, они раздражены и разочарованы. Эту антонимию в изображении Грегора и жильцов можно продуктивно использовать для трактовки их образов⁶.

Мы выяснили, что в концепции Кафки человек к музыке нечувствителен и она ему не нужна, в отличие от животного. Животное в этой сцене – Грегор, свою музыкальную чувствительность он переживает как подтверждение собственной животной природы. Люди в этой сцене – семья Грегора, в музыке ничего не смыслящая. Образы жильцов противопоставлены и тому, и другим: они нетерпеливо ждут окончания «концерта» Греты, их слух отличается крайней чувствительностью к оскорблению музыкальной гармонии. И это один из аргументов, позволяющих предполагать божественную природу постояльцев. Его поддерживают и другие наблюдения, на почве которых мы выдвигаем гипотезу о том, что в основе коллективного образа жильцов, возможно, лежит архетип психопомпа: они не принадлежат миру людей, а являются проводниками душ в царство мертвых, явившимися в дом Замзы, чтобы поспособствовать переходу Грегора в мир смерти.

Фигура психопомпа является чуть ли не обязательной в ритуале и мифе перехода, а следовательно, и сюжете перехода⁷. В случае, когда речь идет об опыте умирания, сюжетом перехода именуют пересечение границы между жизнью и смертью. В этом аспекте сюжет «Превращения» – это сюжет перехода в мир смерти. Мифокритика генетически связывает сюжет умирания с обрядовой культурой общения умершего к миру мертвых. По А. ван Геннепу, обряд пере-

⁶ Более подробно об интерпретации этого коллективного персонажа см.: [Турешева].

⁷ Под сюжетом перехода в литературоведении подразумевается система событий, в процессе которых происходит изменение статуса героя.

хода всегда имеет трехфазную структуру: «отделение» («открепление личности от занимаемого ранее места в социальной структуре»), пороговый, промежуточный период и, наконец, восстановление «переходящего» субъекта в новом статусе, когда он вновь обретает стабильное состояние [Геннеп].

В новелле Ф. Кафки реализован сюжет перехода в иной мир, но в редуцированной форме, измененной по сравнению с тем универсальным инвариантом, который был описан А. ван Геннепом. Начало перехода в сюжете «Превращения» ознаменовано предельной формой отделения – зооморфной метаморфозой. Она очевидно инициирована тем, что Грегор переживает нехватку сна и отдыха, будучи превращен семьей в функцию обеспечения ее благополучия, и выразительно обозначает кризисное состояние, в которое герой оказывается загнан усталостью, ответственностью и чувством вины перед семьей. Однако, пройдя ряд испытаний в «промежутке», герой оказывается лишен возможности восстановления в новом статусе – статусе души, свершившей пересечение границы между мирами. При описании самого процесса умирания опыт перехода оказывается незавершенным, герой так и остается «лиминальной персоной» [Тёрнер]. В описании В. Тернера, которому принадлежит вышеприведенный термин, лиминальные люди «обладают амбивалентностью, поскольку не укладываются в рамки каких-либо классификаций. Лиминальные существа – “ни здесь, ни там, ни то, ни се”, они в щелях и промежутках. Их амбивалентные свойства выражаются большим разнообразием символов» [Там же, с. 169]. В новелле Кафки лиминальное состояние героя символизировано фактом его заточения в комнате, порог которой он периодически безуспешно пытается преодолеть, будучи вынужден возвращаться в свою «щель».

При аргументации обратим внимание на то, что в образе жильцов акцентирована их страсть к порядку: “Diese ernsten Herren... waren peinlich auf Ordnung, nicht nur in ihrem Ziminer, sondern, da sie sich nun einmal hier eingemietet hatten, in der ganzen Wirtschaft, also insbesondere in der Küche, bedacht” [Kafka, s. 40] («Эти строгие люди... педантично добивались порядка, причем порядка не только в своей комнате, но коль скоро уж они здесь поселились, во всей квартире, и, значит, особенно в кухне. Хлама, тем более грязного, они терпеть не могли» [Кафка, с. 41]). Причем речь идет не только о любви жильцов к бытовому порядку, но и об их нежелании терпеть хоть какой-нибудь диссонанс: слабая игра Греты на скрипке приводит их в состояние «большой нервозности». Наконец, поведение господина Замзы, настойчиво пытающегося отеснить жильцов в их комнату в момент появления в гостиной Грегора, вызывает у среднего жильца гневный вердикт: «Позвольте мне заявить... что ввиду мерзких порядков, царящих в этой квартире и в этой семье... я наотрез отказываюсь от комнаты» [Там же, с. 45]. Думается, что констатация «мерзких порядков» («widerlichen Verhältnisse») в семье Замзы имеет и символи-

ческое содержание: отсутствие порядка в первую очередь связано с положением Грегора – раненого, заточенного в захламленной комнате, лишившегося сна, аппетита, не имеющего представления о длительности своего бедствия и его возможном окончании. В символическом плане это не что иное, как бессмысленно длящееся состояние лиминальности. Если связывать трех жильцов с психопомпами, то их стремление навести порядок в доме Замзы вполне может означать намерение освободить душу Грегора от бессмысленных страданий, сопроводить его в мир смерти, на пороге которой он так надолго и так бессмысленно остановился.

Во всех мифологических системах психопомпы – служители порядка, их функция – восстановление гармонии и целостности мироустройства. Помогая душе преодолеть порог между жизнью и смертью, они выводят ее из тупика переходного состояния. Такова функция древнеегипетского крылатого бога Тота и его греческих аналогов – «летучего» Гермеса и «златокрылой» Ириды [Тураев], которые, кстати, неслучайно являются и вестниками божественной воли. В знаменитых эпизодах «Илиады» Гомер описывает, как боги, огорченные мстью Ахилла, пытаются восстановить порядок ухода Гектора и убеждают Гермеса похитить его тело, чтобы достойно его похоронить. Не эта ли «жалость бессмертных» в кафковском тексте оборачивается появлением трех жильцов?

В концепции создателя архетипной герменевтики К.-Г. Юнга психопомп соответствует архетипическому образу Мудрого Старца, Духа, который символизирует, с одной стороны, «знание... а, с другой – добрую волю и готовность помочь» [Юнг, с. 304]. «Более того, он еще проверяет нравственные качества других и в зависимости от этого раздает подарки» [Там же, с. 307]. В контексте такой характеристики постояльцев легко возвести к архетипическому образу Духа. Возможно, причастностью к этому архетипу кафковские жильцы обязаны и своими окладистыми бородами, и своей союзной тройственностью, и своими «потертыми пиджачками» (важная деталь: жильцы носят потертые пиджачки!): Юнг, отождествляя психопомпа с архетипом Духа, писал о том, что в литературе тот часто манифестируется в образах нищего старого бродяги.

Важнейшим аргументом в поддержку выдвигаемой интерпретации является поведение жильцов, обнаруживших собственное соседство с превратившимся Грегором. Их, в отличие от всех других персонажей новеллы, не пугает и не удивляет вид Грегора, выползшего на звуки музыки. Они как будто готовы к встрече с ним. Скорее жильцов возмущает поведение господина Замзы, пытающегося оттеснить их в комнату сестры. Отсюда вердикт: «Мерзкие порядки». Мерзкие потому, что им не дают осуществить миссию проводника и оттесняют от души, находящейся на пороге перехода. Да и в момент выдворения поведение жильцов демонстрирует все признаки неосуществленной миссии: они смущены, удивлены, не принимают про-

исходящего, не верят в поражение, лстиво пытаются предотвратить изгнание, наконец, смиряются.

Предложенная версия о жильцах как не допущенных к умирающей душе и изгнанных психопомпах позволяет выявить глубинные основания трагического содержания новеллы. Согласно выдвинутой гипотезе, функцию коллективного образа постояльцев следует связать с усилением семантики предательства семьи, в рамках которой оно выводится за пределы финансового обмана и психологической усталости на уровень метафизического преступления, что усиливает семантику презрительного толкования человеческого в новелле Кафки.

Подобная трактовка соответствует модернистскому переживанию фундаментального нарушения основ миропорядка: у Кафки оскорбление и изгнание божественных посланников не влекут за собой никакой расплаты, жильцы смиренно уходят, допустив пренебрежение семьи к смерти Грегора. Напомним, что античный нарратив о неузнанном боге всегда настаивает на его превосходстве, неузнанный бог часто мстит человеку за пренебрежение (см., например: [Светлов]). А у Кафки оскорбленные боги смиренно покидают дом оскорбителей. Извечные законы в его сюжете действовать перестали.

Итак, понимание каузальной (а не условной, как в переводе С. К. Апта) семантики вопроса «*War er ein Tier, da ihn Musik so ergriff?*» позволяет расставить акценты в символической системе персонажей Кафки: Грегор в рамках данной интерпретации, базирующейся на оригинальном смысле проанализированной фразы, символизирует животную природу, семья – человека в его самых эгоистических проявлениях, жильцы – поруганный в человеческом мире дух. При этом именно животное оказывается способно к высоким проявлениям (как и к восприятию музыки). Человек у Кафки – вне природы, вне музыки, вне духа. А боги – вне торжества.

Библиографические ссылки

Большой немецко-русский словарь : в 3 т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева [и др.]. М. : Рус. яз., 2009. Т. 1. 428 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Вост. лит. РАН, 1999. 198 с.

Давид К. Музыка и жизнь // Давид К. Франц Кафка. Харьков : Фолио ; Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 270–282.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2015. 112 с.

Зусман В. Г., Сиднева Т. Б. Границы слова и музыки в творчестве Франца Кафки // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2018. № 4 (50). С. 79–85.

Кафка Ф. Исследования одной собаки // Кафка Ф. Америка. Новеллы и притчи / пер. Ю. Архипова. СПб. : Симпозиум, 1999. С. 659–698.

Кафка Ф. Певица Жозефина, или Мышиный народ // Кафка Ф. Малая проза. Драма / пер. с нем. и прим. Г. Ноткина. СПб. : Амфора, 2001. С. 72–92.

Набоков В. Франц Кафка // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М. : Независ. газ., 1998. С. 325–366.

- Светлов Р. В. Криптоэпифания у Платона // Визуальная теология. 2019. № 1. С. 44–54. DOI 10.34680/vistheo-2019-1-44-54.
- Тёрнер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
- Тураев Б. А. Бог Тот: опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб. : Журн. «Нева», 2002. 406 с.
- Турышева О. Н. Сюжет перехода в новелле Ф. Кафки «Превращение» // Науч. диалог. 2020. № 3. С. 265–282. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-265282.
- Хахалин А. С. Взгляды Ницше на музыку как верификация его философии. М. : Ин-т высш. нервной деят-ти и нейрофизиологии РАН, 2004. 51 с.
- Юнг К.-Г. Феноменология Духа в сказках // Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.
- Burnett H. Kafka, Nietzsche E duas parábolas // *Philosophos – Revista de Filosofia*. 2016. № 21 (2). С. 69–82. DOI 10.1515/9783110244229.258.
- Duden Stilwörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim : Dudenverlag die Bibliographisches Inst., 1971. 846 S.
- DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : [website]. URL: <http://www.dwds.de> (accessed: 19.08.2023).
- Kafka F. = Кафка Ф. Die Verwandlung = Превращение. Literatur in zwei sprachen. Moskau ; Augsburg ; ImWerden, 2004. 53 с. (Сер.: Литература на двух языках.)
- Kudszus W. G. Musik im *Schloß* und in *Josefine, die Sängerin* // *Modern Austrian Literature*. 1978. № 11 (3/4). S. 243–256.
- Neumann G. War er ein Tier, dab ihn Musik so ergriff? // Franz Kafka und die Musik / Hrsg. von St Höhne und A. Stašková. Weimar ; Wien : Böhlau, 2018. S. 11–34.

References

- Burnett, H. (2016). Kafka, Nietzsche E duas parabolos. In *Philosophos – Revista de Filosofia*. No. 21 (2), pp. 69–82. DOI 10.1515/9783110244229.258.
- David, C. (2008). Muzyka i zhizn' [Music and Life]. In David, C. *Frants Kafka*. Kharkiv, Folio, Rostov-on-Don, Feniks, pp. 270–282.
- Deleuze, G., Guattari, F. (2015). *Kafka: za maluyu literature* [Kafka: Toward a Minor Literature]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. 112 p.
- Duden Stilwörterbuch der deutschen Sprache. (1971). Mannheim, Dudenverlag die Bibliographisches Inst. 846 S.
- DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [website]. URL: <http://www.dwds.de> (accessed: 19.08.2023).
- Gennep, A. van. (1999). *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of Passage. Systematic Study of Rituals]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 198 p.
- Jung, C. G. (1996). Fenomenologiya Dukha v skazkakh [The Phenomenology of the Spirit in Fairy Tales]. In Jung, C. G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov*. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva. 384 p.
- Kafka, F. (1999). Issledovaniya odnoi sobaki [Investigations of a Dog]. In Kafka, F. *Amerika. Novelly i pritchi* / transl. by Yu. Arkhipov. St Petersburg, Simpozium, pp. 659–698.
- Kafka, F. (2001). Pevitsa Zhozefina, ili Myshinyi narod [Josephine the Singer, or the Mouse Folk]. In Kafka, F. *Malaya proza. Drama* / transl. and notes by G. Notkin. St Petersburg, Amfora, pp. 72–92.
- Kafka, F. (2004). *Die Verwandlung*. Moskau, Augsburg, ImWerden. 53 S.
- Khakhalin, A. S. (2004). *Vzglyady Nitshe na muzyku kak verifikatsiya ego filosofii* [Nietzsche's Views on Music as a Verification of His Philosophy]. Moscow, Institut vysshei nervnoi deyatel'nosti i neurofiziologii RAN. 51 p.
- Kudszus, W. G. (1978). Musik im *Schloß* und in *Josefine, die Sängerin*. In *Modern Austrian Literature*. No. 11 (3/4), pp. 243–256.
- Leping, E. I., Strakhova, N. P., Filicheva, N. I., et al. (Eds.). (2009). *Bol'shoi nemetsko-russkii slovar'* [Great German-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk. Vol. 1. 428 p.

Nabokov, V. (1998). Frants Kafka [Franz Kafka]. In Nabokov, V. *Leksii po zarubezhnoi literature*. Moscow, Nezavisimaya gazeta, pp. 325–366.

Neumann, G. (2018). War er ein Tier, dab ihn Musik so ergriff? In Höhne, St., Stašková, A. (Hrsg.). *Franz Kafka und die Musik*. Weimar, Wien, Böhlau, S. 11–34.

Svetlov, R. V. (2019). Kriptoepifaniya u Platona [Plato's Cryptoepiphany]. In *Vizual'naya teologiya*. No. 1, pp. 44–54. DOI 10.34680/vistheo-2019-1-44-54.

Turaev, B. A. (2002). Bog Tot: opyt issledovaniya v oblasti drevne-egipetskoj kul'tury [Thoth the God: An Attempt at Studying Ancient Egyptian Culture]. St Petersburg, Zhurnal "Neva". 406 p.

Turner, V. (1983). *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow, Nauka. 277 p.

Turyшева, O. N. (2020). Syuzhet perekhoda v novelle F. Kafki "Prevrashchenie" [The Plot of Transition in F. Kafka's *The Metamorphosis*]. In *Nauchnyi dialog*. No. 3, pp. 265–282. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-265282.

Zusman, V. G., Sidneva, T. B. (2018). Granitsy slova i muzyki v tvorchestve Frantsa Kafki [The Boundaries of Word and Music in the Works of Franz Kafka]. In *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya*. No. 4 (50), pp. 79–85.

The article was submitted on 30.05.2023

THE LANGUAGES OF RUSSIAN DIPLOMACY IN THE EIGHTEENTH CENTURY

DOI 10.15826/qr.2023.4.842

УДК 94(485)"17" + 94(470)"17" + 929Петр(470)*I + 81'42:327.7

Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка*

Яна Ларина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice**

Yana Larina

HSE University,
Moscow, Russia

The languages of Russian-Swedish negotiations, congresses, and peace treaties of the reign of Peter I have rarely been mentioned in the works covering the history of Russian-Swedish relations or foreign policy, and they have never become the subject of special research. Based on a vast set of sources deposited in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), and the Swedish National Archives (Riksarkivet), the article provides an overview of major diplomatic events of the Russian-Swedish relations of 1718–1724, paying close attention to the language of negotiations, peace treaties, ratifications, and correspondence. At the time, when both sides used their national language, the traditional bilingualism of the Russian-Swedish diplomatic documents coexisted with the active use of the German language as a neutral one. More particularly, this was due to the lack of Swedish translators in Russia and the fact that both Russian and Swedish diplomats were of German descent or spoke German. However, the author argues that the use of German was not obvious and had limits, as languages of diplomacy retained their symbolic meaning. Traditionally, the formation of the Petrine diplomatic system is described as a departure from tradition, the inclusion of Russia into the eighteenth-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 22-48-04402.

** Citation: Larina, Ya. (2023). Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842.

Цитирование: Larina Ya. C Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: The Chronicle of Language Choice // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842 / Ларина Я. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1196–1214. DOI 10.15826/qr.2023.4.842.

century state system, and its adaptation to the diplomatic customs of European diplomacy. A review of the Russian-Swedish diplomatic language practices shows that each side employed its language, and Swedish diplomats refused outright to communicate with Russian authorities in German. The author assumes that studying early modern European diplomacy requires a micro-perspective and regional focus. This approach could be more productive for understanding the formation and functioning of early modern diplomacy than the traditional framework of Russian integration into the uniform European diplomatic system.

Keywords: Russia, Sweden, diplomacy, languages of diplomacy, Peter I, 18th century

Языки российско-шведских переговоров, мирных договоров и конгрессов, происходивших в правление Петра I, редко упоминались в работах по истории российско-шведских отношений или внешней политики и не становились объектом специального изучения. На основании широкого круга источников, хранящихся в РГАДА, АВПРИ и шведском Государственном архиве (Riksarkivet), автор статьи предлагает обзор ключевых дипломатических событий в российско-шведских отношениях 1718–1724 гг. Особое внимание уделяется языку переговоров, мирных договоров, ратификаций и переписки. В этот период традиционное двуязычие российско-шведских дипломатических документов, когда обе стороны использовали свой национальный язык, сосуществовало с активным использованием немецкого языка как нейтрального. В частности, это было обусловлено нехваткой переводчиков с шведского в России и немецким происхождением как российских, так и шведских дипломатов или их владением немецким языком. В то же время автор утверждает, что использование немецкого не было само собой разумеющимся и имело пределы, поскольку языки дипломатии сохраняли свое символическое значение. Складывание дипломатической системы в эпоху Петра I рассматривалось исследователями в парадигме отхода России от своих традиций и одностороннего приобщения к европейской дипломатической культуре. История российско-шведских дипломатических практик показывает, что обе стороны использовали национальные языки, а шведские дипломаты зачастую отказывались вести коммуникацию на немецком. По мнению автора, возможно, более продуктивным для понимания функционирования дипломатии раннего Нового времени окажется не столько сравнение петровской системы с европейской, сколько характеристика дипломатических (в том числе языковых) практик на двустороннем и региональном уровнях.

Ключевые слова: Россия, Швеция, дипломатия, языки дипломатии, Петр I, XVIII в.

Изменения в российской дипломатии, произошедшие в правление Петра I, часто трактовались в историографии в парадигме «разрыва с традицией» [Bohlen, p. 341, 346], одностороннего приобщения к устоявшейся системе европейских дипломатических отношений, ее языковым и церемониальным практикам. При этом языковые традиции российско-шведской дипломатии оказывались на периферии или даже за пределами европейского контекста: «Шведский язык оставался до конца века (XVII. – Я. Л.) исключительно экзотическим языком в европейской

дипломатии. Переговоры и дипломатическая переписка с другими государствами не могли вестись на шведском. Соответствующие попытки служили скорее отстаиванию культурного и дипломатического равенства, чем утверждению шведского в Европе» [Droste, S. 163]¹.

В первой четверти XVIII в. в российско-шведской дипломатической коммуникации немецкий язык приобретал все большее распространение. Динамика и причины этого процесса остаются до сих пор малоизученными. Симптоматично замечание Й. Буркхардта, что даже для многих историков факт заключения Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией на немецком языке остается неизвестным или неожиданным [Burkhardt, S. 503]. При этом факт составления текста Ништадтского мирного договора на немецком языке он рассматривает и объясняет вне контекста языковых практик России и Швеции во время интенсивной дипломатической коммуникации до и после 1721 г. Впрочем, даже в специальных работах, посвященных ключевым событиям в истории российско-шведской дипломатии первой четверти XVIII в. [Hartman; Фейгина; Никифоров; Некрасов; Проскурякова], не уделялось внимания языкам переговоров, мирных договоров, дипломатической переписки – зачастую эти сведения не так просто найти. В 2021 г. было осуществлено факсимильное издание экземпляра договора, хранящегося в АВПРИ, с небольшим археографическим пояснением, но без обращения к обстоятельствам и причинам его составления на немецком языке [Текст Ништадтского мирного договора].

В статье предлагается обзор основных событий российско-шведских отношений в 1718–1724 гг. в их языковом измерении, в особенности обстоятельств обращения к немецкому языку. Выбор хронологических рамок обусловлен интенсивностью дипломатических контактов в этот период: в конце Северной войны по мере поиска способов урегулирования этого конфликта активизировалась дипломатическая коммуникация. Завершение войны и подписание мирного договора состоялись в ходе продолжительного Ништадтского мирного конгресса; результаты Северной войны (территориальные приобретения России, изменение баланса сил в Европе, усиление России, ослабление Швеции и др.) и принятие Петром I императорского титула требовали дальнейших дипломатических решений (делимитации границы, урегулирования проблемы признания императорского титула Петра I в Швеции, выработки основ дальнейшего взаимодействия двух государств и т. п.).

Изучение обстоятельств использования немецкого языка или отказа от него в российско-шведской дипломатической коммуникации в динамике на протяжении нескольких лет (1718–1724), весьма насыщенных дипломатическими событиями, позволит осветить причины использования немецкого языка или отказа от него, а также увидеть, зависел ли языковой выбор от политической ситуации, отражая конфликты или стремление к согласию, или был обусловлен иными прагматическими причинами.

¹ Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

Традиционно российские и шведские монархи обменивались грамотами на своих национальных языках (русском и шведском), тексты мирных договоров и пограничных соглашений также, как правило, составлялись на русском и шведском (оригинал текста на русском языке отправляли в Стокгольм, а на шведском – в Москву) [Westrin, s. 337; Ahnlund, s. 115].

Известны случаи, когда в XVII в. стороны отказывались использовать на различных уровнях дипломатической коммуникации немецкий язык. Так, во время межевания границы после заключения Столбовского мира взятый в Москве переводчик с шведского языка в дороге заболел, и пришлось привлечь к работе другого, чьим языком был немецкий [Селин, 2019, с. 132]. Посольский приказ указывал русским послам на необходимость использования немецкого языка в шведском экземпляре пограничного соглашения, однако «шведы отказывались писать свой экземпляр “хараты” по-немецки, настаивая на шведском языке» [Там же, с. 154]. Часто возникали трудности и даже скандалы из-за недостатка или низкой квалификации переводчиков [Селин, 2016, с. 519, 529]. Однако шведская сторона не соглашалась для упрощения коммуникации использовать другой язык: «Весной 1662 г. новгородский воевода кн. И. Б. Репнин обратился к генерал-губернатору С. Г. Гельмфельдту о дальнейшей переписке между ними “по-цесарски”, т. е. собственно на немецком языке... генерал-губернатор С. Г. Гельмфельдт отвечал, что это для него невозможно, и он не может отказаться от шведских секретаря и канцеляриста» [Там же, с. 529].

Шведская сторона отказывалась использовать нетрадиционный язык в дипломатической коммуникации и с другими странами. Когда в 1642 г. шведский посол на Вестфальском мирном конгрессе Юхан Оксеншерна (Johan Oxenstierna)² сообщил своему отцу канцлеру Акселю Оксеншерне (Axel Oxenstierna), что писал французскому послу на конгрессе графу д'Аво на латыни, но получал от него ответы неизменно на французском языке, А. Оксеншерна рекомендовал следующее:

Dine vexleschiffter medh herr Davaux hafver jag genomläsedt, finner dem skälige och ex dignitate. Och ändoch du hafver lathedt igenom din schriffvelse påminna honom att schriffva på latin och nu förfrågar dig huru du skaltt bära dig åth, så holler jag före att, så frampt ded icke alleredhe åhr skeett, där han ähnnu medh francösiskan continuerer, du då schriffver på svenska och brukar däruthinnan svensk seedh inntill des han begynner schriffva på latin [Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna]³.

² Здесь и далее фамилии шведских дипломатов приводятся на русском языке в соответствии с традициями отечественной историографии.

³ «Я прочитал твою переписку с господином д'Аво и нахожу ее подходящей и достойной. И хотя ты напомнил ему, что ему стоит писать на латыни, и теперь спрашиваешь, как тебе поступить, я считаю, если он продолжит писать на французском, отвечай ему на шведском до тех пор, пока он не начнет писать на латыни».

Э. Хаммар приводит свидетельство из дневника 1653–1654 гг. английского чрезвычайного посла при дворе королевы Кристины Балстрода Уайтлока (Bulstrode Whitelocke), согласно которому А. Оксеншерн сопротивлялся использованию французского в качестве дипломатического языка, «поскольку не понимал, почему одной нации следует отдавать предпочтение перед другими, почему иностранцы должны говорить на ее языке» [Hammar, s. 14]. Он был поборником латыни как общего языка дипломатии и пытался сдерживать проникновение в дипломатические документы и общение немецкого и французского языков, хотя владел ими [Ahnlund, s. 115–117].

В этом контексте представляются необходимыми отход от одностороннего изучения российских дипломатических практик в парадигме разрыва с традициями и изучение трансформации языкового выбора на уровне двусторонних российско-шведских отношений с учетом позиции шведской стороны. Такой подход позволит приблизиться к пониманию формирования и функционирования европейской дипломатии раннего Нового времени.

Аландский конгресс 1718–1719 гг.

Хотя полномочные грамоты обоих монархов своим представителям на конгрессе были по традиции написаны на национальных языках, основным языком Аландского конгресса стал немецкий. Этому было четыре основных причины.

Во-первых, из-за дефицита кадров и высокой загруженности переводчиков российская сторона смогла привлечь к полноценной работе на конгрессе только переводчика с немецкого языка Степана Волкова [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 1. Л. 16 об.; Д. 5. Л. 4].

Во-вторых, дипломаты с обеих сторон – российские уполномоченные на конгрессе Андрей Иванович Остерман, Яков Вилимович Брюс и находившийся в России вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, шведские уполномоченные Георг Генрих фон Гёрц (Georg Heinrich von Görtz) и Карл Гилленборг (Carl Gyllenborg) – были носителями немецкого языка или свободно владели им. Более того, немецкий вошел в практику внутренней переписки сторон: П. П. Шафиров и А. И. Остерман вели частную переписку о делах конгресса на немецком [Там же. Д. 1], шведские уполномоченные Г. Гёрц и К. Гилленборг писали донесения Карлу XII тоже на немецком языке [RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718].

В-третьих, стороны договорились для упрощения и ускорения начала переговорного процесса использовать немецкий – в частности, прикладывать к полномочным грамотам и паспортам копии на этом языке [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 6. Л. 32; Д. 16. Л. 52]. Как отмечали исследователи, позиция сторон по вопросам языка служила индикатором: уступчивость в выборе языка свидетельствовала о стремлении достичь политического соглашения, в то время как непримиримость

в этом вопросе говорила об обратном [Braun, S. 106]. А в ситуациях, когда дипломаты стремились избежать жесткого открытого противостояния, конфликт мог переноситься в более безобидную плоскость языка [Osthus, S. 90].

В-четвертых, немецкий был нейтральным языком, «неприродным» ни для одной из сторон, и не нарушал их дипломатического равенства. В то же время в 1719 г. шведский уполномоченный Юхан Лилиенстедт (Johan Lillienstedt) отказывался допустить на конгресс прусского уполномоченного Густава фон Мардефельда (Gustav von Mardefeld), поскольку по традиции Швеция сносила с имперскими князьями на латинском языке, а «прусская полная мочь на немецком языке яко на природном написана, а его, Лилиенштета, на латинском яко на чужем» [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1719 г. Д. 5. Л. 523–523 об.].

На немецком языке в ходе Аландского конгресса были написаны большая часть переписки российских и шведских дипломатов [Там же. 1718 г. Д. 16; RA. *Diplomatica. Muscovitica*. Vol. 126. *Brev från ryska plenipotentiarierna 1717–1718*], декларация об отмене церемониала на конгрессе [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 16. Л. 111–111 об.], паспорта судам отходящим и приходящим [Там же. Д. 6. Л. 159–164], проекты мирного договора [Там же. Д. 11. Л. 126–136 об., 137–144 об., 145–148, 149–154 об.].

Незадолго до начала и в ходе Аландского конгресса появились примеры, когда и к царским грамотам, адресованным шведским монархам, прилагались копии на немецком языке. Так, на русском языке была написана грамота Петра I шведской королеве Ульрике Элеоноре от 31 марта 1719 г. (направленная в ответ на ее известительную грамоту от 4 февраля о смерти Карла XII) с соболезнованием в связи с его кончиной и извещением об отправлении в Швецию бригадира Лефорта с поздравлением по случаю ее вступления на престол [Там же. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 1–2 об.]. Согласно делопроизводственной записи, к оригинальной русской грамоте не была приложена копия ни на шведском, ни на немецком языке, однако одна немецкая копия была дана Лефорту, чтобы он мог подать ее в случае необходимости [Там же. Л. 3]. Сохранился ее отпуск на немецком языке [Там же. Л. 4–6 об.]. Также 31 марта 1719 г. была подписана царская грамота супругу шведской королевы Фридриху Гессен-Кассельскому с соболезнованиями о кончине Карла XII и одновременным поздравлением с вступлением на престол его супруги. К грамоте на русском языке была приложена немецкая копия [Там же. Л. 9, 10–11], а «надпис на коверте учинена по французски»: «A son Altesse Le Prince Hereditaire de Hessen Cassel Notre cher Cousin. Его высочеству наследному принцу Гесен Каселскому Нашему любезному племяннику⁴» [Там же. Л. 8 об., 11]. Вероятно, в данном случае приложение копии на немецком было обусловлено происхождением Фридриха Гессен-Кассельского, для которого немецкий был родным

⁴ Так у переводчика XVIII в., приведен современный оригиналу перевод.

языком. Также сохранились копии грамоты Петра I шведской королеве от 21 августа 1719 г. на русском и немецком языках [РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1719 г. Д. 1. Л. 12–18 об., 34–45].

Ништадтский мирный договор 1721 г.

Ко времени заключения Ништадтского мирного договора уже был накоплен опыт Аландского конгресса. Поскольку мы располагаем сведениями о том, что проект мирного договора на Аландах был составлен на немецком языке, вполне логичным представляется и факт составления Ништадтского мирного договора на немецком. Были составлены два идентичных экземпляра, оба были подписаны 30 августа 1721 г. всеми – как шведскими, так и российскими уполномоченными [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466. Л. 1–12; RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b].

Петр I 9 сентября 1721 г. подписал ратификационную грамоту на договор на русском языке. Она включала, как и требовалось, полный текст Ништадтского мирного договора. Однако он был изначально написан на немецком языке, а текст ратификационной грамоты был полностью написан на русском – получалось, что он включал не оригинальный немецкий текст, а его перевод на русский язык. Язык ратификаций был самым консервативным, такие грамоты давались только на русском языке. Несмотря на готовность заключить мирный договор на немецком, эта традиция была соблюдена. Для исключения возможных осложнений и протестов с шведской стороны вместе с русским оригиналом ратификации была сшита ее копия на немецком, которую заверил П. П. Шафиров:

Daß gegenwertiges Teutsches dem Reußischen Original in allem conform, solches wird von mir auff hohen Befehl affirmo. Peter Freyherr von Schaphiroff, als Ihro Zaarischen Ma[jestät] Wirklich[er] Geheimbt Rath und vice Cantzler [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D]⁵.

Более того, в связи с тем, что ратификационная грамота, включавшая мирный договор, была дана на русском с приложением копии на немецком, российские полномочные министры Я. В. Брюс и А. И. Остерман 19 сентября 1721 г. подписали в Ништадте специальную декларацию:

Als declariren und versichern wir unterzeichnete S[einer] Czaar[ischen] M[a]jestät Ministres-plenipotentiaires hiemit, daß in S[einer] Czaar[ischen] M[a]jestät Cantzeley alle Ratificationes nebst denen errichteten Tractaten in der Reuß[ischen] Sprache und nicht anders ausgefertigt werden, und das man

⁵ «Что настоящий немецкий с русским оригиналом во всем сходен, по высочайшему повелению подтверждаю. Петр барон фон Шафиров, его царского величества действительный тайный советник и вице-канцлер».

bey vorfallenden Begebenheiten an den Inhalt des deutschen Exemplars sich zu halten soll berechtiget seyn [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D]⁶.

В свою очередь, в шведской ратификационной грамоте титулы, преамбула и завершение ратификации были написаны на шведском языке, текст договора был внесен на немецком языке, а копии ни на каком языке приложено не было [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466. Л. 1–12; Там же. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 32. Л. 2 об. –3].

Демаркация российско-шведской границы в 1722–1723 гг.

Проекты мирного договора на Аландском конгрессе и Ништадтский мирный договор были составлены на немецком языке как нейтральном, «неприродном» для обеих сторон. Тогда выбор языка был продиктован прагматическими соображениями и не стал предметом конфликта. Однако подобного единодушия вовсе не наблюдалось в 1722–1723 гг. при проведении новой российско-шведской границы. Российские комиссары Иван Максимович Шувалов и Иван Васильевич Стрекалов и шведские Аксель Лёвен (Axel Löwen) и Якоб Юхан Фабре (Jacob Johan Fabre) должны были провести разграничение, составить записи о новой границе («инструмент») и разменяться ими.

Когда линия разграничения была определена, выяснилось, что «в написании о том записей швецкие комиссары еще затруднение чинят» – они отказывались приводить в пограничном соглашении императорский титул Петра I (который еще не был признан в Швеции), требуя указать его, как в Ништадтском мирном договоре, и «чтоб те обе записи подписать обоих стран всем комиссаром, и дабы оные писаны были со обоих стран на немецком языке, а не на росииском и не на свейском» [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1722 г. Д. 26. Л. 112 об. –113]. Согласно протоколу конференции А. И. Остермана с шведским посланником Германом Цедеркрейцем (Herman Cedercreutz) от 15 ноября 1722 г., российская сторона предложила уполномоченным составить каждым свой вариант пограничного соглашения:

...Чтоб те записи разграничения написаны были с свейской стороны на свейском или немецком, а с нашей – на росииском языке, ибо наши комиссары понемецки не умеют, и тако им невозможно тем языком записи писать, котораго не обучались, и те б записи ради разности титула Его императорского величества комиссары каждые токмо свою подписали, и розменялись, и таким образом сие дело кончали [Там же. Л. 113 об. –114].

⁶ «Декларируем и уверяем сим мы, нижеподписавшиеся его царского величества полномочные министры, что в канцелярии его царского величества все ратификации вместе с учиненными трактатами составляются не иначе как на русском языке и что во всех приключаящихся случаях следует придерживаться содержания немецкого экземпляра».

30 марта 1723 г. российские и шведские уполномоченные подписали записи о границе и поменялись ими. Сторонами был достигнут компромисс. Оригинальный экземпляр русского пограничного «инструмента» составлен на русском языке и подписан только И. М. Шуваловым и И. В. Стрекаловым, к нему приложен (прошит тем же шнуром) перевод этого текста на шведский язык, заверенный переводчиками, участвовавшими в переговорах:

Att detta med föregående sielfwa Original gräntze Tractaten är af lyka innehåld, betyge wy underskrefne ut Supra Alexius Mankewitz Ryss[ka] Translat-eur, Friedrich Wittstock Swänska Transl[ateur]. [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A]⁷.

Шведский экземпляр был составлен на шведском языке и подписан только шведскими уполномоченными А. Лёвеном и Я. Ю. Фабре. К нему также приложен перевод на русский язык, удостоверенный переводчиком Ф. Виттстоком⁸ [Ibid. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. SE/RA/25.3/2/22/B]. Ратификации, включавшие записи о границе, были составлены на национальных языках [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 700. Л. 384; RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C].

В данном случае несогласие по поводу языка отражает политические разногласия – нежелание шведской стороны признавать императорский титул Петра I и нежелание российской стороны отказаться от его включения в текст договора, что делало невозможным составление единого текста на немецком языке по примеру Ништадского мирного договора. В то же время найденное компромиссное решение при выборе языка (возврат к традиции подписания каждой стороной только экземпляра на своем языке) свидетельствует о готовности снизить конфликтность ситуации, завершить урегулирование границы, не прерывая переговоров.

⁷ «Что этот [текст] одного содержания с предшествующим [ему] собственно оригинальным трактатом о границе, удостоверяем мы, нижеподписавшиеся ut supra Алексей Манкевич, русский переводчик, Фридрих Виттсток, шведский переводчик». А. И. Манкевич (Манкиев, Манкеев) служил секретарем у русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова, с 1720 г. – переводчик с шведского, латинского и польского в Коллегии иностранных дел (КИД), в 1721 г. был переводчиком на Ништадтском конгрессе, в 1722 г. был определен в Комиссию по разграничению, умер 16 мая 1723 г. [см. об этом: Долгова, с. 337].

⁸ Копия шведского экземпляра пограничного договора сохранилась в шведском Государственном архиве вместе с оригиналом русского экземпляра и ратификацией. Ее соответствие оригиналу, переданному русским комиссарам, удостоверено А. Лёвеном и Я. Ю. Фабре: "Att denne Copia är enligt med det til Ryske Commissarierne öfvergifne Original Instrument, attestere Axel Löwen, Jacob Johan Fabre" [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B] (перевод: «Что эта копия согласна с переданным русским комиссарам оригинальным инструментом, свидетельствуют Аксель Лёвен и Якоб Юхан Фабре»).

Признание императорского титула Петра I в Швеции в 1723 г.

Императорский титул Петра I был признан в Швеции на риксдаге в июне 1723 г., а 8 июля шведский король подписал соответствующую поздравительную грамоту императору на шведском языке, ее копия была отправлена в Россию посланником в Стокгольме Михаилом Петровичем Бестужевым [АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 475. Л. 4–5 об., 9–10 об.]. Однако до окончательного разрешения этого вопроса и вручения оригинальной грамоты шведским посланником в России самому императору шведская сторона потребовала от М. П. Бестужева подписать специальную декларацию о том, что признание императорского титула не повлечет за собой изменения церемониала и не нарушит равенства российского и шведского монархов. Такая декларация на немецком языке была подписана им в Стокгольме 24 октября 1723 г. [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklaration angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A].

Петр I 28 ноября 1723 г. подписал ратификационную грамоту на декларацию М. П. Бестужева, которая включала ее текст «от слова до слова». Но поскольку она была традиционно написана на русском языке, а первоначальный текст М. П. Бестужева – на немецком, к ней был приложен и прошит тем же шнуром перевод ратификации на немецкий с включением оригинального немецкого текста декларации [Ibid. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B].

На конференции в Коллегии иностранных дел (далее – КИД) шведскому посланнику Г. Цедеркрейцу 29 ноября 1723 г. были переданы оригинальная декларация («реверс») Бестужева и ее ратификация, после чего ему мог быть назначен день аудиенции для принятия от него поздравительной грамоты шведского короля о признании императорского титула Петра I [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 118–118 об.].

Стокгольмский договор 1724 г.

После того, как в Швеции был признан императорский титул Петра I, стороны вновь перешли к бесконфликтному использованию немецкого языка в двусторонних договорах – общий текст Стокгольмского союзного оборонительного договора, заключенного М. П. Бестужевым с шведскими дипломатами 22 февраля 1724 г. (включая секретный и секретные артикулы), был составлен на немецком языке [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A].

Царская полномочная грамота, данная М. П. Бестужеву для ведения переговоров и заключения договора, была написана на русском языке с приложением копии на немецком языке [Ibid. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestuscheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db]. Ратификационная грамота царя была написана на русском языке, однако к ней был при-

ложен перевод на немецкий язык [RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E].

После признания императорского титула Петра I и, соответственно, преодоления разногласий по поводу его употребления в текстах договоров стороны вернулись к прагматическому использованию нейтрального немецкого языка, тем более что дипломаты, которые вели предварительные переговоры об условиях заключения договора и вырабатывали его текст (А. И. Остерман, Й. Цедергельм, Д. Н. Гёпкен, М. П. Бестужев и др.), были носителями немецкого языка или свободно владели им, участвовали в дипломатических переговорах предшествующих лет и (как будет показано далее) вели переписку о его заключении в 1722–1724 гг. в основном на немецком языке.

Язык коммуникации шведских дипломатических представителей в России

Еще одним уровнем, на котором использовался немецкий язык в рассматриваемый период, была коммуникация шведских дипломатов в России – их патенты, мемориалы и, вероятно, конференции в КИД.

Патенты шведским дипломатам давались на шведском языке, но с приложением копий на немецком, с которых в КИД делали переводы. Например, патент шведского секретаря комиссии Сихмонта Паулина (Sichmont Paulin), присланного в сентябре 1723 г. «в российском языке вспоможение чинить» посланнику Г. Цедеркрейцу [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 22. Л. 2–2 об., 5–5 об.]. «Полная мочь» Томаса Книперкроны на должность агента также была дана на шведском языке [Там же. Д. 18. Л. 12–12 об.] с приложением в КИД копии на немецком [Там же. Л. 13–13 об.].

В КИД чрезвычайный посланник Г. Цедеркрейц подавал мемориалы на немецком языке [Там же. 1722 г. Д. 26. Л. 2–8 об., 40–42, 47–48, 67–68; Там же. 1723 г. Д. 18. Л. 4–5, Л. 7–7 об.]. К некоторым мемориалам были приложены переводы на русский, предоставленные самим Г. Цедеркрейцем, другие переводили переводчики с немецкого в КИД Петр Ларионов, Иван Келлерман, Петр Волков и Косьма Хрипунов. Более опытные из них поправляли выполненные другими коллегами переводы и свидетельствовали их правильность.

В протоколах конференций шведского посланника Г. Цедеркрейца 1722–1723 гг. в КИД не отмечено, на каком языке происходило общение – никаких помет о присутствии переводчика или переводе нет, черновик и беловой текст протокола написаны на русском. В то же время содержатся фразы «росииския министры предлагали ему... на что он ответствовал...», «он, посланник, объявил...», «посланник на то объявил...» [Там же. 1722 г. Д. 26. Л. 84–85].

В протоколе конференции 15 ноября 1722 г. отмечено, что «был в апартаменте коллегии иностранных дел по призыву швецкой чрезвычайной посланник барон Цедеркрейц, с которым тайной советник

господин барон Остерман имел конференцию», при этом «в начале тайной советник господин барон Остерман объявил шведскому посланнику... шведкой посланник на сей 1 пункт во ответ объявил» и т. д. [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. Л. Л. 111–111 об.].

Протоколы конференции 24 апреля 1723 г. с шведским и прусским посланниками в КИД также написаны на русском языке, но не содержат никаких сведений о том, на каком языке они велись и присутствовал ли переводчик. Хотя отмечено: «росииския министры им объявили...», «и на то сначала шведкой министр объявил...», «а пруской ответствовал, что...», «после того остался один шведкой министр, и оному говорено...» [Там же. 1723 г. Д. 18. Л. 24–26 об.].

Пока можно только предположить, что рабочим языком конференций мог быть немецкий – с учетом языка мемориалов и сохранившегося письма Г. Цедеркрейца А. И. Остерману по обсуждавшимся тогда вопросам на немецком языке.

Язык переписки российских и шведских дипломатов

Основным языком коммуникации на Аландском конгрессе был немецкий. Переписка российских и шведских уполномоченных, которая велась при подготовке Аландского конгресса и во время их отлучек с места переговоров, происходила преимущественно на немецком языке [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 16; RA. *Diplomatica. Muscovitica*. Vol. 126. *Brev från ryska plenipotentiarierna 1717–1718*]. П. П. Шафиров также вел переписку с Г. Гёрцем на немецком [РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 15]. Однако Г. Гёрц и К. Гилленбург писали А. И. Остерману иногда и на французском [Там же. Д. 16. Л. 119–124 об.]. А переписка А. И. Остермана с прусским полномочным министром Г. Мардефельдом полностью происходила на французском языке [Там же. Д. 17]. В письмах Аландского конгресса не всегда можно объяснить смену языка, выбор одним и тем же корреспондентом в одном случае немецкого, а в другом – французского.

В то же время на примере писем шведского чрезвычайного посланника в России Г. Цедеркрейца А. И. Остерману можно предположить, что немецкий использовался для писем более формального, а французский – неформального характера. Так, письмо Г. Цедеркрейца от 14 ноября 1723 г. с обращением к А. И. Остерману “*Hochwohlgebohrener Herr Baron und Geheimter Rath*”⁹, в котором он сообщал о готовности шведского короля завершить процедуру признания императорского титула Петра I в связи с ратификацией императором «реверса» М. П. Бестужева, было написано на немецком языке [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 109–110 об.].

Незадолго до этого 9 октября 1723 г. Г. Цедеркрейц написал А. И. Остерману более частное письмо на французском языке с просьбой о выдаче шведским властям танцмейстера Шульца: «*Monsieur...*

⁹ «Высокоблагородный господин барон и тайный советник».

S'il vous plait cher frer de parler a Sa Majeste touchant le Maitre de danse Schultz »; переводчик КИД Франц Шевиус перевел это как «Прошу вас, моего государя, да изволите Его императорскому величеству донести о танцмейстере Шульце», опустив выражение «cher frer» – «дорогой брат» [АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/1. 1723 г. Д. 18. Л. 100–100 об., 102].

Сохранилась переписка А. И. Остермана с шведскими дипломатами Йосиасом Цедергельмом (Josias Cederhielm), Даниэлем Никласом фон Гёпкеном (Daniel Niklas von Hörken) и Карлом Гилленборгом (Carl Gyllenborg)¹⁰ 1722–1724 гг., в которой обсуждались вопросы признания императорского титула Петра I и заключения союзного оборонительного договора [Там же. 1722 г. Д. 21; Там же. 1723 г. Д. 19; Там же. 1724 г. Д. 8].

Количественно и по языкам представленные в делах письма этих корреспондентов распределяются следующим образом: письма Д. Н. Гёпкена – всего за три года семь, из них шесть – на немецком, одно – на французском; Й. Цедергельма – всего за три года 20, из них 16 – на немецком, четыре – на французском; К. Гилленборга – всего три, все на французском. В деле сохранилась и таблица шифра – «Цифирь с Цедергелмом» на французском языке [Там же. 1724 г. Д. 8. Л. 36–37], однако шифрованных текстов писем в делах нет. Сохранились пять отпусков писем А. И. Остермана Й. Цедергельму (два – на французском, три – на немецком).

С двумя корреспондентами (Й. Цедергельмом и Д. Н. Гёпкеном) А. И. Остерман вел переписку как на французском, так и на немецком языке. Как правило, ответное письмо было написано им на том же языке, что и полученное. При этом письма на немецком имеют включения на французском: это отдельные слова, выражения, постскриптум. Примечателен поздравительный постскриптум на шведском языке к французскому письму Д. Н. Гёпкена от 24 декабря 1722 г.: «Föronske H[erren] Secretararen een frögdefull instundande hälg och där på fölliande et wählsignat Nytt år!»¹¹ [Там же. 1722 г. Д. 21. Л. 30]. Эта смена языка отражала и смену регистра переписки, придавая письму более личный характер.

В переписке российских и шведских дипломатов преобладал немецкий язык, но примечательно появление писем и на французском.

¹⁰ Й. Цедергельм весной 1722 г. вернулся из российского плена в Стокгольм, в 1723 г. был членом центрального органа риксдага – Секретного комитета и его малой секретной депутации, обсуждавшей наиболее важные и секретные внешнеполитические вопросы, в августе 1723 г. был назначен государственным советником [Carlquist]. Д. Н. Гёпкен с 1719 г. статс-секретарь по иностранным делам, к 1723 г. стал одним из самых влиятельных политиков и дипломатов Швеции [Helander]. К. Гилленборг был шведским послом в Лондоне, где в 1717 г. был арестован и выслан в связи с заговором якобитов, затем полномочным министром на Аландском конгрессе, гофканцлером, с 1723 г. он государственный советник и наряду с Й. Цедергельмом член Секретной комиссии, которая занималась важнейшими внешнеполитическими вопросами между сессиями риксдага [Grauers].

¹¹ «Желаю господину секретарю радостного наступающего праздника и последующего благословенного Нового года!»

Однако в рассматриваемый период на французском еще не составлялись грамоты, договоры, ратификации и другие официальные документы, язык которых был традиционным и наименее вариативным.

Подводя итоги, отметим, что в насыщенный дипломатическими событиями период 1718–1724 гг. в российско-шведской коммуникации активно использовался немецкий язык. Это было обусловлено тем, что он воспринимался как нейтральный, «неприродный» ни для одной из сторон. Важно, что он не был общепринятым языком коммуникации на севере Европы, подобно тому, как латынь была *lingua franca* европейской дипломатии. Использование немецкого не было само собой разумеющимся, каждый случай имел свои особенности, ограничения и контекст, что явно показали проблема с полномочной грамотой прусского уполномоченного Г. Мардефельда на Аландском конгрессе или отказ российской и шведской сторон составить записи о границе в 1723 г. на немецком языке.

Однако можно сказать, что в российско-шведской дипломатической коммуникации происходили размывание традиции заключения договоров на национальных языках и появление подписанных обеими сторонами идентичных экземпляров договоров на немецком языке. Это было связано, помимо прочего, с появлением как в Швеции, так и в России все большего числа дипломатов немецкого происхождения и постепенным распространением немецкого даже во внутренней дипломатической переписке.

Со временем происходили формирование европейской профессиональной дипломатической среды и инкорпорирование в нее российских дипломатов, которые сами могли и имели полномочия вести переговоры и переписку, не прибегая к услугам толмачей, а зачастую и переводчиков. Этот фактор был усилен нехваткой в России переводчиков с шведского языка и наличием в большей степени (хотя и перегруженных работой) переводчиков с немецкого.

Для использования немецкого языка и отхода от традиционного двуязычия не столько в личном общении дипломатов, сколько в первую очередь на консервативном уровне мирных договоров требовались взаимная договоренность и готовность к этой смене. Так, в XVII в. именно шведская, а не российская сторона отказывалась от использования немецкого и настаивала на составлении текстов мирных договоров и пограничных соглашений, на ведении переписки на национальных языках. А. Оксеншерн был поборником использования латыни или национальных языков в двусторонних отношениях. Все более активное использование немецкого языка в российско-шведской коммуникации в XVIII в. было связано не только с односторонней адаптацией Россией европейских образцов, привлечением на службу дипломатов немецкого происхождения, но и с соответствующими изменениями и в шведской дипломатической практике.

В то же время язык оставался традиционным отражением политического контекста и был тесно связан с вопросами суверенитета, чести

монарха и дипломатического равенства сторон. По-прежнему политические разногласия могли переноситься в плоскость языка, а конфликты по его поводу могли служить отражением политических конфликтов. В рассматриваемый период эта связь политического и языкового измерений наиболее ярко проявилась при подготовке пограничного соглашения в 1722–1723 гг.: политические разногласия из-за непризнания в Швеции императорского титула Петра I выразились в невозможности составления единого экземпляра на немецком языке.

Представляется, что нельзя сводить причины языкового выбора к какому-то одному фактору. Все они были взаимосвязаны и в совокупности оказывали влияние на языковой выбор дипломатической коммуникации.

Ян Хеннингс проанализировал церемониальные и придворные практики взаимодействия России и европейских государств в 1648–1725 гг. и предложил отказаться от их противопоставления как «неевропейских» vs «сложившихся на основе международного права». Он отметил, что международное право также вырабатывалось постепенно под воздействием изменения дипломатических обычаев и их постепенной же стандартизации и превращения в свод общепринятых норм [Hennings, p. 111].

В петровское время происходила трансформация российской дипломатической системы. Однако, возможно, более продуктивными для понимания как ее места в европейской системе, так и истории дипломатии раннего Нового времени в целом окажутся изучение процесса изменения двусторонних языковых дипломатических практик и сравнение траекторий этих изменений.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 466, 475; Ф. 96. Оп. 96/1. 1722 г. Д. 21, 26; 1723 г. Д. 18, 19, 22; 1724 г. Д. 8.

Долгова С. Р. Русский резидент в Швеции А. Я. Хилков и загадка А. И. Манкиева // Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны : сб. док. / сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. М. : Альянс-Архео, 2015. С. 333–342.

Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М. : Наука, 1964. 274 с.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 498 с.

Проскуракова М. Е. Русско-шведское разграничение в Финляндии и институт пограничных комиссаров после Ништадтского мира // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сб. ст. к 100-летию со дня рожд. И. П. Шаскольского. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 248–286.

РГАДА. Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. Д. 1, 5, 6, 11, 15–17; 1719 г. Д. 1, 5; Ф. 248. Оп. 13. Кн. 700.

Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие : ист. очерки. Изд. испр. и доп. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2016. 864 с.

Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. Изд. 2-е, испр. СПб. : Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 2019. 208 с.

Текст Ништадтского мирного договора : (Из фондов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ) // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи. 1721–2021. М. : Вече, 2021. С. 11–52.

Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

Ahnlund N. Diplomatens språk i Sverige // Svenskt och nordiskt från skilda tider. Stockholm : Norstedts, 1943. S. 114–122.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // Cahiers du monde russe et soviétique. 1966. Vol. 7, № 3. P. 341–358. DOI 10.3406/cmr.1966.1672.

Braun G. Verhandlungs- und Vertragssprachen in der „niederländischen Epoche“ des europäischen Kongresswesens (1678/79–1713/14) // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2011. № 12. S. 103–130. DOI 10.1515/9783486854084.103.

Burkhardt J. Sprachen des Friedens und was sie verraten. Neue Fragen und Einsichten zu Karlowitz, Baden und „Neustadt“ // Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Ehrenpreis, U. Lotz-Heumann, O. Mörke, L. Sejorn-Schütte. Berlin : Duncker & Humblot, 2007. S. 503–519.

Carlquist Gr. Josias Cederhielm. Svenskt biografiskt lexikon // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14710> (accessed: 02.01.2023).

Droste H. Im Dienst der Krone. Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin ; Münster ; Wien : Lit Verlag, 2006. 430 S.

Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna. 1642–03–12 // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/dokument/oxenstierna/00163/0163t.xml#d> (accessed: 02.01.2023).

Grauers S. Carl Gyllenborg. Svenskt biografiskt lexikon // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/13351> (accessed: 02.01.2023).

Hammar E. Franskundervisningen i Sverige fram till 1807. Undervisningssituationer och lärare. Stockholm ; Uppsala : Föreningen för svensk undervisningshistoria, 1981. 187 s. (Årsböcker i svensk undervisningshistoria. Årgång LXI.)

Hartman K. J. Åländska kongressen och dess förhistoria : Del. 1–5.2. Åbo : Åbo akademi, 1921–1931.

Helander A. Daniel Niklas v. Höpken (1669–1727). Stockholm : Isaac Marcus Boktryckeri-Aktiebolag, 1927. 251 s.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XII, 297 p.

Osthus D. Der Friedenskongress als Ort metasprachlicher Konflikte // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress / ed. by A. Gerstenberg. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2014. S. 89–104.

RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718. Vol. 126. Brev från ryska plenipotentiarierne 1717–1718.

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/reXTx26zNY9VzAE7DCIZB6> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/odWdplc65qkwCvSU7zyMID> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/m57ZvKMICKIoES4rgvja00> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestucheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/tuLSCGNnRa2PeoLSwodZv1> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklaration angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/SPYPY7PDqqoe6xiG0qonB0> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B // Riksarkivet: [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/r0zn3Mv4vI9KcMngrkRdW4> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/ItEFz37h6ILQJieRbBi8x3> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/WD3oYfsU4aAEpb8KIT30G1> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/CBUjXSFnzI1TQElbwa6De5> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E // Riksarkivet : [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/8YmcyETrlgPStTjT17Li81> (accessed: 14.05.2022).

Westrin Th. Några iakttagelser angående franskan såsom diplomatiens språk // *Historisk Tidskrift*. 1900. Bd. 20. S. 329–340.

References

Ahnlund, N. (1943). Diplomatiens språk i Sverige. In *Svenskt och nordiskt från skilda tider*. Stockholm, Norstedts, s. 114–122.

AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 163. List 2. Dos. 466, 475; Stock 96. List 96/1. 1722. Dos. 21, 26; 1723. Dos. 18, 19, 22; 1724. Dos. 8.

Bohlen, A. (1966). Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 7. No. 3, pp. 341–358. DOI 10.3406/cmr.1966.1672.

Braun, G. (2011). Verhandlungs- und Vertragssprachen in der „niederländischen Epoche“ des europäischen Kongresswesens (1678/79–1713/14). In *Jahrbuch für Europäische Geschichte*. No. 12, S. 103–130. DOI 10.1515/9783486854084.103.

Burkhardt, J. (2007). Sprachen des Friedens und was sie verraten. Neue Fragen und Einsichten zu Karlowitz, Baden und „Neustadt“. In Ehrenpreis, S., Lotz-Heumann, U., Mörke, O., Schorn-Schütte, L. (Hrsg.). *Wege der Neuzeit. Festschrift für Heinz Schilling zum 65. Geburtstag*. Berlin, Duncker & Humblot, S. 503–519.

Carlquist, Gr. (N. d.). Josias Cederhielm. Svenskt biografiskt lexikon. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14710> (accessed: 02.01.2023).

Dolgova, S. R. (2015). Russkii rezident v Shvetsii A. Ya. Khilkov i zagadka A. I. Mankieva [A. Ya. Khilkov, a Russian Resident in Sweden and the Mystery of A. I. Mankiev]. In Dolgova, S. R., Yakushkin, G. R. (Eds.). *Epistolyarное nasledie russkogo rezidenta v Shvetsii A. Ya. Khilkova (1676–1717). K istorii Severnoi voyny. Sbornik dokumentov*. Moscow, Al'yans-Arkheo, pp. 333–342.

Droste, H. (2006). *Im Dienst der Krone. Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert*. Berlin, Münster, Wien, Lit Verlag. 430 S.

Feigina, S. A. (1959). *Ålandskii kongress. Vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoi voyny* [The Congress of Åland. The Russian Foreign Policy at the End of the Great Northern War]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 546 p.

Från Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna. 1642–03–12. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/dokument/oxenstierna/00163/0163t.xml#d> (accessed: 02.01.2023).

Grauers, S. *Carl Gyllenborg. Svenskt biografiskt lexikon*. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/13351> (accessed: 02.01.2023).

Hammar, E. (1981). *Franskundervisningen i Sverige fram till 1807. Undervisningssituationer och lärare*. Stockholm, Uppsala, Föreningen för svensk undervisningshistoria. 187 s. (Årsböcker i svensk undervisningshistoria. Årgång LXI.)

Hartman, K. J. (1921–1931). *Åländska kongressen och dess förhistoria*. Del. I–V.2. Åbo, Åbo akademi.

Helander, A. (1927). *Daniel Niklas v. Höpken (1669–1727)*. Stockholm, Isaac Marcus Boktryckeri-Aktiebolag, 251 s.

Hennings, J. (2016). *Russia and Courty Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XII, 297 p.

Nekrasov, G. A. (1964). *Russko-shvedskie otnosheniya i politika velikikh derzhav v 1721–1726 gg.* [Russian-Swedish Relations and the Politics of Great Powers]. Moscow, Nauka. 274 p.

Nikiforov, L. A. (1959). *Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoi voiny. Nishtadtskii mir* [Russian Foreign Policy during the Last Years of the Great Northern War. The Peace Treaty of Nystad]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 498 p.

Osthus, D. Der Friedenskongress als Ort metasprachlicher Konflikte. In Gerstenberg, A. (Ed.). *Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, S. 89–104.

Proskuryakova, M. E. (2018). Russko-shvedskoe razgranichenie v Finlyandii i institut pogranichnykh komissarov posle Nishtadtskogo mira [Russian-Swedish Delimitation in Finland and the Institution of Border Commissioners After the Peace Treaty of Nystad]. In *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII–XVIII vv. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. P. Shaskol'skogo*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 248–286.

RA. Diplomatica. Muscovitica. Vol. 125. Plenipotentiarierne vid fredsunderhandlingar på Åland till Kongl. Majt och Kanslikollegium 1718. Vol. 126. Brev från ryska plenipotentarierna 1717–1718.

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Defensivallians. 1724. SE/RA/25.3/2/24/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/CBUjXSFnzIITQEIbwa6Dc5> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Fredsfördrag. 1721. SE/RA/25.3/2/21/A/b. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/reXTx26zNY9VzAE7DCIZB6> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1724. SE/RA/25.3/2/24/E. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/8YmcyETrlgPStTjT17Li81> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/23/B. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/m57ZvKMICKIoES4rgvja00> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Kejsar Peter I: s fullmakt för Bestucheff. 1723. SE/RA/25.3/2/24/Db. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/tuLSCGNnRa2PeoLSwodZv1> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Ryske envoyén Bestuscheffs deklaration angående kejsartiteln. 1723. SE/RA/25.3/2/23/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/SPYPY7PDqqoe6xiG0qonB0> (accessed: 14.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Svensk översättning av ryska originaltraktaten. 1723. SE/RA/25.3/2/22/B. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/r0zn3Mv4vI9KcMngrkRdW4> (accessed: 02.10.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Traktat angående gränsen mellan Sverige och Ryssland. 1723. SE/RA/25.3/2/22/A. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/ItEFz37h6ILQJieRbBi8x3> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1721. SE/RA/25.3/2/21/D. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/odWdplc65qkwCvSU7zyMID> (accessed: 10.05.2022).

RA. Originaltraktater med främmande makter. Ryssland. Tsar Peters ratifikation. 1723. SE/RA/25.3/2/22/C. In *Riksarkivet* [official website]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/arkiv/WD3oYfsU4aAEpb8KIT30G1> (accessed: 02.10.2022).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96. List 4. 1718. Dos. 1, 5, 6, 11, 15–17; 1719. Dos. 1, 5; Stock 248. List 13. Book 700.

Selin, A. A. (2016). *Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funktsionirovanie, nasledie. Istoricheskie ocherki* [The Russian-Swedish Border. Formation, Functioning, Heritage. Historical Essays]. Ed. add. St Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”. 864 p.

Selin, A. A. (2019). *Stolbovskii mir 1617 goda.* [The Treaty of Stolbovo 1617]. 2nd Ed. St Petersburg, Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blits”. 208 p.

Tekst Nishtadtskogo mirnogo dogovora (Iz fondov Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii MID RF) [The Text of the Peace Treaty of Nystad (From the Funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)]. (2021). In *Nishtadtskii mirnyi dogovor i rozhdenie Rossiiskoi imperii. 1721–2021*. Moscow, Veche, pp. 11–52.

Westrin, Th. (1900). Några iakttagelser angående franskan såsom diplomatiens språk. In *Historisk Tidskrift*. Bd. 20, s. 329–340.

The article was submitted on 26.05.2023

**Между Россией и Западной Европой:
дипломатические языки российского представителя
при испанском дворе князя Ивана Щербатова***

Владислав Ржеуцкий

Германский исторический институт в Париже,
Париж, Франция

**Between Russia and Western Europe:
The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov,
a Russian Representative at the Spanish Court****

Vladislav Rjéoutski

German Historical Institute,
Paris, France

This article examines the process of language learning, the acquisition of the codes of polite correspondence, and language practices among Russian diplomats with reference to Prince Ivan Andreevich Shcherbatov (1696–1761), a prominent Russian diplomat at the Spanish, Ottoman, and British courts. Such developments, together with some other changes (such as the shift to appointing resident ambassadors) were significant features of Russian diplomacy during and just after the reign of Peter I and contributed to its integration into the European diplomatic space. The study refers to many previously unused archival sources, such as language-learning exercises, diplomatic and personal correspondence. During his extended stay in London, Shcherbatov learned French including a considerable variety of polite expressions. His mastery of French was to become one of the main tools that Shcherbatov used both in his diplomatic and personal correspondence.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта о языках российской дипломатии XVIII в., который выполняется при поддержке Германского научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft), проект № 465387972. Выражаю признательность Глебу Казакову, Нильсу Маю, Дереку Оффорду, Игорю Федюкину, Софи Хольм и анонимному рецензенту за помощь и советы при подготовке статьи.

** *Citation*: Rjéoutski, V. (2023). Between Russia and Western Europe: The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov, a Russian Representative at the Spanish Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843.

Цитирование: Rjéoutski V. Between Russia and Western Europe: The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov, a Russian Representative at the Spanish Court // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843 / Ржеуцкий В. Между Россией и Западной Европой: дипломатические языки российского представителя при испанском дворе князя Ивана Щербатова // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843.

His personal network consisted of various foreigners, including many who were not French but for whom French was an important lingua franca. Even in his exchanges with Spanish officials, French was a useful medium; Shcherbatov often resorted to this language when replying to Spaniards who tended to use their own language in their letters addressed to foreign diplomats at the time. Despite his excellent command of French, Shcherbatov hardly ever used it in his correspondence with his fellow compatriots, even when dealing with addressees of non-Russian descent. This contrasts the linguistic practices of some of his colleagues of lower rank and social position who chose to use French in their diplomatic correspondence with their compatriots as a communicative strategy. Whether this early use of French should be interpreted as a sign of a new cultural or professional identity is a moot point.

Keywords: language practices, diplomacy, Ivan Shcherbatov, Spain, education, reign of Peter I, communication sphere, 18th century

Рассматриваются процессы изучения языков, освоения кодов вежливой переписки и языковые практики российских дипломатов на примере князя Ивана Андреевича Щербатова (1696–1761), видного русского дипломата при испанском, османском и британском дворах. Такие явления наряду с некоторыми другими (назначениями послов-резидентов) были важными чертами российской дипломатии во время правления Петра I и сразу после него и во многом способствовали ее интеграции в европейское дипломатическое пространство. Исследование основано на большом массиве ранее не использованных архивных источников, включающих языковые упражнения, дипломатическую и личную переписку. Во время своего длительного пребывания в Лондоне Щербатов выучил французский язык, включая большое число вежливых выражений. Он отдавал предпочтение французскому как в своей дипломатической, так и в личной переписке. Сеть его личных корреспондентов включала различных иностранцев, многие из них не были французами, но французский был важным средством общения для них. Даже в общении с испанскими дипломатами Щербатов часто прибегал к французскому, отвечая испанцам, которые в то время были склонны использовать свой язык в письмах, адресованных иностранным дипломатам. Несмотря на прекрасное владение французским языком, Щербатов почти не применял его в переписке с соотечественниками, даже когда имел дело с адресатами нерусского происхождения. Это контрастирует с языковой практикой некоторых его коллег более низкого ранга и социального положения, которые предпочитали использовать французский язык в дипломатической переписке с соотечественниками в качестве коммуникативной стратегии. Открытым остается вопрос, является ли общение на французском в данном случае знаком появления новой культурной или профессиональной идентичности.

Ключевые слова: языковые практики, дипломатия, Иван Андреевич Щербатов, Испания, образование, царствование Петра I, сфера общения, XVIII в.

Развитие проекта «New Diplomatic History» позволило пересмотреть наше понимание дипломатии раннего Нового времени. Был поставлен под сомнение традиционный подход, при котором основное внимание уделялось государствам как единственным акторам международных отношений [Krischer; *Practices of Diplomacy*], объектом исследований стала деятельность самих дипломатов [Alloul, Auwers, p. 118; May], значительное признание получило изучение социокультурных практик в области дипломатии [Scott; *Practices of Diplomacy*, p. 2].

В статье рассмотрены языковые практики российской дипломатии в конце царствования Петра I и в первые годы после его смерти. Предметом исследования стала роль языка в образовании и карьере русского дипломата князя Ивана Андреевича Щербатова (1696–1761), состоявшего торговым, а затем дипломатическим представителем в Испании (1723–1731, сначала в Кадисе, затем в Мадриде), в Константинополе (1731–1732) и в Лондоне (1739–1742, 1743–1746). Этот период оказался действительно переломным для истории российской дипломатической службы: в результате быстрого развития она превратилась в одну из важнейших европейских дипломатий.

Границы между дипломатической и личной перепиской в Европе раннего Нового времени часто были размыты. Однако в документах Щербатова они были проведены вполне определенно: в письмах к петербургскому начальству и иностранным дипломатам он редко делился личными новостями, а в письмах к родным, банкирам, купцам и т. п., как правило, не сообщал политических новостей. Это позволяет проанализировать выбор языка в каждом сегменте его объемной корреспонденции в отдельности.

Данная статья основана преимущественно на изучении архивных документов ОР РНБ¹, материалов из АВПРИ и РГАДА. В отдельных случаях использованы документы Национального исторического архива Испании (AHN, Мадрид) и Шведского национального архива (RA, Стокгольм).

Очерк владения Щербатовым языками продуктивно представить в контексте российской дипломатии XVIII в., акцентируя внимание на жизненном пути дипломата и его выборе языка в различных типах коммуникации. Обращение к практике других российских дипломатов позволяет уточнить, как и в какой степени языковые навыки министерских чиновников того времени отвечали их профессиональным и социальным потребностям.

«Открытие» европейских языков было для России 1720-х гг. еще очень недавним явлением, до правления Петра I (1682–1725) в ней практически отсутствовал институт преподавания современных языков. Незнание языков дипломатами было проблемой русской дипломатии

¹ Собрание документов Щербатова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [ОР РНБ. Ерм. 76, 121, 123, 172; Ерм. Fr. 105] содержит многочисленные копии писем, написанных или полученных князем во второй половине 1720-х – начале 1730-х гг., а также некоторые из писем 1740-х гг.

Неизвестный художник. Портрет
И. А. Щербатова. 1780-е гг.
Государственный Владимиро-
Суздальский историко-
архитектурный и художественный
музей-заповедник

Unknown artist. Portrait
of I. A. Shcherbatov. 1780s. State
Vladimir-Suzdal Historical-
Architectural and Art Museum-
Reserve

XVII в. Так, миссия русских дипломатов в Испанию в 1668 г. столкнулась с трудностями не только из-за незнания культурных кодов и церемониала при испанском дворе, но и из-за отсутствия общего языка общения [см.: Schaub]. Даже во времена Петра I некоторые дипломатические миссии были осложнены именно по этой причине (см. примеры из истории русской миссии в Константинополе: [Amelicheva, p. 107, 123]). Дан Альтбауэр [Altbauer, p. 7–12] выделил две группы дипломатов в петровской России, используя в качестве критериев их образование, профессиональный опыт и пребывание за границей. Однако представляется, что более точной будет трехчастная классификация.

Первую группу образуют лица, никогда не бывавшие подолгу за границей, но построившие карьеру в армии или при дворе и получившие некоторый опыт в кратковременных дипломатических миссиях за рубежом или на длительной службе в России, в Посольской канцелярии. Вторая группа включает несколько десятков дворян, отправленных за границу (в Англию, Голландию, Бранденбург и особенно Венецию) в конце XVII или в первые годы XVIII в., как правило, для обучения мореходному делу, реже – в качестве сопровождающих лиц при своих отцах, состоявших в дипломатических миссиях. В дальнейшем этих дворян стали привлекать на иностранную службу вследствие их высокого социального статуса, знания иностранных языков, западной культуры и нравов. Третью группу составляют молодые люди, которые были посланы за границу (в Кёнигсберг, Нидерланды, Константинополь, Персию) специально для изучения иностранных языков. В частности, некоторые молодые дворяне были прикреплены к вновь образованным российским дипломатическим миссиям в звании «дворян посольства» (*“gentilhomme d’ambassade”*)².

Данная классификация носит отчасти искусственный, схематичный характер, поскольку границы между этими группами не были настолько строгими, как это может показаться: в каждой из них были исключения. Например, некоторое количество дворян уже в 1699 г. были направлены на стажировку в посольство в Гааге, возглавлявшееся Андреем

² Некоторые из будущих сотрудников Посольской канцелярии изучали языки в школе, основанной пастором Эрнстом Глюком и существовавшей на средства канцелярии [Rjéoutski].

Артамоновичем Матвеевым. Некоторые карьерные модели встречаются на протяжении всего изучаемого периода: например, князь Василий Лукич Долгорукий еще в начале 1700-х гг. приобрел опыт работы в составе посольства, возглавлявшегося его дядей князем Григорием Федоровичем Долгоруким, а князь Александр Куракин сопровождал своего отца князя Бориса Ивановича Куракина в Нидерландах уже в 1720-х гг. [Altbauer]. И хотя выявление общих тенденций (например, перехода от дипломатии, основанной на краткосрочных миссиях, к дипломатии резидентов и, соответственно, к появлению у дипломатического корпуса опыта длительного пребывания за границей в российских представительствах) может быть полезным, постулирование четких сценариев представляется малопродуктивным при изучении как российской, так и в целом европейской дипломатии раннего Нового времени.

Случай князя Ивана Щербатова особенно показателен в этом отношении: он провел в Лондоне не менее четырех лет, которые пришлось на конец первой волны длительных поездок русских дворян за границу и на период после ее окончания. Хотя первоначально его задачей было овладение мореходным искусством, в итоге он стал жить в Лондоне, изучая английский и французский языки. Пребывание Щербатова в Англии нетипично и в другом отношении: он долгое время оставался за границей, не имея поддержки со стороны правительства.

Становление дипломата

Письма Ивана Щербатова, написанные им в лондонский период, обнаружены мною в РНБ [ОР РНБ. Ерм. fr. 105 (1717?)]. Папка содержит более 120 писем и несколько переводов различных французских и английских текстов на русский язык. В каталоге это собрание названо анонимным, хотя в конце некоторых писем упоминается имя князя. Найденные документы показывают, что Щербатов приехал в Лондон раньше, чем считалось, поскольку некоторые письма были написаны уже в 1717–1718 гг. Судя по уровню французского в этих текстах, можно с уверенностью предположить, что Щербатов начал изучать его до поездки, вероятно, еще в России.

Письма свидетельствуют о прекрасном владении их автором французской речью. Часть писем представляет собой упражнения в эпистолярном французском, исправленные учителем (гугенотом?), другие были настоящими письмами, которые, вероятно, также исправлял наставник-француз. Учитель отметил «большое увлечение [Щербатова] нашим языком» (“fort[e] ardeur pour nôtre Langue”); во многих письмах князь выражал желание как изучать французский, так и иметь возможность общаться на нем [см. подробнее: Rjéoutski, Offord].

В 1726 г., объясняя свою неспособность читать документы на немецком, Щербатов сообщил в Посольскую канцелярию в Петербурге, что, кроме русского, он знает французский, английский и латинский языки [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 75 об. –76]. Впрочем, латынь в этом сборнике писем не встречается, английский язык присутствует

только в источниках переводов. Основным языком корреспонденции оказывается французский, который, очевидно, имел для Щербатова первостепенное значение. Щербатов тренировался и в разговорной речи: он упоминал о различных возможностях для общения на французском языке, которыми он сумел (или не сумел) воспользоваться – в частности, в кофейнях (*coffee houses*) [ОР РНБ. Erm. fr. 105. Л. 109]. Однако основное внимание он уделял написанию писем, так как количество переводов относительно невелико.

Искусство переписки могло привлечь его особенное внимание потому, что эта форма общения была предпочтительна для дворянина его ранга и вообще для «*honnête homme*». В письмах он придерживался правил вежливой беседы, используя стиль дружеского общения и стремясь обращаться к собеседнику в легком шутливом тоне. Практика ведения переписки требовала владения широким набором формул, в которых адресаты должны были распознать знаки того, что автор владеет правилами вежливого поведения. Например, в письмах Щербатова регулярно встречаются выражения такого рода:

Je viens de mettre votre patience à l'épreuve... (Я позволил себе испытать Ваше терпение...)³;

je me flatte que; J'ose me flatter que... (я льщу (осмеливаюсь льстить) себе тем, что...);

vous ne me sçauvez pas mauvais gré de... (вы не станете осуждать меня за то, что...);

je me donnerai l'honneur de... (я окажу себе честь...);

je suis sans déguisement et sans fard... (я говорю без фальши и притворства...);

vous plait-il bien m'accorder la justice de... (не позволите ли вы мне...);

je tacherai de vous donner des preuves... (я постараюсь дать вам свидетельства того, что...);

Je vous sçay pourtant bon gré du sacrifice que vous avez fait... (Я, впрочем, признателен вам за принесенную вами жертву...);

je me recommande à votre bon souvenir... (препороучаю себя вашей доброй памяти...);

étant avec toute la consideration possible... (пребывая со всевозможным почтением...);

Etant assuré de votre bonté... (Будучи уверен в вашем благоволении...);

je vis avec regret, que... (с сожалением отметил я, что...);

vous voudrez bien m'honorer de la reponse... (вы окажете мне честь своим ответом...);

Cependant agréez que je vous dise en ami que... (Впрочем, позвольте мне сказать вам как другу...);

J'espère que vous ne prendrez rien de tout cela à mauvais part... (Надеюсь, ничего из этого вы не поймете превратно...);

Je prens de nouveau la liberté de... (Я вновь беру на себя смелость...);

Je suis avec beaucoup d'estime... (С большим почтением...)

[ОР РНБ. Erm. fr. 105].

³ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Число и разнообразие этих формул свидетельствуют о том, что Щербатов был вполне подготовлен к вежливой беседе на французском языке.

В письмах также отражены увлечения и занятия князя в Лондоне: наиболее часто упоминается чтение газет [ОР РНБ. Erm. fr. 105. Л. 14–15, 18–25, 32 об., 35–36, 37 об. –38, 41, 47 об., 49 об. –51, 99 об., 105, 106, 108, 108 об.]. Одно из его любимых упражнений состояло в пересказе газетных сообщений своему учителю:

En cas que La Gazette de Hollande soit arrivée, je prendrai le plaisir de la lire, et tout ce que j'y trouverai de remarquable je vous le dirai. J'espère que vous voudrez bien raisonner avec moy sur les nouvelles, comme vous êtes accoutumé de le faire avec tout le monde et principalement avec vos écoliers du nombre de quel je suis.

(Если «Gazette de Hollande» прибыла, я с удовольствием ее прочту, и все примечательное, что найду в ней, я сообщу Вам. Надеюсь, что Вы рассудите вместе со мной о новостях, как Вы обыкновенно делаете это со всеми, но особенно с Вашими учениками, к числу которых я принадлежу) [Там же. Л. 108 об.].

Некоторые из упомянутых им газет были английскими (*The Flying Post*, *The Evening Post*, *St. James's Evening Post*, *The Daily Courant*, *The London Gazette*), другие – голландскими (*Gazette de Hollande*, *Gazette d'Amsterdam*), последние издавались на французском языке. Эти издания были для Щербатова основным источником информации о политических новостях в широком смысле: о суде над царевичем Алексеем в России (*London Gazette*, 18.03.1718) [Там же. Л. 14–15 об.], о манифесте Петра I, провозглашавшем судьбу его сына (*Gazette de Hollande*, 08.04.1718) [Там же. Л. 18–25], о смерти Алексея (*The Daily Courant*, 31.07.1718) [Там же. Л. 35–36], о прибытии кораблей в Петербург (*Gazette d'Amsterdam*, 23.08.1718; *The Daily Courant*, 19.08.1718) [Там же. Л. 37 об. –38], о подписании мира между императором, Венецией и Портой (*The Daily Courant*) [Там же. Л. 32 об.] и других событиях, относящихся к войне австрийцев и венецианцев с турками (*Gazette d'Amsterdam*) [Там же. Л. 106]⁴.

Читая газеты и переводя некоторые материалы из них на русский язык, Щербатов знакомился с терминами, обозначающими высокие политические и государственные посты, например: «Grand Seigneur» (великой господин); «Sultan» (император (или повелитель)); «Le grand sultan» (великий султан) [Там же. Л. 3–5].

По тем усилиям, которые он прилагал к занятиям языками, написанию писем и чтению иностранных газет, можно предположить, что он намеревался сделать дипломатическую карьеру, поскольку эти занятия были обычными для европейских, в том числе и рос-

⁴ Образец письма, полностью посвященного новостям, напечатанным в «Gazette de Hollande», см.: [РНБ. ОР. Erm. fr. 105. Л. 106].

сийских дипломатов того времени [Александренко, с. 282–286]. Действительно, в России первой трети XVIII в. вряд ли была какая-нибудь другая профессия, которая требовала бы таких навыков. В любом случае опыт, приобретенный в Лондоне, и знание иностранных языков, вероятно, повлияли на решение о направлении Щербатова в Испанию⁵ в качестве торгового, а затем и дипломатического представителя России.

Служебная и личная переписка: языковой выбор российского дипломата

Обращаясь к дипломатической и личной переписке Щербатова, мы обнаруживаем в ней многие знакомые формулы вежливого общения, которые он использовал во время занятий в Лондоне.

В первые годы службы в Испании он имел возможность обращаться к монархам и высокопоставленным лицам как письменно, так и устно. На своей первой аудиенции у короля Испании в июне 1726 г. Щербатов произнес речь на французском языке [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 23]. В письме, написанном в 1728 г. герцогу Шлезвиг-Гольштейнскому с обещанием того, что Россия будет поддерживать интересы герцогства в Испании, он также использовал французский язык, как и герцог в своем ответе. По-французски написаны письма Щербатова к первому министру Голштинии Фридриху фон Бассевичу [ОР РНБ. Ерм. 123–1. Л. 55–55 об., 164–165] и к посланнику Голштинии при французском дворе Гумпрехту [Там же. 123–4. Л. 21 об.].

Почти все письма, полученные Щербатовым от испанских чиновников, были на испанском языке (письма Хуана Баутисты де Орендана-и-Аспиликуэты, маркиза де ла Пас (1683–1734), испанского государственного секретаря (то есть министра иностранных дел), и Бальтасара Патиньо-и-Росалеса, маркиза Кастелара (1672–1733), испанского военного секретаря [Там же. 123–1. Л. 78 об. –79, 147 об.]). В этом отношении испанские чиновники следовали традиции, сложившейся при испанском дворе. Щербатов иногда отвечал на испанском, иногда на французском, но его письма на испанском языке наверняка переводились с французского его секретарем (ср. приведенное выше высказывание Щербатова о языках, которыми он владел). Министру иностранных дел Испании он писал в основном на французском языке, например: [Там же. Л. 213, 219–219 об.]⁶.

По-видимому, незнание испанского языка было ахиллесовой пятой Щербатова. Он неоднократно получал выговоры от имени императора из Коллегии иностранных дел за то, что его донесения не были дополнены сведениями, которые он должен был собирать, общаясь с испанскими придворными (апрель 1729 г.) [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1.

⁵ Не вполне ясно, почему именно Испания была выбрана для его первого назначения.

⁶ Позднее, в Лондоне, Щербатов также использовал французский в переписке с британскими дипломатами и официальными лицами, хотя он знал английский язык.

Д. 113. Л. 13, 28, 30], что, вероятно, объясняется его неумением разговаривать по-испански. Хотя знание французского языка было довольно распространено среди испанской элиты, он рассматривался скорее как язык для чтения, а не для устной или письменной коммуникации и уж тем более не как средство общения между самими испанцами [Sanz-Cabrerizo et al.]. Увы, единственный переводчик русской миссии в Испании в 1720-х гг. был неопытен и недостаточно хорошо переводил с испанского на русский [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 61 об. – 62 об.]. Посылать документы на испанском языке в Петербург также не имело смысла, поскольку и там не было переводчика, знающего этот язык [Там же]⁷. Однако секретарь Щербатова, не знавший русского языка, мог переводить с испанского на французский: использование цепочки переводов было распространенным явлением в дипломатии того времени [Schmidt-Rösler]. Щербатов также иногда получал документы на немецком языке, хотя, как он сам объяснял, не знал его и не имел подходящего переводчика. Чтобы отвлечь внимание от своих затруднений в общении на испанском, он заявлял, что на французском языке вели переписку все иностранные дипломаты при испанском дворе [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 122–122 об.].⁸

Помимо официальной корреспонденции Щербатова, в том же архивном фонде хранятся многочисленные письма, написанные им в Испании частным лицам⁹. Неофициальная переписка Щербатова с испанскими дворянами велась как на испанском (несомненно, с помощью секретаря), так и на французском языке. Причины выбора того или другого языка не всегда очевидны. Например, прощальное письмо герцогу Осуна¹⁰ написано по-французски [ОР РНБ. Ерм. 123–4.

⁷ Это подтверждается документом из Петербурга, адресованным Щербатову в июле 1726 г. [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 122–122 об.]. Регулярная корреспонденция, посылавшаяся российским двором в Испанию, переводилась в Петербурге на итальянский и на этом языке вручалась испанским чиновникам [Там же. Д. 97. Л. 24–25]. В состав русского посольства, отправленного в 1687 г. во Францию и Испанию, чтобы заручиться поддержкой в войне против турок, входил лишь один переводчик, который владел немецким и латинским языками [РГАДА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18 (1687). Л. 1 об.].

⁸ Он часто получал документы из других российских посольств в Европе на французском языке. Так, например, полномочный министр России в Гааге граф Головкин прислал ему копию грамоты, посланной английским королем российской императрице, и ее ответ – и то, и другое на французском языке [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 97. Л. 63 (19.08.1726)]. Чуть позже Щербатов поручил перевести эту грамоту и ответ императрицы на испанский и спросил императрицу, следует ли ему их напечатать [Там же. Д. 96. Л. 75 об. – 76]. Документы на немецком языке (предложение датского министра в России Ханса Георга Вестфалена и ответ на него) были присланы ему в ноябре 1726 г. графом Головкиным, опять же во французском переводе [Там же. Л. 94 об. – 95] (письмо от 4 октября 1726 г.). Щербатов поручил перевести эти документы на испанский язык и обратился к министру иностранных дел Испании с просьбой опубликовать их в испанских газетах (11.11.1726) [Там же. Л. 98 об.].

⁹ Таким, как Маркес дель Педросо, Хуан Диас де Торрес, Д. Паскуаль де Вилла Кампа, Франсиско де Руйдиас Зеналло, Хосеф де Ароземена и Гармендия [РНБ. Mss. Ерм. 123–4. Л. 1, 7].

¹⁰ Возможно, это был Хосе Мария Тельес-Гирон-и-Бенавидес, VII герцог Осуна, старший официант короля.

Л. 21], а прощальное письмо Алонсо Манрике де Лара-и-Сильва, герцогу Арко, начальнику конюшен короля Испании, по-испански [Там же. Л. 43], как и письмо к некоей испанской даме (предположительно дворянке) [Там же. Л. 19], хотя языком вежливого общения со знатными женщинами считался французский. Возможно, Щербатов учитывал языковые предпочтения своих корреспондентов.

В собрание также вошло значительное количество писем, посланных князем банкирам и купцам, многие из которых были не-испанского происхождения. Некоторые из них были французами, проживавшими в Испании. Почти все эти письма написаны на французском языке. Щербатов писал по-французски братьям Брету (Bretous), торговцам, вероятно, часовщикам [Nogués-Marco, p. 12], в Мадрид; Жиль-Пену (Giles Pain), влиятельному французскому купцу в Кадисе, который некоторое время представлял французскую общину города (« député de la nation »); Брокеры (Broquerey) в Гранаду, Деба (Debas) в Севилью, Жирару (Girard) в Берлин, Ж. Л. Гимене (Guimené) в Брюссель и др. Действительно, по финансовым и деловым вопросам Щербатов во время своего пребывания в Испании, по-видимому, общался в основном с французскими купцами [ОР РНБ. Ерм. 123–4. Л. 8 об.]; впрочем, мы также находим письма на французском языке, адресованные немцам и голландцам [Там же. Л. 10 и др.]. Иными словами, Щербатов использовал французский язык как *lingua franca* для общения с иностранцами независимо от их происхождения. По-видимому, на формирование его сети контактов, задействованных для решения практических вопросов, влиял набор языков, которыми он владел. Одним из редких исключений из франкофонии, характерной для этой части его переписки, является письмо на английском языке, адресованное Эндрю Кэролу, капитану Уотерфордского полка на испанской службе, который в то время (1730 г.) проживал в Кордове [Там же. Л. 35].

Внутренняя переписка российских дипломатов

Европейские дипломаты, разумеется, обменивались письмами и с коллегами из собственной страны, то есть вели так называемую внутреннюю дипломатическую переписку. Использование родного языка в такой переписке было широко распространено в Европе раннего Нового времени, например, среди испанских дипломатов [ср.: АНН. Estado 3379/1, 3854, 4045]. Однако это правило не было безусловным. Шведские и немецкие дипломаты иногда использовали французский язык в профессиональном общении с соотечественниками. Шведские дипломаты, работавшие в Гамбурге, Ганновере и Париже, уже в конце XVII в. переписывались со своим коллегой в Лондоне Кристоффером Лейонкроном отчасти на шведском, отчасти на французском языке, хотя шведский использовался ими чаще [RA. Anglica, p. 178]. В июне 1740 г. Фридрих II издал указ, согласно которому основным языком внутренней дипломатической переписки

Пруссии стал французский [Schmoller, Hintze, S. 6–7]¹¹. В 1740-х гг. баварский министр при русском дворе Иосиф Мария Николаус, барон Нейгауз, переписывался на французском языке с немецкими дипломатами в Гааге, Кёльне и Берлине; исключение составлял имперский вице-канцлер Иоганн Георг II граф фон Кёнигсфельд, которому Нейгауз регулярно писал по-немецки [АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16].

Щербатов использовал русский язык в переписке с российскими дипломатами, даже с этническими немцами (довольно частое явление в российской дипломатии того времени), такими как, например, Кристофор фон Бранц, российский министр в Амстердаме [ОР РНБ. Ерм. 123–4. Passim]. Пассажи на французском языке в его внутренней дипломатической переписке встречаются крайне редко; примером могут служить письма, посланные Щербатовым российскому министру в Голландии графу Александру Гавриловичу Головкину. В одном из писем (от 09.03.1732?), содержащем только новости по службе и написанном по-русски, Щербатов добавил постскрипту на французском языке, адресованный жене Головкина; несомненно, это было вызвано тем, что использование французского языка в общении с женщинами было принято на Западе и считалось вежливым тоном, а также тем, что жена Головкина Катарина цу Дохна-Феррасьерес была иностранкой [Там же. Mss. Ерм. 123–4. Л. 225; Шатохина-Мордвинцева]. Переход на французский язык в другом письме к Головкину мог объясняться тем, что Щербатов просил своего адресата высказаться в его поддержку, написав французскому генеральному контролеру финансов Филиберу Орри; возможно, Щербатов хотел подсказать Головкину формулировки [Там же. Ерм. 123–4. Л. 64 об.].

В том же архиве хранится любопытная переписка (начиная с 1726 г.) между Щербатовым и Алексеем Андреевичем Вешняковым, помощником русского консула (с 1723 г.), а затем консулом в Кадисе (1726–1729), который впоследствии представлял Россию при османском дворе. В целом Вешняков придерживался того же негласного правила, переписываясь со своим коллегой и соотечественником Щербатовым на родном языке. Однако, в отличие от Щербатова, Вешняков часто переходил на французский.

Иногда по-французски писалась только дата, тогда как текст письма был на русском, но часто встречаются более существенные вкрапления на французском. В некоторых случаях на этом языке написан постскрипту:

P. S. Mon camarade de voyage Monsieur Procope, me prie d'assûrer de ses respects, Vôtre Excellence, et que de Cadiz il auroit humeur de lui écrire lui-même (22.06.1726) [Там же. Ерм. 76. Л. 20 об.].

(Мой попутчик г-н Прокоп просит передать вашему превосходительству свое почтение и сообщить, что он был бы рад написать Вам из Кадиса сам).

¹¹ Я признателен Татьяне Траутман за эти сведения.

Иногда Вешняков пишет на профессиональные темы как в основной части письма, так и в постскрипуме, но в постскрипуме те же вопросы подаются как светские новости, каковыми они в определенной степени и являлись в эпоху, когда дипломатическая и светская сферы не были четко разграничены (один из примеров см.: [ОР РНБ. Ерм 76. Л. 392 об.]). То, что французский язык лучше всего подходил для передачи светских новостей и сплетен, хорошо видно из следующего отрывка:

Только главная новизна а present courante sur les sauffas depuis hier le mariage inattendû de Mademoiselle Catinky Chirak avec Mr. Seleskowitz dragoman allemand, qui a été déclaré hier a midi chez les Peres Trinitaires où Monsieur de Talman donna à diner à toute sa famille et celle de Madame son epouse: le mariage ou plutôt l'amour n'est vieux que de huit jours. On cherche maison pour les nouveaux promis, si on en trouve je crois qu'en trois ou quatre jours se fera aussi la benediction nuptiale. Voici une nouvelle qui je crois fera autant rire Vôte Excellence, comme elle nous a surpris et tout autant du monde qu'il y a en Pera. Nous sommes déjà dans la maison de Vôte Excellence: j'ose vous assurer Monseigneur que je suis, quand a moi, au moins aussi content que le nouveau marié ayant en possession son aimée de huit jours, et moi de mes deux chambres en bas: celle où étoit Sr. Reskin et celle qui est sur la rue, où j'ai laissé en fin les immondices et l'odeur avec les cris des cochons qui etoient les agrements de ma chambre de la maison ou plutot de la prison vielle [sic] et tombante. Г[оспо]да послы по прежнему [нрзб] нас разносят... (14.04.1732) [Ibid. Л. 401 об. –402].

(Только главная новизна [далее – по-французски], о которой со вчерашнего дня говорят на диванах, – неожиданное бракосочетание мадам-муазель Катиньки Ширак с господином Селесковичем, немецким драгоманом; об этом было объявлено вчера в полдень в доме тринитариев, где господин де Тальман давал обед для всей своей семьи и семьи своей жены: браку, или скорее любви, всего восемь дней. Подыскивают дом для новобрачных, и если он найдется, то, думаю, через три-четыре дня брак будет благословлен. Вот, пожалуй, новость, которая рассмешит ваше превосходительство так же сильно, как она удивила нас и всех, кто находится в Пере. Мы уже в доме вашего превосходительства: смею вас уверить, сударь, что я по крайней мере так же счастлив, как новобрачный: источник его счастья на протяжении уже восьми дней – его возлюбленная, а моего – две комнаты внизу: та, где проживал господин Рескин, и та, что выходит на улицу; там я наконец распрощался с грязью, дурным запахом и криками свиней, которые сопровождали меня в [прежнем] доме, который скорее можно назвать ветхой и грозящей развалиться тюрьмой. [далее по-русски] Г[оспо]да послы по прежнему [нрзб] нас разносят...).

В начале письма, которое я не привел, Вешняков сообщает Щербатову некоторые профессиональные новости на русском языке; затем, как мы видим, он переходит на французский, рассказывая о подроб-

ностях одной женитьбы, и наконец вновь пишет на русском, когда речь заходит о вопросах дипломатии.

Для Вешнякова использование французского языка в письме к соотечественнику и коллеге было не вполне самоочевидным: он чувствовал, что поступает вопреки правилам. Это становится ясно из его извинений в другом письме:

Pardonnez Monseigneur, si je finis en une langue étrangere, je sçais qu'elle ne lui est pas et d'ailleurs plait (18.03.1732) [ОР РНБ. Ерм 76. Л. 398 об.].

(Простите мне, милостивый государь, что я завершаю [письмо] на иностранном языке, однако я знаю, что он не чужой для Вас и даже нравится Вам).

Одним словом, письма Вешнякова свидетельствуют не только об уровне владения французским языком российскими дипломатами второй четверти XVIII в., но и о том, что французский успел проникнуть в их профессиональную переписку с русскими коллегами. Можно предположить, что чувство неуверенности, которое Вешняков испытывал, находясь в Константинополе – столице восточной варварской империи, по его собственным словам, побуждало его практиковать общение на языке цивилизованного европейского общества¹².

* * *

Во время длительного пребывания в Лондоне Щербатов изучал французский язык; в частности, он овладел различными формулами вежливого общения, которые затем применял в 1720–1730-х гг., находясь в Испании, в дипломатической и личной переписке. В его круг общения входили иностранцы, в том числе не французы – те, кто использовал французский язык как *lingua franca*. Даже в переписке с испанскими чиновниками, которые в основном обращались к Щербатову по-испански, французский язык выступал важным средством общения, поскольку его использование допускалось испанской стороной, по крайней мере в повседневной дипломатической корреспонденции.

Несмотря на прекрасное владение французским языком, Щербатов практически не использовал его в переписке с российскими дипломатами, хотя некоторые из его адресатов были нерусского происхождения и (или) хорошо знали французский. Другие российские дипломаты в тот же период часто нарушали неформальное правило,

¹² Впрочем, другой русский дипломат, Иван Иванович Неплюев, служивший в Константинополе раньше Вешнякова, с 1721 по 1734 г., и ставший впоследствии сенатором и министром, в своих письмах к Щербатову ни разу не использовал французский или какой-либо другой иностранный язык [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 553. Л. 35–43; Ф. 36. Оп. 2. Д. 10, *passim*]; вероятно, он владел только итальянским, который выучил во время своего пребывания в Венеции, где изучал морское дело в 1717–1719 гг. [см.: Записки Ивана Ивановича Неплюева].

согласно которому французский мог употребляться как язык переписки с иностранными дипломатами, язык светского общения, но не как язык профессионального общения с российскими коллегами. Однако Иван Щербатов практически не отступал от традиции использования русского языка в качестве единственного языка для переписки с коллегами и начальством на российской дипломатической службе, хотя, как можно заключить по обилию писем на французском в его архиве и по разрозненным замечаниям в письмах Алексея Вешнякова, Щербатов увлекался французским языком и любил писать на нем.

Вероятно, не является случайностью то, что Вешняков, неоднократно переходивший в письмах к Щербатову на французский (как и в переписке с другим русским дипломатом – князем Антиохом Кантемиром [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 553. Л. 56–57]), занимал более низкое социальное положение, чем Щербатов. Использование Вешняковым французского языка было частью его коммуникативной стратегии: переходя на него, он символически ставил себя на один уровень с собеседником (о другом примере подобной стратегии см.: [Baudin]). Действительно, французская речь позволяла говорящим и пишущим преодолевать барьеры в социальной и профессиональной иерархии и достигать определенного равенства. Можно предположить, что Щербатову не приходилось прибегать к подобным уловкам.

Следует ли интерпретировать эти ранние примеры использования французского языка в профессиональной переписке российских дипломатов с коллегами-соотечественниками как признак появления у них новой идентичности – профессиональной, социальной или культурной? В отсутствие какого-либо метадискурса, который мог бы объяснить причины перехода на французский язык в данном контексте, можно лишь сделать предположение, что данный узус отражал специфический культурный опыт российских дипломатов, командированных в разные европейские страны: использование французского языка было для них, вероятно, одним из способов обозначить свою принадлежность к сообществу европейских дипломатов.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. 6/1. Д. 16 (1743); Ф. 35. Оп. 1. Д. 553 (1732); Ф. 36. Оп. 2. Д. 10 (1732); Ф. 58. Оп. 1. Д. 96 (1726–1731), 113 (1729).

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке : [в 2 т.]. Варшава : Тип. Варшавск. учеб. округа, 1897. Т. 1. 549 с.

Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб. : А. С. Суворин, 1893. VIII, 197 с.

ОР РНБ. Ерм. 76 (1726–1727), 123–1 (1727–1732), 123–4 (1730); Ерм. fr. 105 (1717). РГАДА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18 (1687).

Шатохина-Мордвинцева Г. А. Дипломат Александр Гаврилович Головкин: новые штрихи к биографическому портрету // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 47–59. DOI 10.31857/S013038640015098–5.

АНН. Estado 3379/1 (1712), 3854, Dinamarca (1708–1800), 4045, Francia (1743–1746).

Alloul H., Auwers M. What is (New in) New Diplomatic History? // J. of Belgian History. 2018. Vol. 48, № 4. P. 112–122.

Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1980. Bd. 28, H. 1. S. 1–16.

Amelicheva M. The Russian Residency in Constantinople: 1700–1714. Russian-Ottoman Diplomatic Encounters : PhD Thesis. Washington, DC : [S. n.], 2016. 1466 p.

Baudin R. Russian or French? Bilingualism in Aleksandr Radishchev's Letters from Exile (1790–1800) // *French and Russian in Imperial Russia* : [2 vols.] / ed. by D. Offord et al. Edinburgh : EUP, 2015. Vol. 2. P. 120–131.

Krischer A. Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der frühen Neuzeit // *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / Hrsg. von J.-P. Niederkorn et al. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. S. 1–32.

May N. Staged Sovereignty or Aristocratic Values? Diplomatic Ceremonial at the Westphalian Peace Negotiations (1643–1648) // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* / ed. by J. Hennings, T. A. Sowerby. L. ; N. Y. : Routledge, 2017. P. 80–94.

Nogués-Marco P. Did Bullionism Matter? Evidence from the Cadiz Shadow Market for Silver, 1729–1741 // *Codexvirtual : Administración de Archivos y Colecciones* Administració de Condominis : [website]. URL: http://codexvirtual.com/hbancaria/wp-content/plugins/documentos/files/65_Nogues_2009_Bullionism_Matter_Cadiz_Market_Silver_1729_1741.pdf (accessed: 21.04.2023).

Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800 / ed. by J. Hennings, T. A. Sowerby. L. ; N. Y. : Routledge, 2017. 320 p.

RA. Anglica 178 (1691–1710).

Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // *Adel und Mehrsprachigkeit in der frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / Hrsg. von H. Glück et al. Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2019. S. 179–201.

Rjéoutski V., Offord D. Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century: Ivan Shcherbatov's Letters to His French Teacher // *University of Bristol. Online Corpus of Documents* : [website]. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx21l2u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf> (accessed: 12.01.2023).

Sanz-Cabrero A. et al. Francophonies in Spain // *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* / ed. by V. Rjéoutski et al. Oxford : Peter Lang, 2014. P. 239–272.

Schaub M.-K. Avoir l'oreille du roi: l'ambassade de Pierre Potemkine et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // *Paroles des négociateurs. Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Age à la fin du XIXe siècle* / dir. S. Andretta. Rome : École française de Rome, 2010. P. 213–228.

Schmidt-Rösler A. 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie // *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess* / Hrsg. von M. Espenhorst. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. S. 167–202.

Schmoller G., Hintze O. Acta Borussica. Denkmäler der Preussischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Behördenorganisation und allgemeine Staatsverwaltung. B. 6/2. Akten vom 31. Mai 1740 bis Ende 1745. Berlin : Verlag von Paul Parey, 1901. 1014 S.

Scott H. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century* / ed. by H. Scott, B. Simms. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 58–85.

References

AHN. Estado 3379/1 (1712), 3854, Dinamarca (1708–1800), 4045, Francia (1743–1746).
Aleksandrenko, V. N. (1897). *Russkie diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII veke v 2 t.* [Russian Diplomatic Agents in London in the 18th Century. 2 Vols.]. Warsaw, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. Vol. 1. 549 p.

Alloul, H., Auwers, M. (2018). What is (New in) New Diplomatic History? In *J. of Belgian History*. Vol. 48. No. 4, pp. 112–122.

Altbauer, D. (1980). The Diplomats of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 28. H. 1, S. 1–16.

Amelicheva, M. (2016). *The Russian Residency in Constantinople: 1700–1714. Russian-Ottoman Diplomatic Encounters*. PhD Thesis. Washington, DC, S. n. 1466 p.

AVPRI [Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 6/1. Dos. 16 (1743); Stock 35. List 1. Dos. 553 (1732); Stock 36. List 2. Dos. 10 (1732); Stock 58. List 1. Dos. 96 (1726–1731), 113 (1729).

Baudin, R. (2015). Russian or French? Bilingualism in Aleksander Radishchev's Letters from Exile (1790–1800). In Offord, D. et al. (Eds). *French and Russian in Imperial Russia*. 2 Vols. Edinburgh, EUP. Vol. 2, pp. 120–131.

Hennings, J., Sowerby, T. A. (Eds). (2017). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., N. Y., Routledge. 320 p.

Krischer, A. (2009). Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit. In Niederkorn, J.-P. et al. (Hrsg.). *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, S. 1–32.

May, N. (2017). Staged Sovereignty or Aristocratic Values? Diplomatic Ceremonial at the Westphalian Peace Negotiations (1643–1648). In Hennings, J., Sowerby, T. A. (Eds). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., N. Y., Routledge, pp. 80–94.

Nogués-Marco, P. (2009). Did Bullionism Matter? Evidence from the Cadiz Shadow Market for Silver, 1729–1741. In *Codexvirtual. Administración de Archivos y Colecciones Administración de Condominios* [website]. URL: http://codexvirtual.com/hbancaria/wp-content/plugins/documentos/files/65_Nogues_2009_Bullionism_Matter_Cadiz_Market_Silver_1729_1741.pdf (accessed 21.04.2023)

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Erm. 76 (1726–1727), 123–1 (1727–1732), 123–4 (1730); Erm. fr. 105 (1717).

RA. Anglica 178 (1691–1710).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 58. List 1. Dos. 18 (1687).

Rjéoutski, V. (2019). Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? In Glück, H. et al. (Hrsg.). *Adel und Mehrsprachigkeit in der frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag, S. 179–201.

Rjéoutski, V., Offord, D. (N. d.). Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century: Ivan Shcherbatov's Letters to His French Teacher. In *University of Bristol. Online Corpus of Documents* [website]. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf> (accessed 12.01.2023)

Sanz-Cabrerizo, A. et al. (2014). Francophonies in Spain. In Rjéoutski, V. et al. (Eds). *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford, Peter Lang, pp. 239–272.

Schaub, M.-K. (2010). Avoir l'oreille du roi: l'ambassade de Pierre Potemkine et Siméon Roumiantsev en France en 1668. In Andretta, S. (Dir.). *Paroles des négociateurs. Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Age à la fin du XIXe siècle*. Rome, École française de Rome, pp. 213–228.

Schmidt-Rösler, A. (2013). 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie. In Espenhorst, M. (Hrsg.). *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, S. 167–202.

Schmoller, G., Hintze, O. (1901). *Acta Borussica. Denkmäler der Preußischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Behördenorganisation und allgemeine Staatsverwaltung*. B. 6/2. Akten vom 31. Mai 1740 bis Ende 1745. Berlin, Verlag von Paul Parey. 1014 S.

Scott, H. (2007). Diplomatic Culture in Old Regime Europe. In Scott, H., Simms, B. (Eds). *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 58–85.

Shatokhina-Mordvintseva, G. A. (2021). Diplomat Aleksandr Gavrilovich Golovkin: novye shtrikhi k biograficheskomu portretu [Diplomat Aleksandr Gavrilovich Golovkin: New Touches to the Portrait]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 47–59. DOI 10.31857/S013038640015098–5.

Zapiski Ivana Ivanovicha Neplyueva (1693–1773) [Memoirs by Ivan Ivanovich Nepluev (1693–1773)]. (1893). St Petersburg, A. S. Suvorin. VIII, 197 p.

The article was submitted on 23.04.2023

***Il parlait assez bien français et plusieurs langues:*
Foreign Language Acquisition and the Diplomatic
Self-Fashioning of Prince Boris Ivanovich Kurakin***

Ernest A. Zitser

Duke University,
Durham, NC, USA

Using the example of Prince B. I. Kurakin (1676–1727), the Imperial Russian diplomat who served as extraordinary and plenipotentiary ambassador to France (1724–1727), this article seeks to contribute to the ongoing discussion about the possible reasons for the adoption of French as the language of international communication in general and eighteenth-century diplomacy in particular. It asks when the Moscow-born Gediminid prince learned to speak French and how this non-native speaker of the language became proficient enough to impress a finicky and fastidious interlocutor like Louis de Rouvroy, duc de Saint-Simon (1675–1755). The author suggests that the answer to these questions lies not in Russia or France, but in Poland and Italy; and not in the halls of formal educational institutions, but in the networks of personal connections that were sustained as much by face-to-face communication as by written correspondence. This brief biographical survey of the development of Prince Kurakin's "linguistic personality" demonstrates the mediating role of modern, vernacular languages (Russian, Polish, Italian) in the transition from Latin to French as the *lingua franca* of international diplomacy. It also emphasizes the intimate connection between foreign language acquisition and diplomatic self-fashioning, showing how linguistic knowledge could be instrumentalized for both personal and professional advancement. In doing so, it illustrates the active role that individual brokers – especially, but not exclusively, aristocratic royal servitors with broad linguistic skills and extensive international connections, like Prince Kurakin and the duc de Saint-Simon – played in creating the very notion of an early modern "European" style of diplomacy based on the cultural dominance of the French language.

Keywords: Prince B. I. Kurakin, foreign language acquisition, French language, language of international diplomacy, duc de Saint-Simon, 18th century

* Citation: Zitser, A. (2023). *Il parlait assez bien français et plusieurs langues*: Foreign Language Acquisition and the Diplomatic Self-Fashioning of Prince Boris Ivanovich Kurakin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1232–1247. DOI 10.15826/qr.2023.4.844.

Цитирование: Zitser A. *Il parlait assez bien français et plusieurs langues*: Foreign Language Acquisition and the Diplomatic Self-Fashioning of Prince Boris Ivanovich Kurakin // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1232–1247. DOI 10.15826/qr.2023.4.844.

Автор обращается к проблеме освоения французского языка как для определенного уровня общения в бюрократически-властных структурах, так и для продвижения по карьерной лестнице. На основе биографии князя Б. И. Куракина (1676–1727), чрезвычайного и полномочного посла в Париже (1724–1727), раскрывается вопрос о возможных причинах принятия французского языка в контексте развития дипломатии XVIII в. Исследуется то, когда и каким образом князь Куракин научился столь искусно говорить по-французски, что произвел благоприятное впечатление на своего собеседника Луи де Рувруа, герцога Сен-Симона (1675–1755). Автор предполагает, что ответ следует искать не в России или Франции, а в Польше и Италии, и не в залах официальных учебных заведений, а в сетях личных связей, которые поддерживались Куракиным через непосредственное общение и через эпистолярный обмен. Этот краткий биографический обзор развития «языковой личности» князя демонстрирует опосредующую роль ряда языков (русского, польского, и итальянского) в переходе от латыни к французскому как *lingua franca* международной дипломатии. В статье подчеркивается тесная связь между изучением иностранного языка и дипломатическим самосотворением и показывается, как знание языков могло быть использовано дипломатом раннего Нового времени для достижения личных и профессиональных целей. Автор демонстрирует, что отдельные посредники – особенно знатные служители империи, обладающие широкими языковыми познаниями и обширными международными связями – играли активную роль в создании самого понятия «европейского» стиля дипломатии, основанного на культурном доминировании французского языка.

Ключевые слова: князь Б. И. Куракин, изучение иностранных языков, французский язык, герцог Сен-Симон, язык международной дипломатии, XVIII в.

In his justly celebrated memoirs, the French aristocrat, soldier, and diplomat, Louis de Rouvroy, duc de Saint-Simon (1675–1755), created a series of charged portraits of many of his famous contemporaries. Among these historical figures was Imperial Russia's extraordinary and plenipotentiary ambassador to France, Prince Boris Ivanovich Kurakin (1676–1727), who served in that official capacity from 1724 until his death in 1727. According to Saint-Simon's thumbnail sketch,

Kourakin (*sic*) was of a branch of that ancient family of the Jagellons (*sic*), which had long worn the crowns of Poland, Denmark, Norway, and Sweden. He was a tall, well-made man, who felt all the grandeur of his origin; had much intelligence, knowledge of the way of managing men, and instruction. He spoke French and several languages very fairly; he had travelled much, served in war, then been employed in different courts. He was Russian to the backbone, and his extreme avarice much damaged his talents [Memoirs, vol. 3, p. 87].

P. S. van Gunst. Portrait of B. I. Kurakin.
After 1717. Engraving. Image from
open sources

Although Saint-Simon's identification of the prince's lineage was incorrect, and his equation of Russianness with the sinful desire for worldly things – tendentious, the duke's characterization of Kurakin's language skills is well worth considering, not least because the two men were personally acquainted with one another [Эскин]. "I have eaten with him and he with me, and I have talked a good deal with him, and heard him talk, with pleasure, upon many things," Saint-Simon wrote in his *Memoirs* [*Memoirs*, vol. 3, p. 90]. Since there is no evidence that Kurakin knew Latin – the main language of professional diplomacy in the Christian Commonwealth before the Peace of Westphalia (1648) and, in some places, like northern and eastern Europe, until well into the

next century [Osborne, Rubiés, p. 317; Holm, p. 474–475] – their conversations must have been conducted in French. However, French was not adopted as the official and diplomatic language of Imperial Russia, and the privileged sociolect of its multi-national ruling elite, until the mid-eighteenth century [Offord, Rjéoutski, Argent]. So when, exactly, did Prince Kurakin learn to speak this Romance language? And how did this non-native speaker of French become proficient enough to impress a finicky and fastidious interlocutor like Saint-Simon? Surprisingly, the answer to these questions lies not in Russia or France, but in Poland and Italy; and not in the halls of formal educational institutions, but in networks of personal connections that were sustained as much by face-to-face communication as by written correspondence.

A Gediminid Prince

Kurakin's first non-native language – besides Church Slavonic, which the 7-year-old, Moscow-born, Gediminid prince began to study the same year that he received his first official court post [АКК, кн. 1, с. 247] – was most likely Polish. This Latin-script, West Slavic language was not only the *lingua franca* of the self-consciously noble ruling elite (*szlachta*) of the Polish-Lithuanian Commonwealth, but also a culturally significant marker of refinement in late seventeenth-century Russia [Николаев], especially among those Muscovite clans that traced their family's lineage back to Grand Prince Gediminas of Lithuania (c. 1275–1341), such as the Kurakins and the Golitsyns. Indirect evidence for Kurakin's knowledge of Polish comes from the idiosyncratic language of his astrologically inflected

personal chronicle, which was written in a Russian idiolect peppered with Slavonicisms, Italianisms, and Polonisms [Шмурло; Zitser, 2011]. As Kurakin made clear in the 1705 introduction to his grandiloquently titled *Vita del Principe Boris Ivanovich Koribut-Kurakin de la familia de Polonia et Litoania*, this knowledge went on to inform both the genre and the style in which he chose to write about himself.

I expect [сподеваюся < Pol. *spodziewać się*] that the person reading this self-authored account of my life will reprove me for the fact that I have written and will continue to write this way. And I expect also that no other nation [нация < Pol. *nacja*] or people will hold me in contempt [for doing so] except for our Russian people, for I believe that the other European ones are accustomed to such writings. That is why I can also [honestly say] that I have not undertaken this [writing project] on my own behalf, but rather because, basing myself on the custom of other persons, whether of high, middling, or of the lowest nobility [шляхетные < Pol. *szlachetny*], who have [ever] described their life, I, too, have followed [them] in this [practice]. As for those who would hold me in contempt, I do not condemn them, for I believe that they do so [merely] because of their ignorance of the way of the world [AKK, кн. 1, с. 243–245].

Although he did not identify the direct models for his innovative (by early eighteenth-century Russian standards) writing project, it seems likely that Kurakin was referring, at least in part, to the long tradition of autobiographical writing among the *szlachta* of the Polish Republic [Leach, p. XXVII–LXII; Tereškinas]. However, as the Italian title of Kurakin's memoir suggests, he was also appealing to other Latinate vernacular models of literary self-description. And chief among the sources for such models for both Poles and Polonophones was the Italian city-state of Venice [Kuran], another noble-led republic, which Kurakin had first visited at the end of the seventeenth century.

Tour of Duty

Unlike Saint-Simon and other members of the pan-European aristocratic elite to which Kurakin aspired, the Muscovite prince never went on a family-funded Grand Tour of continental Europe. Instead, together with a dozen or so of his peers and compatriots, the 20-year-old Kurakin was forced to take part in a previously unheard-of educational experiment: a royally mandated study abroad program meant to train officers for the projected but as-yet non-existent Imperial Russian navy [Дуров]. In 1697, this cohort of elite, older students, all of them already married with children, were sent as “volunteers” to Venice, the capital of a leading maritime power and one of Russia's chief geopolitical allies in the Holy League's wars against the Ottoman Porte. There the Russian navigators-in-training attended classes on nautical geography and naval architecture, which were taught, in Italian, by Fr. Vincenzo Coronelli (1650–1718), a Franciscan friar, cartographer, publisher, and encyclopedist who served as the “Cosmographer” of the

Most Serene Republic [Gatti]. For the benefit and convenience of his foreign students, Coronelli employed lavishly illustrated atlases and textbooks, at least one of which was explicitly “written, as it says on the title-page, ‘*Per Instruzione della Nazione Moscovita*’” [Ryan, p. 104, note 88]. Coronelli’s lectures were supplemented by a hands-on practicum on the open seas of the eastern Adriatic, under the supervision of Marko Martinović (1663–1716), a South Slavic merchant and nautical instructor from Dalmatia who served as a captain in the local fleet of ships that assisted the Venetian navy in fighting the Ottomans [Княжецкая; Мартинович].

During his stay in Venice, Kurakin also retained the services of Coronelli’s former mathematics teacher, an Italophile Dalmatian nobleman by the name of Franjo Damijanić Vrgadski, or, as he styled himself, “Count Francesco Damiani di Vergada” [Gatti, vol. 1, p. 25; HBL, vol. 3, p. 200–201]. Significantly, the newly-minted “count” – he had purchased that honorific title from the Venetian Senate in 1682 – tutored his Russian pupil not only in Euclidean geometry and the rudiments of conversational Italian, but also in contemporary Venetian and pan-European notions of nobility. This explains why the personal attestation that Kurakin received from his tutor not only described the student’s newly acquired skills and knowledge set, but also included a statement about the value of education (*la virtù delle lettere*), even for those men of splendid birth (*nascita*) who come from illustrious noble houses [AKK, кн. 4, с. 78–79].

Finally, during this same trip, Kurakin also made the acquaintance of several prominent patricians. Among them was Giovan Francesco Morosini del Giardino (1658–1739), the namesake of a former Venetian Patriarch and a former Venetian Doge, and the nephew of the dedicatee of Coronelli’s textbook “for the instruction of the Muscovite nation.” The younger Morosini was a patron of Coronelli’s *Accademia Cosmografica degli Argonauti*, a member of the governing board of the University of Padua, and a well-known owner of botanical gardens in Venice and Padua [Gatti, vol. 2, p. 858, 1093, note 34; DBI, vol. 77]. He also appears to be one of the Italian interlocutors and “political correspondents” who shaped Kurakin’s views, not only about the history and politics of the Venetian Republic (where Morosini served as Senator, from 1694) and the Papal States (where he served as an ambassador, 1701–706), but also on diplomatic protocol [AKK, кн. 1, с. 197–199; кн. 3, с. 177]. These informal conversations undoubtedly supplemented Kurakin’s course of study in the Italian language, which he “learned to speak a little... as well as to read and write” [AKK, кн. 1, с. 255]. Since at the time Italian was the main language of Russian diplomacy vis-à-vis the Sublime Porte [Altbauer, p. 12, note 53; Базарова], a knowledge of this Romance language was an important acquisition, especially for those “volunteers” who hoped for an appointment in the diplomatic service of a monarch who was formally committed to fighting the Turks on both land and sea. But there is no evidence whatsoever that during this trip to Venice, either Kurakin or his companions had made any effort to study French, despite the fact that this was an option available to foreign visitors to Italy [Mormile].

Kurakin's Books

Unfortunately for Kurakin, the knowledge and experience that he acquired during his tour of duty in Venice and Dalmatia did not have an immediate impact on his career. Unlike other Muscovite “volunteers,” who quickly went on to illustrious careers, including as Russia’s first permanent ambassadors to foreign courts [Altbauer, p. 7–8], Kurakin spent the next six years serving on the front lines as a junior officer in the Semenovsk Lifeguards Regiment. If not for Kurakin’s poor health, and his determination to align his destiny with his temperament [Zitser, 2011, p. 186], this situation would have dragged-on indefinitely. However, in 1705, with the support of his physicians, the royal guards officer wangled an extended medical leave abroad to treat his debilitating chronic illnesses. Kurakin used this temporary respite from his official military duties as an opportunity to prepare himself for an alternative career as a “minister,” i. e., a trusted royal advisor responsible for formulating domestic and/or foreign policy. And although upon his departure from Russia he adopted an Italianate incognito name and used Italian to articulate his desire to start a new life of world travel [AKK, кн. 1, с. 101], it is also precisely at this point in time that we find the first references to Kurakin’s interest in the acquisition of the French language – an interest that was unusual for the first (pre-1710) cohort of Russia’s permanent ambassadors [Altbauer, p. 9, note 35, 12, 53].

Even before his departure, in July 1705, Kurakin started compiling a notebook of useful vocabulary words in both Italian and French [AKK, кн. 1, с. 238]. By the time he started packing for his return trip to Russia, in the fall of 1708, he had collected a total of nine notebooks full of entries that he had copied, by hand, out of an unspecified “French dictionary” [Там же, с. 237]. In the intervening three years, Kurakin managed to buy enough books to fill two travel chests: a large one for himself and a smaller one for the tsar, who had commissioned him to purchase some books for the royal library collection during the prince’s mission to Rome [Zitser, 2016]. Among the numerous books that Kurakin acquired for his own private use were several French language tomes, including two French atlases and the French Academy’s four-volume *Grand dictionnaire* [AKK, кн. 1, с. 143, 237, 239]. He also bought an Italian-language translation of Oronce Finé de Brianville’s *Jeu d’armoiries des souverains et états d’Europe*, which taught the subjects of “blazonry” alongside “geography” and other “curious histories” in the form of an educational question-and-answer card game [Там же, кн. 4, с. 130]. Finally, and most importantly from the perspective of foreign language learning, was Kurakin’s acquisition of the “much-enlarged, -improved, and -perfected,” German edition of Jean Vigneron’s *Maître italien dans sa dernière perfection*, a textbook for foreign speakers, written (under an Italian pseudonym) by the one-time “*secrétaire du roi pour la langue italienne*.” The original version was first published in 1678 and became a best-seller for well over a century-and-a-half. It went through 53 editions between 1678 and 1844 and was translated into many languages [Minerva, 1991; Minerva, 2013]. The 1702 German edition of Vigneron’s

textbook, which Kurakin purchased sometime between 1705 and 1708 [AKK, кн. 4, с. 129], came from the press of Johann Philipp Andreae (1654–1722), a well-known, Frankfurt-based printer, bookseller, and publisher [Benzing]. As the title of Andreae's edition pointed out, Vignerón's textbook was essential for the "complete, thorough, and early learning of three main European languages, the Italian, German and French." Although Kurakin never appears to have used the German section of the *Sprach-Meister*, this book was an integral part of the aspiring Russian diplomat's process of learning to translate between Italian and French.

Kurakin's Correspondents

Kurakin's knowledge of the French language was shaped not only through careful book buying, but also by means of dialogue with actual French speakers and writers – none of whom, it should be pointed out, was ethnically French or authorized to act as a formal representative of the French king. For example, in June 1708, on his way back from his first, official, diplomatic mission (to Rome), Kurakin stopped over in the city of Breslau (Pol. Wrocław), in Lower Silesia, where he "entertained [himself] at Count Neidhardt's" [AKK, кн. 1, с. 167], i. e. at the lavish garden-enclosed estate of Count Johann Baptist Neidhardt the Elder (1645–1722), who lived just outside the city, in Krichau (Pol. Krzyków) [Joachimiak, p. 117–120; Lose, p. 40–41]. Kurakin had first met this Habsburg servitor – "an Imperial minister and president of the Silesian *Kammer*" [AKK, кн. 4, с. 402] – back in 1706 and had established a "correspondence" with him as early as March 1707 [Там же, кн. 1, с. 240]. Kurakin found this useful connection also to be quite meaningful and even went so far as to adopt as his own (1709), and later (1711), as his son's, the pseudonym ("*Lucas Paniof*") that Count Neidhardt had used for himself in their initial correspondence [Там же, кн. 4, с. 148–149, 382]. Significantly, although the well-educated and recently titled (as of 1705) *Reichsgraf* was "knowledgeable in" four languages (French, German, Italian, and Polish) [Там же, кн. 1, с. 167], his correspondence with Kurakin appears to have been conducted entirely in French (at least from the count's end, which is all that has been published).

During the same trip Kurakin also met Ferencz Rákóczi II (1676–1735), Prince of Transylvania and leader of the eight-year Magyar insurgency (1703–1711) against Habsburg rule [Kiss; Köpeczi; Ивонина]. In late summer 1708, travelling "incognito" in the guise of an ordinary "Muscovite nobleman," Kurakin "rode with a [military] convoy to Agria," a small, fortified town in Upper Hungary, "where Prince Rákóczi was passing his time."

I stopped in the same inn as [Emel'ian] Ukraintsev, the ambassador from our court. And I stayed [t]here for three days, and upon my arrival, I received greetings from Count Rákóczi by means of a cavalier from his court; and on the next day, his major-domo was sent with a carriage and a team of horses to call me to lunch; and having lunched with him [Rákóczi], I left by the same carriage [AKK, кн. 1, с. 280–281].

Kurakin's account of his first meeting with Rákóczi does not mention what they discussed over lunch or even the language that they spoke. If they did discuss business, it remains unclear whether Kurakin was following the orders of Ukraintsev, the tsar's official envoy [Гуськов], or, like some other informal, non-state agents, simply pursuing his own diplomatic initiative [Double Agents]. What we do know is that in 1711, just a couple of years after their lunch in Agria, the Russian prince corresponded with the Transylvanian one about the possibility of using the latter's contacts in Paris to bring the French crown around to the idea of mediating between Russia, Sweden, and the Sublime Porte. And that this secret correspondence (at least from Rákóczi's end) was also conducted entirely in French [AKK, кн. 5, с. 171–174, 178–181, 183–187, 197–205, 211–215, 217–220; see also: Там же, с. XV, 1–21].

Kurakin's first, official, public appearance in the capacity of French language expert occurred in the fall of 1709, a little over a year after his encounters with Count Neidhardt and Prince Rákóczi. In an autobiographical entry for his 34th year of birth (20 July 1709 to 20 July 1710), Kurakin offered the following description of the events surrounding the diplomatic negotiations over Treaty of Thorn, in October 1709:

His Tsarist Majesty went by boat down the Vistula River to Thorn, where we met with King Augustus [II of Saxony-Poland], and, while staying [t]here, took a trip to Marienwerder, where we saw the Prussian king [Frederick I]. And on the first day, the Prussian king asked His Majesty and everyone else [in the tsar's entourage] to have lunch together [with him]. And on the following day, I was sent on behalf of His Highness [the tsar] to greet the king and to thank him for the fine company, [a message] that I delivered in the French language [Семейная хроника, с. 631].

It is ironic that Kurakin's first French speech was delivered to a French-speaking monarch who was noted for his "Francophobia" [McDonald, p. 19] (as witnessed by Frederick I's decision to bring Brandenburg into the anti-Bourbon coalition known as the League of Augsburg). More pertinent for our purposes, however, is Kurakin's demonstrated ability to perform, at short notice, in a diplomatic situation that required "symbolic communication" [Osborne, Rubiés, p. 319]. This skillful ceremonial performance, in turn, was made possible by the cultural capital that Kurakin had accumulated during his travels, viz., his knowledge of courtly etiquette, diplomatic protocol, and the languages in which early modern diplomacy was conducted.

Clearly, in the period after the battle of Poltava, when Russian war aims shifted from mere survival to diplomatic consolidation of the victory over Sweden, the tsar came to recognize and appreciate Kurakin's foreign language abilities in general, and his knowledge of French in particular. This may explain why, in 1713, the tsar's wife commissioned none other than Kurakin to find a foreign expert who could draft a set of statutes for a new, Russian, female order of chivalry. During the process of fulfilling

this royal request, Kurakin not only identified a French-speaking expert, but also edited the resulting French document when it was being translated into Russian [Fedyukin, Zitser]. By 1717, when Tsar Peter made his one and only visit to the Kingdom of France, Kurakin had become one of his most trusted interpreters, particularly in private summit meetings with the King and the Regent, such as those described by Saint-Simon [Memoirs, vol. 3, p. 86, 94–95, 100]. The tsar was so pleased with Kurakin's services that he awarded him with the coveted Order of St. Andrew the First-Called, which had been promised to the prince four years earlier [Fedyukin, Zitser, p. 19, 21, note 61]. Undoubtedly, Kurakin's award-winning diplomatic performance, along with his knowledge of the language, helps to explain why the tsar eventually appointed Kurakin as his extraordinary and plenipotentiary ambassador to France.

Writing in the 'European' Style

Since the documents that Kurakin composed as ambassador to France were written by his secretaries, they cannot give us a sense of Kurakin's own knowledge of the French language (unless we make the unwarranted assumption that the French text of these diplomatic missives was taken down verbatim). Another way to gauge Kurakin's knowledge of French, and of the way he incorporated it into his own practice, is to compare the linguistic choices made in the two manuscripts that we know to have been personally authored by him: the previously-discussed *Vita*, composed between 1705 and 1710; and the chapter on the "intrigues at the court Peter the Great" [АКК, кн. 1, с. 39–78] from Kurakin's unfinished *History of the Slavic-Russian Empire*, composed between 1723 and 1727, i. e. during his stint as the tsar's official representative to the court of Versailles [Там же, с. 79–94]. Both of these texts were most likely written for a small audience of his relatives, friends, and acquaintances, in an idiolect that intentionally mixed foreign and Russian words. The fact that Kurakin's use of foreign languages was often tactical is most apparent in his *Vita*, which slipped into actual Italian any time its author wanted to describe events that were personally or politically sensitive, and that were intended solely for the eyes of his polyglot Russian readers (some of whom, it must be remembered, had also travelled to Venice at the end of the seventeenth century and knew at least the rudiments of that Romance language) [Zitser, 2011, p. 181–183; Zitser, 2016, p. 79–81].

Much like the *Vita*, the Petrine chapter of Kurakin's *History* was written in a macaronic Russian all his own. Significantly, however, the latter work was filled with numerous examples of direct lexical borrowings from French, rather than Italian [Ясинская, 2003; Ясинская, 2004; Ясинская, 2010]. Even more interestingly, both the approach to, and the subject matter of Kurakin's historical sketch echoed the "memoiristic" style adopted by seventeenth-century French aristocrats (and their early-eighteenth-century followers, like Saint-Simon), who offered their readers moralizing, first-hand accounts of recent historical events, often sprinkled with naturalistic

thumb-nail portraits of important public figures [Fumaroli; Billson; Aïssaoui]. Similarly, Kurakin's chapter on late Muscovite "court intrigues" not only contained unflattering character sketches of the tsar's top advisors [АКК, кн. 1, с. 63, 65, 66, 75, 77–78], but also articulated a pro-aristocratic and anti-absolutist political orientation [Эскин, с. 7–9, 12–13, 18–19; Bushkovitch, p. 437–439] that would have been familiar to his French interlocutors, who used the genre of historical memoir as a way to "set the record straight, to defend the individual's and the family's name in the eyes of posterity, particularly against those mercenary and mendacious hacks, usually of low birth, who were allegedly employed by the King's ministers to write 'official' histories" [Watts, p. 267].

A comparison of the *Vita* and the *History* suggests that over the course of two decades, Kurakin's preferred language shifted from Italian to French, while remaining solidly wedded to the notion of a refined, "European" style, which explicitly served as a model for his own literary activity from at least 1705. By branding as unsophisticated ignoramuses anyone who questioned his literary choices, Kurakin appealed to the vanity of his implied readers, who (he suggested) were as cosmopolitan as the (self-constructed image of the) author himself – a well-bred and worldly-wise Russian aristocrat, who chose to write in the manner and language most appropriate for demonstrating his belonging to the wider, "European," community of nations. However, whereas at the beginning of the eighteenth century, the language that signaled Kurakin's belonging to the aristocracy of the Christian Commonwealth was Polish and Italian, at the end of the second decade – it was French. This linguistic shift testified not just to Russia's growing involvement in European affairs, but also to Kurakin's own, concerted efforts to leverage all the means at his disposal, including the growing prestige value of the French language [McDonald, p. 20–22, 25], in order to transform himself into a pedigreed "trans-imperial subject" [Rothman; Zitser, 2012, p. 60] and model diplomat.

* * *

I began this article with a description of Saint-Simon's rather tepid assessment of Kurakin's foreign language skills because it allowed me to address one of the main themes of this special forum, namely, the timing and possible reasons for the adoption of French as the language of international communication in general and diplomacy in particular. My brief biographical survey of the development of Kurakin's "linguistic personality" [Ясинская, 2010, с. 182] demonstrates the mediating role that modern, vernacular languages such as Polish and Italian, could play in the transition from Latin to French as the *lingua franca* of international diplomacy. An analysis of Kurakin's linguistic practices shows not only that a familiarity with a Latin-script Slavic language (Polish) could facilitate the acquisition of a Romance one (Italian); or that learning one Romance language (Italian) could promote fluency in another (French). It also hints

at the multiplicity of diplomatic languages at the turn of the eighteenth century, and of the need to study more closely “*inter-European*” practices of cross-cultural translation [Holm, p. 470–471].

The example provided by this early modern Russian military officer-turned-ambassador also demonstrates the intimate connection between foreign language acquisition and diplomatic self-fashioning, showing how linguistic knowledge could be instrumentalized for both personal and professional advancement. This reading of the evidence challenges the standard interpretation of late Muscovite and early Imperial Russian history, which describes the hybridity associated with Kurakin’s macaronic language as the result of the workings of the abstract, impersonal process of “Westernization” or, in its negative, nativist form, “deracination”. However, as I have tried to demonstrate, Kurakin’s successful self-fashioning was anything but abstract and impersonal. Indeed, learning a foreign tongue required not only sustained effort in familiarizing himself with the vocabulary and grammar of multiple “European” languages, but also such extra-linguistic practices as international travel, book collecting, and political networking. If we treat foreign language acquisition itself as a site of cultural appropriation and knowledge transfer, then the facile dichotomy between “Russia” and “the West” falls aside to reveal the asymmetrical relations of power at the core of the process of cultural translation [Osborne, Rubiés, p. 323–324; Holm, p. 473–474; Bachmann-Medick, p. 2; cf.: Tyulenev], as well as the active role that individual brokers – especially, but not exclusively, wealthy noblemen with broad linguistic skills and extensive international connections, like the duc de Saint-Simon and Prince Kurakin – played in creating the very notion of an early modern “European” style of diplomacy based on the cultural dominance of the French language.

Библиографические ссылки

АКК = Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый под редакцией М. И. Семевского : кн. 1–10. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890–1902.

Базарова Т. А. Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2019. С. 9–15.

Гуськов А. Г. О поездке думного дьяка Украинцева к Ференцу II Ракоци // Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / отв. ред. О. В. Хаванова. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 139–147.

Дуров И. Г. Подготовка специалистов для флота при Петре Великом // Военно-ист. журн. : [сайт]. 2014. № 7. URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom> (дата обращения: 19.11.2022).

Ивошина Л. И. Запад и восток: отношения с Ференцем II Ракоци // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2012. № 3. С. 33–38.

Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Сов. славяноведение. 1973. № 5. С. 46–59.

Мартинович М. Наутика: лекции Марка Мартиновича русским морякам в Перасте, 1697–1698 / [пер. на рус. М. Ђивульски ; подг. В. М. Загребин, Ж. Л. Левшина ; ред. Р. Распоповић]. Подгорица [и др.] : Историјски институт Црне Гори [и др.], 2015. 292 с.

Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII – начале XVIII века // Рус. лит. 2015. № 2. С. 132–138.

Семейная хроника и воспоминания князя Бориса Ивановича Куракина / под ред. Ф. А. Терновского // Киевская старина. 1884. № 10. С. 105–128, 478–498, 621–638.

Шмурло Е. Ф. Новый свидетель эпохи преобразований // Журн. М-ва нар. просвещения. 1891. Ч. 273, № 1. С. 187–223.

Эскин Ю. М. Встреча людей Средневековья на пороге века Просвещения (князь Куракин и герцог Сен-Симон) // Вивліофіка : E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2015. № 3. С. 1–19. DOI 10.21900/j.vivliofika.v3.555.

Ясинская М. Б. К предыстории салонного языка в XVIII веке. На материале сочинений князя Б. И. Куракина // От слова к делу : сб. докл. X Конгр. междунар. асс. преподавателей рус. яз. и лит. (МАПРЯЛ), С.-Петербург, 2003. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2003. С. 433–441.

Ясинская М. Б. Амог, амуг или любовь: о некоторых заимствованиях в сочинении князя Куракина // Рус. речь. 2004. № 1. С. 87–90.

Ясинская М. Б. Языковая личность князя Б. И. Куракина и мотивированность лексических заимствований (на материале историко-биографической прозы) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 181–186.

Aïssaoui D. Les Mémoires: un genre errant // Dalhousie French Studies. 2002. № 61. P. 12–26.

Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1980. Bd. 28, H. 1. P. 1–16.

Bachmann-Medick D. Introduction: The Translational Turn / transl. by K. Sturge // Translation Studies. 2009. Vol. 2, № 1. P. 2–16.

Benzing J. Andreae, Johann Philipp // Neue Deutsche Biographie : [online-version]. 1953. № 1. S. 281. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd100758541.html#ndb-content> (accessed: 19.11.2022).

Billson M. The Memoir: New Perspectives on a Forgotten Genre // Genre: Forms of Discourse and Culture. 1977. № 10. P. 259–282.

Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2001. 485 p.

DBI = Dizionario Biografico degli Italiani Dizionario Biografico degli Italiani : 100 vol. / dir. A. M. Ghisalberti. Roma : Istit. della Enciclopedia italiana, 1960–2020.

Double Agents: Cultural and Political Brokerage in Early Modern Europe / ed. by M. Keblusek and B. V. Noldus. Leiden ; Boston : Brill, 2011. 296 p.

Fedyukin I., Zitser E. A. ‘For Love and Fatherland’: Political Clientage and the Origins of Russia’s First Female Order of Chivalry // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. P. 5–44.

Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // XVIIe siècle. 1971. № 94–95. P. 7–38.

Gatti I. Il p. Vincenzo Coronelli dei Frati minori conventuali negli anni del generalato (1701–1707) : 2 vols. Rome : Università Gregoriana, 1976.

Holm S. Multilingual Foreign Affairs: Translation and Diplomatic Agency in Eighteenth-Century Stockholm // J. of the History of Ideas. 2021. Vol. 82, № 3. P. 469–483.

HLB = Hrvatski biografski leksikon : 3 vols. Zagreb : Jugoslavenski leksikografski zavod, 1983–1993.

Joachimiak G. Uwagi do ‘wrocławskiego’ druku ‘Cabinet der Lauten’ Philippa Franza Le Sage’a de Richée i muzyczna działalność rodziny neidhardtów // Muzyka. 2011. № 3. P. 111–137.

Kiss G. Franz Rákóczi II., Peter der Große und der polnische Thron (um 1707) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1965. Bd. 13, H. 3. P. 344–360.

Köpeczi B. La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle: étude d’histoire des relations diplomatiques et d’histoire des idées. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1971. 624 p.

Kuran M. Venice in Polish Literature of the Latter Half of the 16th Century and in the 17th Century as a Model Political System, a Leading Centre in the Fight Against the

Ottoman Empire, and the Centre of the Pilgrimage Culture // *Czytanie Literatary. Łódzkie Studia Literaturoznawcze*. 2020. № 9. P. 13–50. DOI 10.18778/2299–7458.09.02.

Leach C. S. Introduction // *Memoirs of the Polish Baroque: The Writings of Jan Chryzostom Pasek, a Squire of the Commonwealth of Poland and Lithuania* / ed., transl., and with an introd. and notes by C. S. Leach ; foreword by W. Weintraub. Berkeley : Univ. of California Press, 1976. P. XXVII–LXII.

Lose M. An Unrecorded Silesian Sundial by John Rowley // *British Sundial Society Bull.* 2010. Vol. 22, № 3. P. 40–45.

McDonald M. Striving After Style: Francophone Diplomacy in Prussia, 1740–86 // *The George Rudé Society: News and Papers from the George Rudé Seminar. French History and Civilization*. 2021. Vol. 10. P. 19–39.

Memoirs = The Memoirs of the Duke of Saint-Simon on the Reign of Louis XIV and the Regency : 4 vols. / transl. by B. St. John. 8th Ed. L. : G. Allen & Co., 1913.

Minerva N. Jean Vigneron dit Veneroni (1642–1708) // *La Lettre de la SIHFLES*. 1991. № 11. P. 8–10.

Minerva N. Un siècle de lexicographie bilingue: le Dictionnaire de Giovanni Veneroni et ses adaptations // *Les best-sellers de la lexicographie franco-italienne XVIe–XXIe siècle* / éd. par J. Lillo. Roma : Carocci, 2013. P. 33–51.

Mormile M. L'italiano in Francia e il francese in Italia: storia critica delle opere grammaticali francesi in Italia ed italiane in Francia dal rinascimento al primo Ottocento. Torino : A. Meynier, 1989. 297 p.

Offord D., Rjéoutski V., Argent G. French as a Diplomatic and Official Language in Imperial Russia // *Jus Gentium : J. of Intern. Legal History*. 2019. Vol. 4, № 2. P. 419–494.

Osborne T., Rubiès J.-P. Introduction: Diplomacy and Cultural Translation in the Early Modern World // *J. of Early Modern History*. 2016. Vol. 20, № 4. P. 313–330. DOI 10.1163/15700658–12342502.

Rothman E. N. Brokering Empire: Trans-Imperial Subjects Between Venice and Istanbul. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2012. 328 p.

Ryan W. F. Navigation and the Modernisation of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // *Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga* / ed. by R. Bartlett, J. Hartley. N. Y. : St Martin's Press, 1990. P. 75–105.

Tereškinas A. The King as Mirror: Autobiographies in 18th Century Poland-Lithuania // *Lituanus: Lithuanian Quarterly J. of Arts and Sciences*. 1993. Vol. 39, № 4. P. 32–48.

Tyulenev S. Translation and the Westernization of Eighteenth-Century Russia: A Social-Systemic Perspective. Berlin : Frank & Timme, 2012. 272 p.

Watts D. A. Self-Portrayal in Seventeenth-Century French Memoirs // *Australian J. of French Studies*. 1975. № 12. P. 263–285.

Zitser E. A. The Vita of Prince Boris Ivanovich 'Korybut'-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2011. Bd. 59, H. 2. P. 163–194.

Zitser E. A. Boris Ivanovich Korybut-Kurakin (1676–1727) // *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present* / ed. by S. M. Norris, W. Sunderland. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2012. P. 59–68.

Zitser E. A. Une petite caisse pour Pierre le Grand: Le prince Boris Kurakin, agent, acquéreur des livres de la cour de Russie, 1707–1708 / trad. de l'anglais par Ph. Malgouyres // *Pierre le Grand et ses livres: les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar* / sous la dir. de O. Medvedkova. Paris : Alain Baudry et Cie, 2016. P. 76–82.

References

Aïssaoui, D. (2002). Les Mémoires: un genre errant. In *Dalhousie French Studies*. No. 61, pp. 12–26.

AKK = Semevsky, M. I. (Ed.). (1890–1902). *Arkhiv knyazya F. A. Kurakina, kn. 1–10*. [Archive of Prince F. A. Kurakin. Books 1–10]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva.

Altbauer, D. (1980). The Diplomats of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 28. H. 1, pp. 1–16.

Bachmann-Medick, D. (2009). Introduction: The Translational Turn / transl. by K. Sturge. In *Translation Studies*. Vol. 2. No. 1, pp. 2–16.

Bazarova, T. A. (2019). Perevodchiki russkikh poslov v Stambule v nachale XVIII v. [Translators of Russian Ambassadors in Istanbul in the Early 18th Century]. In Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (Eds.). *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 9–15.

Benzing, J. (1953). Andreae, Johann Philipp. In *Neue Deutsche Biographie* [online-version]. No. 1, p. 281. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd100758541.html#dbcontent> (accessed: 19.11.2022).

Billson, M. (1977). The Memoir: New Perspectives on a Forgotten Genre. In *Genre: Forms of Discourse and Culture*. No. 10, pp. 259–282.

Bushkovitch, P. (2001). *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. 485 p.

DBI = Ghisalberti, A. M. (Ed.). (1960–2020). *Dizionario Biografico degli Italiani* *Dizionario Biografico degli Italiani*. 100 vols. Roma, Istit. della Enciclopedia italiana.

Durov, I. G. (2014). Podgotovka spetsialistov dlya flota pri Petre Velikom [Training of Specialists for the Fleet under Peter the Great]. In *Voenno-istoricheskii zhurnal* [website]. No. 7. URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom> accessed: 19.11.2022).

Eskin, Yu. M. (2015). Vstrecha lyudei Srednevekov'ya na poroge veka Prosveshcheniya (knyaz' Kurakin i gertsog Sen-Simon) [Meeting of the People of the Middle Ages on the Threshold of the Age of Enlightenment (Prince Kurakin and Duke Saint-Simon)]. In *Vivliofika. E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. No. 3, pp. 1–19. DOI 10.21900/j.vivliofika.v3.555.

Fedyukin, I., Zitser, E. A. (2011). 'For Love and Fatherland': Political Clientage and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry. In *Cahiers du monde russe*. Vol. 52, pp. 5–44.

Fumaroli, M. (1971). Les Mémoires au carrefour des genres en prose. In *XVIIe siècle*. No. 94–95, pp. 7–38.

Gatti, I. (1976). *Il p. Vincenzo Coronelli dei Frati minori conventuali negli anni del generalato (1701–1707)*. 2 vols. Rome, Università Gregoriana.

Gus'kov, A. G. (2013). O poezdke dumного d'yaka Ukraintseva k Ferentsu II Rakotsi [About the Trip of the Duma Clerk Ukraintsev to Ferenc II Rakoczi]. In Khavanova, O. V. (Ed.). *Osvoboditel'naya voyna 1703–1711 gg. v Vengrii i diplomatiya Petra I*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 139–147.

HLB = *Hrvatski biografski leksikon*. 3 vols. (1983–1993). Zagreb, Jugoslavenski leksikografski zavod.

Holm, S. (2021). Multilingual Foreign Affairs: Translation and Diplomatic Agency in Eighteenth-Century Stockholm. In *J. of the History of Ideas*. Vol. 82. No. 3, pp. 469–483.

Ivonina, L. I. (2012). Zapad i vostok: otnosheniya s Feretsem II Rakotsi [West and East: Relations with Ferenc II Rakoczi]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. No. 3, pp. 33–38.

Joachimiak, G. (2011). Uwagi do 'wrocławskiego' druku 'Cabinet der Lauten' Philippa Franza Le Sage'a de Richée i muzyczna działalność rodziny neidhardtów. In *Muzyka*. No. 3, pp. 111–137.

Kebulusek, M., Noldus, B. V. (Eds.). (2011). *Double Agents: Cultural and Political Brokerage in Early Modern Europe*. Leiden, Boston, Brill. 296 p.

Kiss, G. (1965). Franz Rákóczi II., Peter der Große und der polnische Thron (um 1707). In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 13. H. 3, pp. 344–360.

Knyazhetskaya, E. A. (1973). Svyazi Rossii s Dalmatsiei i Bokoi Kotorskoj pri Petre I [Relations of Russia with Dalmatia and Boka Kotorska under Peter I]. In *Sovetskoe slavyanovedenie*. No. 5, pp. 46–59.

Köpeczi, B. (1971). *La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle: étude d'histoire des relations diplomatiques et d'histoire des idées*. Budapest, Akadémiai Kiadó. 624 p.

Kuran, M. (2020). Venice in Polish Literature of the Latter Half of the 16th Century and in the 17th Century as a Model Political System, a Leading Centre in the Fight Against the Ottoman Empire, and the Centre of the Pilgrimage Culture. In *Czytanie Literatary. Łódzkie Studia Literaturoznawcze*. No. 9, pp. 13–50. DOI 10.18778/2299-7458.09.02.

Leach, C. S. (1976). Introduction. In Leach, C. S. (Ed.). *Memoirs of the Polish Baroque: The Writings of Jan Chryzostom Pasek, a Squire of the Commonwealth of Poland and Lithuania* / foreword by W. Weintraub. Berkeley, Univ. of California Press, pp. XXVII–LXII.

Lose, M. (2010). An Unrecorded Silesian Sundial by John Rowley. In *British Sundial Society Bull.* Vol. 22. No. 3, pp. 40–45.

Martinovich, M. (2015). *Nautika: leksii Marka Martinovicha russkim moryakam v Peraste, 1697–1698* [Nautika: Lectures by Mark Martinovich to Russian Sailors in Perast, 1697–1698] / transl. by M. ħivul'ski, ed. by V. M. Zagrebin, Zh. L. Levshina, R. Raspopovih. Podgoritsa et al., Istorijski institut Tsrne Gori et al. 292 p.

McDonald, M. (2021). Striving After Style: Francophone Diplomacy in Prussia, 1740–86. In *The George Rudé Society: News and Papers from the George Rudé Seminar. French History and Civilization*. Vol. 10, pp. 19–39.

Memoirs = *The Memoirs of the Duke of Saint-Simon on the Reign of Louis XIV and the Regency*. 4 Vols. / transl. by B. St. John. (1913). 8th Ed. L., G. Allen & Co.

Minerva, N. (1991). Jean Vigneron dit Veneroni (1642–1708). In *La Lettre de la SIHFLES*. No. 11, pp. 8–10.

Minerva, N. (2013). Un siècle de lexicographie bilingue: le Dictionnaire de Giovanni Veneroni et ses adaptations. In Lillo, J. (Ed.). *Les best-sellers de la lexicographie franco-italienne XVIe–XXIe siècle*. Roma, Carocci, pp. 33–51.

Mormile, M. (1989). *L'italiano in Francia e il francese in Italia: storia critica delle opere grammaticali francesi in Italia ed italiane in Francia dal rinascimento al primo Ottocento*. Torino, A. Meynier. 297 p.

Nikolaev, S. I. (2015). O kul'turnom statuse pol'skogo yazyka v Rossii vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka [On the Cultural Status of the Polish Language in Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 132–138.

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2019). French as a Diplomatic and Official Language in Imperial Russia. In *Jus Gentium. J. of Intern. Legal History*. Vol. 4. No. 2, pp. 419–494.

Osborne, T., Rubiés, J.-P. (2016). Introduction: Diplomacy and Cultural Translation in the Early Modern World. In *J. of Early Modern History*. Vol. 20. No. 4, pp. 313–330. DOI 10.1163/15700658-12342502.

Rothman, E. N. (2012). *Brokering Empire: Trans-Imperial Subjects Between Venice and Istanbul*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 328 p.

Ryan, W. F. (1990). Navigation and the Modernisation of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology. In Bartlett, R., Hartley, J. (Eds.). *Russia in the Age of the Enlightenment: Essays for Isabel de Madariaga*. N. Y., St Martin's Press, pp. 75–105.

Shmurló, E. F. (1891). Novyi svidetel' epokhi preobrazovaniia [A New Witness to the Era of Transformations]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 273. No. 1, pp. 187–223.

Tereškinas, A. (1993). The King as Mirror: Autobiographies in 18th Century Poland-Lithuania. In *Lituanus: Lithuanian Quarterly J. of Arts and Sciences*. Vol. 39. No. 4, pp. 32–48.

Ternovsky, F. A. (Ed.). (1884). Semeinaya khronika i vospominaniya knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina [Family Chronicle and Memoirs of Prince Boris Ivanovich Kurakin]. In *Kievskaya starina*. No. 10, pp. 105–128, 478–498, 621–638.

Tyulenev, S. (2012). *Translation and the Westernization of Eighteenth-Century Russia: A Social-Systemic Perspective*. Berlin, Frank & Timme. 272 p.

Watts, D. A. (1975). Self-Portrayal in Seventeenth-Century French Memoirs. In *Australian J. of French Studies*. No. 12, pp. 263–285.

Yasinskaya, M. B. (2003). K predystorii salonnogo yazyka v XVIII veke. Na materiale sochinenii knyazya B. I. Kurakina [On the Prehistory of Salon Language in the 18th Century. Based on the Works of Prince B. I. Kurakin]. In *Ot slova k delu. Sbornik dokladov X Kongressa mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury (MAPRYaL), Sankt-Peterburg, 2003*. Moscow, Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina, pp. 433–441.

Yasinskaya, M. B. (2004). Amor, amur ili lyubov': o nekotorykh zaimstvovaniyakh v sochinenii knyazya Kurakina [Amor, Amur, or Love: About Some Loanwords in the Work of Prince Kurakin]. In *Russkaya rech'*. No. 1, pp. 87–90.

Yasinskaya, M. B. (2010). Yazykovaya lichnost' knyazya B. I. Kurakina i motivirovannost' leksicheskikh zaimstvovaniy (na materiale istoriko-biograficheskoi prozy) [The Linguistic Personality of Prince B. I. Kurakin and the Motivation of Lexical Loanwords (Based on Historical and Biographical Prose)]. In *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 4, pp. 181–186.

Zitser, E. A. (2011). The Vita of Prince Boris Ivanovich 'Korybut'-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 59. H. 2, pp. 163–194.

Zitser, E. A. (2012). Boris Ivanovich Korybut-Kurakin (1676–1727). In Norris, S. M., Sunderland, W. (Eds.). *Russia's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 59–68.

Zitser, E. A. (2016). Une petite caisse pour Pierre le Grand: Le prince Boris Kurakin, agent, acquéreur des livres de la cour de Russie, 1707–1708 / trad. de l'anglais par Ph. Malgouyres. In Medvedkova, O. (Ed.). *Pierre le Grand et ses livres: les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar*. Paris, Alain Baudry et Cie, pp. 76–82.

The article was submitted on 15.04.2023

**Ambassador Count Nikolaus Esterházy:
Languages and Network-Building in St Petersburg,
1753–1761* ****

Olga Khavanova

HSE University,
Moscow, Russia

This article scrutinizes the patterns of written and oral communication of the imperial and Austrian ambassador to St Petersburg, Count Nikolaus (Miklós) Esterházy. He was the first Hungarian aristocrat to secure a diplomatic career, representing the House of Austria and the Holy Roman Empire at several European courts, including Saxony, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Spain, and Russia. Only a few of his autographs in German and French survive. Esterházy's biography, however, proves that he was fluent in these languages and additionally mastered the basics of written Latin and (at least) spoken Hungarian. Furthermore, the article illustrates how the Austrian mission in St Petersburg functioned in the middle of the eighteenth century and what languages were used in correspondence with the imperial vice chancellor and state chancellor. It also shows what languages diplomats needed to be proficient in to manage incoming and outgoing correspondence and how present-day historians use the private archives of the diplomat, which preserve most documents processed by the mission in their completeness and variety. Attention is paid to the diplomat's principal counterparts at the Russian court – Empress Elizabeth, Grand Duchess Ekaterina Alekseevna, Alexei P. Bestuzhev-Riumin, Mikhail I. Vorontsov, and Petr I. Shuvalov. During his stay in Russia, Esterházy followed the existing practices of writing dispatches to Vienna and communicating with the College of International Affairs in St Peterburg in German. Although it is not always clear if he used German or French at the Russian court, he was flexible enough to use both for acquiring information and gaining favors.

Keywords: oral and written languages, French language, German language, court society, skills of a diplomat, Russia in the middle of the eighteenth century

* The research was supported by the Russian Science Foundation ("Languages of Eighteenth-Century Russian Diplomacy in a European Context" No. 22-48-04402).

** *Citation:* Khavanova, O. (2023). Ambassador Count Nikolaus Esterházy: Languages and Network-Building in St Petersburg, 1753–1761. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1248–1263. DOI 10.15826/qr.2023.4.845.

Цитирование: Khavanova O. Ambassador Count Nikolaus Esterházy: Languages and Network-Building in St Petersburg, 1753–1761 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1248–1263. DOI 10.15826/qr.2023.4.845.

Статья посвящена анализу языков письменной и устной коммуникации римско-императорского посла в Санкт-Петербурге графа Николауса (Миклоша) Эстерхази (1711–1764). Он был первым венгерским аристократом, сделавшим карьеру на дипломатическом поприще, представляя Австрийский дом и (или) Священную Римскую империю в ряде европейских стран, в том числе Речи Посполитой, Испании и России. На сегодняшний день сохранилось лишь несколько автографов на немецком и французском языках. Биография Эстерхази свидетельствует, что он в совершенстве владел этими языками, должен был усвоить азы письменной латыни и (как минимум) устного венгерского. В статье показано, как функционировала австрийская миссия в Санкт-Петербурге в середине XVIII в., какие языки использовались в переписке с имперским вице-канцлером и государственным канцлером, знание каких языков требовалось для ведения входящей и исходящей корреспонденции, как современные историки используют личный архив дипломата, где сохранился основной массив документов миссии в их полноте и разнообразии. За восемь лет пребывания в России он сумел установить доверительные отношения с императрицей Елизаветой Петровной, великой княгиней Екатериной Алексеевной, ключевыми фигурами елизаветинского правления, прежде всего А. П. Бестужевым-Рюминым, М. И. Воронцовым и П. И. Шуваловым. Во время своего пребывания в России Эстерхази следовал сложившейся практике написания реляций в Вену и общения с Коллегией международных дел в Санкт-Петербурге на немецком языке. Хотя не всегда можно точно сказать, немецким или французским языком он пользовался при русском дворе, он гибко использовал оба языка для получения информации и завоевания благосклонности.

Ключевые слова: устные и письменные языки, французский язык, немецкий язык, придворное общество, навыки дипломата, Россия в середине XVIII в.

The omitted diplomat

The cultural turn in the history of diplomacy [Linguistic and Cultural Foreign Policies; McDonald] has drawn attention to previously less studied or neglected aspects of international relations, such as actors in diplomatic communication, the language of written and oral communication, and the symbolism of diplomatic ceremonies and protocol. Biographical research on the careers of diplomats now allows for not only the analysis of negotiations, dispatches, and treaties, but also reconstruction of the diplomat's educational and linguistic background, his informants' network-building, and languages used with the foreign monarch, at the host court, and with key figures determining foreign policy.

In this regard, the Hungarian aristocrat and Austrian diplomat Count Nikolaus (Miklós) Esterházy (1711–1764) is an interesting and rarely investigated case. (The coincidence of having the same name as Prince Nikolaus Esterházy (1714–1790), who was patron of Josef Haydn

P. Rotari. Portrait of N. Esterházy. 18th century.
State Museum Pavlovsk

and known as Nikolaus the Magnificent, led to the misidentification and confusion of two historical personages in the past.) Count Nikolaus (Miklós) Esterházy was one of the first Hungarian aristocrats to establish a diplomatic career in the Habsburg Monarchy. In this respect, he was a predecessor of several Hungarian aristocrats in the diplomatic service in the nineteenth century (Prince Paul Anton Esterházy, Counts Julius Apponyi, Emmerich Széchenyi, Stephen Burian, and others). For twenty years, he represented the House of Austria on short- and long-term missions to The Hague, London, Lisbon, Warsaw, Dresden, Madrid, and St Petersburg. He spent eight years in the Russian capital

during the time of the Renversement of Alliances (1756) and the crucial years of Russian–Austrian cooperation on the battlefield during the Seven Years War (1756–1763). The archives of the Esterházy family, to which the diplomat belonged, perished in the wars and revolutions of the twentieth century. Historians have endeavored to reconstruct Nikolaus Esterházy's biography from random mentions of his name in previously published documents or sources that were subsequently discovered in different archives [Eszterházy; Berényi, 2004; Berényi, 2014; Хабанова, 2014].

Nevertheless, in the twenty-first century, Count Nikolaus Esterházy remains a political figure without a complete biography. This article strives to show how research into the languages a diplomat used can contribute to better understanding the broader languages of diplomacy. It scrutinizes Esterházy's language proficiency and his choice of language in written and oral communication. Studying the languages officially used at the Austrian mission in St Petersburg allow us to estimate his involvement in routine diplomacy and understand what room for maneuver he had – while building his personal networks of informants and influencers – at the Russian court, where he resided from 1753 to 1761.

The Russian historian, Kazimierz Waliszewski, who is of Polish origin, notes that much judgment is placed upon Esterházy in the Russian historiography, which has never treated him with sympathy. When studying the dispatches of Austrian ambassadors, Waliszewski noted that they were written (and maybe even composed) in German by the minor personnel of the mission.

The ambassadors themselves could write a short letter, a separate dispatch, or just a margin note in French. The historian therefore concluded that the ambassadors spoke no German (Marquis Botta d'Adorno was Italian, Count Esterházy Hungarian, and Count Mercy d'Argenteau Flemish). Regarding Ambassador Esterházy, Waliszewski claimed that he spoke neither German nor French [Валишевский, с. 315–316]. The historian was correct in acknowledging that the language of diplomatic correspondence was not the same as the lingua franca of the ethnically mixed Habsburg aristocracy of the Theresian reign: French [Wagner]. However, because the correspondence was in German, he came to false conclusions about the language proficiency of the ambassadors. Historians are puzzled as to why, throughout most of the eighteenth century, the Austrian mission at St Petersburg corresponded with Vienna in German. No plausible explanation has been offered so far. In an article published in 2016, I suggested that since ambassadors did not bother themselves with the daily routine of diplomatic missions, the language of the mission was determined by the junior personnel's language competences [Хаванова, 2016].

Despite this reliance on junior personnel, Esterházy was fluent in both German and French. Currently, historians have just a few letters written by Esterházy himself. His dispatches – even if written by his secretaries and only signed by him – contain valuable information about his oral communication with monarchs, statesmen, and fellow diplomats at different courts. It would have been impossible to spend eight years in Russia without talking to Empress Elisabeth, her ministers, and foreign diplomats directly, in public or private. Although his dispatches, as a rule, contain no information on the language(s) he used, the consistency of indirect evidence allows us to address this subject at least hypothetically.

Family background and the early years

Esterházy belonged to the category of early-modern diplomats whose career choice was determined by their wealth and aristocratic descent. They were first and foremost courtiers, impressing the foreign court with their grandeur. Therefore, it is important to consider how Esterházy's education contributed to his future career. Little is known about his elementary schooling. As the descendant of the two powerful aristocratic Hungarian families, the Esterházys and the Pálffys, he initially received a home education. Between 1725 and 1728, at the age of 14 to 17, he attended the Jesuit high school (*Gymnasium*) in Pressburg (now Bratislava in Slovakia), where he learned Latin and German [Fazekas, Kádár, Kökényesi, No. 10123]. His father Francis (Ferenc) was a high-ranking official of the Kingdom of Hungary. He was a military officer who fought for the House of Austria in the wars of succession and was respected at the Vienna court. His correspondence with Hungarian fellow aristocrats testifies that he spoke and wrote Hungarian [HU-MNL-OL. P 1314. Nos 72498, 72509, 72511, 72514, 72516 et al.], and there is little doubt that his children heard it at home and spoke and understood this language.

The aristocratic educational ideal at the time included a grand tour, attending an elite educational institution that was appropriate to one's social status, while getting acquainted with the rich and diverse cultural legacy of Europe. The brothers Nikolaus and Francis were sent in 1731 to the knight academy in Luneville in Lorraine [Conrads, S. 227–236; Kalmár, pp. 364–372], where they spent half a year together with their cousin Prince Anton (Antal) Esterházy, the future field marshal and minister in Naples in 1751–1752. Following this, they made a long journey through the Netherlands, Great Britain, France, and Italy [Khavanova, 2019, pp. 1124–1125]. As Nikolaus spent months in Luneville, one would assume that he could speak the same dialect of the French language as the spouse of Archduchess Maria Theresa – Prince Francis of Lorraine, the future Emperor Francis I [Fazekas, p. 6].

Having returned to Vienna in 1734, Nikolaus entered the inner circle of Prince Francis of Lorraine and joined his regiment, but soon quit and preferred the carefree life of a courtier in Vienna. Meanwhile, his father was intent on securing employment for his elder son and wrote numerous letters to influential officials asking for assistance. As late as 1738, Nikolaus was admitted to the Hungarian Royal Lieutenancy Council.

Linguistic skills

Today, copies of Esterházy's (autographic) manuscripts exist in three languages: Hungarian, German, and French. One letter from the period of his service at the Lieutenancy Council is written in *Hungarian* and dated June 9, 1739. This letter was written by a secretary but signed by the young Esterházy himself. The letter is addressed to his father's good friend and patron, Chancellor Luis (Lajos) Batthyány [HU-MNL-OL. P 1314. No. 72995]. This is a typical letter from a client seeking a salaried appointment. Presumably, Nikolaus did not write it but only signed it, and his choice of Hungarian was a gesture of respect for the chancellor. Although Count Esterházy was listed on the staff of the Council until 1744, he spent little time fulfilling his duties. In 1741, he started his diplomatic career, first as an emissary of the Vienna court to The Hague, London, and Lisbon, with the notification of the birth of the male heir Archduke Joseph (the future Joseph II), then, in 1742–1747, as a minister to Dresden and Warsaw. There is not currently enough evidence to suggest that he fluently spoke Hungarian and regularly used it, but he had to have had good command of colloquial Hungarian.

In *German*, there are two handwritten letters to Nikolaus's father which accidentally survived in the family archives (maybe due to the exceptional circumstances when they were written). They are dated 11 and 15 February 1753, which means they were written on both the day of his official appointment to the ambassadorial post in St Petersburg and shortly afterwards [HU-MNL-OL. P 197. 20. cs. 67. fasc.]. The content of the epistles implies that correspondence between Nikolaus and his father was fairly regular. The issues discussed concern recent events and Nikolaus's feelings

regarding his new appointment, his agenda before departure, and pragmatic matters related to his income and expenditures. The German language used in this letter underlines the fact that the letter is not merely a part of family correspondence; rather, this is communication of a young diplomat with a high-ranking official of the kingdom, of one courtier with another.

Esterházy's proficiency in *French* should not be in question, because of his education in francophone Luneville. Yet, few (autographic) letters are written by Esterházy in this language, such as those dating from 1741–1743 that are addressed to the Austrian minister in Prussia, Heinrich Richcourt [AT-OeSTA/HHStA. LHA 201-9]. The earliest epistle is dated 16 May 1741 and was written in Falmouth (Great Britain), a seaport from which he departed on his journey to Lisbon. As he was a newly appointed diplomat, he had no secretary to accompany him, which is why he evidently wrote the letter himself. His subsequent letters from Dresden were written – in German or French – by one of his secretaries, and some have the diplomat's autographic French post scripta. From his stay in Russia, there are two autographic and informal letters preserved among the official dispatches to State Chancellor Count Wenzel Anton von Kaunitz. The first was dated 10 June 1754 and – as follows from its content – was sent to the addressee by Captain Johann (János) Kempelen from Esterházy's suite in Russia. The brief epistle served as proof of Esterházy diplomatic credentials, seeking to reassure the state chancellor that the messenger would orally pass on relevant information that the diplomat hesitated to trust to paper [AT-OeSTA/HHStA. StAbt. Russland II. Kt. 37]. The second letter was written on 15 July 1759 and was sent together with the official dispatch via a regular courier. It contained comments on how Esterházy spent the sums forwarded to him for encouraging Russian officials who were supportive of the Vienna court [Ibid. Kt. 41]. On special occasions, the diplomat also wrote short remarks in the margins, as, for instance, on 1 April 1759, when he wrote several lines supporting the supplication of Capitan Kempelen to let him return home [Ibid.]. These examples testify that, if Esterházy wrote to the state chancellor, the language used was French.

Regarding the Russian language, however, Esterházy hardly acquired this unnecessary competence. Unlike the Saxon minister, Johann Funk, or the secretary of the Austrian mission, Philipp Bösler von Eichenfeld, who had spent many years in Russia and functioned as intermediaries between the diplomatic corps and Russian top officials, the ambassador rarely needed this language. Occasional Russian words in his dispatches, such as “Podoroschna” (travel permit), “Doklat” (report), or “Maslaniza” (Shrovetide), were borrowed from the vocabulary of the mission personnel.

Austrian mission in St Petersburg

Correspondence. Michael Hochedlinger notes that while French had established itself as the lingua franca in international intercourse and in personal correspondence between sovereigns, the monarch, state chancellor, and Austrian diplomats also conducted most of their unofficial

correspondence in French. Meanwhile German – unlike in Prussia – remained the language of Austrian diplomacy: of rescripts, instructions, and dispatches [Hochedlinger, S. 71–72]. In accordance with this rule, Esterházy's official dispatches from St Petersburg are written exclusively in German.

Yet, when analyzing the epistolary heritage of Esterházy, historians may add nuance to the picture drawn by Hochedlinger. Based on Austrian diplomatic practice, we can presume that a more flexible approach dominated, based on a language comprehensible for both the ambassador/minister and more minor personnel. In 1740–1741, for instance, Baron Johann Franz von Ostein wrote dispatches from London in German; later, however, the francophone Count Heinrich de Richecourt reported from Britain in French. The same Richecourt corresponded in French during his stay at the Sardinian court in Turin (1742–1749), but his successor Florimond Mercy d'Argenteau switched to German and kept writing dispatches in German from St Petersburg in 1761–1763. The Austrian minister at the Prussian court, Marquis Anton de Puebla, also wrote from Berlin (1749–1756) in French [HU-MNL-OL. P 218. Vol. 2].

The question of who Esterházy's addresses in Vienna were needs specific. Inasmuch as he – and also his predecessors – represented both the Holy Roman Empire and the House of Austria, he wrote dispatches, on the one hand, to Emperor Francis via the Imperial Vice Chancellor, Count Rudolf von Colloredo, and, on the other hand, to Empress Maria Theresa via the State Chancellor Kaunitz. Some information concerning court life or events in the diplomatic corps was duplicated in both. The issues of the imperial Diet, the Holstein question, and the new emperor's elections were discussed primarily in correspondence with and via the imperial vice chancellor, while, for instance, the joint actions in the Seven Years War were discussed with and via the state chancellor. Such seemingly private issues as the health condition of the ambassador, his physical sufferings, or medical diagnoses were considered worthy of detailed descriptions in official dispatches. Paper type, layout, margins, and other formal features were identical in both groups of dispatches.

Copies of the official correspondence preserved in the diplomat's private archive accumulated all the incoming and outgoing documents (the originals are dispersed between different fonds, archives, and countries). In these volumes, where the documents are arranged by their type and origin (such as the incoming rescripts and instructions, the outgoing reports with the post-scripta and attachments, and so forth), the bulk of the German-language correspondence is complemented by copies of documents in French and Latin. These are, for example, dispatches of Austrian and foreign diplomats who corresponded with their respective courts in French or copies of relevant documents adduced in French or Latin translations.

A separate "chapter" in the history of communication between Vienna and St Petersburg is preserved in the exchange of letters between their rulers. This exchange was strictly determined by more general rules of writing in Latin in the name of the emperor of the Holy Roman Empire

[Hochedlinger, S. 72]. The same was true for the empress queen, whose letters to the Russian monarchs were written almost exclusively in Latin. The letters of Francis and Maria Theresa to Grand Duke Petr Fedorovich and Grand Duchess Ekaterina Alekseevna were composed in German. These were not only letters of credence and recall for the arriving and departing diplomats but also notifications on the occasion of births, deaths, and marriages and, in exceptional cases, important events on the international stage or battlefield. During Esterházy's stay in Russia, the letter exchange was practiced regularly, and the only linguistic "deviations" were Maria Theresa's letters to Empress Elizabeth that were written in German instead of Latin on the occasion of joint military operations and victories. This is not explicitly explained, or commented on, but a plausible explanation for Maria Theresa's use of German in these instances might be her desire to stress her supremacy over her rival, another German ruler, Friedrich of Prussia. She symbolically juxtaposed her linguistically manifested Germanness to the Enlightenment-inspired Francophilia of the Prussian king who wanted to be the first prince of the German-speaking world.

People. Count Esterházy arrived in Russia in October 1753 with a suite that included Croatian-Hungarian nobleman Count Joseph von Keglevich, Capitan János von Kempelen, and secretary Anton von Arbesser. He took with him three valets, a cook with an assistant, a confectioner, and six lackeys, whose names and nationalities are unknown [АБПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. 1753. Л. 109]. On the eve of his departure, he explicitly rejected the possibility of recruiting people of Serbian origin, because he was afraid that they might betray him in favor of their Russian co-believers instead of remaining loyal to him as their master. An international team of German and French grooms, coachmen, cooks, confectioners, valets, and hairdressers lived in his house in Millionnaya Street in St Petersburg. At least one of his pages was also a Frenchman. Seemingly, like other diplomats in St Petersburg, Esterházy preferred not to recruit his staff from among the locals [АБПРИ. Ф. 6. Оп. 2. 1743–1762. Д. 1. Л. 80 об.].

As stated above, neither Eichenfeld nor Seddeler, who copied most of the outgoing dispatches, were fluent in French. However, they were skilled enough to copy the documents in French or Latin for the ambassador's needs. The personalities of the mission staff and members of Esterházy's suite are reflected in their letters copied by the Russian postal censorship. One of these occasionally copied letters of Eichenfeld to Baron Heinrich von Peckler in Constantinople shows that the secretary eloquently used Latin (maybe with the intention of making his epistle more elegant). Complaining about his never-ending mission to Russia and describing his nostalgia and stoic readiness to fulfill his duties, he concluded with the Latin: *dulcis amor patriae quamvis non recuso laborem!* [АБПРИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 77].

The young Count Keglevich had first accompanied his patron to Madrid in 1751, then joined him in Russia. His father believed that the status of chevalier of the embassy suited the young aristocrat and provided him with sociability in foreign languages as well as indispensable experience

and acquaintances at foreign courts [Khavanova, 2019]. Among the letters censored by the Russian postal service, there is one in German, presumably written by Count Keglevich. The addressee is an unnamed friend in Vienna with whom Keglevich emotionally shared the news of the Prussians' recent defeats. Keglevich used the French expression "*plus poliment tranquil<le>*", translated into Russian as "лучше сказать? безпечным быть" ("better to say, being careless") [АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2. 1743–1762. Д. 1. Л. 189, 192]. This is one more piece of evidence supporting the hypotheses that Esterházy and his suite used both German and French as colloquial and written languages.

Esterházy and Empress Elizabeth

The diplomat was evidently proud of Empress Elizabeth's attention and sympathy. However, from his first month in office and throughout the subsequent years, he was annoyed with the scant attention paid to him as the only plenipotent ambassador at her court. In his dispatches, he repeatedly related negative opinions and rumors about the Russian sovereign [AT-OeStA/HHStA StAbt. Russland II. Kt. 36]. His extensive report from 10 July 1754 (in German), with its characterization of Elizabeth as a lazy and capricious female ruler, drew the attention of German historians in the late nineteenth century to such an extent that they published this dispatch in a volume on the Seven Years War [Preußische und Österreichische Acten, S. 673–677]. However, Esterházy soon realized that her favor was his asset and did his best to distinguish himself in her eyes. As early as 1756, Esterházy emphasized the empress's confidence and extraordinary benevolence. On 25 February, he wrote: "Just as I was sitting at the table of the Russian empress on the right side, and the English ambassador [Guy Dickens] had to go home because of a sickness that had befallen him, so that there was no one around who could hear anything, it was most agreeable to her, to enter into a very long conversation with me" [AT-OeStA/HHStA. StAbt. Russland II. Kt. 37].

What language did Esterházy speak to the empress? As adventurer Charles d'Éon de Beaumont wrote in his notes, "She is very familiar with German and hesitates to speak much French for fear of making mistakes. She also speaks to ambassadors, especially the Austrian one, taking him to a window niche" [Мезин, с. 116]. These long talks amazed the court. In her memoirs, Grand Duchess Ekaterina Alekseevna wrote about an episode she observed: the empress was speaking at length to Esterházy, and the courtiers were all standing there dead tired [Записки императрицы Екатерины Второй, с. 458]. Francine-Dominique Liechtenhan suggested that the empress was attracted to tall and handsome men such as Esterházy, or his predecessors, Pretlack and Bernes [Лиштенан, с. 410]. At the end of his eight-year mission in Russia, together with Chancellor Vorontsov, Esterházy felt confident enough to visit the empress in her private rooms to discuss urgent matters, as the diplomat reported to Kaunitz on 3 November 1758 [AT-OeStA/HHStA. StAbt. Russland II. Kt. 41].

Language skills at the Russian court

The foreign languages spoken at the Russian court during the reign of Empress Elizabeth were, apparently, as illustrated below, German and French. Chancellor Mikhail Vorontsov, in a letter to his nephew Aleksandr giving him a piece of good advice, virtually confirmed the use of these languages and revealed the way he himself was acting: "You should find a skilful man in Vienna and employ him as your secretary, who can compose and write well in French and German, and when you do not wish to write yourself, he can copy out your concepts from scratch" [Архив князя Воронцова, с. 112]. The clerks of the College of Foreign Affairs translated the documentation to be handed out to foreign diplomats both into German and French. In the report of the accountant Brown, dated 17 August 1759, notes about the victory over Prussia (at Kunersdorf) were written in German and French, and the ambassadors Esterházy and l'Hôpital received two of each, and other ministers one copy in each language [АВПРИ. Ф. 2. 1759. Д. 1465. Л. 244].

In his dispatches, Esterházy spoke about his meetings and talks with the empress, the grand-ducal couple, her courtiers, and top officials but made no comments on the languages he used in oral communication. Ivan Shuvalov in his letter to Chancellor Vorontsov from 2 March 1760 (Julian style) quoted his talk to Esterházy in French. The diplomat – encouraging the Russian court to fight against Frederick II – said: "Il faut, Monsieur, prendre pour principe, on doit premièrement abaisser le Roy de Prusse et après songer à se dédommager de ses états" [Русский архив, стб 1404]. Indirect evidence from other sources also helps to reconstruct (possible) languages used by Esterházy and his counterparts.

Esterházy's regular interlocutor was Grand Chancellor Count Aleksei Bestuzhev-Riumin. It took time to win, if not his cordiality, then at least his confidence. Most likely, the chief of the foreign political office was informed by his brother Mikhail, the former Russian minister in Dresden, that the Austrian diplomat had a bad temper and an inclination to scandals [Щепкин, с. 195]). Bestuzhev's French was inadequate, and his preferred language of communication with foreign diplomats was German. He was regarded as a principal supporter of the House of Austria at the St Petersburg court [Анисимов]. In 1748, Emperor Francis sent him a letter in German (preserved in a copy) with the most gracious recognition of his merits [АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1748. Д. 3. Л. 2]. Esterházy, in his dispatches, regularly mentioned that he was handing original documents in German to the grand chancellor and letting the clerks of the College of Foreign Affairs make copies of non-classified materials [Там же. 1755. Д. 5. Л. 18]. On occasion, minor clerks of the College visited Esterházy with circular letters (presumably in German) addressed to all foreign diplomats. The College employee Kron mentioned extensive conversations with Esterházy, emotions and opinions the diplomats expressed, and questions asked [Там же. 1754. Д. 7. Л. 23, 25, 29]. Esterházy's request to order a German-speaking guardsman to his house clearly favors the German language, because the

diplomat wanted to share a common language with them [АВІПІ. Ф. 32. Оп. 1. 1755. Л. 5. Л. 19].

In the absence of relevant information in Esterházy's correspondence, one may find interesting details in the letters and reports of Count Ludwig von Zinzendorf, who came to Russia in the spring of 1755 with the official congratulations of Maria Theresa and Francis I on the birth of Grand Duke Paul [Khavanova, 2022]. He understood his subordinate status perfectly well and did not write official dispatches, delegating this function to the ambassador. Perhaps exactly for this reason, all his letters and exposés are written in French – the usual language Kaunitz used in correspondence with his trainees and trustees. However, he spent much time talking to the great chancellor, vice chancellor, and others because he was assigned to the official ceremonial mission. Furthermore, he was also entrusted with the secret task of exploring the depth of pro-Prussian sentiments at the Russian court and binding Russia tighter to Austria by promising pensions and subventions to key figures connected to Russian foreign policy. Finding himself in a foreign – and, in a way, alien – milieu, Zinzendorf was judging his counterparts based on their language proficiency, ability to formulate their thoughts, and sociability in French and German. Although it is difficult to come to an unequivocal conclusion about whether French, German, or both were used in each particular case, the envoy's observations shed light on the peculiarities of linguistic communication.

Thus, Zinzendorf wrote about Dmitry Volkov [Киселев], who, along with the Saxon minister Funk, was one of the closest confidants of the grand chancellor: "A young man of 28, almost without knowledge, with even less genius, having some talent for intrigue, perverse morals, a lot of presumption, adorning himself with the minimal French and German that he writes without knowing the value of any term" [Preußische und Österreichische Acten, S. 683]. In contrast, Ivan I. Shuvalov amazed Zinzendorf with, among other qualities, his proficiency in languages: "He has received a more careful education than that which is commonly given in this country, which would, however, pass for very bad anywhere else; his tutor was a French comedian. From him he acquired a certain taste for French letters, which gives him a sort of jargon" [Ibid., p. 689]. Language proficiency as a marker of intellectuality and smartness is especially evident in the lines dedicated to Adam Olsufiev: "I consider Mr. Olsufiev to be the most witty and knowledgeable man in office today. He writes German, Latin, and French with equal facility; brought up to work, having spent several years at the courts of Berlin and Dresden, he enunciates himself wonderfully, in the prime of his life, with admirable health and all the flexibility of a courtier to achieve" [Ibid., p. 698].

In June 1755, when Russia was at the closing stage of the negotiations on the subsidy convention with Great Britain, Sir Charles Hanbury Williams arrived in St Petersburg. As the ministers of allied courts, Zinzendorf and Williams were acting together, persuading Bestuzhev that the hostile dominating party at court might be "bought," or neutralized, by generous subventions.

The language of communication was central to the deal: Williams spoke no German, and Bestuzhev hardly communicated in French. For this reason, as Zinzendorf wrote in his comprehensive memoir from July 1755, Saxon minister Funk was used as an interpreter, translating the words of Williams into German, and repeating once again in French what Bestuzhev intended to say [Preussische und Österreichische Acten, pp. 713–714, 723].

It is not known which language (German or French) Esterházy used to speak to people in private. On several occasions, he mentioned his talks with Grand Duchess Ekaterina Alekseeva, but from these short accounts, it is unclear if they spoke French as the language of European courts and aristocracies or German as the mother tongue of the German princess. The same is true for his principal supporters and informants, such as Count Petr Shuvalov or Mikhail Vorontsov, respectively. Remarkably, in all these cases, Esterházy found ways to be useful to his counterparts: the Grand Duchess intervened on behalf of her brother Friedrich August, the chief of a cuirassier regiment in the imperial army. Shuvalov promoted his canons “Yedinorog” (“Unicorn”) to the imperial army and did not forget to ask graces for his only son, and Vorontsov assisted his brother Roman to gain the title of count of the Holy Roman Empire.

The diplomat’s public compliments (or harangues) during public audiences, however, were determined by the virtues of tradition. Austrian and Russian ambassadors (both plenipotentiary and extraordinary) in St Petersburg and Vienna addressed their speeches to the sovereigns in German and to the archdukes/archduchesses or grand dukes/grand duchesses in French. This rule, which had not been fixed in the ceremonial practice of foreign ambassadors (1744), went back to the dawn of bilateral relations, and deviations from the rule, if any, can be explained by a lack of language skills. As for Esterházy, he acted in exact accordance with this rule, which established the official language of the Habsburg monarchy (German) as the language of oral communication between the ruling houses and reserved the language of European court societies (French) for the junior court.

* * *

A comprehensive analysis of diplomatic correspondence conducted during the eight years that Esterházy spent in Russia testifies that, like the practices of his predecessor Pretlack and his successor Mercy d’Argenteau, the working language was German. This continuity was the merit of the minor personnel responsible for the daily routine. They drafted dispatches and copied and made excerpts of the incoming correspondence in German, French, or Latin. Insofar as there is no special research on the language policies of the Austrian diplomacy in the age of Maria Theresa, we can only assume that the language choice in each country was determined by the linguistic skills of the mission personnel, languages preferred by the ambassador, and languages spoken at the host court.

Esterházy's biography, education, and career show that he had sufficient language skills to fulfill the duties of an ambassador at European courts, be they in Dresden, Madrid, or St Petersburg. The combination of German and French enabled him to control the diplomatic correspondence, live in a linguistically mixed milieu in his office and household, and establish confident relations with the Russian empress and her statesmen. He entered his office at a time when a diplomat had to be, first and foremost, a courier, and he spectacularly fulfilled this function in Russia. Although the professionalization of the diplomatic corps is often mentioned in comprehensive works on the eighteenth century [Do Paço], this non-evident shift has not yet been thoroughly reconsidered. Count Ludwig von Zinzendorf, cited in this article as one of the chancellor's trainees, demonstrated a more analytical approach, which Esterházy lacked. Concerned with his personal grandeur at the foreign court, Esterházy stayed egocentrically indifferent to the Russian society he lived in. This was probably the reason why our knowledge of his linguistic use at the Russian court remains insufficiently detailed and complete.

Библиографические ссылки

Анисимов М. Ю. Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

АВПРИ. Ф. 2 (Внутриколлежские дела). Оп. 2/1. 1753; 1759. Д. 1465; Ф. 6 (Секретнейшая корреспонденция (перлюстрация)). Оп. 2. 1743–1762. Д. 1; Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 1. 1748; 1754. Д. 7; 1755. Д. 5.

Архив князя Воронцова : [в 40 кн.]. М. : Университет. тип., 1885. Кн. 35. 502 с.

Валишевский К. Дочь Петра Великого. М. : Изд. А. С. Суворина, 1902. 562 с.

Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1907. 749 с.

Киселев М. А. Казус Д. В. Волкова: подьячие на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Урал. ист. вестн. 2012. № 3 (36). С. 42–52.

Литтенант Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М. : Астрель, 2012. 635 с.

Мезин С. Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской» : вводная ст., текст, коммент. СПб. : Европ. дом, 2019. 142 с.

Русский архив. 1870. Т. 14. Вып. 8–9. Стб. 1393–1728.

Хаванова О. В. Имперский посол граф Миклош Эстерхази – страницы биографии и этапы дипломатической карьеры // Российско-австрийский альманах: социальные и культурные параллели / отв. ред. И. В. Крючков. Вып. 4. Ставрополь : Изд-во Сев.-Кавказ. федер. ун-та, 2014. С. 3–14.

Хаванова О. В. Австрийские послы и посланники при русском дворе в период охлаждения двусторонних отношений в 60-е – начале 80-х годов XVIII в. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте : К 60-летию К. В. Никифорова / отв. ред. О. В. Хаванова. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 58–76.

Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. СПб. : Тип. В. С. Балашева и К., 1902. 696 с.

AT-OeSTA/HNHStA. LHA. 201-9; StAbt. Russland II. Kt. 4, 36, 37, 41.

Eszterházy J. Esterházy család. [Budapest : S. n., 1901]. 281 old.

Berényi L. Galántai és fraknói Esterházy Miklós (1711–1764) : egy 18. századi magyar diplomata a cárok udvarában // Turul. 2004. 77. Köt. 1–2. Sz. 49–55. Old.

Berényi L. Esterházyak. Egy ezeréves család története. [Fertőd : S. n.], 2014. 1–2. köt. 889 old.

Conrads N. Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Standesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen : Vandenhoeck et Ruprecht, 1982. 414 S.

Do Paço D. Patronage and Expertise: The Creation of a Trans-Imperial Knowledge, 1719–1848 (the Oriental Academy of Vienna) // *Transnational Cultures of Expertise. Circulating State-Related Knowledge in the 18th and 19th Centuries* / ed. by L. Schilling, J. Vogel. Oldenbourg : De Gruyter, 2019. P. 48–61. DOI 10.1515/9783110553734-004.

Fazekas I. Egy magyar karrier Bécsben: Esterházy Ferenc kancellár pályaképe // *Szélesvíz*. Bratislava, 2014. I/1. 4–13. old.

Fazekas I., Kádár Zs., Kőkenyesi Zs. A pozsonyi gimnázium diáksága. Anyakönyvi adattár (1650–1773) // *Library Hungaricana* : [portal]. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/view/JezsuitsGimnaziumokDiakjai_3_Pozsony/?pg=0&layout=s (accessed: 16.01.2023).

Hochedlinger M. Krise und Wiederherstellung: Österreichische Großmachtpolitik zwischen Türkenkrieg und “Zweiter Diplomatischer Revolution” 1787–1791. Berlin : Duncker & Humblot, 1997. 520 S.

HU-MNL-OL. P 197. No. 20; P 218 (Magánlevéltárak. Családi fondok, levéltárak. Esterházy család tatabi levéltára. Esterházy Miklós). Vol. 2; P 1314 (Battyány család. Missiles). No. 72498, 72509, 72511, 72514, 72516, 72995.

Kalmár J. Esterházy II. Pál Antal nápolyi követ életéhez // “A magyar múltat kutatni, írni és láttatni – ez által szolgálni a hazát”. Tisztelgető kötet J. Újváry Zsuzsanna 25. Pázmányos oktatói éve előtt / S. B. Biró, P. Miski, R. Tértei. Budapest ; Piliscsaba : Szent István Társulat, 2020. P. 357–389. old.

Khavanova O. Madridtól Szentpétervárig. Gróf Esterházy Miklós, Mária Terézia első magyar karrierdiplomátája // *Századok*. 2019. 153. évf. 6. sz. 1123–1139. old.

Khavanova O. Count Ludwig von Zinzendorf’s Diplomatic Mission to Saint Petersburg in 1755 // *Historical Studies on Central Europe*. 2022. Vol. 2, № 1. P. 69–91. DOI 10.47074/HSC.2022-1.04.

Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th Centuries / ed. by K. Sanchez-Summerer, W. Frijhoff. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2017. 212 p.

McDonald M. Striving After Style: Francophone Diplomacy in Prussia, 1740–86 // *The George Rudé Society: News and Papers from the George Rudé Seminar. French History and Civilization*. 2021. Vol. 10. P. 19–39.

Preußische und Österreichische Acten zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges / Hrsg. von G. B. Volz, G. Küntzel. Leipzig : Zeller, 1899. 764 S.

Wagner H. Der Höhepunkt des französischen Kultureinflusses in Österreich in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Österreich in Geschichte und Literatur*. 1961. Bd. 5. S. 507–518.

References

Anisimov, M. Yu. (2005). Rossiiskii diplomat A. P. Bestuzhev-Ryumin (1693–1766) [A. P. Bestuzhev-Ryumin, a Russian Diplomat (1693–1766)]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 6, pp. 175–192.

AT-OeSTA/HHStA. LHA. 201-9; StAbt. Russland II. Kt. 4, 36, 37, 41.

AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2 (Vnutrikollezhskie dela). List 2/1. 1753; 1759. Dos. 1465; Stock 6 (Sekretnishaya korrespondentsiya (perlyustratsiya)). List 2. 1743–1762. Dos. 1; Stock 32 (Snosheniya Rossii s Avstriei). List 1. 1748; 1754. Dos. 7; 1755. Dos. 5.

Arkhib knyazya Vorontsova v 40 kn. [Archive of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1885). Moscow, Universitetskaya tipografiya. Book 35. 502 p.

Berényi, L. (2004). Galántai és fraknoi Esterházy Miklós (1711–1764): egy 18. századi magyar diplomata a cárok udvarában. In *Turul*. 77. Köt. 1–2, sz. 49–55. Old.

Berényi, L. (2014). *Esterházyak. Egy ezeréves család története*. [Fertőd, S. n.]. 1–2. köt. 889 old.

Conrads, N. (1982). *Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Standesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert*. Göttingen, Vandenhoeck et Ruprecht. 414 S.

Do Paço, D. (2019). Patronage and Expertise: The Creation of a Trans-Imperial Knowledge, 1719–1848 (the Oriental Academy of Vienna). In Schilling, L., Vogel, J. (Eds.). *Transnational Cultures of Expertise. Circulating State-Related Knowledge in the 18th and 19th Centuries*. Oldenbourg, De Gruyter, pp. 48–61. DOI 10.1515/9783110553734-004.

Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroi: perevod s podlinnika, izdannogo Imperatorskoi Akademiei nauk [Notes of Empress Catherine II. Translation from the Original Published by the Imperial Academy of Sciences]. (1907). St Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. 749 p.

Eszterházy, J. (1901). *Esterházy család*. [Budapest, S. n.]. 281 old.

Fazekas, I. (2014). Egy magyar karrier Bécsben: Esterházy Ferenc kancellár pályaképe. In *Szélesvíz*. Bratislava. I/1, old. 4–13.

Fazekas, I., Kádár, Zs., Kökényesi, Zs. (N. d.). A pozsonyi gimnázium diáksága. Anyakönyvi adattár (1650–1773). In *Library Hungaricana* [portal]. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/view/JezsuitaGimnaziumokDiakjai_3_Pozsony/?pg=0&layout=s (accessed: 16.01.2023).

Hochedlinger, M. (1997). *Krise und Wiederherstellung: Österreichische Großmachtspolitik zwischen Türkenkrieg und “Zweiter Diplomatischer Revolution” 1787–1791*. Berlin, Duncker & Humblot. 520 S.

HU-MNL-OL. P 197. No. 20; P 218 (Magánlevéltárak. Családi fondok, levéltárak. Esterházy család tatai levéltára. Esterházy Miklós). Vol. 2; P 1314 (Battyány család. Missiles). No. 72498, 72509, 72511, 72514, 72516, 72995.

Kalmár, J. (2020). Esterházy II. Pál Antal nápolyi követ életéhez. In Biró, S. B., Miski, P., Tértei, R. (Eds.). “*A magyar múltat kutatni, írni és láttatni – ez által szolgálni a hazát*”. *Tisztelető kötet J. Újváry Zsuzsanna 25. Pázmányos oktatói éve előtt*. Budapest, Piliscsaba, Szent István Társulat, pp. 357–389. old.

Khavanova, O.V. (2014). Imperskii posol graf Miklosh Esterkhazi – stranitsy biografii i etapy diplomaticheskoi kar’ery [Imperial Ambassador Count Miklós Esterházy – Biography Pages and Stages of Diplomatic Career]. In Kryuchkov, I. V. (Ed.). *Rossiisko-avstriiskii al’manakh: sotsial’nye i kul’turnye paralleli*. Iss. 4. Stavropol’, Izdatel’stvo Severo-Kavkazskogo federal’nogo universiteta, pp. 3–14.

Khavanova, O. V. (2016). Avstriiskie posly i poslanniki pri russkom dvore v period okhlazhdeniya dvustoronnikh otnoshenii v 60-e – nachale 80-kh godov XVIII v. [Austrian Ambassadors and Envoys at the Russian Court during the Period of Cooling of Bilateral Relations in the 1760s – Early 1780s]. In Khavanova, O. V. (Ed.). *Istoriya, yazyk, kul’tura Tsentral’noi i Yugo-Vostochnoi Evropy v natsional’nom i regional’nom kontekste. K 60-letiyu K. V. Nikiforova*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 58–76.

Khavanova, O. (2019). Madridtól Szentpétervárig. Gróf Esterházy Miklós, Mária Terézia első magyar karrierdiplomátája. In *Századok*. 153. évf. 6. sz. 1123–1139. old.

Khavanova, O. (2022). Count Ludwig von Zinzendorf’s Diplomatic Mission to Saint Petersburg in 1755. In: *Historical Studies on Central Europe*, vol. 2, no. 1, pp. 69–91. <https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-1.04>.

Kiselev, M.A. (2012). Kazus D.V. Volkova: pod’iachie na verшинakh vlasti v Rossiiskoi imperii XVIII v. In *Ural’skii istoricheskii vestnik*, vol. 3(36), pp. 42–52.

Liechtenhan, F.-D. (2012). *Elizaveta Petrovna. Imperatritsa, ne pokhzhaya na drugikh* [Elizaveta Petrovna. An Empress Unlike Any Other.]. Moscow, Astrel’. 635 p.

McDonald, M. (2021). Striving After Style: Francophone Diplomacy in Prussia, 1740–86. In *The George Rudé Society: News and Papers from the George Rudé Seminar. French History and Civilization*. Vol. 10, pp. 19–39.

Mezin, S. (2019). *Neizvestnoe proizvedenie frantsuzskoi rossiki serediny XVIII veka “Sekretnye anekdoty o dvore imperatritsy Vserossiiskoi”*: vvodnaya stat’ya, tekst, kommentarii [Secret Anecdotes about the Court of the All-Russian Empress, an Unknown Work of French Russian Literature from the Mid-18th Century: Introductory Article, Text, Commentary]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 142 p.

Russkii arkhiv [Russian Archive]. (1870). Vol. 14. Iss. 8–9, col. 1393–1728.

Sanchez-Summerer, K., Frijhoff, W. (Eds.). (2017). *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th Centuries*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 212 p.

Shchepkin, E. N. (1902). *Russko-avstriiskii soyuz vo vremya Semiletnei voyny, 1746–1758 gg.* [Russo-Austrian Alliance during the Seven Years' War, 1746–1758]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva i Co. 696 p.

Volz, G. B., Küntzel, G. (Hrsg.). (1899). *Preussische und Österreichische Acten zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges*. Leipzig, Zeller. 764 S.

Wagner, H. (1961). Der Höhepunkt des französischen Kultureinflusses in Österreich in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In *Österreich in Geschichte und Literatur*. Bd. 5, S. 507–518.

Waliszewski, K. (1902). *Doch' Petra Velikogo*. Moscow, Izdanie A. S. Suvorina. 562 p.

The article was submitted on 29.05.2023

**Языковые практики российских дипломатов
иностранного происхождения братьев Симолиных
во второй половине XVIII века***

Мария А. Петрова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-
Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century****

Maria A. Petrova

HSE University,
Moscow, Russia

This article considers the usage of native and foreign languages in the multinational community of Russian diplomats in the second half of the eighteenth century, especially by the immigrants from the Ostsee (Baltic) provinces of the Russian Empire annexed as a result of the Great Northern War of 1700–1721. Incorporating the approaches of new diplomatic history that applies the methods of sociolinguistics and studies, among others, the national, social and cultural identities of international actors, the author examines language practices and language competences of Swedes Karl Gustav (Karl Matveevich) and Johann Matthias (Ivan Matveevich) Simolin in the context of their career strategies. The study refers to their correspondence with Russian monarchs and the leadership of the Collegium of Foreign Affairs over the 1740s–1780s kept in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Archive of Ancient Documents. The reconstruction of both brothers' career paths reveals that they used similar language competences they initially had in different ways. Karl Gustav,

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-48-04402 «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте». Благодарю В. С. Ржеуцкого и И. И. Федюкина за вопросы и комментарии к тексту на этапе его подготовки.

** *Citation*: Petrova, M. A. (2023). Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846.

Цитирование: Petrova M. A. Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846 / Петрова М. А. Языковые практики российских дипломатов иностранного происхождения братьев Симолиных во второй половине XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846.

the elder brother, translator, and polyglot, was responsible for correspondence in German in the Collegium of Foreign Affairs for many years. However, when he received an appointment to Mitau, his only diplomatic post, in 1758, he began to conduct official correspondence in the Russian language. Johann Matthias, the younger brother, spent most of his life abroad and, starting from 1758, held diplomatic posts in Regensburg, Copenhagen, Stockholm, London, and Paris. German that he spoke as a native speaker and French were his main languages of correspondence with the Russian monarchs and the leadership of the Collegium of Foreign Affairs. French gradually replaced German in documents of all types as the language of international and court communication. In addition, Simolin understood the Russian language perfectly, which, from the mid-1770s, spared the Collegium from having to translate rescripts sent to him on behalf of the empress. The analysis of both brothers' language practices demonstrates that despite the introduction of French into the internal correspondence of the Collegium of Foreign Affairs in the second half of the eighteenth century, the new subjects of the Russian Empire found it necessary to learn Russian to gain promotion and become part of the Russian imperial elite.

Keywords: diplomatic correspondence, language choice, language competences, Russian Empire, Brothers Simolin, 18th century

Статья посвящена проблеме использования родного и иностранных языков в многонациональном сообществе российских дипломатов второй половины XVIII в., в частности, выходцами из Остзейских губерний Российской империи, присоединенных по итогам Северной войны 1700–1721 гг. Аккумулируя подходы новой дипломатической истории, которая применяет методы социолингвистики и изучает национальные, социальные и культурные идентичности акторов международного процесса, автор рассматривает языковые компетенции и языковые практики шведов Карла Густава (Карла Матвеевича) и Иоганна Матиаса (Ивана Матвеевича) Симолиных в контексте их карьерных стратегий. Источниковой базой исследования служит их переписка с российскими монархами и руководством Коллегии иностранных дел за 1740–1780-е гг. из фондов АВПРИ и РГАДА. Реконструкция отдельных этапов карьеры обоих братьев позволила установить, что они по-разному реализовали примерно одинаковый набор компетенций, изначально имевшихся в их распоряжении. Старший брат Карл Густав, переводчик-полиглот, долгие годы отвечал в Коллегии иностранных дел за переписку на немецком языке, а, получив свой единственный дипломатический пост в Митаве в 1758 г., начал вести служебную корреспонденцию на русском языке. Младший брат Иоганн Матиас большую часть жизни провел за границей и с 1758 г. занимал дипломатические посты в Регенсбурге, Копенгагене, Стокгольме, Лондоне и Париже. Немецкий, которым он владел на уровне носителя, и французский были основными языками его переписки с российскими монархами и руководством Коллегии иностранных дел, причем французский как язык международного и светского общения постепенно вытеснил немецкий из всех видов документов. Кроме того, Симолин прекрасно понимал русский язык, что

начиная с середины 1770-х гг. избавило коллегия от необходимости переводить для него рескрипты от имени императрицы. Анализ языковых практик обоих братьев показывает, что, несмотря на распространение французского языка во внутренней переписке Коллегии иностранных дел во второй половине XVIII в., новые подданные Российской империи считали необходимым изучать русский язык, чтобы получить продвижение по службе и стать частью общеимперской элиты.

Ключевые слова: дипломатическая корреспонденция, выбор языка, языковые компетенции, братья Симолины, Российская империя, XVIII в.

Дипломаты иностранного происхождения на службе Российской империи

Создание системы дипломатических представительств за рубежом началось в России в начале XVIII в. Формируя кадры для новых заграничных учреждений, царь Петр I первоначально опирался на опыт московских дипломатов старой школы Посольского приказа – выходцев из провинциального дворянства П. Б. Возницына, Е. И. Украинцева, П. В. Постникова, но впоследствии предпочитал назначать на ответственные посты представителей аристократии. Из 23 русских дипломатов, возглавлявших миссии с 1700 по 1725 г., 18 принадлежали к древним фамилиям Голицыных, Долгоруковых, Хилковых, Бестужевых-Рюминых, Матвеевых. При этом большинство из назначенных до 1710 г. не имели соответствующего опыта, хотя могли бывать за границей и в большей или меньшей степени владели иностранными языками. Уровень образования среди тех, кто становились главами миссий после 1710 г., был существенно выше, поскольку они служили при первых петровских дипломатах¹.

Однако квалифицированных кадров не хватало, поэтому Петр I начал привлекать иностранцев, часто незнатного происхождения, сначала в качестве агентов, затем в качестве министров, облеченных дипломатическим рангом. Это были главным образом выходцы из государств и областей, входивших в состав Священной Римской империи (например, А. И. Остерман – из Вестфалии, И. Ф. Бёттигер – из Саксонии, И. К. Урбих – из Тюрингии, барон А. фон дер Лит – из Бранденбурга, Г. Х. Шлейниц – из Брауншвейг-Вольфенбюттеля), а также из Речи Посполитой (П. И. Ягужинский и Л. Ланчинский). При этом после создания в 1718 г. в России нового внешнеполитического ведомства – Коллегии иностранных дел – все дипломаты поступали туда на службу, в отличие от предшествующей эпохи, когда главы чрезвычайных миссий, как правило, не являлись служащими Посольского приказа².

¹ Об изучении французского и других иностранных языков в дворянской среде при Петре I см.: [Rjéoutski].

² Подробнее о петровских дипломатах см.: [Bohlen; Altbauer].

Казалось бы, после присоединения Россией шведских территорий в Прибалтике по итогам Северной войны 1700–1721 гг. к дипломатической деятельности могли быть привлечены новые подданные дворянского происхождения, владевшие иностранными языками, – шведы и балтийские немцы, проживавшие в Лифляндии и Эстляндии, но это произошло далеко не сразу: вероятно, Петр I и его преемники до определенного момента сомневались в их лояльности. Единственным исключением стал швед И. Л. Люберас фон Потт, который перешел на российскую службу в 1700 г. в качестве военного инженера, а в 1744–1745 гг. служил полномочным министром в Стокгольме, но был отозван из-за ненадлежащего исполнения им своих обязанностей³. Когда на российский императорский престол взошла Анна Иоанновна, вдовствующая правительница Курляндии и Семигалии, на российскую дипломатическую службу поступили курляндцы (К. Г. фон Левенвольде, К. Х. фон Бракеель, Г. К. фон Кейзерлинг, И. А. фон Корф, Э. И. фон Бутлер).

Только в конце 1750-х гг. выходцы из Остзейских губерний Российской империи начали занимать самостоятельные дипломатические посты. Первыми были шведы К. Г. и И. М. Симолины. В царствование Екатерины II (1762–1796) это были уже балтийские немцы, и их число на дипломатической службе неуклонно росло (например, И. Р. и Г. В. Ребиндеры, И. И. Местмахер, О. М. и И. М. Штакельберги, К. М. фон Остен-Сакен, А. И. Криденер, Д. М. и М. М. Алопеусы, Я. И. Сиверс, О. А. Игельстром). Большинство ранее занимали должности переводчиков, секретарей или советников посольства в российских миссиях за рубежом. При этом, несмотря на развернувшиеся при императрице Елизавете Петровне (1741–1761) дискуссии о необходимости растить национальные кадры⁴, российские монархи во второй половине XVIII в. продолжали привлекать в качестве своих дипломатических представителей иностранных подданных, чаще из германских государств (вюртембергцы Г. и Ф. Гроссы, К. Я. Бюлер; голштинцы К. фон Сальдерн, Х. И. Петерсон, А. С. Струве; уроженцы княжества Хальберштадт Ф. А. Ассебург и графства Берг М. Нессельроде) и Венецианской Республики (Г. Кавалькабо, П. Маруцци, греки Д. Моцениго, А. Псаро). Большинство иностранцев сразу получали самостоятельные дипломатические посты, но были и те, кто начинал карьеру с должности переводчиков или секретарей российских миссий, например, Гроссы, Бюлер и Струве.

Языковые практики многонационального сообщества российских дипломатов стали предметом исследований совсем недавно. Изучение этой темы связано с интересом современной историографии

³ В 1752 г. по инициативе канцлера А. П. Бестужева-Рюмина было начато разбирательство о деятельности Любераса в Стокгольме, но доказательств его вины представлено не было [АКВ, кн. 33, с. 430–446].

⁴ См. письма М. П. Бестужева-Рюмина М. И. Воронцову: [АКВ, кн. 2, с. 263, 279–280].

к проблеме бытования и использования иностранных языков в конце XVII – XVIII в., когда французский постепенно сменял латынь в качестве основного языка международного общения в Европе и становился языком придворного светского общения [Burke; Rjéoutski, Argent, Offord]. Взаимодействию русского и французского языков и франкофонии в России как явлению посвящены работы Д. Оффорда, В. Ржеуцкого и Г. Арджент, показавших среди прочего, что уже в первой трети XVIII в. русские по происхождению дипломаты использовали французский язык не только в общении с иностранными коллегами за рубежом, но и в переписке между собой⁵. Для русского дворянства в целом, к которому принадлежала, по моим подсчетам, примерно половина дипломатов Екатерины II, французский как «формульный язык зрелой культуры, выработавшей всеобъемлющий кодекс поведения», становился маркером европейской социальной идентичности и социального превосходства над представителями других сословий [Оффорд, Ржеуцкий, Арджент, с. 207, 293–295, 406].

В отличие от языковых практик русских по происхождению дипломатов, языковые практики находившихся на службе в Коллегии иностранных дел иностранцев и выходцев из Остзейских губерний Российской империи в первом и втором поколении, для которых русский язык не был родным, предметом специального исследования не становились.

Карьерный путь и языковые компетенции дипломатов Симолиных

Сыновья шведского пастора Матиаса Симолина Карл Густав и Иоганн Матиас родились в Ревеле. Энциклопедии указывают на 1715 и 1720 гг. как на годы их рождения. При этом в автобиографиях, составленных в 1754 г., Карл Густав писал, что ему 35 лет (то есть родился он в 1718 или в 1719 г.), а Иоганн Матиас сообщал, что родился в 1721 г. [«Скаска», с. 134–135]. Об образовании братьев известно немного. Карл Густав упоминал, что в юности обучался иностранным языкам в чужестранных краях на собственные средства. Он учился юриспруденции в Галле, а Иоганн Матиас – в 1739 г. в Йене и в 1743 г. в Або. Учеба в Германии позволила братьям в совершенстве овладеть немецким языком [Deutschbaltisches, S. 733].

На службу в Коллегию иностранных дел Карл Густав поступил 27 марта 1740 г.⁶ по протекции своего родственника Карла фон Бреверна, секретаря Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, впоследствии конференц-министра императрицы Елизаветы Петровны [«Скаска», с. 135], получив сначала чин «букгалтера» и жалованье 100 руб. в год, а 26 января 1741 г. – чин переводчика с годовым окладом

⁵ См. об этом: [Оффорд, Ржеуцкий, Арджент, с. 338–352]. О языковых практиках российских дипломатов второй половины XVIII в. см.: [Петрова].

⁶ Даты событий указаны по старому стилю.

200 руб. 2 февраля 1742 г. Симолин обратился к Елизавете Петровне с челобитной на русском языке, в которой просил прибавки к жалованью. Для доклада императрице коллегия подготовила специальную «выписку» о Симолине, отметив, что принят он был на службу «ради ученых им диалектов латинского, французского и швецкого», а повышение через год получил «по ево в переводческих делах доброму прилежанию и трудолюбию» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1619. Л. 1–3 об.]. Доклад был представлен Елизавете Петровне 15 февраля, но о вынесенном решении в документах не сказано [АКВ, кн. 1, с. 208].

Не позднее апреля 1741 г. Карла Густава привлекли к ведению корреспонденции на немецком языке. Его почерком были составлены один рескрипт и две канцелярские цидулы на имя российского резидента в Гамбурге И. Г. Гейнсона [АВПРИ. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 15, 76–78]⁷. Поскольку почерк у Симолина не был каллиграфическим, его руку гораздо чаще можно встретить не на готовых документах, а на проектах рескриптов на немецком языке, адресованных российским дипломатам – выходцам из германских государств. Некоторые рескрипты он составлял сразу на немецком, а некоторые переводил на немецкий с русского языка уже в 1742 г. [Там же. 1742. Д. 4. Л. 134–135 об.]. Кроме того, рукой Симолина переписаны перлюстрированные донесения иностранных дипломатов на немецком и французском языках за вторую половину 1743 г. [Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2, 100–101 об., 206–206 об., 212–212 об.].

Симолин был, очевидно, очень способным человеком, так как вскоре за него развернулась настоящая битва среди сильных мира сего. Вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин после скоропостижной смерти 3 января 1744 г. тайного советника и конференц-министра Бреверна предложил Елизавете Петровне поощрить его родственника Карла Густава и пожаловать его чином секретаря коллегии с жалованьем 500 руб., особо отметив, что он «в разных языках искусство имеет». Но Елизавета Петровна уже пообещала только что назначенному полномочным министром в Стокгольм И. Л. Люберасу отправить Симолина с ним, «яко он ему для исправления канцелярских дел весьма потребен и по искусству как в других, так и особливо в Шведском языке тамо способен будет», да и покойный Бревверн просил об этом императрицу. Бестужев-Рюмин пытался возражать, доказывая незаменимость своего подчиненного-полиглота в коллегии:

...Оной Симолин для его в разных языках, а особливо и в Шведском, искусства, якоже и для переводов с Российскаго на Немецкий, в чем подлинно немалое искусство потребно, здесь при Коллегии весьма надобен, и так что ежели его отлучить, то другаго такого человека при Коллегии не останется, и в делах не без остановки быть может, да и ему самому авантажнее сие было бы, ежели бы он при Коллегии оставлен и секрета-

⁷ Благодарю С. В. Польского за помощь в установлении почерка Карла Густава Симолина.

рем с прибавкою жалованья определен был, а к генералу Люберасу и без того секретарь [Федор Иванович] Чернев из Берлина отправлен будет, да секретарь [Вильгельм Людвиг] Шривер отсюда с ним пошлется (курсив мой. – *М. П.*) [АКВ, кн. 6, с. 19–20].

Императрица не поддержала эти предложения, заметив, что для работы в коллегии всегда можно найти подходящего человека. Канцлеру, выступавшему против назначения шведа Любераса российским представителем в Стокгольме, пришлось отступить. Отъезд Симолина, возможно, расстроил и барона И. М. И. фон Нейгауза, полномочного министра императора Священной Римской империи Карла VII в Петербурге. Выяснив, что при российском дворе существует давняя традиция все официальные грамоты иностранным монархам составлять на русском языке и прилагать к ним переводы на немецкий или латынь, Нейгауз начал поиски человека, который мог бы проверять точность переводов и в случае необходимости переводить «трактаты и пьесы» с русского и «других северных языков». К февралю 1744 г. такой специалист был найден, но вскоре выяснилось, что генерал Люберас увез его с собой переводчиком в Швецию, из чего мы можем заключить, что речь шла именно о Симолине [АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 46 об.–48, 155].

Путешествие в Стокгольм растянулось почти на год, поскольку с разрешения Елизаветы Петровны Люберас поехал туда не через Финляндию, а через Берлин, Гамбург и Копенгаген. Симолин, получивший на проезд всего 200 руб. и наживший немало долгов, сразу по приезде в Швецию 28 декабря 1744 г. обратился к Елизавете Петровне с челобитной на русском языке о возвращении его в коллегию с повышением в чине и прибавкой жалованья. И если в прошении 1742 г. он называл себя Карл Густав, то с 1744 г. именовался «Карл Матвеев Симолин» на русский манер [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1688. Л. 2–2 об.].

Челобитная была передана на рассмотрение императрице уже 18 января 1745 г. И поскольку она была недовольна затянувшимся вояжем Любераса, Бестужеву-Рюмину, к тому времени уже канцлеру, удалось убедить ее вернуть Симолина в Петербург, а на его место в Стокгольм отправить, как предлагалось годом ранее, секретаря посольства в Берлине Шривера [Протоколы, с. 76]. Заботами Бестужева Карл Матвеевич именным указом от 17 сентября 1745 г. получил чин секретаря коллегии [Там же, с. 177–178], а 26 октября 1749 г. был произведен в надворные советники с жалованьем 800 руб. в год [«Скаска», с. 135]. С канцлером у Карла Густава сложились близкие отношения. По сообщению прусского посланника в Петербурге А. фон Мардефельда, датированному февралем 1747 г., Симолин был одним из трех секретарей канцлера, проживавших в его доме [Лиштенан, с. 280]. Однако служба, видимо, не слишком удовлетворяла его, прежде всего в финансовом отношении: жалованье было невелико, а работать приходилось денно и ночью. Поэтому дважды – в 1752 и 1755 гг. – он обращался с просьбой к Елизавете Петровне о переводе в губернское

правление Ревеля советником, но его челобитные остались без ответа [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1759. Л. 1–1 об.; Д. 1912. Л. 1–2 об.].

В 1758 г. жизнь Карла Матвеевича резко изменилась. 26 марта (6 апреля) Елизавета Петровна произвела его в канцелярии советники и назначила своим представителем в Курляндию на место Э. И. Бутлара [Там же. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 4. Л. 1–1 об.]. В разгар Семилетней войны пост в Митаве приобретал для России особое значение: в окружении императрицы обсуждались планы передачи Польше Восточной Пруссии, завоеванной российскими войсками в начале 1758 г., в обмен на Курляндию. Таким образом, выбор Симолина свидетельствовал об уверенности Елизаветы Петровны и руководства Коллегии иностранных дел в его лояльности. При этом назначение состоялось спустя две недели после ареста канцлера Бестужева-Рюмина 27 февраля 1758 г. Можно предположить поэтому, что его секретаря и доверенное лицо удалили из Петербурга намеренно. В 1763 г. Карл Симолин дослужился в Митаве до чина действительного статского советника и оставался на этом посту до самой смерти 16 августа 1777 г.

Младший брат Карла Густава Иоганн Матиас поступил на службу в Коллегию иностранных дел в августе 1743 г. канцелярии юнкером с жалованьем 150 руб. в год, а указом от 21 января 1744 г. был направлен в том же чине в Копенгаген к полномочному министру России курляндцу барону И. А. фон Корфу с прибавкой 150 руб. В 1746 г. Симолин вместе с Корфом был переведен в Стокгольм, где 31 января 1748 г. получил чин секретаря посольства [«Скаска», с. 134], фактически второго человека в миссии, участвовавшего в составлении донесений и переписывании их набело. Из-за недовольства короля и риксдага вмешательством Корфа во внутренние дела Швеции он был вновь переведен в Копенгаген. Симолин, оказывавший ему содействие, остался в Швеции. Новому полномочному министру Н. И. Панину он был нужен прежде всего для общения с местными агентами как человек, владевший шведским языком; к ведению корреспонденции на русском языке его не привлекали. Поэтому осенью 1752 г. Симолин попросил перевести его на другой пост, так как в Стокгольме в перерыве между заседаниями риксдага, собиравшегося раз в три года, он находился без дела. Эта просьба была удовлетворена, и Симолин вернулся в Копенгаген к Корфу [АВПРИ. Ф. 53. Оп. 1. 1752. Д. 2. Л. 87–87 об.].

Весной 1757 г. освободилось место секретаря посольства в Вене при чрезвычайном и полномочном после курляндце Г. К. фон Кейзерлинге. В иерархии дипломатических постов Вена, где находилась резиденция императора Священной Римской империи, была, пожалуй, самым престижным местом. Коллегия иностранных дел старалась следить за тем, чтобы языки ведения корреспонденции у главы миссии и секретаря или советника посольства совпадали. Выбор Симолина указывает на то, что среди секретарей посольства, владевших немецким языком, он был лучшим [Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 4–4 об.].

В феврале 1758 г. Кейзерлинг рекомендовал своего подчиненного на первый в его жизни самостоятельный пост – резидента при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи в Регенсбурге, требовавший, среди прочего, основательных познаний в латыни как одном из официальных языков имперского делопроизводства. Елизавета Петровна прислушалась к мнению опытного дипломата и 19 марта 1758 г. назначила Симолина в Регенсбург [АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1758. Д. 4. Л. 1–1 об.], где он прослужил с небольшими перерывами до 1772 г. Затем в качестве дипломатического агента фельдмаршала П. А. Румянцева он принял участие в заключении перемирия с Османской империей в Журжево (*совр.* Джурджу), подписанного 19 мая 1772 г., и за успешное выполнение этого поручения получил в том же году чин действительного статского советника и пост посланника в Дании, которого давно добивался. В начале 1775 г. Екатерина II назначила Симолина посланником в Стокгольм, в 1779 г. последовало его назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Лондон, а в 1784 г. – чрезвычайным посланником в Париж, причем каждый раз дипломата направляли на усиление работы миссий. Служба при ведущих европейских дворах предполагала свободное владение французским языком.

В 1792 г., имея уже чин тайного советника, Иоганн Матиас стал дипломатическим агентом при войсках антифранцузской коалиции и проживал преимущественно в Вене. В 1798 г. он получил назначение в Мадрид в ранге чрезвычайного и полномочного посла, но скончался, не успев выехать к месту службы. Таким образом, сын скромного шведского пастора, пусть и получивший, как и старший брат, в 1754 г., то есть еще до назначения на первый самостоятельный пост, рыцарство Священной Римской империи с титулом «благородный» (*Edler von*)⁸, прошел путь от юнкера коллегии до дипломата высшего ранга.

Языковые практики братьев Симолиных

Значительная часть жизни Карла Матвеевича Симолина прошла в Петербурге, где он более десяти лет отвечал в Коллегии иностранных дел за корреспонденцию на немецком языке. Его служебная и личная переписка, дошедшая до нас, относится к периоду дипломатической службы за рубежом, и эта переписка свидетельствует о том, что в Курляндии ему пришлось резко сменить языковую стратегию. Накануне отъезда в Митаву Карл Матвеевич получил рескрипт из Коллегии иностранных дел от 7 июля 1758 г., который предписывал ему направлять реляции на высочайшее имя на русском языке, поскольку от перевода с немецкого здесь «напрасное только затруднение произойдет» [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 5. Л. 73 об.]. Это распоряжение позволяет заключить, что руководство ведомства не хотело нагружать переводчиков лишней работой, так как было уверено в языковых навыках Симолина.

⁸ Впоследствии оба получили баронский титул. См.: [Общий гербовник].

В помощь дипломату для ведения корреспонденции в Митаву был направлен коллегии юнкер Николай Евсюков, произведенный указом от 7 июля 1758 г. в секретари посольства [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 5. Л. 80–80 об.]. Именно его рукой составлено большинство реляций Симолина до 1768 г. В 1770 г. Евсюкова на посту секретаря посольства сменил Иван Кельдерман, предположительно выходец из Остзейских губерний, одинаково хорошо владевший русским и немецким языками. Сведений о том, как проходила работа дипломатов над донесениями – диктовал ли Карл Матвеевич текст или задавал общее направление, а секретари дальше действовали сами, – в нашем распоряжении нет.

Из 45 реляций Симолина за 1758 г. только одна (от 15/26 сентября) была составлена на немецком языке, правда, не его рукой. Речь шла о споре вокруг земельных владений в Курляндии шведского графа Туре Габриэля Бельке. Выбор языка объясняется, вероятно, содержанием реляции, которая опиралась на приложенные к ней многочисленные немецкоязычные документы [Там же. Д. 66. Л. 9–9 об.].

Среди реляций на русском языке сохранилась одна собственноручная – от 27 декабря 1758 г. Содержание ее было секретным. В ней Симолин делился соображениями о расстановке сил в Курляндии и способах усиления российского влияния в герцогстве. Правписание и стилистика не оставляют сомнений в том, что текст был написан человеком, свободно владевшим русским языком. Поэтому можно утверждать, что языковые компетенции Карла Симолина и русских по происхождению сотрудников миссии в Митаве были примерно одинаковы. Уже в Коллегии иностранных дел некто сделал несколько исправлений по тексту карандашом. Для десятистраничного текста их количество минимально. Ошибки, допущенные Симолиным, или являются опечатками, или объясняются особенностями произношения отдельных слов (*везма/весма; деревны/деревни; командов/команд; лацарет/лазарет; магацины/магазины; разпорячение/разпоряжение*) [Там же. Л. 457–461 об.].

В отличие от многих своих коллег, часто использовавших во второй половине столетия французский язык в переписке с руководителями Коллегии иностранных дел М. И. Воронцовым, Н. И. Паниным, А. М. Голицыным, И. А. Остерманом, А. А. Безбородко, Симолин в общении с ними ограничивался русским языком и крайне редко писал собственноручно, пользуясь услугами сотрудников миссии. Мне пока удалось найти единственное собственноручное его письмо на французском языке от 11 (22) апреля 1775 г. В нем Карл Матвеевич выражает вице-канцлеру Голицыну сожаление по случаю его выхода в отставку и поздравляет с получением придворного чина камергера [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3215. Л. 11]. Возможно, за отсутствием практики в России Симолин не слишком свободно владел французским, а в Курляндии этот язык не был востребован. С другой сторо-

ны, можно предположить, что в данном случае он писал уже не как подчиненный начальнику, а как частное лицо частному лицу, пусть и стоявшему выше по положению, и французский здесь играл роль языка светского общения.

Основными языками корреспонденции Иоганна Матиаса Симолина были немецкий и французский. Следуя неписаному правилу Коллегии иностранных дел составлять реляции на высочайшее имя на родном языке, официальные донесения российским монархам из Регенсбурга в 1758–1772 гг. он отправлял на немецком, которым как выходец из Остзейских губерний владел на уровне носителя, и получал рескрипты от них на том же языке. В Петербурге реляции переводились на русский язык. С руководством коллегии и с российскими дипломатами за рубежом независимо от их происхождения Симолин переписывался на французском, что позволяло в том числе нивелировать различия в общественном положении корреспондентов, большинство из которых принадлежали к титулованному дворянству. Все депеши и письма из Регенсбурга, а также значительную часть реляций дипломат писал собственноручно, хотя начиная с 1762 г. в составе миссии находились секретарь посольства голштинiec Антон Себастьян Струве и с 1767 г. актуариус, впоследствии переводчик лифляндец Вильгельм Беккер.

Хотя Иоганн Матиас с 1744 г. служил исключительно за границей и в Петербурге бывал наездами – в 1762, 1771, 1776 гг., определенными знаниями русского языка он обладал с самого начала карьеры. Сохранилась его собственноручная челобитная на русском языке от 23 октября 1746 г. с просьбой о пожаловании ему чина секретаря посольства с подписью «Иоганн Симолин» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1694. Л. 1–1 об.], но, поскольку текст не содержит речевых ошибок, он был явно подготовлен носителем языка. Занимаясь в Регенсбурге в середине 1760-х гг. по поручению Екатерины II отправкой европейских колонистов в Россию, Иоганн Матиас регулярно получал из Канцелярии опекунов иностранных (ведомства, отвечавшего за их прием) инструкции на русском языке. И, по признанию самого дипломата, эти инструкции были для него не столь ясны (*pas d'une si grande clarté*), как, например, канцелярские цидулы на русском языке, периодически присылавшиеся из Коллегии иностранных дел. Симолину приходилось обращаться в российскую миссию в Вене с просьбой о переводе документов канцелярии, что стоило дополнительных расходов и времени. Поэтому в 1765 г. он просил впредь прикладывать к распоряжениям Канцелярии опекунов иностранных качественные переводы на немецкий или французский язык [Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 43. Л. 32 об.–33]. Вице-канцлер А. М. Голицын, пообещав решить проблему с переводом, был удивлен подобным признанием, поскольку в Петербурге были уверены, что Иван Матвеевич достаточно хорошо знает русский язык, чтобы понимать содержание присылаемых документов [Там же. Д. 45. Л. 36 об.–37].

В ходе дальнейшей службы Симолин перестал использовать немецкий язык в корреспонденции с императрицей Екатериной II, перейдя на французский [АВПРИ. Ф. 53. Оп. 5. Д. 258], хотя на должностях советника или секретаря посольства находились остзеец И. И. Местмахер в Копенгагене и саксонец И. С. Рикман в Стокгольме, которые могли бы составлять реляции на немецком, если бы этого хотел глава миссии. Следует отметить, что, к примеру, число реляций Симолина из Стокгольма совсем невелико: обсуждение текущих дел переместилось в переписку с вице-канцлером И. А. Остерманом, возможно, потому, что тот много лет был посланником в Швеции. Немецкий язык исчез и из рескриптов, адресованных Симолину от имени императрицы. Удивительный факт, но теперь их ему направляли на русском языке без перевода независимо от степени сложности дела!⁹

В личном архиве Симолина сохранилось несколько писем фельд-маршала П. А. Румянцева на русском языке о деталях переговоров между Россией и Османской империей в 1772 г. С пониманием содержания этих писем у дипломата не было проблем, хотя отвечал он на них всегда по-французски [РГАДА. Ф. 205. Д. 2, 3]. Несколько писем на русском языке Симолину написал в 1780–1781 гг. российский посланник в Гааге Д. А. Голицын. В двух письмах даже фиксируется переход с французского на русский внутри текста, причины перехода не объясняются [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 364. Л. 22–22 об., 30–30 об.]. Для нас важно, что русские дипломаты знали, что Симолину можно писать по-русски без ущерба для дела. Отметим также наличие отдельных реляций за его подписью на русском языке из Стокгольма и Лондона. В их составлении принимали участие русские по происхождению сотрудники миссий. Как правило, содержание таких реляций требовало реакции Коллегии иностранных дел (например, ее Публичной экспедиции, отвечавшей за выдачу денег) или других ведомств (Сената или Камер-конторы) [Там же. Ф. 96. Оп. 6. Д. 486. Л. 1–3 об.; Ф. 35. Оп. 6. Д. 297. Л. 1–2 об.]¹⁰. Своих сотрудников в Лондоне Симолин поощрял к изучению английского языка и, вероятно, сам им владел на определенном уровне [Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 357. Л. 1–2 об.].

Невероятный карьерный рост Иоганна Матиаса при наличии других важных факторов (покровителей в лице руководства коллегии и основательных знаний европейской политики) трудно объяснить без учета языковых навыков, которыми он обладал, ведь его потенциальными конкурентами были представители высшего дворянства, и им часто отдавалось предпочтение при назначениях на ключевые дипломатические посты. Владение русским языком в какой-то степени стирало границы между русскими аристократами и бедным остзейцем и должно было теснее связать его с Российской империей.

⁹ См. оригиналы рескриптов в Лондон с подписями Екатерины II, Н. И. Панина, И. А. Остермана, А. А. Безбородко за 1779–1782 гг.: [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344, 345, 369].

¹⁰ См., например, реляцию из Лондона от 4 (15) октября 1779 г.: [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 297. Л. 1–2 об.].

Эту связь Симолин сам начал подчеркивать еще в Регенсбурге. Если до начала 1760-х гг. он подписывал свои немецкие донесения и французские письма *Johann Simolin*, затем *Jean [Жан] Simolin*, то в 1764 г. – уже *Iwan Simolin*, хотя в 1766 г. вновь вернулся к *Johann*. В годы службы в Лондоне и Париже наиболее употребительным оставалось все-таки французское *Jean*. В реляциях на русском языке он подписывался Иваном; Иваном Матвеевичем его именовали русские корреспонденты в письмах на русском языке. В годы долгой и, по признанию Симолина, нудной и бесполезной службы в Регенсбурге ему было важно донести до руководства коллегии, что, являясь по рождению подданным Российской империи, он не уступает русским по происхождению коллегам в «рвении, привязанности и верности Отечеству» (*de zèle, d'attachement et de fidélité pour la Patrie*) и рассчитывает, что ливонского дворянина (*un Gentilhomme Livonien*) не будут рассматривать в качестве иностранца и дадут ему новый, более интересный пост, соответствующий заявленным им качествам¹¹. «Патриотическое усердие» Симолина впоследствии отмечала Екатерина II в рескрипте от 15 июля 1779 г. о его назначении в Лондон [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 3 об.]. Следовательно, избранная стратегия приносила свои плоды.

* * *

Исследование языковых практик, зафиксированных в корреспонденции российских дипломатов, представляется крайне важным, поскольку во внутренних документах Коллегии иностранных дел, в переписке ее руководства и официальных рескриптах о назначениях на дипломатические посты сведения о языковых компетенциях соискателей за редким исключением не встречаются. Выявление этих практик позволяет поставить вопрос о том, какую роль владение иностранными языками играло в продвижении по карьерной лестнице наряду с другими факторами, такими как социальное происхождение, патронаж, знания в области политики и международного права, навыки ведения переговоров, личное обаяние и умение держать себя в свете.

Пример братьев Симолиных является во многом показательным не только потому, что оба добились больших успехов в карьере, но и потому, что, воспитываясь в одной семье и получив примерно одинаковое образование, они по-разному реализовали набор языковых компетенций, изначально имевшихся в их распоряжении (знания шведского, немецкого, русского, французского, латинского и, возможно, других языков). Карл Густав ранее отвечал в Коллегии иностранных дел за корреспонденцию на немецком языке, однако, оказавшись на дипломатическом посту в Курляндии с 1758 г., поль-

¹¹ Письмо И. М. Симолина А. М. Голицыну от 20 (31) мая 1770 г.: [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3207. Л. 34–34 об.].

зовался преимущественно русским языком, которым овладел в совершенстве в ходе долгого пребывания в Петербурге. И если предположить, что после ссылки канцлера Бестужева Симолина намеренно удалили из коллегии, то Митава могла стать для него подходящим местом службы: отсутствие в этом городе дипломатического корпуса не требовало общения на французском языке, в котором ему так и не довелось попрактиковаться, а свободное владение немецким и русским языками обеспечивало выполнение поставленных перед ним задач. Неизвестно, были ли у Карла Густава желание и возможность сменить место службы, но его карьерный рост, несмотря на репутацию полиглота, оказался существенно ограничен, и причины этого пока не ясны.

Иоганн Матиас, большую часть жизни проживший за границей, в соответствии с духом времени последовательно вытеснял из своей корреспонденции немецкий язык, заменяя его французским – языком дипломатического сообщества и культурной дворянской среды, в которую ему удалось войти в том числе благодаря высокому уровню языковых компетенций. Говорил и писал по-русски он безусловно хуже своего старшего брата, но к середине 1770-х гг. научился прекрасно понимать этот язык, о чем Коллегия иностранных дел была осведомлена и что избавило ее от необходимости переводить для него любые документы. Широкий набор языковых навыков позволял ему служить в любой точке Европы.

Анализ языковых практик братьев Симолиных показывает, что, несмотря на распространение французского языка во внутренней переписке Коллегии иностранных дел второй половины XVIII в., значение национальных языков (в нашем случае русского и немецкого) было достаточно велико. При этом, чтобы состояться в профессии, новые подданные Российской империи чувствовали необходимость изучать русский язык независимо от того, как в дальнейшем складывалась их карьера. Насколько типичной была эта стратегия для других остзейцев, еще предстоит выяснить.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 1. Д. 1619, 1688, 1694, 1759, 1912; Ф. 6 (Секретнейшие дела. Перлюстрации). Оп. 1. Д. 16, 31; Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 1. 1757. Д. 6А; Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 297, 357; Ф. 36 (Лондонская миссия). Оп. 1. Д. 344, 345, 364, 369; Ф. 44 (Сношения России с Гамбургом). Оп. 1. 1741. Д. 3, 4; Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1. 1752. Д. 2; Оп. 5. Д. 258; Ф. 63 (Сношения России с Курляндией). Оп. 1. 1758. Д. 4, 5; Ф. 83 (Сношения России с Имперским собранием). Оп. 1. 1758. Д. 4; Оп. 2. Д. 43, 45; Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 6. Д. 486.

АКВ – Архив князя Воронцова : [в 40 кн.]. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1870–1895.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу : Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740–1750 / пер. с фр. В. А. Мильчиной. М. : ОГИ, 2000. 407 с.

Общий гербовник дворянских родов Российской империи : [сайт]. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/3419.html> (дата обращения: 22.12.2022).

Оффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 888 с.

Петрова М. А. Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в. // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11) / гл. ред. О. В. Хаванова. М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 35–60.

Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии иностранных дел в 1745 г. / публ. К. А. Писаренко // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Т. 16. М. : Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 2007. С. 61–250.

РГАДА. Ф. 205 (Бумаги Симолина). Оп. 1. Д. 2, 3; Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 3207, 3215.

«Сказки» елизаветинской России / публ. К. А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Т. 15. М. : Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 2007. С. 64–168.

Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Bd. 28, H. 1. P. 1–16.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1966. Vol. 7, № 3. P. 341–358.

Burke P. Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 210 p.

Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1970. 930 S.

Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / Hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2019. S. 179–202.

Rjéoutski V., Argent G., Offord D. European Francophonie and a Framework for Its Study // *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* / ed. by V. Rjéoutski, G. Argent, D. Offord. Oxford : Peter Lang, 2014. P. 1–31.

References

AKV – *Arkhiv knyazya Vorontsova v 40 kn.* [Archive of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1870–1895). Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Co.

Altbauer, D. (1980). The Diplomats of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 28. H. 1, pp. 1–16.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2 (Vnutrennie kollezhskie dela). List 1. Dos. 1619, 1688, 1694, 1759, 1912; Stock 6 (Sekretneishie dela. Perlyustratsii). List 1. Dos. 16, 31; Stock 32 (Snosheniya Rossii s Avstriei). List 1. 1757. Dos. 6A; Stock 35 (Snosheniya Rossii s Angliei). List 6. Dos. 297, 357; Stock 36 (Londonskaya missiya). List 1. Dos. 344, 345, 364, 369; Stock 44 (Snosheniya Rossii s Gamburgom). List 1. 1741. Dos. 3, 4; Stock 53 (Snosheniya Rossii s Daniei). List 1. 1752. Dos. 2; List 5. Dos. 258; Stock 63 (Snosheniya Rossii s Kurlyandiei). List 1. 1758. Dos. 4, 5; Stock 83 (Snosheniya Rossii s Imperskim sobraniem). List 1. 1758. Dos. 4; List 2. Dos. 43, 45; Stock 96 (Snosheniya Rossii so Shvetsiei). List 6. Dos. 486.

Bohlen, A. (1966). Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. In *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 7. No. 3, pp. 341–358.

Burke, P. (2004). *Languages and Communities in Early Modern Europe*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 210 p.

Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. (1970). Köln, Wien, Böhlau Verlag. 930 S.

Liechtenhan, F.-D. (2000). *Rossiya vkhodit v Evropu: Imperatritsa Elizaveta Petrovna i voyna za Avstriiskoe nasledstvo, 1740–1750* [Russia Enters Europe: Empress Elizabeth Petrovna and the War of Austrian Succession, 1740–1750] / transl. by V. A. Mil'china. Moscow, OGI. 407 p.

Obshchii gerbovnik dvoryanskikh rodov Rossiiskoi imperii [General Armorial of the Noble Families of the Russian Empire] [website]. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/3419.html> (accessed: 22.12.2022).

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2022). *Frantsuzskii yazyk v Rossii: Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p.

Petrova, M. A. (2020). Yazykovye praktiki rossiiskikh i avstriiskikh diplomatov vo vtoroi polovine XVIII v. [Language Practices of Russian and Austrian Diplomats in the Second Half of the Eighteenth Century]. In Khavanova, O. V. (Ed). *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniya.* 2019. Iss. 2 (11). Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 35–60.

Pisarenko, K. A. (Ed.). (2007). “Skaski” elizavetinskoi Rossii [“Tales” of Elizabethan Russia]. In *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh.* Vol. 15. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii arkhiv, pp. 64–168.

Pisarenko, K. A. (Ed.). (2007). Protokoly priemov imperatritsei Elizavetoi Petrovnoi rukovodstva Kollegii Inostrannykh del v 1745 g. [Records of Receptions by Empress Elizabeth of the Leadership of the Collegium of Foreign Affairs in 1745]. In *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh.* Vol. 16. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii arkhiv, pp. 61–250.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 205 (Bumagi Simolina). List 1. Dos. 2, 3; Stock 1263 (Golitsyny). List 1. Dos. 3207, 3215.

Rjéoutski, V. (2019). Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? In Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A. (Eds.). *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, S. 179–202.

Rjéoutski, V., Argent, G., Offord, D. (2014). European Francophonie and a Framework for Its Study. In Rjéoutski, V., Argent, G., Offord, D. (Eds.) *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language.* Oxford, Peter Lang, pp. 1–31.

The article was submitted on 20.04.2023

BETWEEN HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY

DOI 10.15826/qr.2023.4.847

УДК 94(470)"18" + 72.035 + 7.067.3 + 929Стасов

Воображая «русское»: Владимир Стасов в конструировании национального стиля Российской империи*

Илья Печёнкин

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Imagining *Russian*: Vladimir Stasov in the Construction of the National Style of the Russian Empire

Ilia Pechenkin

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

This article examines the phenomenon of the “Russian Revival Style” in the architecture of the late Russian Empire, which opens vast opportunities for interpretation. Since the late twentieth century, the most widespread approach to this phenomenon has been a romanticised point of view, where the Russian style is described as a realisation of the people’s objective need for national self-identification. A significant role in the formation of this perspective was played by the journalism of the post-reform decades of the nineteenth century, by Vladimir Stasov in particular, whose views were regarded as canonical in the Soviet era as those of an expert and interpreter of the Russian artistic process of the 1860s–1880s. The experience of Soviet art studies shows that in case of a biased reading, Stasov’s texts could provide a more radical version of the origin of the Russian Revival Style interpreted as an expression of the sympathies and

* *Citation*: Pechenkin, I. (2023). Imagining Russian: Vladimir Stasov in the Construction of the National Style of the Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1280–1293. DOI 10.15826/qr.2023.4.847.

Цитирование: Pechenkin I. Imagining Russian: Vladimir Stasov in the Construction of the National Style of the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1280–1293. DOI 10.15826/qr.2023.4.847 / Печёнкин И. Воображая «русское»: Владимир Стасов в конструировании национального стиля Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1280–1293. DOI 10.15826/qr.2023.4.847.

aspirations of the revolutionary-minded intelligentsia. This study identifies the contradiction between Stasov's "democratic" rhetoric and the realities of class society. This inner conflict allows Stasov's judgments to be attributed to the realm of cultural imagination and not to the description of an ongoing process, to the category of presumptions, not statements. Analysing the interpretation of the Russian Revival Style given by Stasov as one of the manifestations of progress, of which he was an unconditional and ardent supporter, the author of the article proposes to consider this phenomenon in the context of the purposeful construction of the imperial nation, carried out by the Russian autocracy throughout the nineteenth century. The title and arguments of his review essay *Twenty-Five Years of Russian Art* (1883), which summarises the artistic results of the quarter-century reign of Emperor Alexander II (1856–1881), testifies to the quite state-centred character of Stasov's optics. The practice of the authorities in building a national identity through architecture met the needs of various social groups – from representatives of the aristocracy who sympathised with modernisation to industrialists interested in selling their goods on the foreign market. The opposition-minded intellectual, who clearly understood the socio-political background of the Russian Revival Style, was the last in the line of sympathisers with this enterprise. Sceptical of pre-reform institutions and the slanted tastes of high society, the nobleman Stasov was at the same time not one of the "Carbonari of art" and his apologia of the "Russian" was entirely in line with official imperial nationalism.

Keywords: Russian Empire, architecture of the 19th century, nationalism, constructing of the nation, Vladimir Stasov, Russian Revival Style

Исследуется феномен «русского стиля» в архитектуре поздней Российской империи, предоставляющий широкие возможности для интерпретаций. Наиболее распространенной с конца прошлого века является романтизированная точка зрения на это явление, согласно которой «русский стиль» описывается как реализация объективной потребности народа в национальной самоидентификации. Значительную роль в формировании этой оптики сыграла публицистика пореформенных десятилетий XIX в., прежде всего Владимира Стасова, фактически канонизированного в советские годы в роли эксперта и толкователя отечественного художественного процесса 1860–1880-х гг. Опыт советского искусствознания показывает, что из текстов Стасова при соответствующем тенденциозном их прочтении могла быть выведена и более радикальная версия происхождения «русского стиля» как выражения симпатий и устремлений революционно мыслящей интеллигенции. Цель настоящего исследования состоит в выявлении противоречия между «демократической» риторикой Стасова и реалиями сословно-классового общества. Этот имплицитный конфликт позволяет отнести суждения Стасова к области культурного воображения, а не описания реально текущего процесса, к разряду презумпций, а не констатаций. Анализируя заданную Стасовым трактовку «русского стиля» как одного

из проявлений прогресса, безусловным и горячим сторонником которого он выступал, автор статьи предлагает рассматривать это явление в контексте целенаправленного конструирования имперской нации, которое осуществлялось российским самодержавием на протяжении всего XIX столетия. О вполне государственническом характере оптики Стасова свидетельствуют название и аргументы его обзорного очерка «Двадцать пять лет русского искусства» (1883), содержащего подведение художественных итогов четвертьвекового царствования императора Александра II (1856–1881). Практика власти по выстраиванию национальной идентичности через архитектуру отвечала запросам самых разных общественных групп – от сочувствовавших модернизации представителей аристократии до промышленников, заинтересованных в сбыте своих товаров на внешнем рынке. Оппозиционно настроенный интеллигент, ясно понимавший социально-политическую подоплеку «русского стиля», был последним в ряду сочувствовавших этому предприятию. Дворянин Стасов, скептически настроенный к дореформенным институциям и косности вкусов высшего общества, вместе с тем не являлся «карбонарием от искусства», его апология «русского» всецело лежала в русле официального имперского национализма.

Ключевые слова: Российская империя, архитектура XIX в., национализм, конструирование нации, Владимир Стасов, «русский стиль»

Произнося словосочетание «русский стиль», сложно избавиться от политических ассоциаций, которые препятствуют восприятию этого феномена как чисто эстетического. В статье, написанной А. И. Сомовым для Энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона на рубеже XIX–XX вв., находим такое определение стиля:

Стиль в начертательных искусствах и в их применениях к ремеслам и промышленности – совокупность особенностей общего вида произведения и его деталей, рисунка и расположения его частей, его красок, орнамента и всего исполнения – особенностей, в которых выражается дух того или другого народа и господствующий вкус того или другого времени [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, с. 653–654].

Подробность относительно обусловленности стиля «народным духом» и вкусом помогает понять, почему, имея в своем распоряжении многообразие исторических стилей, выработанных европейским искусством прошлого, а затем систематизированных и предложенных в атласах орнаментов и архитектурных образцов, Российская империя все-таки испытывала потребность в особом, собственном стиле.

Библиография, посвященная «русскому стилю», состоит преимущественно из искусствоведческих работ второй половины прошлого столетия, авторы которых решали задачу описания и систематизации фактического материала, тогда как теоретическое, концептуальное осмысление откладывалось на будущее или подменялось интерпре-

тацией в ракурсе господствовавшей идеологии. При этом методологической опорой для такой интерпретации служили тексты знаменитого критика Владимира Стасова (1824–1906), написанные задолго до 1917 г. В сталинские годы были изданы несколько собраний его сочинений (конец 1930-х и начало 1950-х); авторитетность его суждений о событиях и явлениях русской художественной сцены XIX столетия была совершенно неоспорима. В предисловии к трехтомному изданию 1952 г. о Стасове говорилось как об одном из «замечательных представителей русской нации... деятельность которого для культуры родной страны была благотворной», чьи «заслуги перед русским национальным реалистическим искусством неоспоримы» [Стасов, 1952, т. 1, б. с.]. Акценты, расставленные Стасовым, и оценки, вынесенные им, не подлежали критическому анализу. Поэтому даже в конце 1970-х гг., говоря о «русском стиле», можно было видеть в нем «живое движение новых демократических тенденций» [Борисова, с. 223], сродни тому, которое присутствовало в живописи передвижников.

В сжатом виде эти представления о «русском стиле» сформулированы и на страницах 12-томной «Всеобщей истории архитектуры», вышедшей в 1960-х – начале 1970-х: «Особое внимание русские архитекторы, работавшие в “национальном направлении”, уделяли так называемой “узорчатой” архитектуре XVII в., объявленной тогда наивысшим достижением русской архитектуры, народным деревянным постройкам с их обильной резьбой. Желание придать новым зданиям не только национальный, но в известной степени и народный характер стояло в связи с развитием демократической общественной мысли (выделено мной. – И. П.), противопоставлявшей себя официальной формуле “православие, самодержавие, народность” и идеям мирившегося с крепостничеством славянофильства 40–50-х годов» [Власюк, с. 37].

Сравнивая эту выдержку с цитатой из хрестоматийного текста Стасова, можно убедиться, что автор обзорной статьи лишь пересказал его мысль об идейном дуализме «русского стиля», внутри которого стоит дифференцированно рассматривать официальное и неофициальное (демократическое):

...По желанию императора Николая I вдруг положено было вырастить «официально-национальную архитектуру». Но под руками изобретателя и пропагандиста этой архитектуры, малоспособного архитектора Тона, результаты вышли самые печальные, как всегда бывает со всем, что насильственно, малопросвещенно и недаровито. <...> Но, невзирая на все подобные неблагоприятные условия, русские сохранили незатухающую любовь к своему настоящему национальному архитектурному стилю. При первой же возможности около середины XIX столетия вышла наружу вся живучесть народного таланта, тлевшего и дышавшего над пеплом. <...> Новые русские архитекторы, еще совершенно юные, но уже со зрелой любовью и страстью изучившие на самих местах, внутри России, старую русскую архитектуру... [Стасов, 1952, т. 3, с. 496–497].

В другом сочинении Стасов решительнее призывает дифференцированно относиться к наследию старины, подразумевая необходимость избирательного подхода к источникам для современности:

Все официальное (религиозные формы, общие планы и формы церквей, книги, летописи, наука, княжеские одежды, придворный чин) шло к нам из Византии; все народное (повсюду – остатки язычества, народные песни и сказания, все подробности каменных построек, их орнаментистика и скульптура, все деревянные постройки, начиная от избы, все орнаментальное как в этих последних, так и в бесчисленных предметах народного быта, резное, вышитое, литое, нарисованное, да наконец и многие формы этих предметов, народный костюм, все подробности народной жизни) – все это было наполнено азиатскими влияниями и передачами в смеси с элементами действительно славянскими. Мне кажется, постоянное различие этих двух параллельных токов, очень явственных и характерных... принесло бы отличные результаты для настоящего познания нашего искусства [Стасов, 1894, с. 399–400].

Именно такое «различие» было усвоено отечественной историографией и проходит практически через все работы исследователя русской архитектуры XIX в. Е. И. Кириченко. В его монографии, до сих пор остающейся наиболее фундаментальным исследованием теоретико-философского контекста русской архитектуры XIX столетия, говорится: «Проблема самобытности, осмысляемая с позиций национального самосознания, патриотизма, не является [в России] ни единственной, ни доминирующей. Она подчинена и питается не столько национально-патриотическими, сколько социально-политическими и демократическими идеями» [Кириченко, 1986, с. 209]. Артикулируя значение демократических идей, автор рассматривала эпоху в ракурсе, предполагавшем отождествление народного и национального. В более раннем ее тексте это выражено еще более определенно: «"Русский стиль" 2-й половины XIX в... сформировался в 50–60-е годы. Под влиянием поражения в Крымской войне, обнажившего внутреннюю гнилость деспотического режима Николая I, в стране растет недовольство существующими порядками и осознание необходимости радикальных перемен. На историческую арену выходит разночинная интеллигенция» [Кириченко, 1972, с. 88]. Два этих фрагмента, конечно, различаются по степени партийной тенденциозности – текст 1986 г. очевидно мягче. Однако в обоих случаях источником оценки описываемых процессов становится позиция Стасова, с которой советский историк архитектуры традиционно солидаризируется.

Цель статьи заключается в критическом анализе привычной трактовки явления «русского стиля», восходящей к публицистике В. Стасова. Мера независимости наших суждений от этого дискурса будет определяться наличием новейших исследований в области истории национализма в России. Ведь говорить о «русском» безотносительно

к становлению самого понятия национального в Российской империи совершенно бессмысленно, если мы не желаем оставаться в пространстве идеологических спекуляций.

Как показала Е. А. Вишленкова, задача репрезентации *русско-го* возникла на повестке дня уже в эпоху Екатерины II, когда для ее решения была задействована историческая живопись. Полотна на сюжеты из отечественной истории – в частности, цикл картин, созданный Григорием Угрюмовым в 1790-х гг.,¹ «позволяли власти вписывать прошлое Российской империи в контекст мировой и, шире, священной истории» [Вишленкова, 2012, с. 387]. Можно добавить, что аналогичная тема присутствовала и в скульптуре: серия из 58 рельефных медальонов с портретами русских государей от Юрика до Елизаветы Петровны, созданная Федотом Шубиным для Чесменского дворца (1771–1775), была призвана визуализировать национально-государственный миф (потому что о достоверности образов, костюмов и даже поступков изображаемых специально никто не заботился). Здесь художники шли бок о бок с изобретателями «модернизированного» фольклора [Азадовский, с. 63–65]. Так же, как прообразом для славянского эпоса выступала античная мифология, образцом для исторических живописцев петербургской академии служили творения западных коллег. Едва ли неверным будет считать в этом контексте «русскость» плодом воображения или продуктом желания, которое овеществлялось лишь на холсте или в мраморе. А само это желание возникло на почве европейской образованности.

Исследователи связывают «патриотическую» программу екатерининского классицизма с «греческим проектом» и, следовательно, с «византийскими» аллюзиями императрицы, которые облакались в форму вольно трактованных готицизмов [см.: Нащокина]. Наряду с другими неклассическими стилизациями эпохи Просвещения эти последние входят в понятие «пикчереска», являющееся, по мнению А. Г. Раппапорта, самостоятельным стилем, позволившим архитектуре «уйти от жестких структур просветительской метафизики» в область сентиментального созерцания [Раппапорт, с. 138]. Сентиментальность русского двора второй половины XVIII в. имела геополитический фокус, что выразилось в пространственной аллегории, созданной Василием Баженовым на Ходынском поле в ознаменование победы над Турцией. Театрализованный ландшафт включил в себя насыпанный из песка «Крымский полуостров», две проселочные дороги под названием «Танаис» и «Борисфен» (Дон и Днепр), а также множество увеселительных павильонов, где «нормативность, свойственная классицизму, исчезала в идеологически насыщенном “тек-

¹ «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами» (1793, Государственный Русский музей (ГРМ)), «Испытание силы Яна Усмаря» (1796–1797, ГРМ), «Взятие Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 года» (1797–1799, ГРМ), «Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года» (не позднее 1800, ГРМ).

сте» причудливых мотивов самого разного происхождения. Говорить о национальном акценте архитектурных образов в данном случае, конечно, преждевременно, однако русский «пикчереск», как думается, все же нес в себе коннотацию «национального стиля», несмотря на возражения против такой трактовки, сделанные Ю. Я. Герчуком [Герчук, с. 147]. Одним из признаков екатерининского готицизма стала откровенная фантастичность: по замечанию Д. О. Швидковского, в нем было возможно все [Швидковский, с. 58]. Эта произвольность формального языка, ассоциируемая с поисками специфической «русскости» в архитектуре, присутствовала у Баженова и в царицынском ансамбле. Но особенно угадывается она в облике петровского путевого дворца в Москве (арх. М. Ф. Казаков, 1775–1782), который смотрится архитектурным эквивалентом условно-театральной трактовки национально-исторических сцен в литературе и академической живописи екатерининского времени.

Мотивом для поисков оригинально-самобытных форм являлась политическая целесообразность, осознанная на высшем уровне государственной иерархии. В XIX в. монаршая «игра в стили» ознаменовалась появлением условно-театральных «русских изб» в ландшафте загородных резиденций.

В 1815 г. (год заключения Священного союза) Карло Росси создал регулярный по композиции проект деревни Глазовой близ Павловска для вдовствующей императрицы Марии Федоровны, придав застройке «декоративно-парковый характер “барской сельской забавы”» [Тарановская, с. 161]. Кажется, затяжная конфронтация с наполеоновской Францией породила новое в сравнении с поздним XVIII столетием истолкование «русского» как оппозиционного «европейскому» [см. об этом: Зорин, с. 241–253].

Стоит отметить и другой аспект этой апелляции к «народности», связанный с заботой об упрочении позиций правящей династии. Оба мотива – и мобилизационный, вызванный внешней угрозой, и династический – обусловили конкретные особенности репрезентации «русского» в культуре и искусстве XIX в. Несмотря на замечание Е. А. Вишленковой, что в контексте пропаганды А. А. Шишкова и Ф. В. Ростопчина «понятие “русские” не имеет этнического смысла» [Вишленкова, 2011, с. 194], представляется несомненным, что вотчиной «храброго потомства храбрых Славян»² полагался среднерусский ландшафт в пространственных границах примерно от Смоленска до Нижнего Новгорода, где разворачивались события 1612 и 1812 гг. Временные координаты «образцовой» эпохи определялись от воцарения Романовых до рокового момента начала петровских преобразований.

² Определение, позаимствованное из патриотического воззвания А. С. Шишкова, написанного в 1812 г.: «Народ русской! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединишься все: с крестом в сердце и оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют» [цит. по: Зорин, с. 244].

Идеализированная по лекалам классицизма бревенчатая изба в первой половине XIX столетия была принята в качестве безусловного эталона «русскости» в архитектуре как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Чаще всего речь шла о возведении увеселительных павильонов: например, «трактира» в Екатерингофском парке (арх. О. Монферран, 1824), при постройке которого в качестве стилистических образцов использовались настоящие сельские дома по Московской дороге [Кузнецов, с. 130–137], «Никольского домика» в Луговом парке Петергофа (арх. А. И. Штакеншнейдер, 1834) и др. Исключением – то есть жилыми домами – стали «избы» деревни Александровки в Потсдаме, выстроенной для размещения полубившихся королем Пруссии Фридриху Вильгельму III русских солдат-певчих. Облик их решен во многом сходно с проектом Росси для Глазова, но возводились они прусскими саперами по фахверковой технологии и лишь обшиты «под сруб» [Соколов].

Кристаллизация «русского стиля» как широкой идейно-художественной программы состоялась при Николае I, когда Михаил Глинка и Нестор Кукольник выступили с произведениями, посвященными событиям Смуты и интронизации основателя правящей династии³. В 1833 г. впервые прозвучал написанный Алексеем Львовым и Василием Жуковским гимн «Боже, царя храни!» и была опубликована триада графа Сергея Уварова *православие, самодержавие, народность*. Этим постулатам оказалось полностью созвучно и николаевское зодчество: достаточно вспомнить храм Христа Спасителя, спроектированный Константином Тоном в 1831–1832 гг.

В середине века «русский стиль» из объекта сентиментального созерцания превратился в инструмент политики, в первую очередь в язык саморепрезентации императорской власти. Московские торжества 1856 г., приуроченные к коронации Александра II, были декорированы известным геральдистом бароном Бернгардом Кёне и художником Адольфом Шарлеманем в «национальном» вкусе [Слюнькова, с. 28–30]. Два последующих самодержца также короновались в «русском стиле» и вообще уделяли особое внимание эстетике государственных ритуалов, реализуемой в том числе и через характерную морфологию пестовавшей ими архитектуры.

Стасов смотрит на дореформенный этап истории «русского стиля» весьма избирательно. Он фокусирует внимание на антипатичной ему персоне Тона, что не было оригинальным для интеллигенции его времени. Достаточно вспомнить описание тоновских храмов, данное Александром Герценом: «пятиглавые судки с луковками вместо пробок на индо-византийский манер» [Герцен, с. 280]. Стасов высмеивает Тона как олицетворение *неправильного* подхода к национальному стилю, отразившегося в практике производства «нормальных» (или

³ Имеются в виду драма Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834) и опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), написанная на либретто Е. Ф. Розена.

образцовых) проектов для крестьянских домов в казенных селениях [Атлас]: «Придворный профессор, во время досугов снисходительно поучающий русского крестьянина, как ему жить и строиться, – вот потеха-то!» [Стасов, 1952, т. 2, с. 506].

Зачатки *правильного* (или демократического) подхода Стасов усматривает в деревянной гражданской архитектуре 1870-х гг. у Виктора Гартмана и Ивана Ропета. Они вкупе еще с несколькими коллегами-современниками, которым критик уделяет меньше внимания, и есть те самые «новые русские архитекторы», появление которых в первое десятилетие реформ он горячо приветствовал. Нельзя не отметить его простодушного национализма в том месте, где он оправдывает Гартмана (француза по рождению) и Ропета (псевдоним-анаграмма от фамилии Петров): «Не надо на основании их фамилий воображать себе, что они немцы. Нет, они даже по-немецки-то никогда и не знали» [Там же, с. 517].

Эта оговорка Стасова полностью в духе времени. Форсирование темы национальной идентичности было в той или иной степени свойственно всем крупным империям XIX в., переживавшим период модернизации, а следовательно, распада традиционных иерархических структур, обеспечивавших социальную стабильность. Нередко империи выступали силой, заинтересованной в конструировании наций, и Россия не была здесь исключением [Миллер, с. 49–51, 68].

Стасов не был замечен в верноподданных выступлениях, однако его фрондерство, очевидно, имело довольно камерные масштабы и не простиралось дальше критики академии и прочих институций, где, по его выражению, «мало ценили» Гартмана или Ропета [Стасов, 1952, т. 2, с. 517]. Даже характер взаимоотношений Стасова с передвижниками, подробно изученный А. Е. Шабановым, приводит к выводу о том, что его идейная борьба за национальное в искусстве и реализм не предполагала выплеска за рамки околхудожественных дискуссий. Если же попытаться вычленив в риторике Стасова политические коннотации, то их антибуржуазная направленность и намерение считать художников исключительными альтруистами [Шабанов, с. 12] окажутся в реалиях второй половины XIX в. созвучными официально-консервативной идеологии⁴.

Такому заключению, на мой взгляд, не противоречит и апология Стасовым движения промышленных и художественных выставок, архитектурный облик которых в позапрошлом столетии прочно ассоциировался с «русским стилем». Павильоны Российской империи на всемирных экспозициях развивали все ту же тему русификации, конструируя образ национальной империи, на сей раз адресованный иностранцам. Такой подход был как бы зеркален приемам устроите-

⁴ Об аполитичности передвижников писал еще А. А. Федоров-Давыдов, подчеркивая социальный конформизм творческой практики этих художников, полностью отвечавшей капиталистической конъюнктуре [Федоров-Давыдов, с. 193].

лей колониальных выставок, стремившихся описывать неевропейские народы как экзотические. Интересно, что в России прекрасно владели этими приемами и использовали их для репрезентации собственных колоний [Савицкий]. На Западе же самой империи Романовых было как политически, так и экономически выгодно эксплуатировать образ *умеренного варварства*.

В 1867 г. в Париже была представлена «образцовая крестьянская изба» по проекту архитектора В. И. Винтергальтера, в экспозиции 1873 г. в Вене фигурировал павильон В. А. Гартмана и И. А. Монигетти, в 1878 г. в Париже – павильоны И. П. Ропета, и это далеко не полный перечень манифестаций «русского стиля» за рубежом; причем европейцы оценили его экзотичную красоту и пытались воспроизводить на свой лад⁵. Можно было бы говорить об экспансии молодого российского капитала, но «русские отделы» на выставках создавались не в обход имперской администрации, а скорее с ее согласия. Так стоит ли устанавливать границу между официальным и неофициальным направлениями в «русском стиле»?

Возвращаясь к двум приведенным в начале статьи цитатам из работ Е. И. Кириченко, нужно сказать, что тема «русского стиля» в них произвольно увязана с историей революционного движения на его разночинском этапе [Нечкина, с. 153]. Сделано это с апелляцией к авторитету Стасова, который в советской науке выступал не как реальная фигура, а как мифический оракул. Реальный Владимир Васильевич Стасов не был ни разночинцем по сословному статусу, ни оппозиционером по убеждениям, а его проповедь «русскости» в искусстве звучала в 1870–1890-х гг. (особенно с 1881) в унисон с официальной риторикой. Опять же мифологизировано было в советской историографии и сознание революционной интеллигенции, которая никак не могла сочувствовать экспансии великорусских изб и теремов, ведь она «в подавляющем большинстве стала видеть естественных союзников в своем противостоянии самодержавию в нерусских народах империи, борющихся за свои права, и потому отрицательно относилась к теории и практике русификации империи, к идее русского доминирования как таковой, проповедуя и практикуя последовательный интернационализм» [Сергеев].

Мнимая «революционность» Стасова была выведена из его апологии реализма и демократизма в искусстве, которые отразились в том числе в литературоцентризме его искусствоведческой оптики:

Новое русское художество имело самые близкие черты родства и сходства с новой реалистической литературой, на несколько лет предшествовавшей ему у нас и уже пустившей глубокие корни в нации [Стасов, 1952, т. 2, с. 392].

⁵ Например, на Национальной итальянской выставке в Милане 1881 г. или Всемирной выставке в Париже 1889 г. См. подробнее: [Печёнкин, с. 71–73].

Рассуждая об архитектуре, Стасов почти ничего не говорит о формальных особенностях зданий, их композиции, пропорциях и т. п. Само понятие стиля для него относится скорее к моральным категориям: проектировать и строить в «русском стиле» нравственно, а в стилях французских «людовиков» – нет. Ревностно защищая идею «русского стиля» в архитектуре, Стасов в действительности конструировал дискурс *идеи-вместо-архитектуры*, удобный для описания искусства как инструмента общественно-политической борьбы.

Думается, что сегодня можно пересмотреть эту устоявшуюся трактовку «русского стиля», признав наличие фундаментальной смысловой общности между такими отраслями архитектурной практики поздней Российской империи, как образцовые проекты церковных и гражданских построек, строительство выставочных павильонов на внутренних и международных экспозициях, а также проектирование домов и интерьеров по частному заказу. Между этими направлениями в применении «русского стиля» не было сколько-нибудь важных идейных расхождений. Дифференцировать их представляется возможным лишь по формальным признакам – по характеру используемых образцов (например, это могла быть каменная архитектура XVI–XVII вв. или крестьянские избы) и по степени достоверности следования этим образцам (то есть по тому, насколько полагались архитекторы на источник, а насколько – на собственную фантазию).

Библиографические ссылки

- Азадовский М. К.* История русской фольклористики : [в 2 т.]. М. : Учпедгиз, 1958. Т. 1. 480 с.
- Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб. : Литогр. III Деп. гос. имуществ, 1842. [19] с., 110 л. черт.
- Борисова Е. А.* Русская архитектура второй половины XIX века. М. : Наука, 1979. 318 с.
- Вишленкова Е. А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.
- Вишленкова Е. А.* Прошлое показанное (вторая половина XVIII – первая четверть XIX века) // Историческая культура императорской России : Формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 383–417.
- Власюк А. И.* Архитектура России // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. / гл. ред. Н. В. Баранов. М. : Стройиздат, 1972. Т. 10. Архитектура XIX – начала XX вв. / отв. ред. С. О. Хан-Магомедов. С. 33–136.
- Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 8, ч. 1–3. 518 с.
- Герчук Ю. Я.* Проблемы русской псевдоготики XVIII века // Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века / отв. ред. Г. Г. Поспелов. М. : Изобр. иск-во, 1994. С. 147–156.
- Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
- Кириченко Е. И.* Архитектор И. Ропет // Архитектурное наследство. Вып. 20. М. : Стройиздат, 1972. С. 85–93.

Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. М. : Иск-во, 1986. 344 с.

Кузнецов С. О. Гвардии парк. Историко-художественное исследование Екатерингофа в Санкт-Петербурге // Искусствознание. 2017. № 1. С. 114–161.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 248 с.

Нащокина М. В. Петровский дворец и его семантическая интерпретация // Царские и императорские дворцы. Старая Москва / сост. С. Л. Малафеева. М. : Мостор-архив, 1997. С. 172–180.

Нечкина М. В. Декабристы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1984. 202 с.

Печёнкин И. Е. Франция и Style Russe: О некоторых аспектах международных художественных связей в XIX веке // Россия – Франция. Alliance культур : материалы XXII Царскосельской науч. конф. : в 2 ч. / под ред. Г. Ф. Груздевой, И. К. Смирновой и М. Ю. Шагиной. СПб. : Серебряный век, 2016. Ч. 2. С. 67–78.

Раппапорт А. Г. Дух времени и архитектура XIX века // Очерки истории теории архитектуры Нового и Новейшего времени / отв. ред. И. А. Азизян. СПб. : Коло, 2009. С. 135–189.

Савицкий Е. Е. Демоны в зоопарке : Современное искусство и колонизация Севера в России 1890-х годов // Новое лит. обозрение. 2017. № 144. С. 260–284.

Сергеев С. М. Была ли в Российской империи русская нация? «Холодная война» против императорского режима: русские сословия, обездвиженные и угнетенные // Гефтер : [интернет-журн.]. 2016. 16 марта. URL: <http://gefter.ru/archive/17855> (дата обращения: 17.12.2022).

Слюнькова И. Н. Проекты оформления коронационных торжеств в России XIX века. М. : БуксМАрт, 2014. 440 с.

Соколов Б. М. Русская Пруссия, или Рождение романтического сада // Наше наследие : [сайт]. 2008. № 87. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8707.php> (дата обращения: 17.12.2022).

Стасов В. В. Французская книга о русском искусстве // Стасов В. В. Собр. соч. 1847–1886 : в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. Т. 2. Художественные статьи. Отд. 3. Стб. 389–402.

Стасов В. В. От издательства // Стасов В. В. Избр. соч. : в 3 т. / под ред. Е. Д. Стасовой и др. М. : Искусство, 1952. Т. 1. Б. с.

Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства // Стасов В. В. Избр. соч. : в 3 т. / под ред. Е. Д. Стасовой и др. М. : Искусство, 1952. Т. 2. С. 391–568.

Стасов В. В. Искусство XIX века. Архитектура // Стасов В. В. Избр. соч. : в 3 т. / под ред. Е. Д. Стасовой и др. М. : Искусство, 1952. Т. 3. С. 485–506.

Тарановская М. З. Карл Росси : Архитектор. Градостроитель. Художник. Л. : Стройиздат, 1980. 223 с.

Федоров-Давыдов А. А. Русское искусство промышленного капитализма. М. : ГАХН, 1929. 246 с.

Шабанов А. Е. Передвижники : Между коммерческим товариществом и художественным движением. СПб. : Изд. Европ. ун-та в СПб., 2015. 336 с.

Швидковский Д. О. «Готика» в русской архитектуре последней четверти XVIII столетия, ее английские источники и западноевропейские аналоги // Готика Просвещения. Юбилейный год Василия Баженова : каталог выставки. М. : Фонд «In Artibus», 2017. С. 33–70.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : [в 82 т.]. М. : Семеновская типолит. (И. А. Ефрона), 1901. Т. 62. II, 473–954, II, 2 с.

References

Atlas normal'nykh chertezhei sooruzheniyam po vedomstvu Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv [Atlas of Regular Drawings for Structures under the Department of the Ministry of State Property]. (1842). St Petersburg, Litografiya III Departamenta gosudarstvennykh imushchestv. [19] p., 110 pl.

- Azadovskii, M. K. (1958). *Istoriya russkoi fol'kloristiki v 2 t.* [A History of Russian Folklore Study. 2 Vols.]. Moscow, Uchpedgiz. Vol. 1. 480 p.
- Borisova, E. A. (1979). *Russkaya arkhitektura vtoroi poloviny XIX veka* [Russian Architecture in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka. 318 p.
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 82 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. 82 Vols.]. (1901). Moscow, Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. 62. II, 473–954, II, 2 p.
- Fedorov-Davydov, A. A. (1929). *Russkoe iskusstvo promyshlennogo kapitalizma* [Russian Art during the Industrial Capitalism Era]. Moscow, Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk. 246 p.
- Gerchuk, Yu. Ya. (1994) Problemy russkoi psevdogotiki XVIII veka [Problems of Russian Pseudo-Gothic of the 18th Century]. In Pospelov, G. G. (Ed.). *Russkii klassitsizm vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX veka*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, pp. 147–156.
- Herzen, A. I. (1956). Byloe i dumy [Past and Thoughts]. In Herzen, A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 8. Parts 1–3. 518 p.
- Kirichenko, E. I. (1972). Arkhitekt I. Ropet [Architect I. Ropette]. In *Arkhitekturnoe nasledstvo*. No. 20. Moscow, Stroizdat, pp. 85–93.
- Kirichenko, E. I. (1986). *Arkhitekturnye teorii XIX veka v Rossii* [19th Century Architectural Theories in Russia]. Moscow, Iskusstvo. 344 p.
- Kuznetsov, S. O. (2017). Gvardii park. Istoriko-khudozhestvennoe issledovanie Ekateringofa v Sankt-Peterburge [Guard Park. Historical and Artistic Research of Yekateringof in St Petersburg]. In *Iskusstvoznanie*. No. 1, pp. 114–161.
- Miller, A. I. (2008). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.
- Nashchokina, M. V. (1997). Petrovskii dvorets i ego semanticheskaya interpretatsiya [Petrovsky Palace and Its Semantic Interpretation]. In Malafeeva, S. L. (Ed.). *Tsarskie i imperatorskie dvortsy. Staraya Moskva*. Moscow, Mosgorarkhiv, pp. 172–180.
- Nechkina, M. V. (1984). *Dekabristy* [Decembrists]. 2nd Ed. Moscow, Nauka. 202 p.
- Pechenkin, I. E. (2016). Frantsiya i Style Russe. O nekotorykh aspektakh mezhdunarodnykh khudozhestvennykh svyazei v XIX veke [France and Style Russe: On Some Aspects of International Artistic Relations in the 19th Century]. In Gruzdeva, G. F., Smirnova, I. K., Shagina, M. Yu. (Eds.). *Rossiya – Frantsiya. Alliance kul'tur. Materialy XXII Tsarskosel'skoi nauchnoi konferentsii v 2 ch.* St Petersburg, Serebryanyi vek. Patr 2, pp. 67–78.
- Rappaport, A. G. (2009). Dukh vremeni i arkhitektura XIX veka [Zeitgeist and 19th-Century Architecture]. In Azizyan, I. A. (Ed.). *Ocherki istorii teorii arkhitektury Novogo i Noveishego vremeni*. St Petersburg, Kolo, pp. 135–189.
- Savitsky, E. E. (2017). Demony v zooparke. Sovremennoe iskusstvo i kolonizatsiya Severa v Rossii 1890-kh godov [Demons at the Zoo: Contemporary Art and the Colonisation of the Far North in Russia in the 1890s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 144, pp. 260–284.
- Sergeev, S. M. (2016). Byla li v Rossiiskoi imperii russkaya natsiya? “Kholodnaya voina” protiv imperatorskogo rezhima: russkie sosloviya, obezdvizhennye i ugnetennye [Was there a Russian Nation in the Russian Empire? “Cold War” against the Imperial Regime: Russian Estates, Immobilized and Oppressed]. In *Gefter* [internet-journal]. March 16. URL: <http://gefter.ru/archive/17855> (accessed: 17.12.2022).
- Shabanov, A. E. (2015). *Peredvizhniki. Mezdu kommercheskim tovarishchestvom i khudozhestvennym dvizheniem* [The Peredvizhniki. Between a Commercial Partnership and an Art Movement]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 336 p.
- Shvidkovsky, D. O. (2017). “Gotika” v russkoi arkhitekture poslednei chetverti XVIII stoletiya, ee angliiskie istochniki i zapadnoevropeiskie analogi [“Gothic” in Russian Architecture of the Last Quarter of the 18th Century, Its English Sources, and Western European Counterparts]. In *Gotika Prosveshcheniya. Yubileinyi god Vasiliya Bazhenova. Katalog vystavki*. Moscow, Fond “In Artibus”, pp. 33–70.

Slyun'kova, I. N. (2014). *Proekty oformleniya koronatsionnykh torzhestv v Rossii XIX veka* [Projects for Decorating Coronation Celebrations in 19th-Century Russia]. Moscow, BuksMArt. 440 p.

Sokolov, B. M. (2008). Russkaya Prussiya, ili Rozhdenie romanticheskogo sada [Russian Prussia, or the Birth of a Romantic Garden]. In *Nashe nasledie* [website]. No. 87. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8707.php> (accessed: 17.12.2022).

Stasov, V. V. (1894). Frantsuzskaya kniga o russkom iskusstve [A French Book on Russian Art]. In Stasov, V. V. *Sobranie sochinenii 1847–1886 v 4 t.* St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 2. Khudozhestvennye stat'i. Part 3, col. 389–402.

Stasov, V. V. (1952). Dvadsat' pyat' let russkogo iskusstva [Twenty-Five Years of Russian Art]. In Stasov, V. V. *Izbrannye sochineniya v 3 t.* / ed. by E. D. Stasova et al. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2, pp. 391–568.

Stasov, V. V. (1952). Iskusstvo XIX veka. Arkhitektura [19th-Century Art. Architecture]. In Stasov, V. V. *Izbrannye sochineniya v 3 t.* / ed. by E. D. Stasova et al. Moscow, Iskusstvo. Vol. 3, pp. 485–506.

Stasov, V. V. (1952). Ot izdatel'stva [From the Publisher]. In Stasov, V. V. *Izbrannye sochineniya v 3 t.* / ed. by E. D. Stasova et al. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1, n. p.

Taranovskaya, M. Z. (1980). Karl Rossi. Arkhitektor. Gradostroitel'. Khudozhnik [Carlo Rossi. Architect. Urbanist. Artist]. Leningrad, Stroiizdat. 223 p.

Vishlenkova, E. A. (2011). *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [A Visual Anthropology of the Empire, or "not everyone can see the Russian"]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Vishlenkova, E. A. (2012). Proshloe pokazannoe (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX veka) [The Past Shown (Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries)]. In Dmitriev, A. N. (Ed.). *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii. Formirovanie predstavlenii o proshlom.* Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, pp. 383–417.

Vlasyuk, A. I. (1972). Arkhitektura Rossii [Architecture of Russia]. In Baranov, N. V., Khan-Magomedov, S. O. (Ed.). *Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 t.* Moscow, Stroiizdat. Vol. 10. Arkhitektura XIX – nachala XX vv., pp. 33–136.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

The article was submitted on 18.12.2022

**«Исключенные из памяти»:
проблема наследования национальной истории***

Юлия Зевако

¹Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“Excluded from Memory”:
The Question of Passing Down National History**

Yulia Zevako

¹Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the (partial) “exclusion” or “self-exclusion” of the “complex heritage” descendants from the “inheritance” of the official narratives of national history. As a rule, such discourses rely on antagonistic logic. In the article, the idea of “complex heritage” descendants denotes people whose family history includes both representatives of mutually exclusive groups (from the point of view of different public discourses of memory). When any single discourse is dominant in the public space or in a competition between antagonistic discourses of national history, descendants of “complex heritage” must independently cope with the emerging internal tension and discomfort (if they arise). In this article, in the context of common European trends, the author shows and analyses different options for such reactions with reference to competing discourses of national history in Russia, i. e., “Triumph” (Victory in the Great Patriotic War) and “Tragedy” (the era of political repression), as well as the most massive public practice of memory dedicated to the Great Patriotic War heroes: the civil event known as the “Immortal Regiment”. The analysis refers to forty in-depth interviews conducted by the author in 2021–2023 with descendants of the repressed from the third, fourth, and further generations (as well as those who

* Citation: Zevako, Yu. (2023). “Excluded from Memory”: The Question of Passing Down National History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848.

Цитирование: Зевако Ю. “Excluded from Memory”: The Question of Passing Down National History // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848 / Зевако Ю. «Исключенные из памяти»: проблема наследования национальной истории // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1294–1312. DOI 10.15826/qr.2023.4.848.

fought and showed themselves differently in the past). The author relies on the concept of antagonistic memory, supplemented by the ideas of Ts. Todorov on the principles of working with the “difficult past”, the theory of post-memory by M. Hirsch and others. As a result of the research, the author draws the following conclusions: first, the experience of “exclusion” from national history due to the lack of blood ancestors that give the right for “inclusion” into the “fundamental myth of the nation” really exists; second, in the conditions of (even unequal) competition of antagonistic discourses, the descendants of the “complex heritage” find themselves constrained between the narrow limits of each of them. At the same time, the need to meet externally set criteria and the impossibility of doing this lead to resistance to the imposed public antagonistic models of understanding the past; finally, those “excluded” from national history in one or different interpretations thereof, the descendants collect, preserve, and transmit their family histories as “heritage” in the full diversity and inconsistency, as life itself, and the circumstances in which their ancestors were placed.

Keywords: troubled past, memory of the Great Patriotic War, politics of memory, family memory, ancestors, descendants, national history, “complex heritage”

Рассматривается проблема полного или частичного «исключения» или «самоисключения» из наследования официальных нарративов национальной истории (выстроенных, как правило, в антагонистической логике) потомков «сложного наследия», то есть людей, в семейной истории которых одновременно оказались представители взаимоисключающих групп. В условиях доминирования в публичном пространстве какого-либо одного дискурса либо ситуации конкуренции антагонистических дискурсов национальной истории потомкам «сложного наследия» приходится самостоятельно справляться с внутренним напряжением и дискомфортом (если они возникают). В статье в контексте общеевропейских тенденций на примере конкурирующих дискурсов национальной истории в России – «Триумфа» (победы в Великой Отечественной войне) и «Трагедии» (эпохи политических репрессий), а также наиболее массовой публичной практики памяти, посвященной героям Великой Отечественной войны – акции «Бессмертный полк», – автор показывает и анализирует разные варианты подобных реакций. Основой для анализа стали 40 глубинных интервью, взятых автором в 2021–2023 гг. у потомков третьего, четвертого и далее поколений от репрессированных (а также воевавших и по-другому проявивших себя в прошлом) предков. Автор опирается на концепт антагонистической памяти, дополненный идеями Ц. Тодорова о принципах работы с «трудным прошлым», на теорию постпамяти М. Хирш и др. Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов: во-первых, переживание «исключения» из национальной истории ввиду отсутствия кровных предков, дающих право на «включение» в «основополагающий миф нации», действительно существует; во-вторых, в условиях даже неравной конкуренции антагонистических дискурсов потомки «сложного наследия» оказываются зажаты между узкими рамками каждого из них, а необходимость соответствовать заданным извне критериям и одновременно невоз-

возможность это сделать приводят к сопротивлению навязанным публичным антагонистическим моделям осмысления прошлого; в-третьих, «исключенные» из национальной истории в том или ином виде потомки собирают, сохраняют и передают как наследие свои семейные истории.

Ключевые слова: трудное прошлое, память о Великой Отечественной войне, политика памяти, семейная память, предки, потомки, национальная история, «сложное наследие»

Память о Второй мировой войне до сих пор определяет мнемонический и «мифологический ландшафт» [Bell]² европейских стран, в своей антагонистической логике часто игнорируя сложность восприятия и интерпретации прошедших событий непосредственными потомками (без)действующих лиц в прошлом. В своей статье, апеллируя к европейскому опыту и российскому контексту, я предлагаю сфокусировать внимание не столько на политике памяти и ее экспликациях в различных мероприятиях и акциях (тема, которой посвящено большое количество зарубежных и отечественных исследований), сколько на переживаниях и трудностях, которые испытывают современные потомки «сложного наследия» в условиях выстраивания на уровне государства непротиворечивых антагонистических нарративов вокруг триумфа/трагедии, героев/жертв Второй мировой и Великой Отечественной войн. Под *потомками «сложного наследия»* я буду понимать людей, в семейной истории которых одновременно оказались представители взаимоисключающих (с точки зрения разных публичных дискурсов памяти) групп – «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур» [Cento Bull, Hansen, p. 395]. Я предполагаю, что для таких людей существует проблема частичного «исключения» или «самоисключения» из наследования официальных нарративов национальной истории, которая проявляется не столько как общественно-политическая коллизия, сколько как коллизия внутренняя, связанная с их переживаниями и самоидентификацией. В данной статье я попытаюсь в контексте общеевропейских тенден-

² Дункан Белл в статье «Мифологические ландшафты: память, мифология и национальная идентичность» так раскрывает содержание этого явления (термина): «миф служит для того, чтобы сгладить сложность, нюансы, перформативные противоречия человеческой истории; вместо этого он представляет собой упрощенную и часто однозначную историю... Сложное взаимопроникновение мифа – как в его господствующих, так и в многообразных второстепенных формах – и органической памяти (воспоминания) лучше всего можно представить в контексте “национального мифологического ландшафта”. Такой мифологический ландшафт может быть обозначен как дискурсивная сфера, конституируемая временными и пространственными измерениями, в которых мифы нации выковываются, передаются, реконструируются и постоянно дискутируются» [Bell, p. 75]. Под «временным измерением» автор предлагает понимать «исторический промежуток, повествование о течение лет... которое будет включать, среди прочего, историю происхождения нации и последующие важные события и героические личности» [Ibid.]. Здесь и далее перевод цитат и терминологии автора статьи.

ций показать и проанализировать разные варианты реакций потомков «сложного наследия» на ситуацию доминирования какого-либо одного дискурса национальной истории.

Основой для анализа стали данные открытых источников, а также материалы более 40 глубоких полуструктурированных интервью с представителями третьего, четвертого и далее поколений от репрессированных предков (в рамках авторского проекта, посвященного анализу памяти об эпохе политических репрессий 1930–1950-х гг.). Интервью были собраны примерно в равной пропорции у мужчин и женщин от 18 до 60+ лет, преимущественно с высшим гуманитарным образованием, проживающих в крупных городах России. В рамках интервью многие информанты апеллировали не только к памяти о репрессированных родственниках, но и к семейной памяти о Великой Отечественной войне и о (не)воевавших родственниках, к существующим практикам памяти о них. Именно этот факт стал отправной точкой к размышлениям, представленным в данной статье.

Большое влияние памяти о Второй мировой войне на актуальную внутри- и внешнеполитическую повестку европейских стран отмечают многие исследователи. Как подчеркивает М. Сидди, вместе с крушением социалистического блока Вторая мировая война «составляет ядро нынешних официальных дискурсов памяти... является стержнем национальной и международной дискурсивной полемики о памяти XX века» [Siddi, p. 467]. Стремление в посткоммунистических государствах к созданию внутренне непротиворечивых нарративов, способных обеспечить «этническую и национальную солидарность» [Coakley, p. 532], с одной стороны, и (или) стремление вписаться в некий «космополитический стандарт» [Levy, Sznajder] памяти о войне и холокосте [Zombory], транслируемый в качестве «входных ворот» в сообщество развитых европейских стран, с другой, привели к разным моделям национальных историй, в каждой из которых присутствуют антагонистические элементы, предполагающие наличие неприемлемого Другого, обязательного к «исключению» из легитимного повествования. М. Сидди выделяет четыре европейских дискурсивных нарратива о Второй мировой войне, подчеркивая, что «наиболее непримиримым является конфликт между российским и восточно-центральноевропейским мнемоническим сообществом, [так как] прославление Красной армии в первом и сосредоточение внимания на ее преступлениях во втором [случае] приводят к взаимоисключающим нарративам» [Siddi, с. 467–468]. Усилению антагонизма способствует и принятие Европарламентом резолюции от 19 сентября 2019 г., закрепившей равную ответственность нацизма и сталинского тоталитаризма за возникновение войны [Importance of European Remembrance for the Future of Europe] и обозначившей тем самым всех так или иначе причастных к коммунистическому режиму в целом в качестве «морального зла» (в логике космополитической памяти [Levy, Sznajder; Cento Bull, Hansen]).

Айденитарный и мобилизационный смысл национальных нарративов подразумевает ориентацию на непротиворечивый символ, на «мифологизацию» национального сознания [Assmann; Coakley; Bell], выстроенную вокруг «Триумфа» или «Травмы» (Б. Гизен) [Хлевнюк], «Героя» или «Жертвы» [Todorov]. Как отмечает Ц. Тодоров, «мы», как правило, отождествляется «исключительно с безупречными героями и невинными жертвами», и между «нами» и «ними» выстраивается «крайняя дистанция», должная подчеркнуть особую «бесчеловечную» (то есть нечеловеческую) природу «злодея» [Ibid., p. 447]. Фигура «злодея» в любом случае номинируется в категориях абсолютного зла, однако если «злодей» (олицетворенный в конкретном человеке, группе людей или целом сообществе) экстернализован, он становится важным условием или фактором выстраивания национальной истории, если интернализован – персоной нон-грата, исключенной фигурой в национальных повествованиях, фигурой умолчания и (или) замалчивания (также на уровне конкретного человека, группы людей или целого сообщества).

Интерпретативная [Berger; David; и др.] и даже «реконструктивная» [McConnell, p. 6] природа памяти позволяет переформатировать представления о «героях», «жертвах» и «злодеях» прошлого с точки зрения настоящего. В таком случае символическому (и физическому?) «исключению» могут подвергаться не только непосредственные (не)участники исторических событий – те, кого в прошлом номинировали в качестве «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур», но и (потенциально) их потомки (потомки «сложного наследия»).

Применительно к памяти о Второй мировой войне подобные процессы переинтерпретации и формирования «эксклюзивной» памяти наблюдаются во многих посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Наиболее яркими примерами здесь являются страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва) и Польша. Анализу формирования и эволюции («историческому ревизионизму») памяти в этих государствах посвящено большое количество исследовательской литературы. Обозначим моменты, которые имеют значение для статьи.

М. Зомбори, рассматривая становление современной версии памяти в Латвии, Литве и Эстонии, обращает внимание на то, что «память о коммунизме родилась [здесь] как “восточноевропейский опыт” в ответ на универсалистское утверждение холокоста (воспринимаемого как западное). Ее колыбелью была не живая история народов, ранее живших под властью коммунистов, а транснациональные отношения сил в процессе расширения Европы» [Zombory, p. 15]. Эта память постепенно институционализировалась в мемориальные музеи с соответствующей антагонистической символической повесткой и «моральным тоном» [Ibid., p. 6], игнорируя «исторические сложности Второй мировой войны» [Ibid., p. 11]. Таким образом, «живая история» и непосредственный опыт жителей этих государств

(который мог быть вполне положительным в отношении коммунизма и отрицательным по отношению к другим акторам, то есть в целом неоднородным и противоречивым) оказался некоторым образом исключен из национального нарратива. Автор обращает внимание на то, что количество местных посетителей таких музеев чрезвычайно мало: «эстонцы составляют лишь 10 % посетителей Музея оккупации (всего около 1 000 человек в год); в Риге 75 % из ежегодных... посетителей составляют иностранные туристы, а большинство местных – студенты» [Zombory, p. 15].

Пример Польши позволяет увидеть еще один нюанс. Ж. Зубжицки отмечает, что «поляки вводят коммунизм... в длинную повествовательную линию завоевания, оккупации и угнетения со стороны могущественных соседей... посткоммунистический период рассматривается как последний этап в истории борьбы Польши за независимость, и поэтому переходный период воспринимается поляками в первую очередь как... путь построения национального государства» [Zubrzycki, p. 38]. Внутри такой национальной истории все «мы» – от отдельного человека до нации в целом – трактуются как «невинные жертвы» агрессии и «безупречные борцы» за независимость, а любые «они» – те, кто совершали насилие (в том числе коммунисты) – как «бесчеловечные злодеи», отделенные от «нас» «крайней дистанцией».

Антагонистический национальный нарратив не подразумевает возможности включения в «мы» «преступников» и «злодеев». Этим вполне объясняется реакция польского общества, интеллигенции и политических элит на исследование Я. Т. Гросса «Соседи: история уничтожения еврейского местечка». Небольшая книга, посвященная уничтожению поляками евреев в местечке Едвабне 10 июля 1941 г., вызвала, по словам Ж. Зубжицки, «повествовательный шок» и стала «ударом, нанесенным полякам как жертвам, обманутым историей», показав, что они были не только жертвами Второй мировой войны, но и «виновниками некоторых ее ужасов» [Ibid., p. 41]. Ж. Зубжицки отмечает, что «в ходе бесчисленных этнографических встреч и многочисленных интервью в 2001 и 2004 годах» информанты формулировали следующее убеждение: «польское преследование евреев – если оно вообще имело место – было в конечном итоге оправдано, поскольку оно осуществлялось в целях “самообороны”», и «евреи как соучастники советских преступлений несут ответственность за страдания поляков» [Ibid., p. 43]. Режиссеры М. Штурх и И. Чоп в фильме «Poklosie» (в русском переводе – «Колоски»), посвященном сюжету уничтожения поляками евреев во время Второй мировой войны, художественными средствами попытались показать сложности взаимодействия потомков с непростым наследием, доставшимся им от предков, и столкновения с «исключением» морально трудных сюжетов истории не только на уровне национальных метанарративов, но и в памяти отдельных людей и небольших сообществ.

Подобных примеров можно привести достаточно много, однако в контексте данной статьи важно отметить, что антагонистическая логика национальных историй о Второй мировой войне, предполагающая «исключение» памяти о сложных и противоречивых событиях, «преступниками» и «бенефициарами» в которых были представители собственного национального коллектива [Todorov, p. 447], характерна для большинства европейских (и не только) стран, в том числе для России. Несмотря на разнообразные попытки выстроить теоретические конструкции для «инклюзивных» национальных нарративов (теории агонистической памяти А. Центо Бул и Х. Хансена, симметрии памяти А. Ассман, концепции переходного правосудия и др.), можно утверждать, что эти идеи далеки от практической реализации и во многом зависят от внешнего политического контекста. Но не только. Т. Бергер отмечает: «процесс мнемонического дрейфа усугубляется сменой поколений, поскольку каждое новое поколение интерпретирует полученные исторические нарративы на фоне опыта, который все чаще резко отличается от опыта предыдущих поколений. Хотя в некоторых случаях это может привести к постепенному ослаблению эмоционального воздействия памяти, память часто получает новую силу благодаря связи с новым опытом» [Berger, p. 16–17].

Таким образом, если воспользоваться терминологией М. Хирш, диалог потомков «сложного наследия» с прошлым оказывается зажат между ассоциативной постпамятью (актуальным национальным нарративом), аффилиативной постпамятью (версиями прошлого, транслируемыми отдельными группами – «моральными сообществами») – для них характерны антагонистический подход и логика «исключения», и фамилиальной постпамятью – семейными историями о предках, которые в третьем, четвертом и далее поколениях от непосредственных участников или свидетелей событий нередко приобретают «инклюзивный» характер [Хирш].

Прежде чем обратиться к фамилиальному уровню постпамяти о репрессивном и героическом прошлом, кратко остановимся на том контексте и практиках (конкретно – на акции «Бессмертный полк»), которые определяют широкий аффилиативный и ассоциативный уровень постпамяти об этих событиях (предполагая, что несоответствие между ними у отдельных людей может порождать разного рода переживания по поводу «исключения» из памяти о победе в Великой Отечественной войне).

Особую популярность среди граждан Российской Федерации (и русскоязычного населения зарубежных стран) с 2012 г. стала набирать акция «Бессмертный полк». За несколько лет к 2019 г. численность участников акции выросла с 2 тыс. в Томске до 10 млн в России и по всему миру [Курилла, с. 204]. Такой успех акции И. Курилла связывает с особым эмоциональным отношением со стороны граждан к этой странице отечественной истории. Соответственно,

условное сообщество, сложившееся вокруг «Бессмертного полка», можно назвать эмоциональным сообществом, которое пользуется своеобразными эмоциональными практиками, цель которых состоит в том, чтобы «сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму» [Плампер, с. 433]. Такие практики способны порождать значения, создавать желаемые эмоции и контролировать их внутри соответствующего сообщества [Там же, с. 433–437], применяя наказание за их нарушение в виде «морального осуждения и исключения» [Лушников, с. 121]. «Бессмертный полк» дает пример эмоционального сообщества, основанного на живой связи с историей через историю своей семьи. Успех акции исследователи связывают с емким ярким названием, наличием простых правил и понятным алгоритмом действий [Kurilla, p. 2], а также с тем, что «в стране, где почти каждая семья хранит память о ветеранах войны или родственниках, погибших в 1941–1945 годах, каждый может присоединиться к шествию» [Куриллa, с. 205].

Простота правил и последовательности действий для присоединения к «Бессмертному полку», вероятно, побудила многие миллионы людей, представителей третьего, четвертого и далее поколений, задавать вопросы своим родителям и родственникам: «А кто у нас воевал?», «А кем он/она был/была во время войны?». Поиску ответов на эти вопросы способствовали быстрое развитие сети Интернет в России и создание в 2010-х гг. открытых электронных баз данных, содержащих информацию как о предках – соиздателях и свидетелях «Триумфа», так и о предках – жертвах и свидетелях «Травмы»/«Трагедии».

Так, в 2007 г. при поддержке и финансировании государства был создан ОБД «Мемориал» [О проекте, 2022b], затем в 2010 г. – ОБД «Подвиг народа» [О проекте «Подвиг народа»], а с мая 2015 г. начал работать интерактивный сервис Минобороны России «Память народа». На его сайте сообщается, что «всего обработано и опубликовано в сети Интернет 16581 899 записей о судьбах военнослужащих» (Информационный сервис «Память народа»).

Параллельно этому шел процесс по созданию электронных баз данных по репрессированным: в 2001 г. была создана первая такая база данных «Жертвы политического террора в СССР» на основе информации, собранной одной из российских общественных организаций, в 2007 г. она насчитывала уже 2,6 млн записей, а в 2017 г. – 3 млн 102 тыс. записей [Курилова]. В 2016 г. благотворительный фонд «Протяни руку» на основе БД одной из российских общественных организаций создал базу данных «Открытый список» по принципу «Википедии» – свободной энциклопедии, в которой граждане сами могут пополнять информацию [Иванушкин]. За год до этого в 2015 г. был создан проект «Бессмертный барак», который его основатель Андрей Шалаев называет «самой большой живой энциклопедией о репрессиях» [О проекте, 2022a]: она также устроена по принципу свободного дополнения информации читателями, но, в отличие от других анало-

гичных проектов, включает фотографии и истории людей, представляя память о репрессиях не только с информационной, но и с эмоциональной стороны. На 16 февраля 2022 г. на сайте «Бессмертный барак» была указана информация о том, что на нем «сохранено 2 144 513 имен». Кроме того, в 2016 г. сотрудники одной из российских общественных организаций опубликовали в сети Интернет базу данных «Кадровый состав НКВД. 1935–1939», в которой насчитывается 41 760 персоналий [Онлайн-ресурсы Центра документации]. Таким образом, обращение к семейной памяти, рост популярности «Бессмертного полка» и развитие открытых электронных баз данных по ключевым событиям национальной истории и национальной памяти XX в. шли одновременно.

И. Курилла отмечает, что акция «Бессмертный полк» поддерживает важное для существующего политического режима представление о Великой Отечественной войне [Курилла, с. 214], которое фактически в официальной риторике (сложившейся в 2000-е – начале 2010-х гг. после естественного ухода подавляющего большинства ветеранов из жизни) трактуется в духе «мифа основания нации» [Bell]. Успех этой символической интерпретации привел к тому, что в России многие стали воспринимать шествие «Бессмертного полка» как возможность построить свой семейный нарратив в официальный, персонифицировать и индивидуализировать память о предках, «наложить» на родовую самоидентификацию национально-гражданскую» [Курилла, с. 216]. Выстраиваемый таким образом «миф основания нации» логически предполагает включение в эту нацию только категории «потомков победителей» и причастных к Победе (либо пострадавших от врага), как это было изначально зафиксировано в Уставе «Бессмертного полка» на его сайте (участвовать в акции может тот, чей предок был «ветеран армии и флота, партизан, подпольщик, боец Сопротивления, труженик тыла, узник концлагеря, блокадник, ребенок войны» [Устав полка]). В данном дискурсе слова знаменитой песни «От героев былых времен» («Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой») понимаются буквально: в каждой семье России имеется воевавший предок, каждая семья в России – потомки победителей. Информационные возможности и доступность открытых баз данных одновременно актуализировали и удовлетворяли массовый социальный запрос на поиск информации о семейной истории, на обнаружение и подтверждение наличия «своего героя».

Однако оказалось, что не во всех семьях есть «свой герой», подтверждающий принадлежность потомков к официальному нарративу Победы. Можно предположить, что часть людей, у которых не нашлось «своего героя», и их причастность к Победе не была подтверждена, могли ощутить некоторую «исключенность» из нарратива о Победе ввиду несоответствия критериям «потомков победителей». В такой ситуации, вероятно, оказались и многие потомки

жертв политических репрессий (и других предков, проявивших себя в прошлом социально неодобряемым способом): вместо включения в положительный «миф основания нации» на правах «потомков победителей» они могут быть (само)исключены из него и в этом смысле могут чувствовать необходимость определиться со своей позицией: где они в этом нарративе и кто они, если они не «мы»?

Отсутствие симметричности как одного из инструментов «включения» репрессированных групп, не причастных к Победе, в общий нарратив, усиливает и другие линии «исключения». Так, например, если человек как гражданин своей страны, родившись здесь, социализировавшись и получив гражданство, автоматически наследует национальную историю и национальную память своего государства (своей гражданской нации), то как человек из плоти и крови, как потомок своих предков – нет. На этот конфликт накладывается также противоречие между некоторыми общественными группами и государством. Как отмечал Дж. Олик, «память никогда не бывает единой, как бы ни старались сделать ее таковой различные силы. Всегда есть субнарративы» [Olick, p. 380]. Проблема заключается в том, что и доминирующий нарратив, и субнарративы выстраиваются в антагонистической логике, отмеченной Ц. Тодоровым и предполагающей «включение» одних, «исключение» других и наличие «крайней дистанции» между ними.

В силу своей сконцентрированности на семейной истории, семейной преемственности и изначально подчеркнутой аполитичности [Kurilla, p. 7] акция «Бессмертный полк» имела потенциал «инклюзивности» и была положительно воспринята разными сообществами внутри страны – как близкими к официальной политике памяти, так и других политических взглядов. «Кооптация» данной низовой инициативы одним из ключевых акторов памяти – государством [Ibid.] – в глазах представителей части общества сделала их участие в «Бессмертном полку» невозможным в силу иных политических убеждений³. Можно предположить, что «самоисключение» из акции могло приводить к символическому «исключению» из публичного наследования национальной истории в силу антагонистической логики дискурсов памяти разных политических акторов, вновь размежевывая родовую и национально-гражданскую идентификацию, фамилиальную и ассоциативную постпамять.

В ситуации конкуренции, противопоставления и противоборства разных версий памяти о Великой Отечественной войне наиболее уязвимым оказывается положение потомков «сложного наследия», которые обнаруживают себя на стыке антагонистических дискурсов. Анализ интервью помогает увидеть некоторые варианты логики этих переживаний.

³ Подробно сложный генезис и динамика развития акции «Бессмертный полк» в ее содержательном и институциональном аспектах рассматриваются в статьях И. Куриллы [Kurilla], Дж. Фёдор [Fedor] и др.

В ряде интервью можно отметить болезненность переживаний по поводу некоторой внутренне ощущаемой «исключенности» из общего публичного «нарратива Победы»⁴:

Хотелось бы родственниками гордиться (информант дискурсивно указывает на внутренний дискомфорт в ситуации несоответствия семейной истории «героическому стандарту» «национальной истории». – Ю. З.)... *я говорил, что прадед мог бы попасть на войну...* (социально одобряемый вариант биографии предка «военного времени». – Ю. З.), *то есть он был бы не репрессированным, а мог бы вернуться с фронта в орденах и медалях... и... мы могли бы еще гордиться бы ими, нашими родственниками...* (интонация сожаления и злости указывает на чувствительность для информанта невозможности вписать предка, а через него и себя в желательный и социально одобряемый национальный героический нарратив. – Ю. З.) (И17).

В обратном направлении (аналогично антагонистическом) – как отрицание государственной политики памяти – происходит самоисключение информантов из национального нарратива. Так, одна из информанток на вопрос «Есть ли у вас воевавшие предки?» сразу отвечает: *Нет... во время войны были трудармейцами*, – но через некоторое время спохватывается и вспоминает о прадеде, который *воевал и пропал без вести в 42-м году*. Ощущая напряженность для себя между фамилиальным уровнем постпамяти о репрессированных и ассоциативным – о воевавших, информантка словно уходит от довлеющего национального нарратива через его отчуждение и «забвение»: *Я немножко эту линию отодвигаю подальше от себя*. Однако, несмотря на сознательное сопротивление и самоисключение из ассоциативной рамки памяти о Победе, она признает важность для себя фигуры воевавшего предка, делая выбор в пользу индивидуальных и семейных, максимально автономных практик памяти: *Не знаю, когда я последний раз была 9 мая в Москве... В 22-м году я поехала просто на обелиск к этому прадеду-красноармейцу* (И40).

Антагонистичность двух дискурсов – «Триумфа» и «Трагедии», разворачивающихся на разных уровнях постпамяти, интуитивно считывается другой информанткой, которая в студенческие годы много занималась исследованием темы политических репрессий *из лично-*

⁴ Важно отметить, что не все потомки репрессированных, в семейной истории которых не было воевавших предков, испытывали от этого факта внутренний дискомфорт и напряжение, связанный с «исключением» из национальной истории. Так, на вопрос «У вас когда-нибудь было желание сходить на акцию “Бессмертный полк”?» одна из информанток ответила вполне в логике переживания «исключения»: *Если бы мне было с чем туда идти, я бы туда пошла. Да. Однозначно*. На уточняющий вопрос о том, не было ли сожаления, что не с кем пойти, она ответила: *Никогда не было такого момента сожаления, что не с кем пойти... Потому что я понимала – ну, значит, так сложилось. А что я могу здесь сделать – ну вот так. В чем-то другом, значит, я поучаствую* (И23).

го интереса, прямо любопытства, хотя у нее самой репрессированных родственников нет. В то же время она хорошо знает о воевавших предках (С маминой стороны воевал мой прадед, а со стороны отца – дедушка. И бабушка тоже воевала) и несколько раз ходила на акцию «Бессмертный полк» (Это очень интересное ощущение... что ты идешь по Красной площади с фотографией прабабушки, которая никогда там не была... [ощущение] какого-то подъема... какая-то в этом есть величина) (И27).

В этом фрагменте отчетливо видно успешное соединение «родового» и «национально-гражданского», ассоциативной и фамилиальной постпамяти о Победе, которые дополняют и усиливают друг друга. Однако включенность в дискурс «Трагедии» с научно-исследовательской и гражданской точек зрения оказывается в глазах однокурсников и близких знакомых ограничивающей рамкой: *Мне в тот момент показалось, что... от меня ждут – активистский какой-то [шаг]. А я – хоп! – и пошла с портретом [смеется] – в «Бессмертный полк». Как будто это из разного было. Как будто меня не поняли. Вот такое легкое трение возникло. При этом для самой информантки кажется нормальным и возможным соединение разного в одно: Ну вот я занимаюсь темой – интересно, ну вот есть память о родных – сходили. Одно не исключает другого и не подразумевает. Оказавшись между двумя публичными антагонистическими дискурсами, предписывающими определенные модели поведения и форматы мышления, информантка делает выбор в пользу семейной памяти вне зависимости от внешних предписаний: Если для кого-то это является странным – ну, о'кей, для меня – нет... Это моя семья, мои предки, поэтому я пойду (там же).*

Еще одна информантка, в семейной истории которой присутствуют репрессированные и воевавшие предки, «герои» и «жертвы», память о них располагает параллельно друг другу, избегая тем самым противоречивых с точки зрения внешних, публичных акторов памяти смысловых пересечений. Возможно, на это влияет тот факт, что о репрессированных родственниках и однофамильцах информантка узнала за несколько месяцев до интервью и в таком ракурсе о них еще не размышляла (*Я пока для себя не сформулировала это*), сконцентрировавшись в большей степени на поиске информации (*Мне нужно знать, потому что это относится ко мне*). Тем не менее, на момент интервью она уже отправила запросы на получение архивных документов по раскулаченным предкам (одна ветка родства) и по арестованному по политической статье прадеду (другая ветка родства), инициировала установление таблички «Последнего адреса» по репрессированным однофамильцам, тем самым проявив активную позицию и готовность к усвоению дискурса и нарратива «Трагедии». Однако на уровне фамилиальной постпамяти это не оказывается для нее (как и в предыдущем примере) препятствием к реализации практик памяти в отношении воевавших предков. Информантка подчеркивает:

9 Мая у нас всегда почиталось в семье (соединение ассоциативной и фамилиальной постпамяти о Победе. – Ю. З.), но сначала дедушка был жив, и о «Бессмертном полку» речи не могло быть; а когда она переехала в Москву жить и возник вопрос, идти или не идти, ответ стал очевиден: Конечно, мне нужно было [смеется] дедушку пронести по Красной площади. Для информантки государство как основной актор памяти в этом национальном нарративе оказывается только помощником в реализации долга семейной памяти:

Меня никто ни разу туда не звал, никто никогда не говорил, что нужно делать... Для меня это только я и портрет моего деда. Единственно... я опасалась (в 2022 г. – Ю. З.) идти в места скопления людей... [но] за счет того, что ребята там стояли в бронежилетах, и меры безопасности были достаточно серьёзные... Вы государство упомянули – они, наоборот, позволили мне... отдать должное (И21).

Эмоции негодования по поводу сложностей при поиске и запросе документов в ведомственных архивах, злости на несправедливость государственной системы по отношению к репрессированным, желания эту несправедливость исправить возвращением информации в семейную историю и публичное пространство (установление табличек «Последнего адреса») оказываются для информантки изолированными и автономными внутри дискурса «Трагедии», существуя параллельно эмоциям благодарности государству в обеспечении возможности перформативного воплощения памяти о Победе. Таким образом, «герметизация» дискурсов и их низведение на уровень семейной истории позволяют информантке преодолевать антагонистические интенции обоих нарративов.

По-другому осмысливается «сложное наследие», доставшееся потомкам от своих предков, которые принадлежали не только к категории репрессированных и воевавших, но и к тем, кого можно назвать предателями: в первом случае это категория доносчиков, во втором – коллаборационистов.

В семейной истории одной из информанток получилось так, что по материнской линии мужа его родная прабабушка написала донос на своего бывшего мужа (его родного прадеда), которого вследствие этого в 1937 г. арестовали. Вскрылась эта деталь биографии после знакомства с архивно-следственным делом прадеда. Из другого архивно-следственного дела информантка узнала том, что ее собственный прадед был арестован и осужден по политической статье также в 1937 г., и в своих показаниях в протоколе допроса он указывал фамилии своих односельчан. Были в семье и воевавшие предки: один родной прадед информантки *погиб в 41-м году... под Серпуховом... о нем практически ничего не известно*, другой прадед попал в плен, где провел три с половиной года, был завербован и, возможно, участвовал в карательных операциях – по крайней мере, так было написано

в выписках из материалов фильтрационного дела, с которыми она познакомилась.

Все эти истории вызвали у информантки смешанные чувства: *Это, конечно... и пережить, и переварить это сложно...* Но если информантка нашла для себя внутренние возможности примирения с непростым наследием, доставшимся от предка, для других родственников это оказалось не так просто: *внучка стала в позицию суда – что он действительно изменник и принимал участие в карательных операциях.* На вопрос, какое это имеет значение сейчас, ведь это было 80 лет назад, она отвечает: *По логике – да, никакого не должно быть, ведь я его даже не знала... Но ведь это какое-то иррациональное, личное чувство. Ну... мы хотим же гордиться нашими предками* (ср. с И7). После рассказа о воевавшем прадеде и поездке на братскую могилу, чтобы *отдать, так сказать, свой долг памяти* (учитывая то, что информантка принципиально не ходит на акцию памяти «Бессмертный полк»), мы имеем аналогичный предыдущему пример ухода от ассоциативной постпамяти к фамилиальной, от публичного и коллективного действия – к индивидуальному, «своему»), информантка вновь обращается к *стыдной истории* с маминой стороны, подчеркивая, что *никто даже не будет слушать моих пространных.. объяснений по поводу того, что, может быть, оно так, а может быть, и не так, и мы вряд ли это узнаем, и не то, чтобы я ее [этой истории] стесняюсь, но не с кем даже просто обсудить это...* (И34).

Чувствительным и важным для потомков «сложного наследия» оказывается то, что антагонистический дискурс национальной истории не предполагает открытого рефлексивного обсуждения «исключенных» фигур: в публичном пространстве им отведено определенное место, оттеняющее и подчеркивающее героизм других. Это обстоятельство усиливает внутренний дискомфорт и напряжение у информантки, переживания которой по поводу непростого прошлого предка и сложных страниц истории страны оказываются в сфере публичного осуждения, но не обсуждения.

* * *

В современном мире отчетливо прослеживается тенденция к усилению антагонистических интерпретаций национальных историй. Правительства европейских, особенно посткоммунистических стран активно используют память о Второй мировой войне как инструмент достижения политических задач, в том числе для формирования национально-гражданской идентичности и «мифов основания нации» [Bell] через переинтерпретацию образов «своих» – «безупречных героев и невинных жертв» и «чужих» – «бесчеловечных злодеев» (Ц. Тодоров). Крайняя дистанция между «нами» и «ними» культивируется не только в межгосударственных отношениях, но и внутри самих государств – через разнообразные институции, дискурсы и практики

памяти. Однако непротиворечивые и гомогенные национальные нарративы, выстроенные в антагонистической логике, направленной как вовне, так и внутрь государства, предполагают «включение» в группу (национальный коллектив) одних и «исключение» из наследования национальной истории других. При этом «эксклюзивная» логика данных конструкций оказывается нечувствительной к тому, что в статье обозначено как «сложное наследие» – ситуации, при которой отдельный человек оказывается потомком представителей взаимоисключающих групп – «жертв, преступников, свидетелей, предателей или даже амбивалентных фигур» [Cento Bull, Hansen, p. 395].

На примере конкурирующих дискурсов «национальной истории» в России – «Триумфа» (победы в Великой Отечественной войне) и «Трагедии» (эпохи политических репрессий), а также наиболее массовой публичной практики памяти, посвященной героям Великой Отечественной войны – акции «Бессмертный полк», – показаны и проанализированы разные варианты реакций потомков «сложного наследия» на доминирование в публичном пространстве какого-либо одного из дискурсов, переживания внутреннего напряжения и дискомфорта по этому поводу (если оно было) и способов совладания с ними. Надо отметить, что переживание «исключения» из национальной истории ввиду отсутствия кровных предков, дающих право на «включение» в «основополагающий миф нации», действительно существует. Такое «исключение» (или «самоисключение») по формальным признакам может восприниматься как очень чувствительное и болезненное, иногда – достаточно нейтрально, как данность. В условиях даже неравной конкуренции антагонистических дискурсов потомки «сложного наследия» оказываются зажаты между узкими рамками каждого из них. Необходимость соответствовать заданным извне критериям и одновременно невозможность это сделать приводят к сопротивлению навязанным публичным антагонистическим моделям осмысления прошлого. Одним из способов сопротивления становится «уход» (насколько это возможно) от ассоциативного и отчасти аффилиативного уровней постпамяти к фамилиальному – либо через «герметизацию» разных дискурсов, либо через создание собственной «инклюзивной» модели памяти на уровне семейной истории, либо другими способами. Как правило, этот процесс сопровождается не отказом от самого предка («дискредитированного» или «дискредитировавшего» себя с точки зрения какого-либо публичного дискурса) и «стыдной» памяти о нем, а стремлением *защитить память своего предка, чтобы о нем не думали хуже, чем есть на самом деле* (И34).

«Исключенные» из национальной истории в одной или разных ее интерпретациях, потомки собирают, сохраняют и передают как наследие свои семейные истории в той полноте многообразия и противоречивости, которой полна сама жизнь, и обстоятельств, в которые были поставлены их предки. Практики, которые вырабатывают по-

томки «сложного наследия» при взаимодействии, с одной стороны, с «трудным прошлым» своей семьи (и своей страны), с другой – с публичными акторами памяти и их версиями национальной истории, дают представления о возможных подходах к выстраиванию «инклюзивных» моделей национальных историй, и в этом смысле они уникальны и требуют дальнейшего изучения.

Список информантов

№	Пол	Поколение от репрессиро- ванных	Родственная связь с репрессированным	Год записи интервью	Дополнительная информация
И7	м	4-е	Родственник	2021	–
И21	ж	4-е	Родственник	2022	3-е поколение от воевавших предков
И23	ж	4-е	Родственник	2022	–
И27	ж	4-е	Не родственник	2022	–
И34	ж	4-е	Родственник	2022	–
И40	ж	4-е	Родственник	2022	–

Библиографические ссылки

Иванушкин Г. Фонд «Протяни руку» открыл базу данных репрессированных в СССР // Агентство социальной информации : [сайт]. 2016. 4 мая. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2016/05/04/126007/> (дата обращения: 11.03.2022).

Информационный сервис «Память народа» // Министерство обороны Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://mil.ru/commemoration/memorial/pamyat_naroda.htm (дата обращения: 15.02.2022).

Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М. : Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Курилова А. В «Мемориале»⁵ насчитали 3 млн репрессированных // Коммерсант.ру : [сайт]. 2017. 6 дек. URL: www.kommersant.ru/amp/3488108 (дата обращения: 15.02.2022).

Лушников Д. А. Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 5 (70). С. 116–122.

О проекте // Бессмертный барак : [сайт]. URL: <https://bessmertnybarak.ru/about/> (дата обращения: 15.02.2022а).

О проекте // ОБД-Мемориал : [сайт]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (дата обращения: 15.02.2022б).

О проекте «Подвиг народа» // Подвиг народа. 1941–1945 : [сайт]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=nav>About> (дата обращения: 15.02.2022).

Онлайн-ресурсы Центра документации // Музей истории ГУЛАГа : [сайт]. URL: <https://gmig.ru/visitors/document-center/online-resources> (дата обращения: 16.02.2022).

⁵ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации и ликвидирована.

- Плампер Я. История эмоций. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 568 с.
- Устав полка // Бессмертный полк : [офиц. сайт]. URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата обращения: 15.02.2022).
- Хириш М. Поколение постпамяти : Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое изд-во, 2021. 428 с.
- Хлевнюк Д. Бернард Гизен. Триумф и травма // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 112–117.
- Assmann J. Communicative and Cultural Memory in Cultural Memory Studies // *An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll and A. Nünning. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2008. P. 109–118.
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British J. of Sociology*. 2003. Vol. 54 (1). P. 63–81.
- Berger T. War, Guilt, and World Politics after World War II. Cambridge, MA : Cambridge Univ. Press, 2012. 259 p.
- Cento Bull A., Hansen H. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9 (4). P. 390–404. DOI 10.1177/1750698015615935.
- Coakley J. Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10, № 4. P. 531–560. DOI 10.1080/13537110490900340.
- David L. The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights. Cambridge, MA : Cambridge Univ. Press, 2020. 243 p.
- Fedor J. Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the "Immortal Regiment" Movement (Chapter 11) // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko ; foreword by A. Etkind. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. P. 307–345.
- Importance of European Remembrance for the Future of Europe. 19 September 2019 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 15.02.2022).
- Kurilla I. Understanding the Immortal Regiment: Memory Dualism in a Social Movement // *Europe-Asia Studies*. 2023. Vol. 75, № 3. P. 1–20. DOI 10.1080/09668136.2023.2197179.
- Levy D., Sznajder N. Memory Unbound : The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *Europ. J. of Social Theory*. 2002. Vol. 5, № 1. P. 87–106. DOI 10.1177/1368431002005001002.
- McConnell T. Memory Abuse, Violence and the Dissolution of Yugoslavia: Theoretical Framework for Understanding Memory in Conflict // *Innovation: The Europ. J. of Social Science Research*. 2018. Vol. 32, № 3. P. 1–13. DOI 10.1080/13511610.2018.1508334.
- Olick J. Introduction: Memory and the Nation: Continuities, Conflicts, and Transformations // *Social Science History*. 1998. Vol. 22, № 4. P. 377–387. DOI 10.2307/1171569.
- Siddi M. The Ukraine Crisis and European Memory Politics of the Second World War // *Europ. Politics and Society*. 2017. Vol. 18, № 4. P. 465–479. DOI 10.1080/23745118.2016.1261435.
- Todorov Tz. Memory as Remedy for Evil // *J. of Intern. Criminal Justice*. 2009. Vol. 7, № 3. P. 447–462. DOI 10.1093/jicj/mqp017.
- Zombory M. The Birth of the Memory of Communism: Memorial Museums in Europe // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, № 2. P. 1–19. DOI 10.1080/00905992.2017.1339680.
- Zubrzycki G. History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology // *Qualitative Sociology*. 2011. Vol. 34, № 1. P. 21–57. DOI 10.1007/s11133-010-9184-7.

References

- Assmann, J. (2008). Communicative and Cultural Memory in Cultural Memory Studies. In Erll, A., Nünning, A. (Eds.). *An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, N. Y., Walter de Gruyter, pp. 109–118.
- Bell, D. (2003). Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. In *British J. of Sociology*. Vol. 54. No. 1, pp. 63–81.

Berger, T. (2012). *War, Guilt, and World Politics after World War II*. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press. 259 p.

Cento Bull, A., Hansen, H. (2016). On Agonistic Memory. In *Memory Studies*. Vol. 9. No. 4, pp. 390–404. DOI 10.1177/1750698015615935.

Coakley, J. (2004). Mobilizing the Past: Nationalist Images of History. In *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 10. No. 4, pp. 531–560. DOI 10.1080/13537110490900340.

David, L. (2020). *The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights*. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press. 243 p.

Fedor, J. (2017). Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the “Immortal Regiment” Movement (Chapter 11). In Fedor, J., Kangaspuro, M., Lassila, J., Zhurzhenko, T. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / foreword by A. Etkind. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 307–345.

Hirsch, M. (2021). *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 428 p.

Importance of European Remembrance for the Future of Europe. 19 September. (2019). In *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 15.02.2022).

Informatsionnyi servis “Pamyat' naroda” [The *Memory of the People* Information Service]. In *Ministerstvo oborony Rossiiskoi Federatsii* [official website]. URL: https://mil.ru/commemoration/memorial/pamyat_naroda.htm (accessed: 15.02.2022).

Ivanushkin, G. (2016). Fond “Protyani ruku” otkryl bazu dannykh repressirovannykh v SSSR [The *Give a Hand* Foundation Opened a Database of Those Repressed in the USSR]. In *Agentstvo sotsial'noi informatsii* [website]. May 4. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2016/05/04/126007/> (accessed: 11.03.2022).

Khlevnyuk, D. (2010). Bernard Gizen. Triumf i travma [Bernard Giesen. Triumph and Trauma]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 9. No. 2, pp. 112–117.

Kurilla, I. (2023). Understanding the Immortal Regiment: Memory Dualism in a Social Movement. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 75. No. 3, pp. 1–20. DOI 10.1080/09668136.2023.2197179.

Kurilla, I. (2022). *Bitva za proshloe: kak politika menyaet istoriyu* [Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow, Al'pina Publisher. 232 p.

Kurilova, A. (2017). V “Memoriale”⁶ naschitali 3 mln repressirovannykh [3 Million Repressed Counted in *Memorial*]. In *Kommersant.ru* [website]. Dec. 6. URL: <https://www.google.com/amp/s/www.kommersant.ru/amp/3488108> (accessed: 15.02.2022).

Levy, D., Sznajder, N. (2002). Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. In *Europ. J. of Social Theory*. Vol. 5. No. 1, pp. 87–106. DOI 10.1177/1368431002005001002.

Lushnikov, D. A. (2018). Degumanizatsiya i demonizatsiya kak mekhanizmy formirovaniya obraza vraga v kampaniyakh po negativnomu informatsionnomu vozdeistviyu [Dehumanization and Demonization as Mechanisms of Forming the Image of the Enemy in Campaigns on Negative Information Impact]. In *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. No. 5 (70), pp. 116–122.

McConnell, T. (2018). Memory Abuse, Violence and the Dissolution of Yugoslavia: Theoretical Framework for Understanding Memory in Conflict. In *Innovation: The Europ. J. of Social Science Research*. Vol. 32. No. 3, pp. 1–13. DOI 10.1080/13511610.2018.1508334.

O proekte “Podvig naroda” [About the *Feat of the People* Project]. (N. d.). In *Podvig naroda. 1941–1945* [website]. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navAbout> (accessed: 15.02.2022).

O proekte [About the Project]. (N. d.). In *Bessmertnyi barak* [website]. URL: <https://bessmertnybarak.ru/about/> (accessed: 15.02.2022a).

⁶ Организация признана иностранным агентом на территории Российской Федерации и ликвидирована.

O proekte [About the Project]. (N. d.). In *OBD-Memorial* [website]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (accessed: 15.02.2022b).

Olick, J. (1998). Introduction: Memory and the Nation: Continuities, Conflicts, and Transformations. In *Social Science History*. Vol. 22. No. 4, pp. 377–387. DOI 10.2307/1171569.

Onlain-resursy Tsentra dokumentatsii [Documentation Centre Online Resources]. (N. d.). In *Muzei istorii GULAGa* [website]. URL: <https://gmig.ru/visitors/document-center/online-resources> (accessed: 16.02.2022).

Plamper, J. (2018). *Istoriya emotsii* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.

Siddi, M. (2017). The Ukraine Crisis and European Memory Politics of the Second World War. In *European Politics and Society*. Vol. 18. No. 4, pp. 465–479. DOI 10.1080/23745118.2016.1261435.

Todorov, Tz. (2009). Memory as Remedy for Evil. In *J. of Intern. Criminal Justice*. Vol. 7. No. 3, pp. 447–462. DOI 10.1093/jicj/mqp017.

Ustav polka [Charter of the Regiment]. (N. d.). In *Bessmertnyj polk* [website]. URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (accessed: 15.02.2022).

Zombory, M. (2017). The Birth of the Memory of Communism: Memorial Museums in Europe. In *Nationalities Papers*. Vol. 45. No. 2, pp. 1–19. DOI 10.1080/00905992.2017.1339680.

Zubrzycki, G. (2011). History and the National Sensorium: Making Sense of Polish Mythology. In *Qualitative Sociology*. Vol. 34. No. 1, pp. 21–57. DOI 10.1007/s11133-010-9184-7.

The article was submitted on 16.11.2022

**Архивы умолчаний:
локализация и интерпретация лакун
в фольклорном архиве***

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Paralipsis Archives:
Ways of Localisation and Interpretation
of Gaps in a Folklore Archive****

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the problem of the paralipsis of a folklore archive with reference to materials stored at Ural Federal University. The author hypothesises that folklore archives can be studied not only through access to the collections kept in them but also through paralipsis/lacunae that appear in them. In the Russian and European traditions, the very principle of collecting material determines the appearance of gaps in folklore archives. The researcher interviews the informant in accordance with their mental map, which inevitably leads to the loss of part of the material, especially in situations where the “context of the situation” is not fixed. The author analyses archival texts collected in the village of Gary, Sverdlovsk Region, in 1977. Gaps and omissions were identified during the digitalisation of the Ural Federal University folklore archive collection. The article describes the method of keywords, which made it possible to partially localise gaps. Also, the description of the texts of the archive through keywords helped identify lacunae of a genre, thematic, and contextual character never studied previously. The last part of the article mainly focuses on describing and interpreting gaps that appeared due to the lack of context.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Khoruzhenko, T. (2023). Paralipsis Archives: Ways of Localisation and Interpretation of Gaps in a Folklore Archive. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849.

Цитирование: Khoruzhenko T. Paralipsis Archives: Ways of Localisation and Interpretation of Gaps in a Folklore Archive // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849 / Хоруженко Т. Архивы умолчаний: локализация и интерпретация лакун в фольклорном архиве // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1313–1325. DOI 10.15826/qr.2023.4.849.

The article puts forward several hypotheses that make it possible to interpret some of the gaps identified. The author also attempts to restore the research context in which the material was collected, for which she employs methodological recommendations formulated by V. P. Kruglyashova, the academic leader of the folklore expedition. Part of the interpretation of the gaps relies on the comparison of her recommendations with their implementation in practice with reference to the Gary collection. From the methodological point of view, the article can be of use to everyone working on the problems of the digitalisation of cultural heritage.

Keywords: folklore archive, digitalisation, gap, context, database

Исследуется проблема лакуарности фольклорного архива на примере коллекций, хранящихся в Уральском федеральном университете. Выдвигается гипотеза о том, что фольклорные архивы могут изучаться не только через обращение к хранящимся в них коллекциям, но и через возникающие в них умолчания (лакуны). В отечественной и европейской традиции уже сам принцип сбора материала во многом предопределяет появление в фольклорных архивах лакун. Исследователь опрашивает информанта в соответствии со своей ментальной картой, что неизбежно ведет к утрате части материала, особенно в ситуациях, когда не фиксируется полевой контекст. Материалом для анализа послужили архивные тексты, собранные в поселке Гари Свердловской обл. (1977). Примеры лакун и умолчаний выявлены в ходе цифровизации фольклорного архива УрФУ. При описании текстов архива через ключевые слова были выявлены лакуны жанрового, тематического и контекстуального характера, ранее не исследованные. Основное внимание последней части статьи сфокусировано на описании и интерпретации лакун, возникших из-за недостатка контекста. Формулируется несколько гипотез, позволяющих интерпретировать некоторые из обозначенных лакун. Также делается попытка восстановить научно-исследовательский контекст, в котором происходил сбор исследуемого материала, для чего привлекаются методические рекомендации, сформулированные научным руководителем фольклорной экспедиции В. П. Кругляшовой. Часть интерпретации лакун основана на сопоставлении ее рекомендаций с их выполнением на практике на примере коллекции Гаринского района Свердловской обл.

Ключевые слова: фольклорный архив, цифровизация, лакуна, контекст, база данных

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались новым интересом к изучению и осмыслению прошлого, запечатленного в документах. При этом фокус интереса во многом сместился в сторону эго-документов и личностного восприятия истории. В результате роль архивов возросла настолько, что историк П. Нора смог иронизировать об «одержимости архивами». Он отмечал: «Сегодня, когда историки подавлены культом документов, все общество проповедует религию сохранения и производства архивов» [Нора, с. 29].

Исследователь памяти А. Ассман использует следующую метафо-

ру для описания архивирования: «Архивные материалы находятся как бы в чистилище между адом забвения и раем памятования. Они существуют в состоянии латентности, ожидания, межвременья; они ждут специалистов, журналистов, писателей, которые занимаются поиском, делают находки и превращают эти находки в достояние общественности. Это происходит за счет попадания находки в новый контекст, который нагружает ее новым смыслом. Не только писатели, художники, но и гуманитарные науки в целом занимаются актуализацией архивных материалов» [Ассман, с. 37–38].

Наблюдения, сделанные над историческими архивами, частично справедливы и для другого типа архивов – архивов фольклорных. Изменение исследовательского контекста и технологический прогресс ставят перед специалистами новые проблемы и задачи, что, в свою очередь, ведет к пересмотру и переоценке уже имеющихся фольклорных материалов и теоретических подходов к ним [см. об этом: Panchenko]. Одной из актуальных задач как для отечественных, так и для зарубежных ученых является перенос ранее собранных коллекций в цифровую среду. Одновременно в пространстве Интернета формируются новые архивы и коллекции, касающиеся сохранения индивидуальной памяти [Лапина-Кратасюк, Рублева; Петров].

Цифровизация архивов приводит к возникновению вопросов как сугубо технологического плана (перенос материалов из одной формы бытования в другую), так и эпистемиологического [Грамотчикова, Хоруженко]. К таковым относятся методология записи материалов в предшествующие десятилетия, изменение восприятия ряда тем, изменение взаимоотношений в тандеме «собиратель – информант».

Целью статьи является анализ лакун, выявленных при переводе фольклорного архива УрФУ в цифровой вид. В процессе внесения материалов в базу данных встал вопрос о том, насколько полны и объективны те записи, с которыми мы работаем, какие факторы повлияли на форму и содержание записей.

В процессе работы сложилась *гипотеза*, что фольклорные архивы можно изучать не только как сборники некоей информации, но и как своего рода проекцию взглядов и предпочтений того исследователя, который руководил формированием коллекции. В таком случае значимыми становятся не только наличествующие материалы, но и умолчания (отсутствие явно существовавшего материала), и лакуны² (утрата контекста или ряда тем).

Важно уточнить специфику фольклорных архивов. В отличие от исторических источников, материалы фольклорного архива очень сложно верифицировать. Чаще всего у исследователей уже нет воз-

² Под лакунами обычно понимают «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры в целом, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении» [Марковина, с. 59]. Можно расширить это определение, подчеркнув, что лакунарность может возникать и внутри одной культурной традиции при недостаточно четкой ее фиксации.

возможности повторно опросить информанта, нельзя установить факт с помощью перекрестных ссылок и опоры на иные документы (хроники, воспоминания современников, дневники). Фольклорный текст существует как бы сам в себе, и в том случае, если собиратель не зафиксировал контекст записи (не записал беседу на диктофон или магнитофон), исследователи вынуждены работать только с имеющимся расшифрованным текстом [Sava, p. 7; Wolf-Knuts, p. 116]. Оцифровка фольклорных архивов позволяет частично восстановить локальный и темпоральный контекст, в котором сами отсутствующие позиции, умолчания и эвфемизмы могут стать материалом для исследования.

Субъективизм сбора и организации фольклорного материала

Субъективизм при формировании фольклорных коллекций был заложен еще в XIX в. одновременно с накоплением материала. Собиратели достаточно произвольно опрашивали своих собеседников, опираясь или на свой интерес, или на анкеты, рассылавшиеся Русским географическим обществом.

Приведем пример из «Заметки собирателя» П. Н. Рыбникова, в которой он описывает опыт сбора песен и былин в 1860–1862 гг. и рассказывает о взаимодействии с певцом: «В тот же вечер Рябинин (информант. – Т. Х.) пропел мне о Иванушке Гоудиновиче, боярине Ставре, Садке и Михайле Потыке. В следующие дни он приходил ко мне по вечерам без зова и сам вызывался рассказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называл ему богатырские имена, какие знал, иногда рассказывал вкратце подвиги богатыря, а Рябинин тут же припоминал былинку или же предлагал вместо нее спеть другую» [Рыбников, с. LXXVI–LXXVII].

П. Н. Рыбников описывает частую практику сбора материала – собиратель опрашивает информанта по тому материалу, что знает сам. Уже сама постановка вопроса задает некоторый субъективизм при отборе материала. Если речь идет об авторской коллекции, то субъективизм объясним, более того, он будет отражен в названии коллекции. Однако аналогичный подход характерен и, например, для университетских коллекций фольклора. С. Б. Адоньева, рассуждая о сборе полевых материалов, отмечает: «Отправляясь в экспедицию, исследователи обычно исходят из имеющейся у них на руках на тот момент “ментальной карты”. У них есть определенные ожидания и установки, явно проговариваемые или предписанные той ролью, которая отведена им научным заданием “командирующей стороны”: я (субъект) исследую определенный предмет (объект)» [Адоньева, 2018, с. 159].

Проблемы при таком отборе материала становятся достаточно острыми в случае разрыва научной преемственности: невозможность расспросить тех, кто формировал фонды, ведет к неизбежному переосмыслению имеющихся материалов. Например, фольклорный архив УрФУ формировался с 1950-х гг., при этом доминирующей была уста-

новка на сбор несказочной прозы и рабочего фольклора, что отразилось и в выборе населенных пунктов для проведения экспедиций – в приоритете были индустриальные центры Урала.

Принципы систематизации фольклорных архивов

Накопление материала требует его упорядочивания и систематизации. Систематизация фольклорных текстов с XIX в. носила территориальный и (или) внутрижанровый характер. В настоящее время эти два подхода к структурированию – жанровый и географический – применяются в большинстве европейских, российских и американских архивов [см.: Georgitis; Ekström; Березкин, Дувакин; Кляус].

Этот же принцип сохраняется и при цифровизации архивов. Примером тому может служить один из первых цифровых фольклорных архивов – Эстонский фольклорный архив (Eesti Rahvaluule Arhiiv). Информация на сайте архива представлена двумя способами: это списочные данные о местах записи, собирателях и информантах, о фото- и видеоматериалах и записи фольклора по жанровым коллекциям. На данный момент работа в архиве направлена на то, чтобы скоординировать между собой имеющиеся разнообразные базы данных и поиски по ним [Ilyefalvi, p. 221; Järv]. Проблема координации имеющихся фольклорных материалов актуальна и для российских фольклорных архивов [Галлямов, Орехов, с. 140].

Самой первой попыткой универсальной надтекстовой систематизации можно считать выделение «простейших повествовательных единиц» [Веселовский, с. 300], то есть мотивов. Б. Путилов считает мотивы «устойчивыми семантическими единицами» [Путилов, с. 180]. При этом отчетливость выделения мотивов невысока, что ведет к необходимости постоянной дополнительной конкретизации (алломотивы, мотивемы и др.), а само выделение мотива во многом зависит от эрудированности самого интерпретатора [Неклюдов].

По сей день чаще всего при систематизации и категоризации фольклорных текстов применяется именно жанровый принцип, что ведет к чрезвычайному расширению сетки жанров [см.: Марковская] и к тому, что каждый жанр описывается по своим собственным критериям. Так, для сказок важны персонажи, но они утрачивают релевантность для лирических песен [Галлямов, Орехов, с. 147–148].

Решить проблему наджанровой систематизации архивных материалов, с нашей точки зрения, могут ключевые слова.

Систематизации фольклорного архива через ключевые слова

Выделение ключевых слов представляет собой отдельный теоретический вопрос [Мороз; Галлямов, Орехов]. Чаще всего ключевые слова предлагают использовать для передачи или описания «категорий традиционной культуры» [Мороз]. По нашему мнению, с помощью ключевых слов должно передаваться содержание текста, а не анали-

тическая информация. Задача ключевых слов – создать смысловую сеть поверх жанровых границ текстов. Таким образом, пользователь базы данных сможет найти все тексты, например, о камнях – не только в жанре предания, но и в песнях, сказках и загадках.

За основу для создания корпуса ключевых слов нами были взяты словари научного коллектива (рук. – проф. Л. Г. Бабенко), описывающие семантическое поле русского языка [Бабенко]. Мы сознательно отошли от более специализированных, ориентированных на традиционную культуру категорий, чтобы сделать наше описание аналитически непредвзятым, нейтральным. Между тем, на практике каждый исследователь выделяет свой набор ключевых слов в тексте в зависимости от компетенций интерпретатора.

Метод выделения ключевых слов, не будучи идеальным, позволяет, тем не менее, сделать описание фольклорного текста максимально нейтральным, когда содержание текста передается практически без интерпретаций, и исследователь может увидеть интересующую его проблему комплексно. Например, если выбрать ключевое слово «смерть человека» в жанре охотничьих рассказов, то можно получить набор текстов, повествующих о разнообразных случаях гибели на охоте. Подобный корпус текстов может установить, как к смерти человека относятся, как о ней рассказывают, какая смерть более почетна и т. д.

Лакуны в фольклорном архиве и способы их интерпретации

Работа с ключевыми словами раскрыла перед нами новые горизонты в исследовании коллекций. Прежние методики анализа фольклорных текстов всегда ориентировались на то, как материал представлен в фольклорном архиве. Разнообразные руководства по фольклорным практикам и методические рекомендации советуют студентам ориентироваться на определенную жанрово-аналитическую схему [Савушкина; Камлюк-Ярошенко; Урсегова]. Но при системном внесении текстов в базу становится очевидным не только то, что в ней есть, но и то, чего в ней нет. Обнаруженные как в жанровом, так и в тематическом составе лакуны ставят перед исследователем ряд вопросов и позволяют сформулировать некоторые наблюдения и гипотезы.

Можно выделить несколько групп лакун, обусловленных разными факторами. Во-первых, лакуны, возникающие при переводе текстов с одного языка на другой (например, с айнского на русский [Осипова]). Однако для нашего исследования подобные лакуны нерелевантны. Во-вторых, географические лакуны, то есть необследованные территории внутри региона. Для выявления таких лакун применяется метод картографирования местности [Чистов]. Причины, по которым та или иная местность не попала в поле зрения фольклористов, могут быть самыми разными. Можно предположить, что наиболее распространенных причин две – либо доступ к этой местности за-

труднен физически, либо это местность, в которую участники экспедиции не приехали или приехать не успели по каким-либо субъективным соображениям ее руководителя.

Третий тип лакун, обнаруженный при цифровизации фольклорного архива, – лакуны темпоральные. При системной работе с архивом можно заметить, что есть годы, в которые было больше выездов, и есть те, в которые выезды не проводились.

И наконец, наибольшую группу, выявленную нами, составили лакуны, связанные с отсутствием контекста записи, исполнения, исследовательской установки. Подобные лакуны, с одной стороны, порождают ряд вопросов, ответить на которые часто невозможно, а, с другой – ряд гипотез, позволяющих смоделировать причины появления данных лакун и их возможное (но не верифицируемое) объяснение.

Исследования, связанные с контекстом, активно развиваются с 1967 г., когда фольклорист Дэн Бен-Амос предложил изменить подход к фольклористике: «То, что раньше рассматривалось как *социальный контекст* (по терминологии Бэскома) или *контекст ситуации* (по терминологии Малиновского), вторичный по отношению к *тексту*, выдвигалось Бен-Амосом и его последователями на первый план, в то время как записи фольклорных произведений, осуществленные без учета контекста, фактически объявлялись бесполезными для фольклористики» [цит по: Алексеевский, с. 44–45].

Нельзя сказать, что советская фольклористика совершенно не интересовалась контекстом записываемого фольклорного произведения, но акцент в ней ставился преимущественно на отражении исторической действительности [Там же, с. 47]. На частном уровне это стремление восполнить исторический контекст иногда приводит к комичным последствиям. Так, в исследуемой Гаринской коллекции (записи из пос. Гари, сделанные в 1977 г.) может быть указан социальный статус информанта, но не указан возраст.

Иногда «контекст ситуации» в записях 1977 г. можно восстановить из рассказа информанта. Например, женщина вспоминает о своем детстве и о своей жизни. Приписка собирателя «Вспоминала с волнением. Когда рассказывала – торопилась» выглядит логичной. Или аналогичное указание на контекст («Вспоминает с затаенной грустью, с блеском в глазах») при рассказе о свадебных традициях также не вызывает удивления. Но достаточно часто в наших записях встречаются ремарки «Рассказано у столовой», «Рассказал у магазина» и пр. При этом остается только догадываться, почему собеседник студентов-практикантов именно в этом месте решил рассказать им про встречу с медведем.

Современные методы записи фольклорных материалов частично решают проблему нехватки контекста. В частности, сегодня речь идет о «фиксации фольклорных явлений (собственно фольклорных произведений, их многочисленных контекстов: коммуникативного, бытового, обрядового и др.), возникающих непосредственно в процессе поисково-собирательской работы фольклориста в среде носите-

лей традиции» [Вовчак, с. 322]. Следует отметить, что в методических рекомендациях периода 1970-х гг. тоже есть требование фиксировать контекст, в котором бытует устный текст. В частности, такие методические рекомендации давала В. П. Кругляшова, создательница фольклорного архива УрГУ (УрФУ): «Весьма важно фиксировать обстановку, в которой происходит рассказывание, а также возгласы, реплики, комментарии слушателей. Запись текста обрастает важными деталями, становится этнографо-фольклористической, способствует выяснению функции предания в его активном бытовании» [Кругляшова, с. 23]. При этом собирателю рекомендуется полно и точно записать именно фольклорный текст, речи о записи беседы, предшествовавшей рассказу, не идет [Там же, с. 14], хотя рекомендуется сперва расспросить информанта о его биографии [Там же, с. 17].

На основе выявленных контекстных лакун нами сформулировано несколько предположений, позволяющих интерпретировать встретившиеся лакуны в оцифрованной коллекции. Лакуны в жанровом составе, по всей видимости, возникают в двух случаях: с одной стороны, может идти речь об определенной исследовательской установке, с другой – об отношении информантов к определенному жанру. Н. Б. Граматчикова отмечает, анализируя одну из коллекций фольклорного архива УрГУ (УрФУ): «Методологическая рефлексия в отношении представленных в архиве материалов обнаруживает влияние на характер и объем записываемых материалов со стороны каждого участника экспедиционного процесса: свой вклад вносили научно-методические установки руководителей практики – представителей кафедры фольклора УрГУ, личные качества студента-собирающего и степень (само)цензурирования со стороны информанта» [Граматчикова, с. 219].

Именно установкой информантов можно объяснить преобладание в ряде коллекций песенного и частушечного материала при сравнительно низком количестве сказок и несказочной прозы. Информанты, по всей видимости, воспринимают песни и частушки как «безопасный» материал, который можно предоставить приехавшим на практику молодым студентам.

Гипотезу об исследовательских интересах руководителя практики поддерживает анализируемая нами Гаринская коллекция, в которой интересы В. П. Кругляшовой к несказочной прозе проявились очевидно [Кругляшова, с. 14–15]. Установками главы кафедры можно объяснить и отсутствие в материалах анекдотов. Устные свидетельства людей, сотрудничавших с В. П. Кругляшовой, подтверждают, что она крайне негативно относилась к анекдоту как к фольклорному жанру.

Если говорить о тематических лакунах, обнаруженных нами в процессе оцифровки фольклорного архива, то можно выделить несколько глобальных фигур умолчания. Две самые крупные – отсутствие текстов о родильно-крестильном и похоронном обрядах (при этом тексты о свадьбах присутствуют); отсутствие «телесных» текстов, связанных с физиологической и половой жизнью человека. На наш

взгляд, эти лакуны можно объяснить составом участников экспедиции и их возрастом. Данная гипотеза подтверждается наблюдениями над прагматикой фольклорного текста: «Пол, возраст и социальный статус оказывались факторами, определяющими распределение фольклорного материала с учетом определенной социальной модальности» [Адоньева, 2004, с. 18]. В экспедиции 1977 г. опросы проводили молодые люди и незамужние (скорее всего) девушки. Возраст информантов же в среднем превышал 75 лет. Можно предположить, что пожилые люди не считали для себя возможным рассказывать о родах, похоронах и сексе молодым собеседникам, но охотно делились мистическими историями из жизни.

Третьей лакуной, обнаружившейся при внесении текстов в базу, стали особенности отражения внутреннего мира человека. Основной состав коллекции – несказочная проза, но информанты практически не рефлексируют о чувствах героев рассказа. При этом рефлексия о ценности информации («Это все старики рассказывали», «Я в это не верю, не знаю, так или нет») присутствует. Можно предположить, что отсутствие описаний эмоций связано с изначальной установкой информантов на то, что люди в сходных ситуациях чувствуют примерно одинаково. То есть, рассказывая страшную историю, информант предполагает, что все понимают/разделяют чувства героя, поэтому акцентирует внимание как раз на чем-то неожиданном (например, на смелости героини, а не на ее испуге). Добавим, что именно эта лакуна больше всего связана с утратой контекста вокруг записи фольклорного текста. Возможно, предшествующий разговор как раз касался эмоций, а текст, попавший в итоговую запись, был своего рода иллюстрацией. Не исключено также, что информант мог мимикой и жестами передать эмоции, а невербальные знаки практически никогда не включаются в запись.

В данной коллекции религиозная сфера лакуной не является. Наоборот, информанты достаточно свободно говорят о чуде, произведенном иконой, о том, как справляли религиозные праздники, и т. д. В нескольких текстах упоминаются крестные знамения и молитвы как обязательные к исполнению. Можно предположить, что самооценочные границы информантов лежали не в тех плоскостях, которых мог бы ожидать исследователь XXI в.

Локализация лакун и попытки их интерпретации позволяют по-новому взглянуть на фольклорные материалы, перенести акцент с изучения жанров на реконструкцию контекста вокруг. Фольклорный архив, таким образом, может рассматриваться не только как место хранения материалов, записанных в разные годы, но и как место хранения исторической памяти как таковой. Через систему умолчаний и, наоборот, «проговорок» можно частично восстановить контекст эпохи, мировоззрение исследователей и их собеседников.

Библиографические ссылки

- Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Амфора, 2004. 312 с.
- Адоньева С. Б. Опыт «поля» в дневниках исследователей Русского Севера: записи Натальи Павловны Колпаковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 11. К юбилею В. И. Ереминой. СПб. : Свое изд-во, 2018. С. 158–187.
- Алексеевский М. Н. Фольклористика между текстом и контекстом // Вестн. РГГУ. 2011. № 9 (71). С. 42–58.
- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
- Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47. DOI 10.24224/2227–1295–2020–9–9–47.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитич. кат. // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 18.05.2023).
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 404 с.
- Вовчак А. Некоторые вопросы электронного архивирования фольклорных полевых материалов // Tradicija ir dabartis. 2017. № 12. С. 317–332. DOI 10.15181/tid.v12i0.1554.
- Галлямов А. А., Орехов Б. В. Об электронном научном издании «Фольклорный архив Башкирского государственного университета» // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 12. С. 140–149.
- Грамотчикова Н. Б. Меморативный ландшафт малого уральского города в материалах фольклорного архива (Касли, 1970–1980 гг.) // Журн. фронтирных исслед. 2023. № 2. С. 214–236. DOI 10.46539/jfs.v8i2.419.
- Грамотчикова Н., Хоруженко Т. Фольклорный архив на бумаге и в Интернете: проблемы цифровизации // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766.
- Камлюк-Ярошенко Л. В. Фольклорная практика : пособие. Гродно : ГрГУ, 2008. 69 с.
- Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М. : Наследие, 1997. 462 с.
- Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Свердловск : УрГУ, 1976. С. 3–23.
- Латина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги = Steps. 2018. Т. 4, № 3–4. С. 147–165. DOI 10.22394/2412–9410–2018–4–3–147–165.
- Марковина И. Ю. Метод установления лакун в исследованиях этнопсихолингвистической специфики культур // Вопр. психолингвистики. 2004. № 2. С. 58–64.
- Марковская Е. В. Классификация жанров фольклора русского и финно-угорских народов в базе данных фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.
- Мороз А. Фольклорный архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета // Проект «Растко» : [сайт]. 2008. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (дата обращения: 18.05.2023).
- Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика : К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 236–247.
- Нора П. Проблема места памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Осипова М. В. Об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов (на материале айнского фольклора) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 78–82.

- Петров Н. В. Цифровые архивы частной памяти // Шаги = Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 29–56. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7-1-29–56.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 238 с.
- Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. / под ред. А. Е. Грузинского. М. : Сотрудник школ, 1909. Т. 1. С. LX–CII.
- Савушкина Н. И. О собирании фольклора : учеб. пособие для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 62 с.
- Урсегова Н. А. Методика организации фольклорной экспедиции : учеб.-метод. пособие для студентов ссузов культуры и иск-в. Новосибирск : [Б. и.], 2014. 60 с.
- Чистов К. В. Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / под ред. С. И. Брук. Л. : Наука, 1974. С. 69–84.
- Ekström S. From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound // J. of Current Cultural Research. 2020. Vol. 12, № 1. P. 116–140. DOI 10.3384/cu.2000.1525.2020v12a07.
- Georgitis N. A. Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon // J. of Folklore Research. 2015. Vol. 52, № 1. P. 85–98. DOI 10.2979/jfolkrese.52.1.85.
- Ilyefalvi E. The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics // Acta Ethnographica Hungarica. 2018. Vol. 63, № 1. P. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.
- Järv R. Estonian Folklore Archives // Oral Tradition. 2013. Vol. 28, № 2. P. 291–298. DOI 10.1353/ort.2013.0022.
- Panchenko A. Inspirational Insights: ‘Ecosystems’ and ‘Mind Viruses’ in Folklore Research: Does Folkloristics Need Memetics? // J. of Ethnology and Folkloristics. 2023. Vol. 17, № 1. P. 1–16. DOI 10.2478/jef-2023–0001.
- Sava E. Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology // Revista De Etnografie Şi Folclor. J. of Ethnography and Folklore. 2017. № 1–2. P. 1–18. DOI 10.24193/subbphil.2019.2.22.
- Wolf-Knuts U. What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore // Folklore. 2020. Vol. 131, № 2. P. 115–134. DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

References

- Adon’eva, S. B. (2004). *Pragmatika fol’klora* [Pragmatics of Folklore]. St Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Amfora. 312 p.
- Adon’eva, S. B. (2018). Opyt “polya” v dnevnikakh issledovatelei Russkogo Severa: zapisi Natal’i Pavlovny Kolpakovoi [Experience of the “Field” in the Diaries of Explorers of the Russian North: Notes by Natalia Pavlovna Kolpakova]. In *Iz istorii russkoi fol’kloristiki*. Iss. 11. K yubileyu Valerii Igorevny Ereminoi. St Petersburg, Svoe izdatel’stvo, pp. 158–187.
- Alekseevskii, M. N. (2011). Fol’kloristika mezhdru tekstem i kontekstom [Folklore Studies between Text and Context]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. No. 9 (71), pp. 42–58.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost’ istoriei* [Oblivion of History – Obsession with History] / transl. by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p.
- Babenko, L. G. (2020). Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations]. In *Nauchnyi dialog*. No. 9, pp. 9–47. DOI 10.24224/2227–1295–2020–9–9–47.
- Berezkin, Yu. E., Duvakin, E. N. (N. d.). Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol’klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Area. Analytical

Catalogue]. In *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [website]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: 18.05.2023).

Chistov, K. V. (1974). Problemy kartografirovaniya obryadov i obryadovogo fol'klora. Svadebnyi obryad [Problems of Mapping Rites and Ritual Folklore. Wedding Ceremony]. In Bruk, S. I. (Ed.). *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii*. Leningrad, Nauka, pp. 69–84.

Ekström, S. (2020). From Excerpt to Cosplay. Paths of Knowledge in the Nordic Museum Archive. Culture Unbound. In *J. of Current Cultural Research*. Vol. 12. No. 1, pp. 116–140. DOI 10.3384/cu.2000.1525.2020v12a07.

Gallyamov, A. A., Orekhov, B. V. (2016). Ob elektronnom nauchnom izdании “Fol’klornykh arkhiv Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta” [About Folklore Archive of Bashkir State University, an Electronic Scholarly Publication]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 12, pp. 140–149.

Georgitis, N. A. (2015). Case Study in Folklore Archives Management: The Randall V. Mills Archives of Northwest Folklore at the University of Oregon. In *J. of Folklore Research*. Vol. 52. No. 1, pp. 85–98. DOI 10.2979/jfolkrese.52.1.85.

Gramatchikova, N. B. (2023). Memorativnyi landshaft malogo ural'skogo goroda v materialakh fol'klornogo arkhiva (Kasli, 1970–1980 gg.) [Memorial Landscape of a Ural Town in the Materials of a Folklore Archive (Kaslee, 1970–1980)]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 214–236. DOI 10.46539/jfs.v8i2.419.

Gramatchikova, N., Khoruzhenko, T. (2022). Fol'klornykh arkhiv na bumage i v Internetе: problemy tsifrovizatsii [A Folklore Archive Offline and Online: Digitisation Problems]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 5, pp. 1868–1883. DOI 10.15826/qr.2022.5.766.

Ilyefalvi, E. (2018). The Theoretical, Methodological and Technical Issues of Digital Folklore Databases and Computational Folkloristics. In *Acta Ethnographica Hungarica*. Vol. 63. No. 1, pp. 209–258. DOI 10.1556/022.2018.63.1.11.

Järv, R. (2013). Estonian Folklore Archives. In *Oral Tradition*. Vol. 28. No. 2, pp. 291–298. DOI 10.1353/ort.2013.0022.

Kamlyuk-Yaroshenko, L. V. (2008). *Fol'klornaya praktika. Posobie* [Folklore Practice. A Manual]. Grodno, Grodnenskiy gosudarstvennyi universitet. 69 p.

Klyaus, V. L. (1997). *Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsii zagovornyykh tekстов vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Index of Plots and Plot Situations of Incantatory Texts of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Nasledie. 462 p.

Kruglyashova, V. P. (1976). K istorii i metodike sobiraniya predanii [On the History and Methods of Collecting Oral Narratives]. In *Fol'klor Urala*. Sverdlovsk. Ural'skiy gosudarstvennyi universitet, pp. 3–23.

Lapina-Kratasyuk, E. G., Rubleva, M. V. (2018). Proekty sokhraneniya lichnoi pamyati: tsifrovyye arkhivy i kul'tura uchastiya [Projects to Preserve Personal Memories: Digital Archives and Participatory Culture]. In *ShAGI = Steps*. Vol. 4. No. 3–4, pp. 147–165. DOI 10.22394/2412–9410–2018–4–3–147–165.

Markovina, I. Yu. (2004). Metod ustanovleniya lakun v issledovaniyakh etnopsikholingvistikoskoi spetsifiki kul'tur [The Method of Establishing Lacunae in Studies of Ethnopsycholinguistic Specificity of Cultures]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 2, pp. 58–64.

Markovskaya, E. V. (2019). Klassifikatsiya zhanrov fol'klora russkogo i finno-ugorskiykh narodov v baze dannykh fol'klornogo arkhiva IYaLI KarNTs RAN [Classification of Genres of Folklore of the Russian and Finno-Ugric Peoples in the Database of the Folklore Archive of the Institute of Language, Literature, and History of the Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. In *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy*. No. 4, pp. 96–108. DOI 10.15393/j103.art.2019.1401.

Moroz, A. (2008). Fol'klornykh arkhiv laboratorii fol'kloristiki Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Folklore Archive of the Laboratory of Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities]. In *Proekt “Rastko”* [website]. URL: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045> (accessed: 18.05.2023).

Neklyudov, S. Yu. (2004). Motiv and tekst [Motif and Text]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N. I. Tolstogo (1923–1996)*. Moscow, Indrik, pp. 236–247.

Nora, P. (1999). Problematika mest pamyati [Problems of Sites of Memory]. In *Frantsiya-pamyat'*. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17–50.

Osipova, M. V. (2014). Ob osobennostyakh perevoda fol'klornykh tekstov bespis'mennykh narodov (na materiale ainskogo fol'klora) [On the Peculiarities of the Translation of Folklore Texts of Peoples with no Systems of Writing (Based on the Ainu Folklore)]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 78–82.

Panchenko, A. (2023). Inspirational Insights: 'Ecosystems' and 'Mind Viruses' in Folklore Research: Does Folkloristics Need Memetics? In *J. of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 17. No. 1, pp. 1–16. DOI 10.2478/jef-2023–0001.

Petrov, N. V. (2021). Tsifrovye arkhivy chastnoi pamyati [Digital Archives of Private Memory]. In *Shagi = Steps*. Vol. 7. No. 1, pp. 29–56. DOI 10.22394/2412–9410–2021–7–1–29–56.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg, Nauka. 238 p.

Rybnikov P. N. (1909). Zametka sobiratelya [Collector's Note]. In Gruzinskii, A. E. (Ed.). *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym v 3 t.* Moscow, Sotrudnik shkol. Vol. 1, pp. LX–CII.

Sava, E. (2017). Folklore Archives and the Methodological Reconfigurations of Romanian Ethnology. In *Revista De Etnografie Si Folclor. J. of Ethnography and Folklore*. No. 1–2, pp. 1–18. DOI 10.24193/subbphilo.2019.2.22.

Savushkina, N. I. (1974). *O sobiranii fol'klora. Uchebnoe posobie dlya studentov-zaochnikov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [On Collecting Folklore. A Textbook for Correspondence Students of Philological Faculties of State Universities]. Moscow. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 62 p.

Ursegova, N. A. (2014). *Metodika organizatsii fol'klornoj ekspeditsii. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov ssuzov kul'tury i iskusstv* [Methods of Organising a Folklore Expedition: A Teaching Aid for Students of Colleges of Culture and Arts]. Novosibirsk, S. n. 60 p.

Veselovsky, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 404 p.

Vovchak, A. (2017). Nekotorye voprosy elektronnoho arkhivirovaniya fol'klornykh polevykh materialov [Some Questions on the Electronic Archiving of Folklore Field Materials]. In *Tradiciya ir dabartis*. No. 12, pp. 317–332. DOI 10.15181/td.v12i0.1554.

Wolf-Knuts, U. (2020). What Can We Do Today with Old Records of Folk Belief? On the Example of Devil Lore. In *Folklore*. Vol. 131. No. 2, pp. 115–134. DOI 10.1080/0015587X.2020.1733313.

The article was submitted on 12.06.2023

**Историографическая метапроза Юрия Буйды
«Пятое царство»: мистификация исторической
концептуальности***

Татьяна Бреева

Казанский федеральный университет,
Казань, Россия

***The Fifth Kingdom, Yuri Buida's Historiographical Metafiction:
Mystification of Historical Conceptualisation***

Tatiana Breeva

Kazan Federal University,
Kazan, Russia

This article considers the trends that determine the development of Russian historiographical metafiction at the turn of the twenty-first century, examining its inclusion in the context of modern Russian literature. Also, the author reveals the specifics of the conceptualisation of history in historiographical metafiction and its interaction with the tradition of Russian conceptualism and the Western European tradition (U. Eco and P. Ackroyd). The article studies Yu. Buida's *The Fifth Kingdom* as the most representative text that reflects the features of this phenomenon. An analysis of the novel makes it possible to draw a conclusion about the peculiarities of the functioning of the third wave of Russian postmodernism and consider the nature of the deconstruction of the traditional concept of historical knowledge in Russian literature of the turn of the century. The palimpsest in the structure of *The Fifth Kingdom* acts as the chief method of deconstructing the historical narrative and modelling a new concept of historical knowledge as "feeling into history". The author reveals the peculiarities of the functioning of this technique in comparison with the general picture of its use in the literature of the time. The author's appeal to the detective genre strategy consistently profanes the historiosophical approach to constructing the narrative

* Citation: Breeva, T. (2023). *The Fifth Kingdom*, Yuri Buida's Historiographical Metafiction: Mystification of Historical Conceptualisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1326–1337. DOI 10.15826/qr.2023.4.850.

Цитирование: Бреева Т. *The Fifth Kingdom*, Yuri Buida's Historiographical Metafiction: Mystification of Historical Conceptualisation // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1326–1337. DOI 10.15826/qr.2023.4.850 / Бреева Т. Историографическая метапроза Юрия Буйды «Пятое царство»: мистификация исторической концептуальности // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1326–1337. DOI 10.15826/qr.2023.4.850.

of history, thereby exposing the failure of one of the most popular variants of the national episteme. The analysis focuses on the nature of the deconstruction of the concept of the Troubles, the main vectors being the profanation of the mythologemes the Fifth Kingdom and the Pretender, which form the core of the ideologeme of the Troubles, as well as the consistent textualisation of the historical narrative, exposing its ‘corporeal’ nature. The conclusion is made about Yu. Buida’s extensive use of the plot schemes of Western European historiographical prose and the simultaneous development of the traditions of Russian conceptualism. The first aspect is represented by the interaction of historical and detective genre strategies and the assimilation of the historical palimpsest model, which is relevant to P. Ackroyd’s work. In addition, the golemic plot also becomes one of the representations of P. Ackroyd’s ‘trace’. At the same time, the nature of the deconstruction of the concept of the Time of Troubles is built in the tradition of Russian conceptualism and – already – Socialist Art. At the same time, Yu. Buida avoids the predominant profaning of the system of ideological myths, emphasising them as the key markers of the national episteme of history.

Keywords: historiographical metafiction, genre strategy, Russian conceptualism, Yuri Buida, *The Fifth Kingdom*

Рассматриваются тенденции, определяющие развитие русской историографической метапрозы на рубеже XX–XXI вв. Исследуется ее вписанность в контекст современной русской литературы. Выявляются специфика концептуализации истории в историографической метапрозе, ее взаимодействие с традицией русского концептуализма и западноевропейской традицией (У. Эко и П. Акройда). Роман Ю. Буйды «Пятое царство» рассматривается как наиболее репрезентативный текст, отражающий особенности данного феномена. Анализ романа делает возможным сделать вывод о специфике функционирования третьей волны русского постмодернизма и рассмотреть характер деконструкции традиционной концепции исторического познания в русской литературе рубежного времени. Палимпсест в структуре «Пятого царства» выступает как основной прием деконструкции исторического нарратива и моделирования новой концепции исторического познания как «вчувствования в историю». Выявляется специфика функционирования данного приема по сравнению с общей картиной его использования в литературе этого времени. Обращение автора к детективной жанровой стратегии последовательно профанирует историософский подход к конструированию нарратива истории, обнажая тем самым несостоятельность одного из самых востребованных вариантов национальной эпистемы. Рассматривается деконструкция концепта *Смута*, основными векторами становятся профанирование мифологем *Пятое царство* и *Самозванец*, а также последовательная текстуализация исторического нарратива, обнажающая его «телесную» природу. Делается вывод о широком обращении Ю. Буйды к сюжетным схемам западноевропейской историографической прозы и одновременном развитии традиций русского концептуализма. Первый аспект репрезентирован взаимодействием исторической и детективной жанровых стратегий,

а также усвоением модели исторического палимпсеста, актуального для творчества П. Акройда. Помимо этого, големический сюжет также становится одной из репрезентаций «следа» писателя. Характер деконструкции концепта *Смута* оказывается выстроен скорее в традиции русского концептуализма и – уже – соц-арта. Ю. Буйда уходит от преимущественного профанирования системы идеологических мифов, акцентируя их как основные маркеры национальной эпистемы истории.

Ключевые слова: историографическая метапроза, жанровая стратегия, русский концептуализм, Юрий Буйда, «Пятое царство»

Одной из значимых проблем современного литературоведения становится осмысление русского варианта историографической метапрозы. Несмотря на достаточно внушительный ряд исследований, посвященных проблеме концептуализации истории в русской литературе последних десятилетий XX – начала XXI в. [Лобин; Сергеева, Сундукова; Солдаткина], вопрос об описании и дальнейшем осмыслении данного феномена остается открытым. Во многом это связывается со спецификой развития русского постмодернизма, формирование и расцвет которого, как известно, происходят в рамках андеграунда. Следствием этого оказывается его сосредоточенность либо на метарефлексии постмодернистского типа письма, либо на деконструкции советского мифа. Постмодернистский же вариант концептуализации истории, играющий значительную роль в европейской литературе, начинает актуализироваться позднее, на рубеже 1990–2000-х гг., ознаменованных своеобразным переходом русского постмодернизма из контркультурного поля в пространство официальной культуры. В этот момент происходит своеобразная его «перезагрузка» на основе ставшей системно доступной постмодернистской философии и ключевых моделей европейской постмодернистской литературы. Отражением этого становится появление русской историографической прозы, широко представленной в творчестве В. Шарова, в романах В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки», П. Пепперштейна и С. Ануфриева «Мифогенная любовь каст», Л. Юзефовича «Журавли и карлики», Ю. Буйды «Сады Виверны», «Пятое царство» и т. д. Дополнительным фактором, поддерживающим распространение историографической прозы, оказывается почти повсеместный отказ от рефлексии советского мифа в пользу мифа русского.

Ярким отражением тенденций, определивших русский вариант историографической метапрозы, является роман Юрия Буйды «Пятое царство» (2018). Единственным примером осмысления романа остается статья Томаса Чениса, рассматривающего функционирование необарочного компонента в тексте [Ченис].

В своем романе Ю. Буйда обращается к ставшему уже достаточно традиционным в европейской литературе взаимодействию двух жанровых стратегий, детективной и исторической (романы П. Акройда,

У. Эко и др.). При этом жанровая стратегия исторического романа последовательно деконструируется, что отмечалось в исследовании А. Эткинды: «Постсоветский роман сознательно дистанцируется от традиций реализма. Постсоветский роман не имитирует социальную реальность и не конкурирует с психологическим романом – он имитирует историю и борется с ней» [Эткинды, с. 295].

Основанием для подобной презентации исторического дискурса может служить тезис М. Фуко, утверждавшего, что задача использования любого варианта исторического чувства сводится к тому, «чтобы сделать из истории такое употребление, которое раз и навсегда преодолело бы модель, метафизическую и антропологическую одновременно, памяти. Речь идет о том, чтобы превратить историю в противоположность памяти и, как следствие, развернуть в ней иную форму времени» [Фуко, с. 93].

В «Пятом царстве» конструирование «иной формы времени» обеспечивается посредством исторического палимпсеста, что в целом очень характерно для художественной парадигмы рубежа XX–XXI вв. В историографической прозе этого времени палимпсест позволяет обнажить несостоятельность исторической эпистемы как таковой. Подобный вариант разворачивания исторического нарратива достаточно часто использовался в западноевропейской историографической метапрозе, деконструируя традиционную концепцию исторического познания и утверждая «концепцию исторического познания как вчувствования в историю, когда факт и вымысел, документ и фальсификация практически уравниваются в статусе» [Поваляева].

Палимпсест в романе Ю. Буйды носит нарочито обнаженный характер. Как отмечал Ю. Буйда в интервью для «Литературной газеты», «если мы говорим о “Пятом царстве”, то там, конечно же, много чего придумано. Люди, живущие в 1622 году, разумеется, не могут цитировать Канетти или Бердяева, употреблять слова “экзистенциальный”, “партнеры” или выражения вроде “неполное служебное соответствие”» [цит по: Скрылева]. При этом исторический палимпсест выстраивается не столько в рамках сложившейся в русской литературе традиции обязательного травестирования исторического нарратива (В. Аксенов, Т. Толстая), сколько в контексте западноевропейской модели, отсылающей главным образом к творчеству П. Акройда.

Внешним основанием для подобного сближения может служить активное использование Ю. Буйдой големического сюжета, выстраивающегося в опосредованной параллели с романом «Дом доктора Ди». Как известно, в романе П. Акройда сюжет гомункула тесно связывается с особой концепцией Лондона, палимпсестный характер которого становится одновременно манифестированием ризоматической концепции времени и проблемы национальной идентичности. Подобная интерпретация големического сюжета вполне отчетливо прочитывается и в романе Ю. Буйды. Правда, достаточно типично для русского постмодернизма пространственное конструирование

сменяется здесь своеобразным «пространством времени/события». В данном случае отражением этого оказывается Смута, рассматриваемая автором как концепт, задающий множественные варианты описания национальной истории и одновременно претендующий на презентацию значимых граней национальной идентичности.

Раскрытие и деконструкция данного концепта осуществляются в рамках детективной жанровой стратегии, определяющей сюжетную логику повествования и позволяющей представить историю в виде криптоистории. Исторический нарратив в «Пятом царстве» выстраивается в виде «архивного дела» (А. Лойтер), поводом к «возбуждению» которого становится ряд странных событий: среди них кончина инокини Ольги (Ксении Годуновой), гибель 14 детей, из которых «высосана вся кровь», и попытка проникновения в царский дворец некоего существа, похожего «на крупную черную свинью с волчьими зубами, человеческими руками и козлиными ногами», застреленного «бдительными, верными и безжалостными шотландцами из ближней стражи Его Величества Государя Московского и всея Руси» [Буйда, с. 25]¹.

Центральной фигурой расследования становится Матвей Звонарев, «тайный агент», ставший впоследствии «думным дворянином и коломенским помещиком», который ведет «*Commentarii ultima hominis*». В этих записях сводятся воедино две пунктирно воспроизводимые событийные линии: первая, связанная с официальным/неофициальным расследованием; вторая – с историей Конрада Бистрома и его приемной дочери Юты. Постепенное соединение этих двух линий обнаруживает внутреннюю взаимосвязь внешне совершенно разрозненных событий, точкой пересечения которых становится големический сюжет. К. Бистром оказывается не только врачом, но и алхимиком, постигающим «тайну жизни», создавая гомункула. В своих опытах он использовал кровь приемной дочери. Неудачные образцы Конрад продавал, и в дальнейшем они составили армию Князя Жуть-Шутовского, бывшего Любимчика/Георгия, назвавшегося сводным братом Матвея Звонарева, сыном его отца Петра Звонарева и Варвары Отрепьевой, матери Юшки Отрепьева.

В качестве детективной интриги в романе выступает мотив подмены, который определяет фабульную логику повествования. Автор выстраивает альтернативную версию развития событий, удваивая историю русской Смуты. Первый круг представлен в романе ретроспективно, повествование начинается с его завершения – «Пролог о младенце, палаче и слоне». Этот этап оказывается окаймлен гибелью двух «младенцев» – царевича Дмитрия и Ивана Вороненка.

Возникновение второго этапа Смуты связывается с поиском в 1622 г. «истинного» наследника и осложняется рядом подмен. В донесении шпиона Посольского приказа говорится о ребенке, которого «называют “московским царевичем Иоанном”, сыном Марины Мни-

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

шек и Самозванца, племянником царя Федора Иоанновича и внуком Иоанна IV» (с. 51). В действительности же этим ребенком оказывается Ян Фаустин Луба, «сын Дмитрия Михайловича Лубы, мелкого дворянина из Подляшья, и его жены Марины» (там же). В дальнейшем выясняется, что ребенок Самозванца и Ксении Годуновой – это девочка Иулиания (Юта) Бистром.

Тиражирование мотива подмены создает эффект зеркального подобия двух кругов Смуты в лице их репрезентантов – Юшки Отрепьева и Князя Жуть-Шутовского. Здесь вновь можно обнаружить апелляцию к роману П. Акройда, одним из сюжетных мотивов которого становится удвоение гомункула, демонстрирующее этап самоидентификации героя: «Мэтью Палмер встречается с искусственным человеком, созданным Келли-Вагнером, но не испытывавшим благотворного одухотворяющего влияния доктора Ди. Он видит бесформенное существо, сидящее на воротах... Мэтью Палмер самоидентифицируется, в духе энтелехии пробуждаясь в активном начале, которое превращает возможное в действительное. Отныне он только homo sapiens, поэтому он прощается с гомункулусом, который в ответ визжит» [Гумерова, с. 83].

В романе Ю. Буйды сохраняется преимущественно функциональная направленность этого близнечного мотива; зеркальное подобие Юшки Отрепьева и Георгия / Любимчика / Князя Жуть-Шутовского (герои являются еще и единоутробными братьями) становится способом обнаружения скрытого смысла Смуты. При этом криптоисторический подход работает в романе «от противного», не через движение от профанности политического мифа к выявлению подлинного скрытого смысла происходящего, а наоборот – от первоначально заявленного провиденциализма к пониманию Смуты как идеологического концепта. Иными словами, обретение понимания сущности Смуты выступает способом деконструкции историософского подхода в организации национального нарратива истории, ставшего практически универсальным в русском интеллектуальном сознании последних двух веков. Концепт *Смута* презентуется в романе мифологемами *Самозванец* и *Пятое царство*, которые традиционно организуют нарратив русской истории. Их последовательная девальвация обуславливает редуцирование историософского содержания данного концепта и расширение его идеологической наполненности.

Деконструкция мифологемы *Пятое царство* определяется обыгрыванием характера детективной криптоисторической интриги, сопрягаемой в рамках големического сюжета с алхимической символикой. Здесь вновь можно обнаружить косвенный след П. Акройда, в романе которого алхимическая символика являлась одним из способов презентации визионерского образа Лондона, «в главе “Мечта” перед нами встает прекрасный город исполинов, мистическое видение истинного Лондона» [Липчанская, с. 84]. В романе Ю. Буйды алхимическая символика, задаваемая обыгрыванием текста Изум-

рудной скрижали Гермеса Трисмегиста, предполагает развертывание национальной истории как Великого Деяния, в качестве которого мыслится преобразование Московского царства в Пятое царство.

Содержание последней мифологемы представлено совокупностью двух точек зрения – доктора Армана де ла Тур и Московского патриарха Филарета. Объединяющим началом выступает здесь утверждение момента преобразования в процессе становления Пятого царства, оба героя рассматривают его как «симфоническое» единство. В «*Les inscriptions quotidiennes*» Арман де ла Тур определяет суть мифологемы следующим образом:

«Богоизбранное супружество» государства и церкви (симфония), когда выражение «русская церковь» означало «православная церковь», а «православное царство» имело более или менее строго очерченные границы, столицу, вооруженные силы, полицию, бюрократический аппарат и систему налогообложения (с. 189).

В своем послании Михаилу Федоровичу Филарет, рассуждая об идее Пятого царства, также фиксирует ее симфоническую природу:

...Чтобы вернуться из хаоса в космос, слушай музыку литургии, проникнись этой гармонией шаткой и глубокой, в которой почерпнешь скорее приятие мира, чем страх и боль. <...> Погрузись без раздумий, покорись, стань частью симфонии, неужели не в этом цель жизни, ищущей покоя и воли?..

Хаос же – он ведь не только бездна, он – форма становления жизни, как утверждал Платон, словно провидевший нашу русскую жизнь, русских людей, которые, уж поверь моему опыту, всегда оказываются гораздо лучше, чем они сами о себе думают (с. 100–101).

Осуществление Великого Деяния / Пятого царства манифестируется композиционной организацией повествования: «архивное дело» Матвея Звонарева состоит из 12 частей, называемых вратами «по числу врат Града Небесного». Однако в противовес заявленной композиционной логике содержание «архивного дела» сводится не к реализации Пятого царства, а к обнаружению «истинного» наследника, «сердца бунта». Им внезапно оказывается Юта Бистром, «повелительница мерзости, готовой затопить Красную площадь, Москву, весь мир» (с. 318). Именно гибель героини, подарившей свою кровь гомункулам, завершает символический ряд, маркирующий алхимическую реакцию: «Сердце бунта, всему начало и всему конец...» (там же). Подмена Пятого царства гибелью «сердца бунта» становится знаком окончательного разрушения сверхисторического смысла происходящего.

Помимо этого, девальвация мифологемы достигается нарративной организацией, сводящей пространство истории к пространству памяти. Контаминация документов, определяющая характер нарратива в романе Ю. Буйды, постепенно сужается до «*Commentarii*

ultima hominis» Матвея Звонарева, причем в этом случае обыгрывается буквальный смысл «Записок...»: «я остался последним на свете, кто своими глазами видел рождение и смерть русских гомункулов, чуть не погубивших великое царство» (с. 344). Подобное сужение пространства истории превращает Пятое царство в одну из множества исторических легенд:

Кто для них Юшка Отрепьев? (герой говорит о «молодой компании» – Т. Б.).

Полумифический злодей, затерявшийся между Иудой, Чингисханом и королем Маркобруном...

Для меня же это событие стало венцом истории, в которой я играл не последнюю роль, достойным финалом моей жизни и Смуты (с. 339).

В финале романа появляется визионерский образ Русского Древа (как символа Пятого царства), который исчезнет вместе со смертью Матвея Звонарева, последнего носителя памяти о нем.

Деконструкция мифологемы «Самозванец» осуществляется в контексте того же големического сюжета. В этом случае в романе восстанавливается обратная модель алхимического преобразования, практически возвращающая воплощенного гомункула в ретору. Ряд репрезентантов Смуты выстраивается следующим образом: Юшка Отрепьев / Лжедмитрий I – Георгий Звонарев / Князь Жуть-Шутовской – Путто. При этом очевидной становится градация образного ряда по усилению големической составляющей. Происходит своеобразное воплощение желания Юшки: «Не хочу... не хочу быть человеком...» В начале эта фраза обуславливается лицедейской природой героя, самая суть которого призывает его играть роль: «передо мной была маска, пустота, ничто, которое готовилось стать всем» (с. 162).

Сакральный смысл самозванства Отрепьева намечается в романе устойчивой, повторяемой разными корреспондентами соотносительностью героя с евангельским контекстом, а точнее, с образом Иуды, противопоставляющей его идее Града Небесного / Пятого царства. Однако в своих записках Матвей Звонарев пишет о том, что образ Иуды Юшкой воспринимался через апокрифический контекст, в рамках которого история евангельского героя рассказывалась через призму мифа об Эдипе, подчеркивая мотив роковой предопределенности судьбы. Соответственно, «тайна превращения несчастного сына боярского Отрепьева в... злочинного Самозванца, отверзшего перед Россией врата адовы», объясняется не его «несанкционированностью», как об этом рассуждал Арман де ла Тур («Лжедмитрий был первым ярким явлением свободного русского человека» (там же)), а лицедейской природой героя, отзывавшейся на призыв театра истории. Своеобразным подтверждением и одновременно предварением этого становится «Пролог», разыгрывающий финал первого круга Смутного времени именно как театрализованное действо.

В отношении двух других репрезентантов мифологемы «Самозванец» происходит нагнетение театральных ассоциаций с одновременным утверждением искусственности, «сделанности» героев. Князь Жуть-Шутовской, «глумарх», «царь скоморохов», приобретает уже все черты симулякра, а Путто – гомункул, созданный Конрадом Бистромом, единственный, оставшийся в живых после гибели Юты, не случайно получает от Матвея Звонарева именно это имя. «Путто» – это множественная форма слова «путти», как известно, представляющего собой изображение ребенка мужского пола, впервые появляющееся в поздней Античности и возрождающееся в Ренессансе как декоративный элемент. Соответственно, имя служит итоговым обнаружением симулятивного содержания мифологемы «Самозванец», окончательно переводя концепт «Смута» в план идеологического конструирования.

Деконструкция концепта «Смута» завершается ее последовательной текстуализацией, выстраивающейся по модели, предложенной русским концептуализмом, а точнее, соц-артом. Рассматривая эту модель, Вяч. Курицын отмечает ее связанность с востребованной в постмодернистской философии идеей телесности текста: «Социалистический реализм с его манией вала сделал важный шаг в сторону телесного понимания письма: здесь очень большое значение имело чистое количество литературы, некая вещь из бумаги и букв, символизирующая национальный приоритет в области духа. СССР как самая читающая страна – одна из важнейших мифологем. Советское письмо, тяготеющее в пределе к идеологически правильной прописи, могло в некоторых образцах соцреализма осуществляться вне контакта с сознанием и духом. Постмодернизм овнешняет латентную проблематику телесности в соцреализме, делает ее поверхностной и актуальной» [Курицын].

Как уже отмечалось, повествование в романе Ю. Буйды характеризуется акцентированной документальностью, а точнее, квазидокументальностью излагаемых событий. Форма повествования представляет собой контаминацию квинзиисторических документов (переписок, дневниковых заметок, доносов, приказов и т. д.), авторами и адресатами которых выступают как собственно исторические фигуры (например, Михаил Романов, патриарх Филарет), так и вымышленные персонажи (Матвей Звонарев, врач Конрад Бистром, Юта Бистром и т. д.). Симулятивная природа квазидокументов широко эксплицирована благодаря языковой стилизации и открытой фикционализации документа. Комментируя язык романа, сам автор отмечал, что «язык этих как бы документов... не соответствует совершенно XVII веку. Был соблазн написать все так, как писали тогда. Ну, даже написал несколько страниц, но потом понял, что это будет нечто чудовищное, поэтому я постарался от этого избавиться. Это написано все современным языком, таким нормативным языком, хотя иногда там какие-то проскальзывают

элементы, которые... не будут вызывать отторжения ни у какого читателя» [Юрий Буйда].

Достаточно показательной в обнажении демонстрации фикционализации документа является история украденной «bimagi», Утвержденной грамоты об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова 1613 г., которая присутствует в романе в двух экземплярах (именно столько экземпляров грамоты дошло до сегодняшнего дня), однако количество подписей в них разнится (в одной – 235, а в другой – 238), и, по словам Пера Эрикссона, одного из осведомителей «Большого Брата», их собирали до 1617 г.

Квазидокументальность создает в романе текстуальную избыточность повествования; множественность документов не ведет к умножению точек зрения на происходящее, скорее возникает эффект «идеологически правильной прописи», о котором писал Вяч. Курицын². При этом особое содержание всех документальных свидетельств обеспечивает своеобразную буквализацию телесной природы концепта. Основными фигурантами ведущегося расследования становятся лица, вольно или невольно вовлеченные в события Смутного времени: Ксения Годунова, Лжедмитрий I (Юшка Отрепьев) и т. д. Вполне традиционно для второй волны русского постмодернизма вся совокупность исторических событий последовательно травмируется, обнажая телесную природу всего происходящего. История Смуты начинается рассматриваться как история любовной связи Юшки Отрепьева и Ксении Годуновой, причем в характеристике этих отношений постоянно фиксируется телесно-низовой контекст. Отчасти эту же цель преследует акцентирование темы сексуальных перверсий, широко представленной в романе (Любимчик, княжна Патрикеевна, Истомин-Дитя и т. д.). Если использовать терминологию Вяч. Курицына, происходит экспликация «латентной проблематики телесности» уже на содержательном уровне.

Иными словами, текстуализация концепта «Смута» становится одновременно демонстрацией пустоты исторического нарратива; по классификации Л. Хатчеон, происходит обыгрывание «паратекстуальной» функции квазидокументальности, связанной с потенциальным свойством исторического документа прервать иллюзию, раскрыв фиктивную суть цельного нарратива.

Роман Ю. Буйды фиксирует логику развития русской историографической метапрозы рубежа XX–XXI вв., демонстрируя отчетливую взаимосвязь моделей, диктуемых западноевропейским ее вариантом, с широким включением элементов русского концептуализма. При этом деконструкция традиционной для русского сознания историософской эпистемы становится основанием для утверждения новой модели исторического познания.

² Сюжетным обоснованием этого становится сосредоточенность внимания на событиях 1622 г., тогда как собственно исторический этап русской Смуты оказывается уже отрефлексирован в относительно целостный нарратив.

Библиографические ссылки

- Буйда Ю. В. Пятое царство. М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2018. 349 с.
- Гумерова Н. Р. Образ гомункула в романе П. Акройда «Дом доктора Ди» // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2016. № 6. С. 80–85.
- Курицын В. Концептуализм и соц-арт: Тела и ностальгии // Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М. : ОГИ, 2000. 288 с.
- Липчанская И. В. Три времени Лондона в романе П. Акройда «Дом доктора Ди» // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, № 2. С. 78–84.
- Лобин А. М. К вопросу о характеристике исторического дискурса русской литературы рубежа XX–XXI веков // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 83–89.
- Поваляева Н. С. Образ Мюзик-холла в неовикторианском романе. Минск : Четыре четверти, 2015. 97 с.
- Сергеева Е., Сундукова К. Границы исторического в современной отечественной романистике (В. Шаров, Л. Улицкая, Д. Быков, Е. Водолазкин) // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С. 161–167. DOI 10.26907/2074-0239-2022-69-3-161-167.
- Скрылева Ю. Смута в Пятом царстве: Данте, Шекспир и Пушкин говорят нам что-то, о чем мы еще и не начинали думать // Лит. газ. : [сайт]. 2018. 05 дек. № 49 (6670). URL: <https://lgz.ru/article/-49-6670-05-12-2018/smuta-v-pyatom-tsarstve/> (дата обращения: 05.11.2022).
- Солдаткина Я. В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000–2010 годов // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 2, № 1. С. 47–54. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-47-54.
- Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов. Минск : Красико-принт, 1996. С. 74–97.
- Ченис Т. Необарочные элементы поэтики Юрия Буйды // Практики и интерпретации. 2021. Т. 6, № 4. С. 92–123.
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 328 с.
- Юрий Буйда: «Появление Лжедмитрия, человека-самозванца – это было покушение на все духовные, политические, исторические начала России и русского человека» // ОТР : [сайт]. 2018. 15 апр. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-yurii-buida-31389.html> (дата обращения: 05.11.2022).

References

- Buida, Yu. V. (2018). *Pyatoe tsarstvo* [The Fifth Kingdom]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 349 p.
- Chenis, T. (2021). Neobarochnye elementy poetiki Yuriya Buidy [Neo-Baroque Elements of the Poetics of Yuri Buida]. In *Praktiki i interpretatsii*. Vol. 6. No. 4, pp. 92–123.
- Etkind, A. (2018). *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied] / transl. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Foucault, M. (1996). *Nitshe, genealogiya i istoriya* [Nietzsche, Genealogy and History]. In *Filosofiya epokhi postmoderna. Sbornik perevodov i referatov*. Minsk, Krasiko-print, pp. 74–97.
- Gumerova, N. R. (2016). *Obraz gomunkula v romane P. Akroida "Dom doktora Di"* [The Image of a Homunculus in P. Ackroyd's *The House of Doctor Dee*]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6, pp. 80–85.
- Kuritsyn, V. (2000). *Kontseptualizm i sots-art: Tela i nostal'gii* [Conceptualism and Social Art: Bodies and Nostalgia]. In Kuritsyn, V. *Russkii literaturnyi postmodernizm*. Moscow, OGI. 288 p.

Lipchanskaya, I. V. (2010). Tri vremeni Londona v romane P. Akroida “Dom doktora Di” [Three Times of London in P. Ackroyd’s *The House of Doctor Dee*]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 10. No. 2, pp. 78–84.

Lobin, A. M. (2012). K voprosu o kharakteristike istoricheskogo diskursa russkoi literatury rubezha XX–XXI vekov [On the Issue of Characterising the Historical Discourse of Russian Literature at the turn of the 21st Century]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 3, pp. 83–89.

Povalyaeva, N. S. (2015). *Obraz Myuzik-kholla v neoviktorskom romane* [The Image of the Music Hall in a Neo-Victorian Novel]. Minsk, Chetyre chetverti. 97 p.

Sergeeva, E., Sundukova, K. (2022). Granitsy istoricheskogo v sovremennoi otechestvennoi romanistike (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin) [Boundaries of the Historical in Modern Russian Novelism (V. Sharov, L. Ulitskaya, D. Bykov, E. Vodolazkin)]. In *Filologiya i kul’tura*. No. 3 (69), pp. 161–167. DOI 10.26907/2074–0239–2022–69–3–161–167.

Skryleva, Yu. (2018). Smuta v Pyatom tsarstve: Dante, Shekspir i Pushkin govoryat nam chto-to, o chem my eshche i ne nachinali dumat’ [Troubles in the Fifth Kingdom: Dante, Shakespeare, and Pushkin Tell Us Something That We Have Not Yet Begun to Think about]. In *Literaturnaya gazeta* [website]. December 5. No. 49 (6670). URL: <https://lgz.ru/article/-49-6670-05-12-2018/smuta-v-pyatom-tsarstve/> (accessed: 05.11.2022).

Soldatkina, Ya. V. (2017). Sovremennaya russkaya istoricheskaya proza v kontekste literaturnogo protsessa 2000–2010 godov [Modern Russian Historical Prose in the Context of the Literary Process of 2000–2010]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. Vol. 2. No. 1, pp. 47–54. DOI 10.22363/2312–9220–2017–22–1–47–54.

Yurii Buida: “Poyavlenie Lzhedmitriya, cheloveka-samozvantsa – eto bylo pokushenie na vse dukhovnye, politicheskie, istoricheskie nachala Rossii i russkogo cheloveka” [Yuri Buida: “The appearance of False Dmitry, an impostor, was an attempt on all the spiritual, political, historical principles of Russia and the Russian people”]. (2018). In *OTR* [website]. April 15. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-yurii-buida-31389.html> (accessed: 05.11.2022).

The article was submitted on 06.11.2022

Ленинградский рок-клуб в Санкт-Петербурге: от памяти – к культурному наследию*

Александра Колесник

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

The Leningrad Rock Club in St Petersburg: From Memory to Cultural Heritage**

Alexandra Kolesnik

HSE University,
Moscow, Russia

Over the last 30 years, the popular musical past has become a subject of interest for researchers in many social sciences and the humanities, from cultural geography and cultural sociology to urban studies and public history. Popular music is regarded not only as a significant part of national and regional cultural history, but also as an important element of the urban cultural heritage. The revision of both the content and the very concept of cultural heritage is associated with large-scale changes in the humanities and social sciences that occurred in the second half of the twentieth century and influenced the transformation of historical politics in many cities, regions, and countries. In Russia, a diverse and rich musical past, related to the history of late Soviet popular and rock music, has only recently begun to be studied and represented in the urban space. The article discusses the ways of authorising the musical heritage associated with the history of the Leningrad Rock Club in contemporary St Petersburg. The research is based on field data collected in 2020–2021: in-depth and spontaneous interviews with musicians participating in the Leningrad Rock Club, rock journalists, employees of the Pushkinskaya, 10 Art Centre and the

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

** Citation: Kolesnik, A. (2023). The Leningrad Rock Club in St Petersburg: From Memory to Cultural Heritage. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1338–1354. DOI 10.15826/qr.2023.4.851.

Цитирование: Kolesnik A. The Leningrad Rock Club in St Petersburg: From Memory to Cultural Heritage // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1338–1354. DOI 10.15826/qr.2023.4.851 / Колесник А. Ленинградский рок-клуб в Санкт-Петербурге: от памяти – к культурному наследию // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1338–1354. DOI 10.15826/qr.2023.4.851.

Kamchatka Rock Club-Museum, and field observations during guided tours of rock-related places in St Petersburg and exhibitions dedicated to the history of Leningrad rock. The author proposes to consider the urban musical heritage in St Petersburg *self-authorised*. The examples studied in the article are initiatives of the predominantly St Petersburg rock community of musicians, journalists, and city activists. Its key forms are excursions, installation of memorial plaques and signs, temporary exhibitions, and opening of a museum dedicated to the history of Leningrad rock music based on the Pushkinskaya, 10 Art Centre. Despite the traditional format of representing the memory of the musical past, the organisers do not seek to designate the musical places of modern St Petersburg in terms of “authorised heritage discourse” but gravitate toward a less formal conversation and representation of this past.

Keywords: musical heritage, late Soviet rock music, Leningrad Rock Club, St Petersburg, heritage studies

На протяжении последних 30 лет популярное музыкальное прошлое стало предметом интереса исследователей во многих социальных и гуманитарных дисциплинах. Популярная музыка рассматривается не только как значимая составляющая культурной истории отдельных регионов и стран, но и в качестве важной части городского культурного наследия. В России разнообразное и богатое музыкальное прошлое, имеющее отношение к истории позднесоветской популярной и рок-музыки, стало изучаться и репрезентироваться в городском пространстве лишь недавно. Автором рассмотрены способы авторизации музыкального наследия, связанного с историей Ленинградского рок-клуба, в современном Санкт-Петербурге. Исследование основано на данных полевых материалов – на глубинных и спонтанных интервью с музыкантами – участниками Ленинградского рок-клуба, рок-журналистами, сотрудниками арт-центра «Пушкинская, 10» и рок-клуба-музея «Камчатка», на полевых наблюдениях во время экскурсионных туров по рок-местам в Санкт-Петербурге и на выставках, посвященных истории ленинградского рока. Автор предлагает рассматривать музыкальное наследие города как самоавторизованное. Изученные примеры являются инициативами преимущественно петербургского рок-сообщества музыкантов, журналистов и городских активистов. Его ключевые формы – проведение экскурсий, установка мемориальных табличек и знаков, организация временных выставок, открытие музея, посвященного истории ленинградской рок-музыки, на базе арт-центра «Пушкинская, 10». Несмотря на традиционный формат репрезентации памяти о музыкальном прошлом, организаторы не стремятся обозначать музыкальные места современного Петербурга в терминах «авторизованного дискурса наследия», а тяготеют к меньшей официальности разговора и репрезентации данного прошлого.

Ключевые слова: музыкальное наследие, позднесоветская рок-музыка, Ленинградский рок-клуб, Санкт-Петербург

За последние 30 лет популярная музыка стала важной частью мемориальных процессов и исторической политики во многих городах и странах мира. Музыкантам устанавливают памятники и мемориальные таблички, создаются тематические музеи, проводятся памятные концерты, целые города реконструируются с акцентом на музыкальном прошлом [Колесник]. Так, с 1980-х гг. во многих городах Великобритании, Европы и США обращение к культурной истории в целом и к музыкальной истории в частности стало важным экономическим и символическим ресурсом их возрождения, получившим название «возрождение посредством культуры» (“culture-led regeneration”) [Викери, с. 205]. Главной задачей проектов стало стимулирование городской экономики за счет развития культурного сектора. Создание публичных пространств, кварталов культурных индустрий, открытие новых музеев, развитие туристических маршрутов, проведение тематических мероприятий (фестивалей, ярмарок, концертов) – лишь несколько примеров реализации таких проектов.

В России существуют разные формы работы с музыкальным прошлым и способы его авторизации в городском пространстве. Наряду с вниманием к зарубежным музыкантам значимую роль приобретает прошлое советской рок-музыки, которое становится не только частью памяти разных поколений фанатов, но и предметом бурных общественных дискуссий². В Санкт-Петербурге можно наблюдать сочетание разных форм формирования музыкального наследия.

Исследования музыкального наследия

В данной работе рассмотрены объекты и практики, связанные с подержанием памяти о популярной музыке как культурного наследия на основе подходов к изучению этого наследия, появившихся в начале 1980-х гг., и критических исследований, начавших формироваться в середине 2000-х гг. По замечанию Стива Уотсона и Эммы Уотертон, появление данных исследовательских направлений стало результатом эпистемологического дрейфа от так называемых «теорий внутри наследия», ориентированных на концептуализацию наследия как перечня материальных объектов, имеющих ценность в контексте истории национальных государств, к «теориям о наследии», фокусирующимся на восприятии наследия разными социальными группами и на его роли в социокультурной сфере, и «теориям для наследия», которые подчеркивают важность личного опыта и впечатлений, связанных с ним [Waterton, Watson, p. 546–547]³. Два последних типа теорий предполагают, что наследие в большей степени следует рассматривать как процесс [Колесник, Русанов], в связи с чем отдельно стало изучаться многообразие официальных и неофициальных форм наследия и связанных с ним практик.

² Достаточно вспомнить публичную дискуссию вокруг инициативы по присвоению омскому аэропорту имени Егора Летова, лидера культовой омской рок-группы «Гражданская оборона», которая развернулась в 2018 г. [Омский аэропорт].

³ Здесь и далее перевод терминологии и цитат автора статьи.

Основой современных исследований наследия стали переосмысление концепции культурного наследия и отход от его понимания как перечня объектов, представляющих ценность в контексте национальной истории. Значимыми стали работы американского историка Дэвида Лоуэнталя [Lowenthal], который проблематизировал подвижность круга агентов, включенных в формирование культурного наследия. Это позволило исследователям глубже проследить связь между различными сообществами, включенными в процесс формирования наследия (эксперты, активисты, горожане, представители администрации), обратить внимание на различия их представлений о нем и о практиках его поддержания.

Не менее значимым стал вопрос институционализации и авторизации культурного наследия в разных национальных и локальных контекстах. Особое место в *heritage studies* и *critical heritage studies* заняли работы австралийского историка Лоры Джейн Смит, которая изучает различные способы формирования и использования культурного наследия в разных и постоянно меняющихся социальных, культурных, эмоциональных и темпоральных контекстах. Согласно Л. Смит, культурное наследие – продукт культурной политики, а не некое свойство того или иного памятника [Smith, 2006]. Для описания использования данного понятия Смит предложила термин «авторизованный дискурс наследия» (“authorised heritage discourse” – AHD). Он маркирует механизм, посредством которого обладающий авторитетом эксперт (или круг экспертов), «законный представитель прошлого», идентифицирует (и одновременно с этим конструирует) ценность объектов наследия. AHD формируется международными институтами (в первую очередь ЮНЕСКО) и их риторикой, но различается в зависимости от локальных контекстов.

Культурное наследие стало пониматься как социальное действие, что подразумевает критику монополизации права экспертов, обычно закрепленного на государственном уровне, на определение и признание того или иного объекта частью культурного наследия. В данном контексте разные культурные формы и практики рассматриваются как способы формирования и означивания другого, неофициального, неформального культурного наследия.

Изучение популярной музыки и связанных с ней культурных практик как культурного наследия – новое направление, которое в большей степени фокусируется на британском и североамериканском музыкальном наследии [Sites of Popular Music Heritage; Preserving Popular Music Heritage; The Routledge Companion to Popular Music History and Heritage; Remembering Popular Music's Past; Popular Music, Cultural Memory, and Heritage; Lashua; Music and Heritage]. Исследователи рассматривают, как в самих музыкальных сообществах понимается и проблематизируется культурное наследие, включается ли в это понятие популярная музыка, считается ли необходимым закрепление памяти о музыке и музыкантах в городском пространстве. Так-

же изучаются практики коммеморации в фанатской культуре – самодельные фанатские мемориалы умершим музыкантам, места памяти музыкальных и фанатских сообществ (клубы, пабы, места встреч), фанатские архивы и коллекции, празднования памятных дат и появление связанных с ними традиций. Помимо этого, исследователи пытаются проследить, как менялись музыкальные места и практики вместе с изменением городского пространства.

Развивая идеи Смит, исследователи Лес Робертс и Сара Коэн выделяют три категории дискурсов и практик, формирующих музыкальное наследие: официально авторизованное (*officially authorised*), самоавторизованное (*self-authorised*) и неавторизованное (*unauthorised*) [Roberts, Cohen]. Первая категория описывает случаи, при которых либо низовые инициативы по означиванию культурного наследия получают поддержку официальных институтов, либо инициаторами авторизации оказываются государственные институты (музеи, фонды, исследовательские центры). Это могут быть различные выставки и отдельные музеи, посвященные истории того или иного музыканта, группы или музыкального жанра. Ярким примером являются мемориальные таблички, установленные на зданиях, связанных с музыкальным прошлым. Вторая категория включает случаи означивания и формирования культурного наследия на уровне низовых проектов, которые не получают официального признания, но при этом не конфликтуют с официальными аналогами. Фанатские мемориалы и частные музеи являются примерами самоавторизованного наследия. Например, музей группы *Ramones* в Берлине, открывшийся в 2005 г., представляет собой одну из крупнейших в Европе фанатских коллекций артефактов, связанных с историей этой американской панк-рок-группы [Ramones Museum]. Различные повседневные практики фанатских сообществ, коммеморации, способы сохранения памяти о музыкантах и музыкальном прошлом определяют неавторизованное музыкальное наследие.

Сосредоточимся вокруг вопросов о конструировании и репрезентации музыкального наследия, связанного с историей популярной рок-музыки, на том, каким образом наследие Ленинградского рок-клуба (далее – ЛРК) репрезентировано в современном Санкт-Петербурге, а также каковы формы авторизации наследия, связанного с ЛРК. Исследование основано на данных полевых материалов, которые включают глубинные интервью с музыкантами – участниками Ленинградского рок-клуба, рок-журналистами, сотрудниками арт-центра «Пушкинская, 10» и рок-клуба-музея «Камчатка», на полевых наблюдениях по время экскурсионных туров по рок-местам в Санкт-Петербурге и на выставках, посвященных истории ленинградского рока. Все материалы были собраны в августе 2020 г., июле, августе и октябре 2021 г. Также проанализированы фанатские мемориалы, городские монументы и мемориальные знаки и доски, посвященные музыкальному прошлому, изобразительные источники.

Ленинградский рок как наследие в Санкт-Петербурге

Рассматривая разные формы «присутствия» и авторизации музыкального прошлого в Санкт-Петербурге, можно констатировать, что Ленинградский рок-клуб – это значимая составляющая музыкальной истории города. Он был открыт 7 марта 1981 г. и стал первой официальной общественной организацией рок-музыкантов в СССР. Появление официального рок-клуба, несмотря на то, что он был формой контроля и цензуры музыкантов, стал способом легализации и популяризации рок-музыки в городе и регионе⁴. Клуб просуществовал до 1990 г., но и после официального закрытия занимался организацией концертов и фестивалей, однако в дальнейшем уже не имел такой значимости из-за появившегося в городе большого количества музыкальных клубов, и вместе с ними – музыкальных сцен [Wickström].

В 2000-е гг. начался процесс мемориализации деятельности ЛРК: проводились юбилейные концерты, фестивали, снимались документальные фильмы, инициаторами которых в основном являлись музыканты-участники клуба и музыкальные журналисты. В 2008 г. была предпринята попытка возрождения клуба, однако эта инициатива не была поддержана музыкантами из-за устаревшего формата организации музыкантов (И2). Примечательно, что память о Ленинградском рок-клубе поддерживается вполне традиционными для рок-музыки способами: это юбилейные концерты, тематические рок-фестивали городского значения, где бывшие члены клуба выступают вместе с молодыми рок-группами и где подчеркивается преемственность рок-поколений; также были изданы официальные биографии рок-групп и рок-энциклопедии ленинградского рока.

Отдельно следует отметить музыкальный клуб «Камчатка». Это бывшая котельная, где с 1986 по 1988 г. работал лидер группы «Кино» Виктор Цой, которая превратилась в фанатский мемориал сразу после гибели музыканта в автокатастрофе в августе 1990 г. В 2006 г. клуб получил статус музея и является, наряду со Стеной Цоя в Москве, одним из ключевых мест поддержания памяти не только о Цое, но и о ЛРК и о ленинградской рок-культуре периода перестройки в целом [Запорожец, Колесник; Zaporozhets, Kolesnik]. Тем не менее, «Камчатка» остается «ауратичным» местом (в терминологии Вальтера Беньямина), связанным с памятью о конкретном человеке, а не о рок-музыке как культурном феномене в целом (И9).

⁴ Среди музыкантов – участников клуба, ставших популярными в Ленинграде и далеко за его пределами, следует отметить рок-группы «Кино», «Аквариум», «ДДТ», «Алиса», «Телевизор», «Поп-механика», «Пикник», «Россияне», «Секрет», «Санкт-Петербург» и др. Об истории ЛРК написано много работ, самой объемной является трехтомник Андрея Бурлаки [Бурлака]. Важным источником по истории ЛРК являются воспоминания американской певицы и музыканта Джоанны Стингрей, которая в 1980-е гг. играла совместно с многими музыкантами из ЛРК и способствовала их популяризации на Западе [Стингрей Д., Стингрей М., 2019а; Стингрей Д., Стингрей М., 2019b].

В 2010-е гг. возник ряд инициатив, связанных с интересом к истории ЛРК и попытками авторизации данного музыкального прошлого как городского наследия. В подавляющем большинстве случаев можно говорить о *самоавторизованном музыкальном наследии*, которое при этом создается разными, но связанными между собой сообществами и которое ориентировано на разные аудитории. Можно выделить несколько форм самоавторизованного музыкального наследия в Санкт-Петербурге.

Экскурсии. Первой такой инициативой стал запуск экскурсий по местам, связанным с историей ЛРК и постсоветской рок-культурой города. В 2011 г. при сотрудничестве с музеем современного искусства «Эрарта» было открыто экскурсионное бюро «Кенгуру» и возникла экскурсионная программа «Ползком по Питеру» [Необычные экскурсии]. Идея экскурсий заключалась в том, чтобы показать непарадный Петербург, который обычно ассоциируется у посетителей с классическим наследием и высоким искусством – архитектурой, живописью, литературой. Организаторы экскурсий делали акцент на современном искусстве, литературе самиздата. Так, одной из первых таких экскурсий был тур по местам, связанным с биографией Сергея Довлатова и ленинградским самиздатом.

В 2013 г. турбюро организовали регулярную экскурсию «Ленинградский рок-н-ролл», в которой предлагалось посещение мест, связанных с историей клуба и ленинградской рок-культурой 1970–1990-х гг.; как работающих в настоящее время, так прекративших свое существование. Экскурсия начинается у здания на ул. Рубинштейна, 13, где раньше базировался ЛРК, далее маршрут строится по ключевым местам, где играли, записывали свои альбомы и устраивали рок-вечеринки музыканты и артисты 1980-х гг.: кафе «Сайгон», где снимались художественные и документальные фильмы о рок-культуре города; площадь «Эльфийский садик», где собирались ленинградские хиппи в 1970-е и рок-музыканты в 1980-е гг.; сквот и арт-центр «Пушкинская, 10»; музыкальный клуб «Фишка»; рок-магазин «Castle Rock» (или «Костыль») и др. На официальной странице в группе «ВКонтакте» представлено описание экскурсии:

Петербург по праву считается столицей русского рока. Здесь родились Виктор Цой, Борис Гребенщиков, Майк Науменко. Зародились такие культовые группы, как «Кино», «Аквариум», «Зоопарк», «Пикник», «Алиса», «Поп-механика» и многие другие, которые уже давно прочно вошли в современную музыкальную культуру. Мы предлагаем вам погрузиться в атмосферу времени русского рока, вы сможете ощутить его бунтарский дух, познакомиться с бытом и реалиями представителей Ленинградского андеграунда 80-х годов, посетите легендарные места. <...> Как ленинградские рок-музыканты перестали быть тунеядцами, а сотрудники КГБ полюбили ходить на рок-концерты? Откуда Цой знал, как извлечь рок-н-ролл из «чужой диафрагмы»? Почему Гребенщиков так боялся «молодой шпаны»? Где любил пить пиво

Кинчев? И что за веселый бардак устроили художники и музыканты под самым носом (да и за спиной тоже) у Пушкина? [Экскурсия].

Среди экскурсоводов – петербуржцы разных поколений: Сергей Владимиров, молодой музыкант группы «Фон Штефаниц», образованной в 2010 г., и Сергей Наконечный, в молодости – завсегдатай мероприятий ЛРК. Туры Наконечного в основном посвящены рассказу о буднях ленинградской рок-культуры позднесоветского периода. Он обращает внимание прежде всего на ее антропологическую составляющую: откуда музыканты брали музыкальные инструменты и сценическую одежду, как они становились членами клуба, как происходило «литование» (проверка и цензурирование текстов песен), какая аудитория приходила на концерты, как концерты в ЛРК освещались в неофициальных изданиях и т. д. В интервью С. Наконечный отмечает:

Вообще все локации в наших турах одинаковы, но рассказы у нас разные. В своих экскурсиях я больше рассказываю о своем опыте, вспоминая, как ходил на концерты клуба, кого сам слушал и встречал в клубе и других рок-местах (И4).

По его словам, экскурсии пользуются большим спросом, прежде всего у знающих туристов, целенаправленно пришедших на них; с каждым годом их количество растет.

Гид Сергей Владимиров стремится показать историю Ленинградского рок-клуба в более широком культурном контексте городской истории, сосредоточив внимание на связях между более традиционным «высоким» искусством (классической музыкой, архитектурой, литературой и т. д.) и маргинальным «низким» искусством (популярной музыкой вообще и рок-музыкой в частности). Он обращает внимание на то, как события музыкальной жизни клуба были связаны с городскими и государственными событиями, как места, связанные с историей ЛРК, существовали в 1990-е гг., как история клуба представлена в разных уголках города сейчас (И5). Те же идеи он излагает в своем путеводителе «Неофициальный путеводитель по музыкальному Петербургу», изданном в 2013 г., где большое место отведено местам, связанным с историей ЛРК. В этом контексте показательно введение к путеводителю:

Петербург – самый музыкальный город России! Все главные музыкальные направления и события за последние несколько веков зарождались именно здесь. Стили и музыкальные движения фантасмагорическим образом перемешивались и переплетались, рождая неповторимые сочетания и легенды. Где еще панки могут работать реставраторами в «Эрмитаже», как это было в случае с «Королем и Шутом»? А в каком еще городе консерваторские музыканты регулярно посещают футбольный стадион, как Дмитрий Шостакович? Или где еще в России джазмены играют в собственной филармонии? [Владимиров, с. 3].

Мемориальные таблички и памятные знаки. На данный момент в Петербурге установлена только одна памятная табличка на здании клуба и музея «Камчатка», посвященная рок-музыканту Виктору Цою. Она была открыта в 2002 г. по инициативе владельцев клуба. Кроме того, несколько памятных знаков о рок-местах и ЛРК было установлено в последние годы. В 2015 г. по инициативе арт-центра «Пушкинская, 10» на территории сквера с неофициальным названием «Эльфийский садик» был установлен памятный столб с указателями направлений до других знаковых рок-мест – кафе «Сайгон», бывшего здания ЛРК, столовой общепита («Гастрит») и др. (ил. 1 на цв. вклейке). В том же сквере одновременно была установлена памятная доска с информацией о том, когда появился «Эльфийский садик» и с какой историей он связан. По словам С. Наконечного, установка заняла почти пять лет из-за бюрократических сложностей (И4). Отсутствие в Петербурге мемориальных табличек, посвященных музыкантам и рок-коллективам, связано с трудностями согласования их установки с жильцами дома.

В начале 2022 г. появилась информация, что с администрацией Санкт-Петербурга согласованы документы на установку мемориальной таблички, посвященной ЛРК, на фасаде здания, где он ранее базировался [Стало известно]. Инициаторами выступили жители Центрального района Санкт-Петербурга при участии арт-центра «Пушкинская, 10». Подготовка заявки заняла более десяти лет. В октябре 2023 г. мемориальная доска, посвященная ЛРК, наконец была установлена на Рубинштейна, 13, став первым памятным знаком о рок-клубе в России [Мемориальная доска]. С таким же предложением об установке мемориальной таблички на здании Центра детско-юношеского творчества «Охта» (ул. Панфиловой 23), где в 1980-е гг. располагалась рок-студия, выступили жители Большой Охты [Петербургжцы]. Студия была примечательна тем, что с 1979 г. там работал известный звукорежиссер Андрей Владимирович Тропилло и записывали свои альбомы такие группы, как «Машина времени», «Аквариум», «Зоопарк», «Кино», «Алиса», «Ноль» и др. Если в случае установки мемориальной таблички ЛРК главной задачей инициаторов является закрепление памяти о рок-клубе в современном Петербурге, то во втором случае жители стремятся маркировать культурную значимость своего района через видимость и узнаваемость знаковых для истории города рок-мест.

Музейные выставки. За последние десять лет в Петербурге было проведено более десятка разных выставок, посвященных истории ЛРК. Это наиболее разнообразная форма работы с музыкальным прошлым. Организованные выставки можно разделить на три типа.

Выставки первого типа посвящены различным аспектам культурной значимости ЛРК. В 2011 г. прошла крупная фотовыставка «Ленинградский рок-клуб 1980-х», организованная фотоцентром

«Яркий мир PRO» [Выставка]. Ее идея – продемонстрировать визуальную эстетику рок-культуры на материале как опубликованных ранее, так и неизвестных фотографий. Автором выставки стал знаменитый балетный фотограф Валентин Барановский. При этом он также документировал выступления рок-групп в Ленинграде и проводил полуофициальные фотосессии музыкантов. В интервью Барановский отмечает:

Тут важно помнить, что все они – люди. Я в свое время работал фотографом в РИА (Российском информационном агентстве. – А. К.) с 60-х по 80-е годы, снимал президентов, даже умудрился снять творческий вечер Михаила Барышникова, который через год «отвалил» из СССР, творческие труппы и так далее. Я понял, что каждый исполнитель посредством своей головы и тела стремится показать и передать свои чувства и эмоции. То же самое – и на рок-концерте. Тот же Гребенщиков или Кинчев отдавали себя целиком на концертах. Это была фантастика, это надо было видеть! [Фотограф].

Следует отметить выставку «Реалии русского рока», организованную в 2013 г. в арт-центре «Пушкинская, 10» [Выставка «Реалии русского рока»]. Ее главной задачей была демонстрация не только малоизвестных фотографий, но и «ауратичных» предметов – музыкальных инструментов, личных вещей, концертных афиш и документов, принадлежавших музыкантам Ленинградского рок-клуба. Организатором выставки выступил музыкант Владимир Рекшан, лидер группы «Санкт-Петербург», экс-участник ЛРК. Изначально было заявлено, что выставка послужит основой для будущего музея клуба, который планировалось создать через год, но который фактически был открыт только в 2019 г.

Выставки второго типа носят исключительно мемориальный характер и являются попытками репрезентации нарратива об истории ЛРК и отдельных музыкантов. В 2021 г., в год 40-летия ЛРК, были организованы две крупные выставки: «40 лет Ленинградскому рок-клубу» [Ленинградский рок-клуб] и «Ленинградский рок-н-ролл. Золотой век» [Открылась фотовыставка]. Обе они проходили в крупных государственных учреждениях, Русском музее и Музее музыки соответственно, а сама история ленинградского рока была представлена в более широком контексте советской истории – музыкальные события были показаны на фоне более масштабных и резонансных политических событий эпохи.

Выставки третьего типа посвящены отдельным рок-музыкантам и различным аспектам музыкально-художественной жизни Ленинграда 1980-х гг. Их яркими примерами являются выставки «Цой. Не кончится лето» [Цой], прошедшая в 2020 г. в частной художественной галерее «K Gallery», и «Новые художники и музыканты. Взгляд Джоанны Стингрей», состоявшаяся в 2021 г. в частной галерее Arts Square Gallery [Новые художники]. Каждая выставка была направлена на осмысление творчества Виктора Цоя и ленинградской рок-культуры как формы

визуального, а не музыкального искусства (И7; И8). На выставках были представлены картины Цоя, а также музыкантов рок-группы «Кино» и их совместные арт-проекты с другими рок-исполнителями. Обращалось внимание непосредственно на художественную технику: с какими материалами работали музыканты, на каких художников ориентировались, как это соотносилось с их музыкой.

Музей рок-музыки. На основе проведенной в 2013 г. выставки «Реалии русского рока» в 2019 г. на территории арт-центра «Пушкинская, 10» был открыт «Первый национальный музей рок-музыки» [Первый]. Музей не зарегистрирован официально, но функционирует как полноценное выставочное пространство. Его основатель – музыкант Владимир Рекшан, лидер рок-группы «Санкт-Петербург». Отвечая на вопрос о причинах открытия музея истории рок-музыки, Рекшан отмечал:

Я уже не играю рок, а по образованию я историк, хотя никогда по профессии и не работал. Поэтому... решил сначала собирать архив, потом сделать выставку, а потом и открыть музей. Коллекция у меня богатая: тут и гитары, и самопальные усилители, и пластинки, которые мы слушали. Также есть много книг. Вот буквально на днях я установил стеллаж для книг и сделаю еще каталог. Мне кажется, что к этой теме есть интерес, все это важно сохранить (И3).

В музее представлены музыкальные инструменты, концертные афиши, пластинки, книги, проекты неустановленных памятников музыкантам в разных городах России (ил. 2 на цв. вклейке). Здесь нет четкого нарратива об истории ЛРК, главным рассказчиком и гидом является сам Рекшан. По словам сотрудников арт-центра «Пушкинская, 10», многие туристы и горожане не знают о существовании музея, поэтому с начала 2021 г. экскурсионные туры «Ленинградский рок-н-ролл» завершаются его посещением и общением с В. Рекшаном (И3). Музей предстает как пространство живой истории, сочетающее в себе личные архивы и устную историю об ЛРК.

Все описанные выше примеры демонстрируют разные способы коммеморации и репрезентации памяти о ЛРК, в основном членами клуба и современниками. В данном контексте это не только попытка саморефлексии различных представителей бывшего ленинградского рок-сообщества о музыкальном прошлом, но и желание представить свою историю как важную часть истории позднесоветской. История ленинградского рока репрезентирована в основном через конкретных персонажей – музыкантов, журналистов, музыкальных продюсеров, которые считаются основными носителями знаний о феномене. Не меньше внимания уделяется быту и различным музыкальным практикам ленинградских рок-музыкантов, экзотизированным и кажущимся радикально отличными от аналогичных современных практик. Тем не менее, означивание истории ЛРК в качестве город-

ского культурного наследия происходит в основном внутри рок-сообщества и не предполагает «внешней» авторизации – признания в городском официальном пространстве.

На данный момент единственным примером официальной авторизации музыкального наследия является установка памятника Виктору Цою в августе 2020 г. [В Петербурге установили]. Событие можно рассматривать как некий компромисс между городской администрацией, музыкальным и фанатским сообществами. На протяжении 2000–2010-х гг. различные проекты памятников Цою не получили одобрения. В итоге памятник был установлен по случаю 30-летия со дня смерти музыканта в месте, удаленном от площадок, связанных с биографией музыканта.

В последние два года официальная авторизация памяти о В. Цое и некоторых других музыкантах ЛРК катализировала иные способы маркирования музыкального наследия. В 2021 г. был предложен проект установки памятника другому популярному ленинградскому рок-музыканту – Александру Башлачеву [В Петербурге поставят]. Проект был поддержан комиссией по культуре, сохранению историко-культурного наследия и туризму Санкт-Петербурга. В октябре 2021 г. Президентский фонд культурных инициатив одобрил проект биографической выставки, посвященной 60-летию В. Цоя [В Москве]. Выставка была проведена в январе – июле 2022 г. в московском Манеже и стала одной из самых масштабных в постсоветское время попыток репрезентации биографии советского рок-музыканта в более широком контексте позднесоветской популярной культуры [Виктор Цой]. Ориентированная на разные поколения посетителей и задействование возможностей современных социальных медиа, выставка не стремилась к исторической точности, а, напротив, закрепляла миф о Цое как советском рок-герое (И6). В какой степени эти явления получают масштабное развитие и закрепятся в дискурсе авторизованного наследия, а не останутся разовыми явлениями, прогнозировать трудно.

* * *

Память о ЛРК безусловно является образцом самоавторизованного музыкального наследия. В то же время музыкальное наследие Санкт-Петербурга довольно противоречиво и спорно. Оно представлено преимущественно в местах, связанных с музыкальными и художественными сообществами. В основном такое наследие ими поддерживается, но предполагает участие музыкантов и художников разных поколений, что делает его более открытым и гибридным. Рок-сообщество не стремится обозначать музыкальные места современного Петербурга в риторике авторизованного дискурса наследия, в первую очередь из-за нежелания оспаривать значимость истории ЛРК как культурного наследия на официальном уровне. В связи с этим ключевыми площадками формирования музыкального наследия остаются места, возник-

шие в позднесоветское время: бывший сквот и нынешний арт-центр «Пушкинская, 10», рок-клуб «Камчатка», площадь «Эльфийский сад». Ключевыми агентами репрезентации памяти ЛРК и формирования музыкального наследия являются очевидцы и бывшие члены клуба: музыканты, журналисты и фотожурналисты, артисты, сотрудничавшие с музыкантами, посетителями клубных концертов и фестивалей. Случай Петербурга показывает, как возможно формирование самоавторизованного музыкального наследия в условиях, когда на уровне авторизованного дискурса наследия прошлое, связанное с историей позднесоветской рок-музыки, остается практически невидимым⁵.

Список информантов

Информант	Имя	Статус	Год рождения	Место и время интервью
И1	Александра	Сотрудница арт-центра «Пушкинская, 10»	Не указан информантом	Арт-центр «Пушкинская, 10», 15.08.2021
И2	Андрей Бурлака	Музыкальный журналист	1955	Онлайн, 10.07.2021
И3	Владимир Рекшан	Музыкант, создатель Музея рок-музыки	1950	Музей рок-музыки, 15.08.2021
И4	Сергей Наконечный	Экскурсовод	Не указан информантом	Ул. Рубинштейна, 13, 08.08.2020
И5	Сергей Владимиров	Экскурсовод, музыкант	Не указан информантом	«Пушкинская, 10», 15.08.2021
И6	Анастасия	Сотрудник Центрального выставочного зала «Манеж»	Не указан информантом	«Манеж», 13.01.2022
И7	Имя скрыто по просьбе информанта	Сотрудник галереи «K Gallery»	Не указан информантом	«K Gallery», 07.08.2020
И8	Имя скрыто по просьбе информанта	Сотрудник галереи «Arts Square Gallery»	Не указан информантом	«Arts Square Gallery», 31.07.2021
И9	Имя скрыто по просьбе информанта	Сотрудник музея-клуба «Камчатка»	Не указан информантом	«Камчатка», 05.08.2021

Библиографические ссылки

Бурлака А. Рок-энциклопедия. Популярная музыка в Ленинграде-Петербурге. 1965–2005 : в 3 т. М. : Амфора, 2007.

В Москве при поддержке Президентского фонда культурных инициатив пройдет выставка к 60-летию Виктора Цоя // Президентский фонд культурных инициатив : [сайт]. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/public/news/v-moskve-pri-podderzhke-prezidentskogo-fonda-kul%27turnykh-initsiativ-proydet-vystavka-k-60-letiyu-viktora-tsoya> (дата обращения: 30.11.2022).

⁵ Вместе с тем следует отметить, что в опубликованной в 2022 г. Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева «Энциклопедии нематериального культурного наследия России» есть статья И. О. Сакмарова «Авторская музыка Санкт-Петербурга как объект нематериального культурного наследия: проблемы сохранения, актуализации, популяризации» [Сакмаров].

В Петербурге поставят памятник Александру Башлачеву // Lenta.ru : [сайт]. 2021. 24 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/24/bashpamyat/> (дата обращения: 10.12.2022).

В Петербурге установили памятник Цою // Фонтанка.ру : [сайт]. 2020. 14 авг. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/08/14/69422593/> (дата обращения: 10.12.2022).

Викери Д. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2009. С. 205–234.

Виктор Цой. Путь героя : [сайт]. URL: <https://tsoyhero.com> (дата обращения: 11.12.2022).

Владимиров С. Неформальный путеводитель по Петербургу. СПб. : Питер, 2013. 157 с.

Выставка «Ленинградский рок клуб 80-х» В. Барановского // Яркий : [сайт]. 2011. 14 марта. URL: <https://www.yarkiy.ru/posts/404-vystavka-leningradski-rok-klub-80-h-v-baranovskogo> (дата обращения: 10.12.2022).

Выставка «Реалии русского рока» может стать основой для будущего музея // РИА «Новости» : [сайт]. 2013. 16 февр. URL: <https://ria.ru/20130216/501684416.html> (дата обращения: 10.12.2022).

Запорожец О. Н., Колесник А. С. Долгая жизнь мест Цоя: география памяти // Laboratorium. Журн. соц. исслед. 2019. Т. 11, № 2. С. 70–102. DOI 10.25285/2078–1938–2019–11–2–70–102.

Колесник А. С. Музыкальное наследие в Северной Англии: примеры Шеффилда, Манчестера и Ливерпуля // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2022. № 3. С. 35–47. DOI 10.54347/Lab.2022.3.4.

Колесник А. С., Русанов А. В. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2022. Т. 58, № 3. С. 58–69. DOI 10.17072/2219–3111–2022–3–58–69.

Ленинградский рок-клуб в фотографиях. К 40-летию юбилею // Русский музей : [сайт]. URL: <https://rusmuseum.ru/stroganov-palace/exhibitions/leningradskiy-rok-klub-v-fotografiyakh-k-40-letnemu-yubileyu-/> (дата обращения: 08.12.2022).

Мемориальная доска о Ленинградском рок-клубе появилась в Петербурге // Интерфакс-Россия : [сайт]. 2023. 03 окт. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/memorialnaya-doska-o-leningradskom-rok-klube-poyavilas-v-peterburge> (дата обращения: 20.11.2023).

Необычные экскурсии – Ползком по Питеру // ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/polzkom_spb (дата обращения: 05.12.2022).

Новые художники и музыканты. Взгляд Джоанны Стингрей // Arts Square Gallery : [сайт]. URL: <https://artssquaregallery.ru/nerve2021> (дата обращения: 05.12.2022).

Омский аэропорт предложили дополнить именем Егора Летова // Lenta.ru : [сайт]. 2018. 15 окт. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/15/letovomsk/> (дата обращения: 30.11.2022).

Открылась фотовыставка Валентина Барановского «Ленинградский рок-н-ролл. Золотой век» // Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства : [сайт]. URL: https://theatremuseum.ru/news/rock_n_roll_2021 (дата обращения: 07.12.2022).

Первый национальный музей рок-музыки // ВКонтакте : [сайт]. URL: <https://vk.com/club150546226> (дата обращения: 06.12.2022).

Петербургцы предложили установить памятную табличку о бывшей знаменитой рок-студии на Большой Охте // Петерб. вестн. : [сайт]. 2022. 18 февр. URL: <https://spbvestnik.ru/post/peterburzhczy-predlozhili-ustanovit-pamyatnuyu-tablichku-obyvshej-znamenitoj-rok-studii-na-bolshoj-ohte/> (дата обращения: 05.12.2022).

Сакмаров И. О. Авторская музыка Санкт-Петербурга как объект нематериального культурного наследия: проблемы сохранения, актуализации, популяризации // Энциклопедия нематериального культурного наследия России : посв. Году культурного наследия народов России. М. : Ин-т наследия, 2022. С. 552–560.

Стало известно, как будет выглядеть памятная табличка Ленинградского рок-клуба // Петерб. вестн. : [сайт]. 2022. 09 марта. URL: <https://spbvestnik.ru/post/stalo-izvestno-kak-budet-vyglyadet-pamyatnaya-tablichka-leningradskogo-rok-kluba/> (дата обращения: 03.12.2022).

Стингрей Д., Стингрей М. Стингрей в Зазеркалье / пер. А. Кан. М. : АСТ, 2019а. 288 с.

Стингрей Д., Стингрей М. Стингрей в Стране Чудес / пер. А. Кан. М. : АСТ, 2019b. 368 с.

Фотограф Валентин Барановский сравнил Кинчева и Гребенщикова с танцорами балета // Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства : [сайт]. URL: https://theatremuseum.ru/smi/fotograf_vb (дата обращения: 05.12.2022).

Цой. Не кончится лето. Живопись. Графика. Полароиды // K Gallery : [сайт]. URL: <http://www.kgallery.ru/new/162.html> (дата обращения: 05.12.2022).

Экскурсия «Ленинградский Рок-н-ролл» // ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/rock_i_piter (дата обращения: 30.11.2022).

Lashua B. Popular Music, Popular Myth and Cultural Heritage in Cleveland: The Moondog, the Buzzard and the Battle for the Rock and Roll Hall of Fame. Bingley : Emerald Group Publ., 2019. 145 p.

Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 2015. 680 p.

Music and Heritage: New Perspectives on Place-Making and Sonic Identity / ed. by L. Maloney, J. Schofield. L. ; N. Y. : Routledge, 2021. 241 p.

Popular Music, Cultural Memory, and Heritage / ed. by A. Bennett, S. Janssen. L. ; N. Y. : Routledge, 2019. 140 p.

Preserving Popular Music Heritage: Do-it-Yourself, Do-it-Together / ed. by S. Baker. L. ; N. Y. : Routledge, 2015. 282 p.

Ramones Museum : [website]. URL: <https://www.ramonesmuseum.com> (accessed: 11.12.2022).

Remembering Popular Music's Past: Memory-Heritage-History / ed. by L. Istvandy, S. Baker, Z. Cantillon. L. : Anthem Press, 2019. 244 p.

Roberts L., Cohen S. Unauthorising Popular Music Heritage: Outline of a Critical Framework // Intern. Journ. of Heritage Studies. 2014. Vol. 20, № 3. P. 241–261. DOI 10.1080/13527258.2012.750619.

Sites of Popular Music Heritage: Memories, Histories, Places / ed. by S. Cohen, R. Knifton, M. Leonard, L. Roberts. L. ; N. Y. : Routledge, 2014. 274 p.

Smith L. The Uses of Heritage. L. ; N. Y. : Routledge, 2006. 368 p.

The Routledge Companion to Popular Music History and Heritage / ed. by S. Baker, C. Strong, L. Istvandy, Z. Cantillon. L. ; N. Y. : Routledge, 2018. 432 p.

Waterton E., Watson S. Framing Theory: Towards a Critical Imagination in Heritage Studies // Intern. J. of Heritage Studies. 2013. Vol. 19, № 6. P. 546–561. DOI 10.1080/13527258.2013.779295.

Wickström D.-E. “Okna otkroi!” – “Open the Windows!” Transcultural Flows and Identity Politics in the St Petersburg Popular Music Scene. Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2011. 340 p.

Zaporozhets O., Kolesnik A. Music Geography in Russia: Non-Auratic Places and Institutionalization “in Becoming” // J. of Cultural Geography. 2020. Vol. 37, № 1. P. 1–25. DOI 10.1080/08873631.2019.1703450.

References

Baker, S. (Ed.). (2015). *Preserving Popular Music Heritage: Do-it-Yourself, Do-it-Together*. L., N. Y., Routledge. 282 p.

Baker, S., Strong, C., Istvandy, L., Cantillon, Z. (Eds.). (2018). *The Routledge Companion to Popular Music History and Heritage*. L., N. Y., Routledge. 432 p.

Bennett, A., Janssen, S. (Eds.). (2019) *Popular Music, Cultural Memory, and Heritage*. L., N. Y., Routledge. 140 p.

Burlaka, A. (2007). *Rok-entsiklopediya. Populyarnaya muzyka v Leningrade-Peterburge. 1965–2005 v 3 t.* [Rock Encyclopedia. Popular Music in Leningrad-Petersburg. 1965–2005. 3 Vols.]. Moscow, Amfora.

Cohen, S., Knifton, R., Leonard, M., Roberts, L. (Eds.). (2014). *Sites of Popular Music Heritage: Memories, Histories, Places*. L., N. Y., Routledge. 274 p.

Экскурсия “Ленинградский Рок-н-Ролл” [Leningrad Rock and Roll Tour]. In *Vkontakte* [website]. URL: https://vk.com/rock_i_piter (accessed: 30.11.2022).

Fotograf Valentin Baranovskii sravnil Kincheva i Grebenshchikova s tantsorami baleta [Photographer Valentin Baranovsky Compared Kinchev and Grebenshchikov with

Ballet Dancers]. (N. d.). In *Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi muzei teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva* [website]. URL: https://theatremuseum.ru/smi/fotograf_vb (accessed: 05.12.2022).

Istvandity, L., Baker, S., Cantillon, Z. (Eds.). (2019). *Remembering Popular Music's Past: Memory-Heritage-History*. L., Anthem Press. 244 p.

Kolesnik, A. S. (2022) Muzykal'noe nasledie v Severnoi Anglii: primery Sheffilda, Manchester i Liverpulya [Musical Heritage in Northern England: The Examples of Sheffield, Manchester, and Liverpool]. In *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*. No. 3, pp. 35–47. DOI 10.54347/Lab.2022.3.4.

Kolesnik, A. S., Rusanov, A. V. (2022) Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediya v sovremennykh sotsial'nykh i humanitarnykh naukakh [Heritage as a Process: Discussions about the Concept of Cultural Heritage in Modern Social Sciences and the Humanities]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 58. No. 3, pp. 58–69. DOI 10.17072/2219–3111–2022–3–58–69.

Lashua, B. (2019). *Popular Music, Popular Myth and Cultural Heritage in Cleveland: The Moondog, the Buzzard and the Battle for the Rock and Roll Hall of Fame*. Bingley, Emerald Group Publ. 145 p.

Leningradskii rok-klub v fotografiiakh. K 40-letnemu yubileyu [Leningrad Rock Club in Photographs. For the 40th Anniversary]. (N. d.). In *Russkii muzei* [website]. URL: <https://rusmuseum.ru/stroganov-palace/exhibitions/leningradskiy-rok-klub-v-fotografiiakh-k-40-letnemu-yubileyu/> (accessed: 08.12.2022).

Lowenthal, D. (2015). *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press. 680 p.

Maloney, L., Schofield, J. (Eds.). (2021). *Music and Heritage: New Perspectives on Place-Making and Sonic Identity*. L., N. Y., Routledge. 241 p.

Memorial'naya doska o Leningradskom rok-klube poyavilas' v Peterburge [A Memorial Plaque to the Leningrad Rock Club Installed in St Petersburg]. In *Interfaks-Rossiya* [website]. Oct. 3. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/memorialnaya-doska-o-leninradskom-rok-klube-poyavilas-v-peterburge> (accessed: 20.11.2023).

Neobychnye ekskursii – Polzkom po Piteru [Unusual Excursions – Crawling around St Petersburg]. (N. d.). In *Vkontakte* [website]. URL: https://vk.com/polzkom_spb (accessed: 05.12.2022).

Novye khudozhniki i muzykanty. Vzgl'yad Dzhoanny Stingrei [New Artists and Musicians. View of Joanna Stingray]. (N. d.). In *Arts Square Gallery* [website]. URL: <https://artssquaregallery.ru/nerve2021> (accessed: 05.12.2022).

Omskii aeroport predlozhili dopolnit' imenem Egora Letova [Omsk Airport Proposed to Be Named after Yegor Letov]. (2018). In *Lenta.ru* [website]. Oct. 15. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/15/letovomsk/> (accessed: 30.11.2022).

Otkrylas' fotovystavka Valentina Baranovskogo “Leningradskii rok-n-roll. Zolotoi vek” [Leningrad Rock-n-Roll. Golden Age, a Photography Exhibition by Valentin Baranovsky]. (N. d.). In *Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi muzei teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva* [website]. URL: https://theatremuseum.ru/news/rock_n_roll_2021 (accessed: 07.12.2022).

Pervyi natsional'nyi muzei rok-muzyki [The First National Museum of Rock Music]. (N. d.). In *Vkontakte* [website]. URL: <https://vk.com/club150546226> (accessed: 06.12.2022).

Peterburzhtsy predlozhili ustanovit' pamyatnuyu tablichku o byvshei znamenitoi rok-studii na Bol'shoi Okhte [Petersburgers Propose to Commission a Commemorative Plaque for the Former Famous Rock Studio on Bolshaya Okhta]. (2022). In *Peterburgskii vestnik* [website]. Feb. 18. URL: <https://spbvestnik.ru/post/peterburzhtsy-predlozhili-ustanovit-pamyatnuyu-tablichku-o-byvshej-znamenitoj-rok-studii-na-bolshoj-okhte/> (accessed: 05.12.2022).

Ramones Museum [website]. URL: <https://www.ramonesmuseum.com> (accessed: 11.12.2022).

Roberts, L., Cohen, S. (2014). Unauthorising Popular Music Heritage: Outline of a Critical Framework. In *Intern. J. of Heritage Studies*. Vol. 20. No. 3, pp. 241–261. DOI 10.1080/13527258.2012.750619.

Sakmarov, I. O. (2022). Avtorskaya muzyka Sankt-Peterburga kak ob'ektnematerial'nogo kul'turnogo naslediya: problemy sokhraneniya, aktualizatsii, populyarizatsii [Author's Music of St Petersburg as an Object of Intangible Cultural Heritage: Issues of Preservation, Actualisation, and Popularisation]. In *Entsiklopediya nematerial'nogo kul'turnogo*

naslediya Rossii. Posvyashchaetsya Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii. Moscow, Institut naslediya, pp. 552–560.

Smith, L. (2006). *The Uses of Heritage*. L., N. Y., Routledge. 368 p.

Stalo izvestno, kak budet vyglyadet' pamyatnaya tablichka Leningradskogo rok-kluba [The Design of the Commemorative Plaque of the Leningrad Rock Club Revealed]. (2022). In *Peterburgskii vestnik* [website]. March 9. URL: <https://spbvestnik.ru/post/stalo-izvestno-kak-budet-vyglyadet-pamyatnaya-tablichka-leningradskogo-rok-kluba/> (accessed: 03.12.2022).

Stingray, J., Stingray, M. (2019a). *Stingrei v Zazerkal'e* [Stingray through the Looking Glass]. Moscow, AST. 288 p.

Stingray, J., Stingray, M. (2019b). *Stingrei v Strane Chudes* [Stingray in Wonderland]. Moscow, AST. 368 p.

Tsoi. Ne konchitsya leto. Zhivopis'. Grafika. Polaroidy [Tsoi. Summer Won't End. Painting. Graphic Arts. Polaroids]. (N. d.). In *K Gallery* [website]. URL: <http://www.kgallery.ru/new/162.html> (accessed: 05.12.2022).

V Moskve pri podderzhke Prezidentskogo fonda kul'turnykh initsiativ proidet vystavka k 60-letiyu Viktora Tsoya [An Exhibition Dedicated to the 60th Anniversary of Viktor Tsoi to Be Held in Moscow with the Support of the Presidential Fund for Cultural Initiatives]. (N. d.). In *Prezidentskii fond kul'turnykh initsiativ* [website]. URL: <https://fondkul'turnyhiniciativ.rf/public/news/v-moskve-pri-podderzhke-prezidentskogo-fonda-kul'turnykh-initsiativ-proidet-vystavka-k-60-letiyu-viktora-tsoya> (accessed: 30.11.2022).

V Peterburge postavlyat pamyatnik Aleksandru Bashlachevu [A Monument to Alexander Bashlachev to Be Erected in St Petersburg]. (2021). In *Lenta.ru* [website]. Aug. 24. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/24/bashpamyat/> (accessed: 10.12.2022).

V Peterburge ustanovili pamyatnik Tsoyu [A Monument to Tsoi Erected in St Petersburg]. (2020). In *Fontanka.ru* [website]. Aug. 14. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/08/14/69422593/> (accessed: 10.12.2022).

Vikeri, D. (2009) Vozrozhdenie gorodskih prostranstv posredstvom kul'turnykh proektov – sintez sotsial'noi, kul'turnoi i gorodskoi politiki [The Revival of Urban Spaces through Cultural Projects – a Synthesis of Social, Cultural, and Urban Policy]. In Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, E. (Eds.). *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati*. Moscow, Variant, Tsentr sotsial'noi politiki i gendernykh issledovaniy, pp. 205–234.

Viktor Tsoi. Put' geroya [Viktor Tsoi. The Hero's Path] [website]. (N. d.). URL: <https://tsoyhero.com> (accessed: 11.12.2022).

Vladimirov, S. (2013). *Neformal'nyi putevoditel' po Peterburgu* [An Informal Guide to St Petersburg]. St Petersburg, Piter. 157 p.

Vystavka “Leningradskiu rok klub 80-kh” V. Baranovskogo [The *Leningrad Rock Club of the 80s* Exhibition by V. Baranovsky]. (2011). In *Yarkii* [website]. March 14. URL: <https://www.yarkiy.ru/posts/404-vystavka-leningradski-rok-klub-80-h-v-baranovskogo> (accessed: 10.12.2022).

Vystavka “Realii russkogo roka” mozhet stat' osnovoi dlya budushchego muzeya [The *Realities of Russian Rock* Exhibition Can Become the Basis for a Future Museum]. (2013). In *RIA “Novosti”* [website]. Feb. 16. URL: <https://ria.ru/20130216/501684416.html> (accessed: 10.12.2022).

Waterton, E., Watson, S. (2013). Framing Theory: Towards a Critical Imagination in Heritage Studies. In *Intern. J. of Heritage Studies*. Vol. 19. No. 6, pp. 546–561. DOI 10.1080/13527258.2013.779295.

Wickström, D.-E. (2011). “Okna otkroi!” – “Open the Windows!” *Transcultural Flows and Identity Politics in the St Petersburg Popular Music Scene*. Stuttgart, Ibidem-Verlag. 340 p.

Zaporozhets, O. N., Kolesnik, A. S. (2019). Dolgaya zhizn' mest Tsoya: geografiya pamyati [Long Life of Tsoi Places: Geography of Memory]. In *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 11. No. 2, pp. 70–102. DOI 10.25285/2078–1938–2019–11–2–70–102.

Zaporozhets, O., Kolesnik, A. (2020). Music Geography in Russia: Non-Auratic Places and Institutionalization “in Becoming”. In *J. of Cultural Geography*. Vol. 37. No. 1, pp. 1–25. DOI 10.1080/08873631.2019.1703450.

The article was submitted on 11.12.2022

Origines

Неизвестные молитвы из древнерусской пергаменной Псалтыри студийской эпохи*

Антон Щепёткин

Миссионерский институт,
Екатеринбург, Россия

Unknown Prayers from the Old Russian Parchment Psalter of the Studite Era

Anton Shchepetkin

Missionary Institute,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the specifics of the set of prayers in the Old Russian psalters of the Studite era (before the early fifteenth century). The psalters of this period were distinguished by a wide variety of prayers after cathismata (in contrast to the modern psalters with a fixed set of prayers). Pre-revolutionary researchers, such as archimandrite Amphilochius (Sergievsky-Kazantsev) and V. Pogorelov and modern scholars G. R. Parpulov and priest Ilia Shugaev, examined the issue. However, most of these researchers considered not all but only part of the Old Russian psalters. Since many Old Russian prayers remain unexplored and unpublished, this issue is still relevant for scholarship. This article is devoted to the parchment manuscript of the Typographic Collection No. 28 (mid-fourteenth century) kept in the Russian State Archive of Ancient Acts. The set of prayers of this psalter is considered against the background of a wide range of Old Russian psalters, horologia, and liturgical collections. The manuscript contains 17 prayers. Only three prayers are now in liturgical use; three prayers are typical of Old Russian psalters and horologia; four prayers are less common and can only be found in some cases. The rest are either rare or (partially or completely) unique. Five of these 17 prayers make part of the early printed editions of the Psalter (1632 and 1636). The Greek original of

* Citation: Shchepetkin, A. (2023). Unknown Prayers from the Old Russian Parchment Psalter of the Studite Era. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1357–1370. DOI 10.15826/qr.2023.4.852.

Цитирование: Shchepetkin A. Unknown Prayers from the Old Russian Parchment Psalter of the Studite Era // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1357–1370. DOI 10.15826/qr.2023.4.852 / Щепёткин А. Неизвестные молитвы из древнерусской пергаменной Псалтыри студийской эпохи // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1357–1370. DOI 10.15826/qr.2023.4.852.

some prayers is known (in particular, two prayers originate from *Pandektos* by monk Antiochus), while some of the rest may be the creation of a Slavic author. The published text of four prayers from this manuscript (after cathismata 9, 11, 18, and 20) has never been examined previously. In terms of their message, the prayers are diverse as their tone varies from repentance to praise, with a pronounced didactic note. The author skillfully and professionally quotes the Bible and the Triodion (prayer after cathisma 11) and conveys the “sobbing” intonations of lamentation (prayer after cathisma 18).

Keywords: Old Russian literature, Old Russian psalters, Old Russian worship, private prayers

Рассматривается набор молитв в древнерусских псалтырях студийской эпохи (до начала XV в.). Псалтыри данного периода отличались пестрым многообразием молитв по кафизмам (в отличие от современной Псалтири с фиксированным набором). Этого материала касались дореволюционные исследователи (архимандрит Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), В. Погорелов), а также современные ученые (Г. Р. Парпулов и священник Илия Шугаев), однако в большинстве случаев рассматривалась лишь часть содержания древнерусских псалтырей. Многие древнерусские молитвы этого времени до сих пор остаются неизученными и неопубликованными. Предлагаемая статья посвящена пергаменной рукописи Типографского собрания № 28 (сер. XIV в.), хранящейся в РГАДА. Набор молитв данной Псалтыри рассматривается на фоне широкого круга древнерусских псалтырей, часословов и богослужебных сборников. Из 17 молитв данной рукописи лишь три находятся ныне в богослужебном употреблении, еще три довольно типичны для древнерусских псалтырей и часословов, еще четыре встречаются реже. Остальные являются либо очень редкими, либо (частично или полностью) уникальными. Пять из 17 молитв находятся в составе ранних печатных изданий Псалтыри (1632 и 1636 гг.). Для некоторых из них известен греческий оригинал (в частности, две взяты из «Пандект» монаха Антиоха), остальные, вероятно, являются творением славянского автора. Публикуемые тексты четырех молитв из данной рукописи (по 9-й, 11-й, 18-й и 20-й кафизмам) вводятся в научный оборот впервые. Молитвы разнообразны по выражаемой патетике: от покаяния до похвалы, с ярко представленной дидактикой. Автор рукописи профессионально цитирует Библию и Триодь (молитва по 11-й кафизме), передает «рыдающие» интонации причитания (молитва по 18-й кафизме).

Ключевые слова: древнерусская литература, древнерусские псалтыри, древнерусское богослужение, келейные молитвы

Современная Псалтирь для келейного чтения содержит по три-четыре тропаря и одной молитве в конце каждой кафизмы. Набор тропарей и молитв, прежде чем стать привычным и устоявшимся, прошел длительный путь формирования. В рукописях XII–XIV вв. (говоря о псалтырях древнерусской эпохи, принято употреблять тер-

мин «псалтырь») этот набор был еще весьма далек от известного варианта. Практически невозможно найти даже две рукописи Псалтыри этого времени, имеющие идентичный набор тропарей и молитв.

Процесс формирования системы тропарей и молитв по кафизмам изучался на материале греческих рукописей Г. Р. Парпуловым [Parpulov], а на материале древнерусских – архимандритом (позже епископом) Амфилохием (Сергиевским-Казанцевым) [Амфилохий] в XIX в., В. А. Погореловым [Погорелов] в начале XX в. и священником Илией Шугаевым [Шугаев, с. 145–154] в наше время. В трудах архимандрита Амфилохия и В. А. Погорелова содержатся публикации многих бытовавших в Древней Руси молитв, ныне не употребляющихся в богослужебной практике и забытых¹.

В упомянутой Погореловым пергаменной рукописи Типографского собрания (далее – Тип.) № 28 содержится специфический набор молитв по кафизмам, часть из которых не введена в научный оборот². Для публикации отобрано четыре молитвы из рукописной Псалтыри, наиболее оригинальные и значимые для истории сакральной словесности³.

Состав рукописной Псалтыри середины XIV в. (РГАДА. Тип. 28)

Начальная часть данной рукописи утрачена, и молитвы по 1-й, 2-й и 3-й кафизмам в манускрипте отсутствуют. Однако к начальным кафизмам набор молитв в Древней Руси был относительно стабилен (хотя и в нем имела вариативность). Статистический анализ показывает, что большинство древнерусских псалтырей помещало по 1-й кафизме молитву «Божье праведнии, хвалении» (в Тип. 27, л. 9 она носит название «Молитва свѣтаго Зинова»), по 2-й кафизме – «Господи, иже надъ Лазоремъ плакавъса...», а по 3-й – «Господи Божье, Спаси и теле лю нашъ, скровище благыхъ». Очень вероятно, что и Псалтырь Тип. 28 содержала эти молитвы. Молитва святого Зинова

¹ Архим. Амфилохий опубликовал многие молитвы из рукописей: ГИМ. Хлуд. 3, Син. 235, Син. 325; РГАДА. Тип. 27, Тип. 34 [Амфилохий, с. 1–221]. В. А. Погорелов составил описание псалтырей Типографского собрания РГАДА и опубликовал часть молитв [Погорелов, с. 17–20].

² Согласно описанию В. А. Погорелова, рукопись представляет собой Псалтырь без начала и конца, написана старательным некрупным уставом середины XIV в. (высота строчной буквы 2–3 мм) на пергамене в малый лист (13 × 17 см), 201 л. [Погорелов, с. 9].

³ Тексты молитв и заголовков публикуется с сохранением особенностей орфографии памятника, при использовании гарнитуры гражданской азбуки сохраняем литеры ъ, ѣ, ѧ, ѿ. Титлы при наборе раскрываются, недостающие литеры восстанавливаются и помещаются в одиночные кавычки. Выносные буквы вносятся в строку и отмечаются курсивом. Вводятся пробелы между словами, расставляются абзацы и добавляются знаки препинания, вводятся прописные литеры в начале предложения для имен собственных и сакральных сущностей. В сносках указываются разночтения по другим рукописям. При этом для краткости рукописи обозначены цифрами: Тип. 28 – «28», Тип. 29 – «29» и т. д.; Троиц. III 7 – «7». Одна из молитв в рукописи Тип. 29 встречается два раза; разночтения по первому и по второму тексту обозначаются как «29.1» и «29.2».

имеет два варианта – полный и краткий⁴, по 1-й кафизме псалтырей чаще приводится краткий. В Тип. 28 после 14 кафизмы (л. 123 об.), после крестообразного знака с точками на специальном листе отдельно выписано окончание полного варианта начиная со слов «възми оружыѣ и щитъ». Скорее всего, эта молитва была дана в рукописи по 1-й кафизме, и именно в краткой форме, а писец, осознав многовариантность текста, счел нужным добавить пространное ее окончание.

По 4-й кафизме находится молитва «Влѣдѣко Господи, Отьче щедротъ, Божѣ всего оутѣшения» (л. 9 об. – 10 об.)⁵. Она типична для древнерусских псалтырей и часто встречается в них⁶, а также в древнерусских часословах (чин полунощницы)⁷. Находится в старопечатной Псалтыри 1632 г. [Псалтырь] (2-я часть, л. 74 об. – 75 об., по 3-й каф.). Это же можно сказать и про последующие издания Псалтыри XVII в., например, про издание 1636 г., в плане молитв полностью повторяющее издание 1632 г. Впрочем, детальное исследование всех старопечатных псалтырей не входило в рамки нашей работы.

По 5-й кафизме находится молитва «Господи Божѣ Вседержителю, единый юси блѣгъ и челоуѣкъколюбыѣ» (л. 19 об. – 20). Она также является типичной для древнерусских псалтырей и часто встречается в них⁸. Имеется она и в старопечатной Псалтыри [Псалтырь, ч. 2, л. 76–77] (по 4-й каф.)⁹. Она имеет сходство с современной молитвой по 12-й кафизме и происходит из сочинения «Пандекты» монаха Антиоха (VI–VII вв.) [Антиох, с. 476–477].

По 6-й кафизме находится молитва «Господи Божѣ нашъ, Втѣче истиннаго свѣта» (л. 32–32 об.). Она тоже часто встречается в псалтырях¹⁰. В древнерусских часословах она является молитвой 1-го ночного часа¹¹. Имеется в старопечатной Псалтыри [Псалтырь,

⁴ Полный вариант опубликован: [Ефрем Сирий, с. 10–11; Норовская Псалтырь, с. 249–252].

⁵ Опубликована: [Амфилохий, с. 41].

⁶ Здесь и далее при указании на тексты в рукописях информация о кафизмах приводится в случае их несовпадения с основной – РГАДА. Тип. 28. Гильф. 17 (л. 20–20 об.), Григ. 4 (л. 153 об. – 154 об.), Син. 325 (л. 217–217 об.), Тип. 27 (л. 48 об. – 49 об.), Тип. 32 (л. 43–44), Черт. 251 (л. 48 об. – 49 об.), ЯМЗ 15482 (л. 19–19 об.), Ф.п.1.1 (л. 63 об. – 64 об., по 5 каф.), Ф.п.1.3 (л. 49 об. – 50 об., по 5-й каф.), Ф.п.1.4 (л. 34 об. – 35), Ф.1.828 (л. 16).

⁷ Соф. 1052 (л. 162 об. – 163 об.), полунощница – Тип. 29 (л. 3 об. – 4 об.).

⁸ Гильф. 17 (л. 28–29), Григ. 4 (л. 154 об. – 155), Син. 325 (л. 220–220 об.), Тип. 27 (л. 62–63), Тип. 32 (л. 53 об. – 54), Тип. 34 (л. 21–21 об., по 3-й каф.), Троиц. III 7 (л. 44 об. – 45, по 3-й каф.), Черт. 251 (л. 61–62 об.), ЯМЗ 15482 (л. 27 об. – 28), Ф.п.1.4 (л. 41 об. – 42), Ф.1.828 (л. 19 об.).

⁹ Опубликована: [Амфилохий, с. 42].

¹⁰ Гильф. 17 (л. 39–39 об.), Григ. 4 (л. 155 об.), Сол. 754/864 (л. 26), Тип. 27 (л. 76 об. – 77 об.), Тип. 29 (л. 62–62 об., по 5-й каф.), Тип. 30 (л. 79–79 об., по 11-й каф.), Тип. 32 (л. 66–66 об.), Тип. 222 (л. 12 об. – 13, по 1-й каф.), Троиц. I 49 (л. 12 об., по 11-й каф.), Черт. 251 (л. 77 об.), ЯМЗ 15482 (л. 38 об. – 39), Ф.п.1.4 (л. 50–50 об.), Ф.1.828 (л. 24).

¹¹ Q.п.1.57 (л. 154 об. – 155), Соф. 1052 (л. 122 об.), О.п.1.2 (л. 27 об. – 28). О ночных часах см.: [Щепёткин, 2021].

ч. 2, л. 77 об.] (по 5-й каф.)¹². Текст молитвы взят из окончания беседы № 2 на Шестоднев свт Василия Великого¹³.

По 7-й кафизме стоит хорошо известная нам молитва «Вседържителю, Слово W<ть>че» (л. 41 об. – 42). В современном богослужении это 2-я молитва вечернего келейного правила, и она нередко встречается в псалтырях¹⁴. Имеется в старопечатной Псалтыри [Псалтырь, ч. 2, л. 87 об. – 88 об.] (по 12-й каф.)¹⁵. Как и молитва по 5-й кафизме, происходит из «Пандект» Антиоха [Антиох, с. 467–468].

По 8-й кафизме это 9-я молитва вечернего правила «Тебе, Прѣ<ч>и<ст>ѣи Б<ож>ии М<а>т<е>ри» (л. 50 об. – 51). Она время от времени встречается в псалтырях¹⁶.

Молитва по 9-й кафизме «Господи Б<ож>е Прѣ<вѣ>чныи, Невидимый» (л. 59 об. – 60) иногда встречается в рукописных псалтырях: Син. 325 (л. 233 об. – 234), Тип. 30 (л. 119–119 об., по 17 каф.), Тип. 32 (л. 96–96 об.), Тип. 34 (л. 162 об. – 163, по 18 каф.), Тип. 35 (л. 177 об. – 178 об., по 17-й каф.). В Псалтыри Тип. 29 она встречается два раза (по 9-й каф., л. 102–102 об., и ее вариант с разночтениями, написанный другим почерком – по 16-й каф., л. 177 об. – 178). Данная молитва была опубликована [Соболевский, с. 76], но, поскольку журнал с публикацией найти не так легко, мы приведем текст в приложении. А. И. Соболевский считал, что происхождение выбранных им молитв – западное. По этому поводу можно заметить, что некоторые из комплекта опубликованных им молитв действительно имеют ряд очевидных признаков латинского происхождения, например, «молитва св. Григория, папы Римского» [Там же, с. 68–70], которая содержит обращение к апостолу Петру, держащему ключи Царства Небесного. Однако в тот же комплект были включены и молитвы, имеющие (как впоследствии оказалось) греческий оригинал, например, молитва «Вл<а>д<ы>чице моя Б<огороди>це Ч<е>л<о>вѣ<ко>любице» [Там же, с. 76–77]¹⁷. Что касается молитвы «Господи Б<ож>е Прѣ<вѣ>чныи, Невидимый», то для нее греческий оригинал нами не найден, однако не имеется и явных признаков западного происхождения – источник остается неизвестным.

По 10-й кафизме находится молитва «Исусъ, сп<а>с<ь>ноѣ Имѧ» (л. 69 об. – 72), полностью встречающаяся только в нашей рукописи (Тип. 28). Часть этой молитвы – со слов «Го<с>поди Иису<се> Хри<сте>, Ц<ь>с<а>рю

¹² Опубликована по одной рукописи [Амфилохий, с. 43], имеется и критическое издание по часословам [Щепёткин, 2021, с. 278–279].

¹³ По инципитарию Г. Парпулова № 15 [Parpulov, p. 198].

¹⁴ Рум. 327 (л. 25 об., 75, 2-я молитва по 14-й каф.), Син. 235 (л. 140 об. – 141, 2-я молитва по 9-й каф.), Син. 325 (л. 224 об., по 6-й каф.), Сол. 748/858 (молитвы «всегда должно есть спать», л. 44 об. – 46), Тип. 32 (л. 76 об. – 77), Тип. 388 (л. 368–369).

¹⁵ Опубликована: [Амфилохий, с. 51–52].

¹⁶ Рум. 327 (л. 40–40 об., 2-я молитва по 10-й каф.), Син. 325 (л. 237–237 об., по 10-й каф.), Сол. 748/858 (молитвы «всегда должно есть спать», л. 51 об. – 53), Тип. 32 (л. 86–86 об.), Тип. 222 (л. 119 об. – 120 об., по 10-й каф.), Троиц. I 49 (л. 128–129, по 10-й каф.), Троиц. III 7 (л. 105–106, по 6-й каф.), Фп. I.4 (л. 70 об., по 9-й каф.).

¹⁷ По инципитарию Г. Парпулова № 302 [Parpulov, p. 184].

Прѣсѡваѣтъи, єдине бесмѣртѣне чѣлѡвѣколюбче Господи, Своіми оусты реклъ єси» – имеется в Тип. 33 (л. 131 об. – 132, по 19-й каф.)¹⁸.

Молитва по 11-й кафизме «Благодаримъ Тѧ, Преблагыи Господи, Приснотекущи Источницѣ» (л. 83 об. – 85 об.) не опубликована. Она имеется также в Тип. 32 (л. 119 об. – 121 об.), Тип. 34 (л. 99 об. – 101) и Троиц. III 7 (л. 120–122, по 7-й каф.).

Молитва по 12-й кафизме «Господи Божє мои, помилуй мѧ, послѣ Сѡваѣтъи Твои Дѹхъ и наоучи мѧ каятисѧ» (л. 94–96) встречается, кроме Тип. 28, только в Тип. 34 (л. 109–110 об.)¹⁹.

Молитва по 13-й кафизме «Ты, Владѣыко Чѣлѡвѣколюбче, створилъ мѧ єси и самовластїемъ почѣстилъ мѧ єси» (л. 104 об. – 105 об.) периодически встречается в псалтырях²⁰, включая старопечатную [Псалтырь, ч. 2, л. 83–84 об.] (по 9-й каф.)²¹.

Молитва по 14-й кафизме «Владѣыко Господи, Творчеи Оучителю покаянію и мѡлїтвѣ» (л. 114–116) встречается только в этой рукописи, хотя имеет схожий вариант («Сѣкровище бл҃гымъ Господи Божє нашъ, давыи чѣлѡвѣкомъ покаянїемъ ѿпущение»²²).

Молитва по 15-й кафизме «Отьче и Сѣыне и Сѡваѣтъи Дѹсѣ, Ты єси Богъ безгрѣшнъ» (л. 126–128) встречается еще только в Тип. 34 (л. 126 об. – 128 об., по 14-й каф.)²³.

Молитва по 16-й кафизме «Господи Исѹсе Христѣ, Има Твоє призываю и Твоимъ Именемъ живоу» (л. 135–136 об.) представляет собой молитву 8-го часа в знаменитом манускрипте «Ярославский часослов» ЯМЗ 15481 (л. 11–13 об.). Встречается в псалтирях²⁴.

Молитва по 17-й кафизме «Господи Божє нашѣ», истинную сияніє Ѡтъче» (л. 147 об. – 148 об.) является полунощной молитвой из комплекса молитв свт Василия Великого²⁵. Встречается в часословах в чине полунощницы²⁶, в псалтырях²⁷. Греческий текст ее содержится в манускрипте [BnF. Coislin. 213. F. 78r–78v]²⁸.

¹⁸ Опубликована: [Погорелов, с. 17–19].

¹⁹ Опубликована: [Там же, с. 19–20].

²⁰ Тип. 34 (л. 118–119), Тип. 222 (л. 218–219, по 19-й каф.), Троиц. I 49 (л. 236–237 об., по 19-й каф.), Троиц. III 7 (л. 254 об. – 256 об., по 1-й каф.), Ф.п. I.4 (л. 107 об. – 108, по 14-й каф.).

²¹ Опубликована: [Амфилохий, с. 47–48].

²² Имеется в: Хлуд. 3 (л. 64 об. – 66, по 5-й каф.), Ф.п. I.2 (л. 280–282 об., по 18-й каф.). Данная молитва Тип. 28 готовится к публикации [Щепѣткин, 2023].

²³ Готовится к публикации [Щепѣткин, 2023].

²⁴ Тип. 32 (л. 169–171), Тип. 34 (л. 136–137 об., по 15-й каф.), Ф.п. I.4 (л. 114 об. – 115 об., по 15-й каф.). Опубликована: [Andreev, p. 339; Соболевский, с. 72–73].

²⁵ О нем см.: [Щепѣткин, Макаров].

²⁶ Соф. 1052 (л. 169–170), Тип. 29 (л. 2 об. – 3 об.).

²⁷ Тип. 32 (л. 183–184), Тип. 34 (л. 143 об. – 144 об., по 16-й каф.), Ф.п. I.4 (л. 120 об. – 121, по 16-й каф.), а также в богослужебном сборнике Тип. 388 (л. 358 об. – 359 об.). Опубликована как на греческом [Дмитриевский, с. 1007–1008], [Duncan, p. 118], так и на славянском [Щепѣткин, Макаров, с. 468] языках.

²⁸ По инципитарию Парпулова № 355 [Parpulov, p. 199].

Молитва по 18-й кафизме «О лють мнѣ сквърньному и нечѣисту» (л. 156–158) не опубликована. Она содержится также в Тип. 32 (л. 191 об. – 194) и Тип. 34 (л. 76–78, по 9-й каф.).

Молитва по 19-й кафизме «Господи, Цѣлсѣрю неѣбѣсѣньни, Оутѣшителю, Дѣуше истинньни» (л. 167–168 об.) – ныне 3-я молитва вечернего правила. Встречается как в древнерусских часословах²⁹, так и в псалтырях³⁰.

Молитва по 20-й кафизме «Господи Божье мои! Прославляю Тя и величаю Имя Твою» (л. 175 об. – 177) уникальна и, насколько нам известно, присутствует лишь в данной рукописи.

Итак, текст рукописи РГАДА, Тип. 28, содержит 17 молитв. Только три из них (по 7-й, 8-й и 19-й кафизмам) находятся в современном келейном обиходе и являются, соответственно, 2-й, 9-й и 3-й молитвами вечернего правила. Молитвы по 4-й, 5-й, 6-й кафизмам типичны для древнерусских псалтырей, а также могут встречаться в древнерусских часословах (в чине полунощницы, ночных часов). Молитвы по 9-й, 13-й, 16-й и 17-й кафизмам более редки, однако периодически встречаются в других рукописях Псалтыри и Часослова.

Молитва по 11-й кафизме находится еще в трех рукописях Псалтыри, по 18-й – еще в двух, по 12-й и 15-й – еще в одной (Тип. 34). Молитва по 10-й кафизме имеет уникальную часть, но большая часть текста находится также в одной рукописи (Тип. 33). Молитва по 14-й кафизме уникальна, однако имеет сходство с другой молитвой, известной по двум рукописям. Молитва по 20-й кафизме уникальна.

Молитвы по 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 13-й кафизмам данной рукописи содержатся в старопечатной Псалтыри 1632 г. (и последующих изданиях XVII в., например, в издании 1636 г., имеющем идентичный набор молитв). Они являются в ней молитвами, соответственно, по 3-й, 4-й, 5-й, 12-й и 9-й кафизмам.

Молитвы по 5-й, 6-й, 7-й, 17-й, 19-й кафизмам представляют собой переводы греческих молитв. Остальные тоже могут быть переводами, но, вероятнее, могут принадлежать славянскому автору.

Тексты молитв сборника в большинстве своем опубликованы, четыре публикуются в настоящей статье, два текста молитв готовятся к публикации автором. Знакомство с этими редкими молитвами обогащает наше представление о творческой самостоятельности в сакральной сфере древнерусских авторов и дополняет представление об оригинальности и художественном совершенстве древнерусской литературы.

²⁹ В конце мегфимона Тип. 46 (л. 49–49 об.), в начале молитв «спати хотяще» Q.п.I.57 (л. 226–227).

³⁰ Тип. 32 (л. 203 об. – 204 об.), Тип. 34 (л. 171–171 об.), Тип. 222 (л. 176 об. – 177 об., по 15 каф.), Троиц. I 49 (л. 191 об. – 192 об., по 15 каф.). По инципитарию Парпулова № 58 [Parpulov, p. 183].

[1]

Господи Божє Прѣвѣчнии, Невидимыи, Всемогии, Беспечалне и Всесилне, Претихыи³¹, видиши и вѣси³² волю мою злую и бѣду мою нужную и тугу и скѣрбь и рать и брань вражию, одержашую ма нынѣ, да³³ Тобою³⁴ оуповаю и тѣрплю. Помози и оукрѣпи ма и оутѣши ма и ѿ бѣды нужныя избави ма, изми ма: погыбаю, изнаемаю и³⁵ тужю и скѣрблю, ѿпадаю и оумираю въ грѣсѣхъ и въ съблазньхъ мнозѣхъ, на страсѣть и муку вѣчную. Нѣ³⁶ мѣилѣостѣ Твоя и славѣ Твоя великая да всѣвалѣтъ и³⁷ спѣсѣетѣ ма ѿ всакого зла, и Твое божество³⁸ мѣилѣостивное примѣтъ ма недостойнаго раба Твоего имѣрѣкъ, въпиюща нынѣ³⁹ къ Тебѣ. Яко мѣилѣостивѣи и Челѣвѣкъ олюбыць Богоу⁴⁰, и Тебѣ славу въсылаемъ, Оутѣщу и Сыну и Свѣтому Духу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ].

РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 59 об. – 60.

[2]

Благодаримъ⁴¹ Тебѣ, Преблѣгнии Господи, Приснотекущий Источниѣ, Наставниѣ блудашимъ, въ тѣхъ сущимъ⁴² незаходимыи Свѣтѣ, приими мои плачь, въпиюща къ Тебѣ, и въ путь Твоихъ заповѣдѣи настави ма (Пс. 118 : 35). Се бо въ слѣдѣ Тебе граду, и Самъ⁴⁴ рекъ єси, Господи мои: «Безъ Мене ничтоже творите»⁴⁵ (Ин. 15 : 5).

Оувы мнѣ, Господи мои! Призри на мое съмѣрение и услыши моелѣитву мою и нищету мою, и Твоимъ страхомъ покрыветсѣ⁴⁶ сърдѣце мое, и⁴⁷ въпию Ти, многомѣилѣостивѣи Господи: призри съ высоты Твоея безмѣрныя и посѣти винограда Своего, иже свѣрши Твоя прѣчѣстная десница (Пс. 79 : 15–16). Се бо видиши, Господи, виноградъ оубогыя моего дѣлаша, яко плѣда добра нѣсѣтъ в неѣ, нѣ тѣкмо листовѣ⁴⁸ (Мф 21 : 19) грѣховъ⁴⁹ множество.

³¹ 29.2, 30, 35 «Невидимыи» стоит в конце, после «Претихыи».

³² Исправлено по 29.2, 30, 34, 35; в 28 и 29.1 – вѣши.

³³ 29.1 и.

³⁴ 29.2, 30, 35 вместо «да Тобою» – яко на Тебѣ.

³⁵ 29.2, 30, 35 Помози ми и оутѣши ма и оукрѣпи ма, избави ма, изми ма ѿ бѣды сея нужныя, ꙗкоже изнаемаю.

³⁶ 29.2, 30, 35 далее: вѣдѣ, яко.

³⁷ 29.2, 30, 35 «да всѣвалѣтъ и» нет.

³⁸ 34 божество.

³⁹ 29.2, 30, 35 «нынѣ» нет.

⁴⁰ 29.2 далее: єси, 34 далее: єси Ты.

⁴¹ 34, 7 Благодарю.

⁴² 32 ходашимъ.

⁴³ 7 направи.

⁴⁴ 7 граду, Самъ бо.

⁴⁵ Цитата исправлена по 32. В 34: Безъ Тебѣ Мене ничтоже творити, также – в 7. В 28 ошибочно: безумне ничтоже творити.

⁴⁶ 32 покрый, 7 да покрыветсѣ.

⁴⁷ 32, 7 «и» нет.

⁴⁸ 32 далее: и; 7 далее: едино.

⁴⁹ 7 далее: моихъ.

Оувы мнѣ, Господи мои, Господи! Не имаши въ мнѣ мѣста чиѣста, кде главы поклонити (Мф 8 : 20), зане падышиса дѹша моя⁵⁰ пуста есть. Нѣ покаяниемъ слъзами⁵¹ плодовицу створи, Господи, да болии плѣдъ принесу⁵² (Ин. 15 : 2), Милюостию, Твоимъ благодарениемъ, якоже Самъ рече, Господи, прѹрѹкѹомъ Твоимъ: «Сѣявыше въ слъзахъ, въ радости пожнѹтъ» (Пс. 125 : 5).

Нѣ азъ не насѣяхъ на земли камане⁵³ сѣрдѣца моего добрыхъ дѣлъ, послушание⁵⁴ наказанія красныя⁵⁵ красоты бѣсѣдѹюща мнѣ, нѣ въ смѣрzenie⁵⁶ мѣсто вслушание створихъ, нѣ и тоже⁵⁷ не насадихъ на гумнѣ покаяния. Нѣ Ты, Господи, вѣтромъ Твоея милости извѣи плѣвелы дѣлъ моихъ и пшеницу събери оубогыя ми дѹша и въ житници ма затвори⁵⁸ (Мф 13 : 30) – въ вышнимъ Иерусалимѣ Твоея свѣтлости и ликостоянния свѣтѹхъ ангелъ Твоихъ, насладитиса гласѹ празднующихъ (Пс. 41 : 5). Самъ бо реклѣ еси, Господи мои: «Търпѣнне оубогыхъ не погыбнетъ до конца» (Пс. 9 : 19).

Оувы мнѣ, Господи мои! Се бо търпѣннѣ въ мнѣ нѣсть. Колико к[ъ] Тобѣ вбѣсѣхъсѣ сътворити бл҃гѹга – и всѣ преступихъ и не схранихъ, и вѣружне търпѣннѣ повѣргохъ⁵⁹, нагъ быхъ вканыи азъ, оустрѣмхсѣ и вѣдворихсѣ въ пустыню (Пс. 54 : 8) моего слабости⁶⁰, и, яко птица оубогая, ми дѹша въ дразгахъ моего худости.

Оувы мнѣ, камо оуклоню сѣтованне вбумореннѣ ми дѹша! Нѣ Господи, Господи, наказая ма накази неислѣднымъ Твоимъ милостѣрдиемъ и смѣрти не прѣдажъ мене. Се бо въ глубину Твоея милости прибѣгохъ, направи⁶¹ ма⁶² въ тишину Твоихъ щедротъ и положи слъзы моя прѣдъ Тобою (Пс. 55 : 9) и⁶³ малою дѹша моего въздыханне⁶⁴, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь].

РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 83 об. – 85 об.

[3]

О люте мнѣ, сквърнному и нечиѣсту! Крѣщѣние wskвърнихъ и заповѣдь Божію преступихъ, всѣ житие свое wskвърнихъ и въ сластьхъ мирскихъ валаясѣ. Очи мои всѣ видита похотѣная, помыслѹ жития сего⁶⁵ творю неполезная всѣ, и всѣ оудеса телесная и дѹшевная wskвърнихъ.

⁵⁰ 32 далее: и.

⁵¹ 32 покаянию слезноу, 34 покаяния слезами, 7 покаяньемъ и слезами.

⁵² 32, 7 далее: Ти, Господи; 34 далее: Ти.

⁵³ 34 каменного.

⁵⁴ 32 послушания и, 34, 7 послушания.

⁵⁵ 34 далее: доброты.

⁵⁶ 32, 34, 7 послушания.

⁵⁷ 32 тоиже.

⁵⁸ Триодъ Постная. Неделя о блудном сыне. 1-я стихира на «Господи воззвах».

⁵⁹ 32 ввергохъ.

⁶⁰ 32 оустрѣмхсѣ въ дворѣхъ пустына моего слабости, 7 оустремивъсѣ вселихсѣ в[ъ] пустыню слабости.

⁶¹ 32 настави.

⁶² 32, 34, 7 далее: Господи.

⁶³ 7 далее: приими.

⁶⁴ 7 далее: и Тобѣ сла[ву въсылаю].

⁶⁵ 34 далее: и оумомъ.

Лютѣ мнѣ! Кая оуста ли, кый языкъ можетъ исповѣдати всѣчасная моя скарѣдѣя!

В лютѣ мнѣ! Яко оумъ мой ѿ мене омрачихъ⁶⁶: слышю⁶⁷ и не разумѣю, вижю и не творю, ослабѣхъ бо лѣнностью и быхъ рабъ бѣсоу и грѣху. Добро бы ми, да быхъ[ъ] са не родилъ и свѣта сего не видѣлъ – не wskвъ[рни]лъ быхъ твари Божия.

Оу лютѣ мнѣ! Ничтоже створихъ оугодна Богѹоу. Кде ми будетъ обитель въ дѣнь соудный⁶⁸? Чего са преже въсплачю – дѣлъ ли или помыслъ?

Оу лютѣ мнѣ, что створю, прогнѣвавъ мирныя ангелы?

О лютѣ мнѣ, грѣшному! Како изидуу ѿ жития сего, съвазанъ многими грѣхы?

В лютѣ мнѣ! Како поидуу къ тьмнымъ внемъ бѣсомъ, ихже никтоже не можетъ минути безъ испытанія, ни цѣсарь⁶⁹ вѣка сего!

О лютѣ мнѣ! Какъ страхъ приму, тогда испытанемъ в дѣлѣхъ оунемилосердыхъ мытаръ!

Оу лютѣ мнѣ! Како съвьется небо, и мѣртвии встанутъ безъ истлѣнія!

О лютѣ мнѣ! Како въсхытатса правѣдници въ сретеніе Ісму, поюще пѣснь съ ангелы согласѣну, азъ же грѣшныи въспою плачь и рыданіе!

В лютѣ мнѣ! Како вбращюса тамо, или⁷⁰ кымъ дѣрзновеніемъ възрю на Соудю, и како ѿвѣщаю бесмѣртному Цѣсарю, коє ли слово въздамъ в грѣсѣхъ моихъ!

О лютѣ мнѣ! Тогда стануутъ вкрѣсть Господѣа знаѣмїи мои, съ ними же всѣ лѣта жихъ, имже азъ поругахса, заповѣди Божия творащимъ. Они радуютса въ славѣ велицѣи и цѣсарѣствуютъ съ Христѹомъ, азъ же рыдаю слѣмъ въ моуку бесконца, югоже и самъ сотона трепещеть.

О лютѣ мнѣ! Что тогда помышлю и ѿвѣщати не възмогу! Всѣ бо тварь трепещеть, яко вода морская, и чини⁷¹ ангелѣстїи оужаснутса! Тогда понесуутъ дѣла яко плѣды, рѣчи же⁷² яко листовѣ прѣдъ тмы тмами ангелъ и архангелъ и всѣхъ челоуѣкъ.

Оу лютѣ мнѣ! Что яко вѣрнъ са слышю и быхъ невѣрныхъ горѣю.

Да, оу лютѣ мнѣ, дабы не слышати: «Не вѣдѣ васъ!» (Мф 25 : 12).

В лютѣ мнѣ, что створю, югда речеуть Господь: «Гидете ѿ Мене, проклатїи, въ вѣгнь вѣчныи, оутотованыи дьяволуу и ангелѣмъ юго» (Мф 25 : 41).

О лютѣ мнѣ, ѿвѣта того страшного, тогда бо никтоже поможетъ!

Оувы мнѣ, како оувижю страшная она чудеса, яже хочеть Богъ сконцати напоследѣкъ!

Оухъ⁷² мнѣ! Кую славу и чѣсть! Какъ вѣнцъ и свѣтлость и радость погубихъ, грѣху работая!

О⁷³ прѣмилѣостивый Господи и Божєе всакого оутѣшенїя! Всѣи число мощи моєя и немощи моєя. Вѣси, Господи, полезная всѣмъ намъ, яко волить⁷⁴

⁶⁶ 32, 34 омрачиса.

⁶⁷ 34 не слышю.

⁶⁸ 32, 34 испытанїя.

⁶⁹ 32, 34 цѣсарїи.

⁷⁰ 34 вместо «или» – О лютѣ мнѣ!

⁷¹ Исправлено, в ркп.: чинїани.

⁷² 32, 34 охъ.

⁷³ 32 Но, 34 Но о.

⁷⁴ 34 далее: милѣость Твоя.

бл҃гаꝑꝋстѣни Твоя, и да оустроитъ⁷⁵ о мнѣ на страшнѣмъ соудѣ Твоемъ⁷⁶, точю славы сѣвѣтѣхъ Твоихъ не лишѣ мене, и Тобѣ славу въсылаемъ, Втѣщю и Сѣну [и Свѣтому Духу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ].

РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 83 об. –85 об.

[4]

Господи Божје мои! Прославляю Тѣ и величаю Имя Твое, яко створилъ еси чюдны вѣщи, мысль искони истинноу. Твоя бо дѣла соутъ ангели и архангели и всѣ силы и вси дуси, Твоя естъ хитрость и миръ и всѣ звѣзды и всѣ просвѣщая вѣсь дѣнь и всѣ нощи и все врѣмя и всѣ высоты и глубины. В великодавче Влѣдыко Остѣче, прежде всѣхъ вѣкъ мудростью всѣ съдържа, посла Слово Свое великыи чертогъ горныхъ чюдесъ, Отрока Своего Исуса, и Твоею волею страсѣтныи се тѣло взѣ, страсѣтѣмъ страсѣтѣ бывъ и смѣртю бо бесмѣртнаго смѣрти обрѣтеса смѣртѣ, Тебе Втѣщю сѣвѣтѣтельствомъ Своимъ даръ принесе и челоуѣка вѣвѣдѣ въ прежне неглѣние, Оутѣшнымъ Ти и Свършителемъ дусѣхъ нашихъ Сѣвѣтѣхъ Духомъ ѿвѣщати всакоу слезу ѿ всякого лица (Откр. 7 : 17) и всеи смѣренѣи дуси Помощникъ и Сила! Пастусѣ добрыи, изидохъ ѿ Тебе, изиди на възискание мое и вѣвѣди мѣ въ пажитъ Свою, въ издрѣчныи травникъ, въ красное и златное мѣсто неовѣдомыхъ цвѣтовъ (Пс. 22 : 1–2). И сподоби мѣ десныи пастыни избранныхъ звѣрь, въ земли кроткихъ, въ плоть небесныи рая, въ горнемъ Иерусалимѣ, въ селѣхъ сѣвѣтѣхъ, въ неразримыхъ храмѣхъ, въ немьромемъ свѣтѣ, въ безвѣчнемъ дѣни, нестарѣющимъ бл҃женемъ вѣцѣ, въ бесконечной жизни, въ бесмѣртномъ бытии, идеже нѣсть болезни, ни печали, ни дѣвола на зло подвижающаго, ни грѣха тѣлѣтворящаго, нѣ радости неисповѣма и веселѣе неиздреченно, правдыи множество, пророковъ чиноу, апостолоу ликове, мученикѣхъ пылчи, страсѣтѣхъ рпѣхъ хороугви, патриархъ прѣстолоу, сѣвѣтѣхъ сборъ, прѣпѣдѣ обѣщѣхъ тѣлпы, пустынныхъ съвѣтоу пление, дѣвѣхъ стѣхъ свѣтлыи вѣнецъ, милостивыхъ похвалы, сѣвѣтѣхъ женъ крѣпкодѣхъ, всѣхъ сѣвѣтѣхъ похвалы, ѿвѣщати оуожьшихъ тѣржество, нарочитыи праздникѣхъ, небесныи Цѣсарствие Остѣца, и Сѣна, и Сѣвѣтѣхъ Духа нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ. Аминь].

РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 175 об. –177

Примечания

1. РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 59 об. –60, по 9-й каф. Молитва покаянного характера, содержащая исповедание собственной беспомощности и нужды в небесном покровительстве. Ясно прослеживаются два текстуальных варианта этой молитвы, первый из которых отражен в рукописях Син. 325, Тип. 28, Тип. 29.1, Тип. 32 и Тип. 34, а второй – в Тип. 29.2, Тип. 30 и Тип. 35.

2. РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 83 об. –85 об., по 11-й каф. Имеется также в Тип. 32 (л. 119 об. –121 об.), Тип. 34 (л. 99 об. –101) и Троиц. III 7 (л. 120–122, по 7-й каф.). Указываем различия по данным рукописям. Молитва отличается активным умелым цитированием Евангелия, Псалтири, Триоди, что отмечено при публикации. Молитва обладает своеобразной структурой: по объему она делится на шесть пример-

⁷⁵ 34 оустроитса.

⁷⁶ 32 далее: но.

но равных частей, каждая из которых, кроме 1-й и 4-й, маркируется зачином «Оувы мнѣ...». В нашей публикации выделены строфы при помощи расстановки абзацев (в рукописи текст сплошной). Многие молитвы-размышления прп Ефрема Сирина тоже отличаются строфической структурой [Ефрем Сирин, с. 107–462]. Часть этой молитвы (от «Преблагости Господи» до «Твоимъ благодарениемъ») аналогична средней части молитвы «Многомилостиве всего мира грѣхы възьмѣ», иногда встречающейся в псалтырях⁷⁷.

3. РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 156–158, по 18-й каф. Молитва-причитание со своеобразными интонациями плача и сожаления. Ряд выражений имеет сходство с молитвой из популярного в Древней Руси «Жития преподобного Нифонта», в котором персонаж «многъмъ страхомъ въдржимъ, приде и сѣде, въ рыдании поноса себе, плача са, глаголаше: Оувы мнѣ, грѣшникуу, что вжидаеть душа моя?» [Выголексинский сборник, с. 117–121].

4. РГАДА. Собр. Тип. 28. Л. 175 об. –177, по 20-й каф. Молитва включает в себя словословие, затем описание домостроительства человеческого спасения и, наконец, описание блаженного бытия праведников в раю.

Библиографические ссылки

Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим. Древле-славянская Псалтирь Симонская до 1280 г. : в 4 т. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1881. Т. 3. 452 с.

Антиох Монах, преп. Всеобъемлющее собрание (Пандекты) Богодухновенных Святых Писаний / пер., коммент. П. К. Доброцветова. М. : Сиб. благовозвница, 2015. 751 с.

Выголексинский сборник / изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко ; под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1977. 678 с.

Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока : [в 3 т.]. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. Т. 2. Εὐχολόγια. XII, 1058, XXVII, 32 с.

Ефрем Сирин, прп. Творения : в 8 т. М. : Рус. изд. центр им. св. Василия Великого, 2014. Т. 4. 464 с.

Норовская Псалтирь. Среднеболгарская рукопись XIV в. : в 2 ч. / изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София : Изд-во Болгар. акад. наук, 1989.

ОР ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 235, 325; Собр. А. И. Хлудова. Ед. хр. 3; Собр. А. Д. Чертова. Ед. хр. 251.

ОР РГБ. Ф. 87 (Собр. В. И. Григоровича). Ед. хр. 4; Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцев). Ед. хр. 327; Ф. 304.I (Главное собр. рукописей Троице-Сергиевой лавры). Ед. хр. 49; Ф. 304.III (Собр. рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры). Ед. хр. 7.

ОР РНБ. Ф. 182 (Собр. А. Ф. Гильфердинга). Ед. хр. 17; Ф. 550 (Основное собр. рукописной книги). Ед. хр. F.I.828, F.p.I.1, F.p.I.2, F.p.I.3, F.p.I.4, O.p.I.2, Q.p.I.57; Ф. 717 (Собр. Соловецкого монастыря). Ед. хр. 748/858, 754/864; Ф. 728 (Собр. Софийской библиотеки). Ед. хр. 1052.

ОР ЯМЗ. Ед. хр. 15481, 15482.

Погорелов В. А. Библиотека Московской Синодальной типографии : в 2 ч. М. : Синод. тип., 1901. Ч. 1, вып. 3. Псалтири. LXIV, 175 с.

Псалтырь. М. : Печатный двор, 1632. 329 л.

РГАДА. Ф. 381 (Фонд библиотеки Московской Синодальной типографии). Оп. 1. Ед. хр. 27–30, 32–35, 46, 222, 388.

Соболевский А. И. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 1905. Т. 10, кн. 4. С. 66–78.

⁷⁷ Хлуд. 3 (л. 82–84, по 6 каф.), F.p.I.2 (л. 296 об. –299, по 19 каф.), опубликована [Амфилохий, с. 11–12].

Шугаев И., свящ. Древнерусские богослужебные сборники XIV в. Историко-литургический анализ : дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад : [Б. и.], 1999. 171 с.

Щепёткин А. В. Служба ночных часов в славянской традиции студийской эпохи // Теология в научно-образовательном пространстве: задачи и решения : сб. ст. регион. конф. (Екатеринбург, 22 октября 2020 г.). Екатеринбург : Миссионерский ин-т, 2021. С. 268–284.

Щепёткин А. В. «Канон о грехе» в «Рязанском служебнике» // Таинство слова и образа. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2023. (В печати.)

Щепёткин А. В., Макаров Д. И. Комплекс молитв святителя Василия Великого в древнерусских часословах // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 455–469.

Andreev A. A. The Order of the Hours in the Yaroslavl Horologion // *Dumbarton Oaks Papers*. 2021. № 75. P. 319–345.

BnF. Coislin. No. 213.

Duncan J. Coislin 213: *Euchologe de la Grande Eglise* : *Dissertatio ad Lauream*. Roma : [S. n.], 1983. CXXXIII, 155 p.

Parpulov G. Toward a History of Byzantine Psalters ca. 850–1350 AD. Plovdiv : [S. n.], 2014. 320 p.

References

Amfilokhii (Sergievskii-Kazantsev), archim. (1881). *Drevle-slavyanskaya Psaltir' Simonovskaya do 1280 g. v 4 t.* [The Old Slavic *Simonovskaya* Psalter before 1280. 4 Vols.]. Moscow, Tipografiya L. F. Snegireva. Vol. 3. 452 p.

Andreev, A. A. (2021). The Order of the Hours in the Yaroslavl Horologion. In *Dumbarton Oaks Papers*. No. 75, pp. 319–345.

Antiochus Monachus, st. (2015). *Vseob'emlyushchee sobranie (Pandekty) Bogodukhnovennykh Svyatykh Pisanii* [Comprehensive Collection (*Pandektos*) of Divinely Inspired Holy Scriptures] / transl. and comment. by P. K. Dobrotsvetov. Moscow, Sibirskaya blagovonnitsa. 751 p.

BnF. Coislin. No. 213.

Cheshko, E. V., Bunina, I. K., Dybo, V. A., Knyazevskaya, O. A., Naumenko, L. A. (1989). *Norovskaya Psaltir': Srednebolgarskaya rukopis' XIV v. v 2 ch.* [Norovskaya Psalter: The Middle Bulgarian Manuscript of the 14th Century. 2 Parts]. Sofia, Izdatel'stvo Bolgarskoi akademii nauk.

Dmitrievskii, A. A. (1901). *Opisanie liturgicheskikh rukopisei, khranyashchikhsya v bibliotekakh Pravoslavnogo Vostoka v 3 t.* [Description of Liturgical Manuscripts Kept in Libraries of the Orthodox East. 3 Vols.]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo universiteta Svyatogo Vladimira N. T. Korchak-Novitskogo. Vol. 2. Εὐχολόγια. XII, 1058, XXVII, 32 p.

Dubrovina, V. F., Bakhturina, R. V., Golyshenko, V. S., Kotkov, S. I. (Eds.). (1977). *Vygoleksinskii sbornik* [Vyg-Leksa Collection]. Moscow, Nauka. 678 p.

Duncan, J. (1983). *Coislin 213: Euchologe de la Grande Eglise*. *Dissertatio ad Lauream*. Roma, S. n. CXXXIII, 155 p.

Efrem Sirin. (2014). *Tvoreniya v 8 t.* [Works. 8 Vols.]. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr imeni svyatogo Vasiliya Velikogo. Vol. 4. 464 p.

OR GIM [Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. Sinodal'noe sobranie. No. 235, 325; Sobranie A. I. Khludova. No. 3; Sobranie A. D. Chertkova. No. 251.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 87 (Sobranie V. I. Grigorovicha). No. 4; Stock 256 (Sobranie N. P. Rumyantseva). No. 327; Stock 304.I (Glavnoe sobranie rukopisei Troitse-Sergievoi lavry). No. 49; Stock 304.III (Sobranie rukopisei rznitsy Troitse-Sergievoi lavry). No. 7.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 182 (Sobranie A. F. Gil'ferdinga). No. 17; Stock 550 (Osnovnoe sobranie rukopisnoi knigi). No. F.I.828, F.p.I.1, F.p.I.2, F.p.I.3, F.p.I.4, O.p.I.2, Q.p.I.57; Stock 717 (Sobranie

Solovetskogo monastyrya). No. 748/858, 754/864; Stock 728 (Sobranie Sofiiskoi biblioteki). No. 1052.

OR YaMZ [Department of Manuscripts of the Yaroslavl Museum-Reserve]. No. 15481, 15482.

Parpulov, G. (2014). *Toward a History of Byzantine Psalters ca. 850–1350 AD*. Plovdiv, S. n. 320 p.

Pogorelov, V. A. (1901). *Biblioteka Moskovskoi Sinodal'noi tipografii v 2 ch.* [Library of the Moscow Synodal Printing House. 2 Parts]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Part 1. Iss. 3. Psaltiri. LXIV, 175 p.

Psaltyr' [Psalter]. Moscow, Pechatnyi dvor, 1632. 329 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 381 (Fond biblioteki Moskovskoi Sinodal'noi tipografii). List 1. No. 27–30, 32–35, 46, 222, 388.

Shchepetkin, A. V. (2021). Sluzhba nochnykh chasov v slavyanskoi traditsii studiiskoi epokhi [Night Watch Service in the Slavic Tradition of the Studite Era]. In *Teologiya v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve: zadachi i resheniya. Sbornik statei regional'noi konferentsii (Ekaterinburg, 22 oktyabrya 2020 g.)*. Yekaterinburg, Missionerskii institut, pp. 268–284.

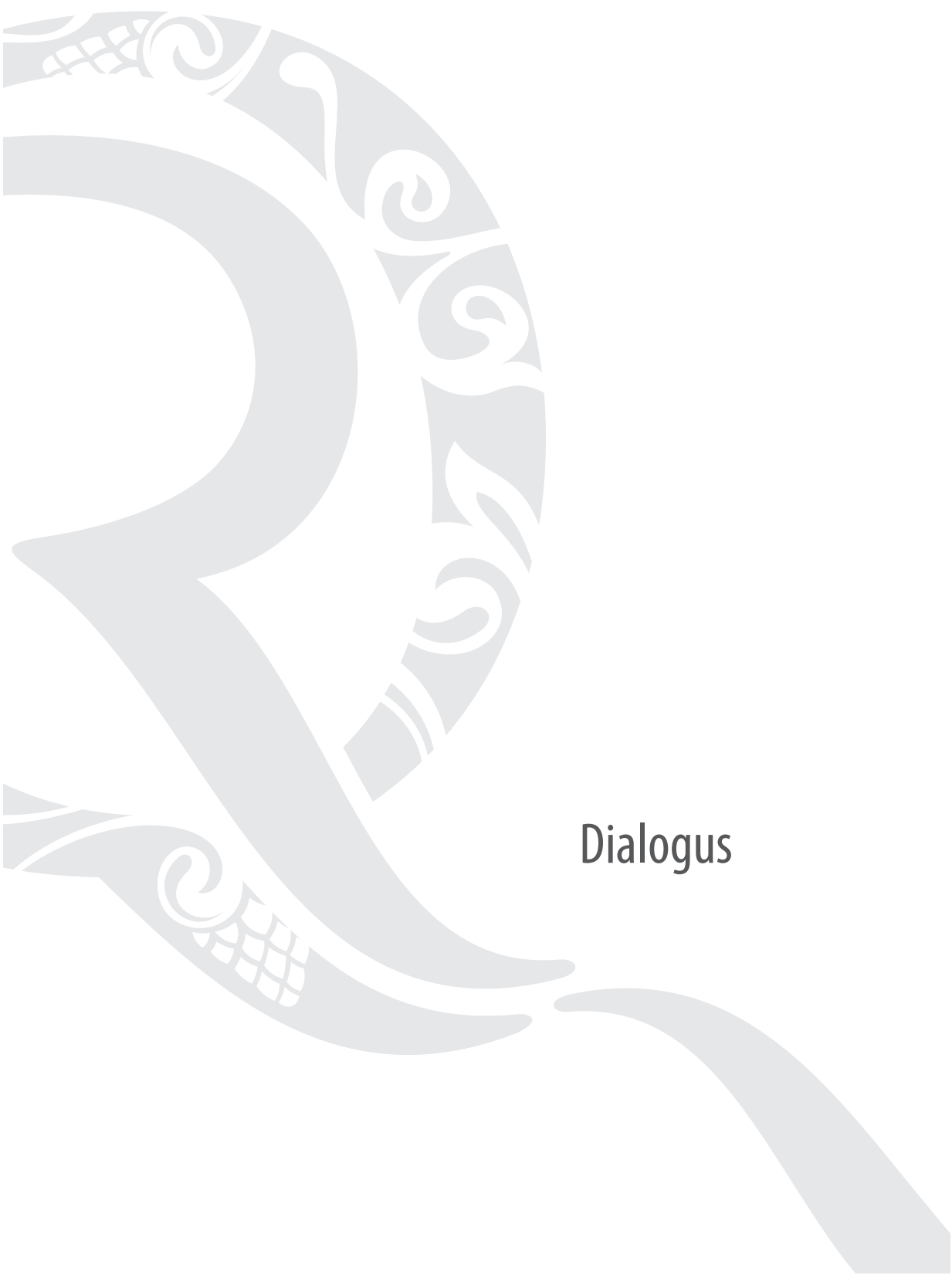
Shchepetkin, A. V. (2023). “Kanon o grekhe” v “Ryazanskom sluzhebнике” [*The Canon of Sin* in the Ryazan Service Book]. In *Tainstvo slova i obraza*. Sergiev Posad, Moskovskaya dukhovnaya akademiya. (In print.)

Shchepetkin, A. V., Makarov, D. I. (2020). Kompleks molitv svyatitelya Vasiliya Velikogo v drevnerusskikh chasoslovakh [The Complex of Prayers of St Basil the Great in Old Russian Horologia]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya*. No. 1, pp. 455–469.

Shugaev, I., priest. (1999). *Drevnerusskie bogoslužebnye sborniki XIV v. Istoriko-liturgicheskii analiz* [Ancient Russian Liturgical Collections of the 14th Century: Historical and Liturgical Analysis]. Dis. ... kand. bogosloviya. Sergiev Posad, S. n. 171 p.

Sobolevskii, A. I. (1905). Neskol'ko redkikh molitv iz russkogo sbornika XIII v. [A Few Rare Prayers from the Russian Collection of the 13th Century]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. 10. Part 4, pp. 66–78.

The article was submitted on 24.04.2023

Dialogus

«Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода*

Участники дискуссии: **Ольга Варшавер** (гильдия «Мастера литературного перевода», Москва, Россия); **Алехандро Ариэль Гонсалес** (Аргентинское общество Достоевского, Буэнос-Айрес, Аргентина); **Татьяна Кузнецова** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия); **Елена Петрова** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Ольга Сидорова** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия); **Карен Хьюитт** (Оксфордский университет, Оксфорд, Соединенное Королевство)

“It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice

Contributors: **Alejandro Ariel Gonzalez** (Dostoyevsky Society of Argentina, Buenos Aires, Argentina); **Karen Hewitt** (Oxford University, Oxford, United Kingdom); **Tatiana Kuznetsova** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia); **Elena Petrova** (St Petersburg State University, St Petersburg, Russia); **Olga Sidorova** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia); **Olga Varshaver** (Guild of Masters of Literary Translation, Moscow, Russia)

This paper summarises the materials of the discussion devoted to the role and specificity of artistic translation in the contemporary world, which was held in the summer of 2023. The participants of the discussion are specialists from Argentina, the UK, and Russia (Moscow, St Petersburg, and Yekaterinburg), all of whom are active translators, as well as researchers, lecturers, and translation editors. The participants received questions they were offered to answer, and their written responses make up the text of the article. The article is relevant, as today, the role of translation is increasing, and translation theory

* *Citation*: “It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice (2023) / A. A. Gonzalez, K. Hewitt, T. Kuznetsova, E. Petrova, O. Sidorova, O. Varshaver (part.). In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

Цитирование: “It is untranslatable, but we try hard”: Translators and Translation Experts on the Current Problems of Translation Theory and Practice / A. A. Gonzalez, K. Hewitt, T. Kuznetsova, E. Petrova, O. Sidorova, O. Varshaver (part.) // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853 / «Непереводимо, но мы стараемся»: переводчики и переводоведы об актуальных проблемах теории и практики перевода / участники: О. Варшавер, А. А. Гонсалес, Т. Кузнецова, Е. Петрова, О. Сидорова, К. Хьюитт // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1373–1390. DOI 10.15826/qr.2023.4.853.

is one of the dynamically developing areas of modern scholarly knowledge. The contributors examine such topical issues of translation theory as translatability/non-translatability, didactics of translation, and the reliability of the source base for translation. The discussion also considers the role of new translations of classical literary works whose earlier translations have already entered the receiving culture, and translations meant for different groups of readers. Additionally, the contributors of the article express their views on the identity of the translator, on what it means to be a “good translator”, the requirements and demands that are placed upon them.

Keywords: modern translation, translation theory, translatability/untranslatability, translations and translations of classics, translator

В настоящей публикации суммируются материалы дискуссии о роли и специфике художественного перевода в современном мире, которая была проведена летом 2023 г. Участниками дискуссии выступили специалисты из Аргентины, Соединенного Королевства и России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) – все они являются действующими переводчиками, а также исследователями, преподавателями, редакторами переводов. Каждому из них были направлены вопросы, на которые они отвечали – именно их письменные ответы составили текст материала. Актуальность дискуссии обусловлена тем, что сегодня роль перевода возрастает, а теория перевода является одним из развивающихся направлений современного гуманитарного знания. В ходе обсуждения были затронуты такие актуальные проблемы теории перевода, как переводимость/непереводимость, дидактика перевода, надежность источниковой базы для перевода. Рассмотрен вопрос о роли новых переводов классических литературных произведений, ранние переводы которых уже вошли в принимающую культуру, и о переводах, сориентированных на разные группы читателей. Отдельного внимания заслуживают мнения участников дискуссии о личности переводчика, о том, что значит быть «хорошим переводчиком», и о требованиях, которые к нему предъявляются.

Ключевые слова: современный перевод, теория перевода, переводимость/непереводимость, переводы и перепереводы классики, переводчик

Постановка проблемы

В современном информационном пространстве, когда роль перевода в глобальном масштабе неуклонно возрастает, художественный перевод продолжает играть центральную роль при создании образов чужой культуры. Представления людей о какой-либо стране или культуре складываются не в последнюю очередь на основании переведенных текстов художественных произведений разных жанров. Именно в соответствии с этим Т. Херман вычленяет «уполномочивающую»

функцию перевода – переведенный текст предстает полномочным представителем одной культуры в инокультурном континууме. Перевод «должен предоставить читателю (в оригинале – пользователю, “the user”. – О. С.) достоверный образ текста в оригинале, поскольку он обладает постоянным сильным сходством с тем, что остается за пределами нашего доступа... Заявление типа “Я прочитал Достоевского”... когда мы его расшифруем, означает что-то вроде: на самом деле я прочитал перевод Достоевского, но, поскольку это был качественный перевод... это было подобно чтению оригинала» [Herman, p. 11]. Между тем очевидно, что, как писал Х. Ортега-и-Гассет еще в 1937 г., «перевод – не копия оригинального текста, он не является – не должен претендовать на то, чтобы являться – тем же произведением, но с другой лексикой... перевод – особый, стоящий особняком литературный жанр со своими собственными нормами и целями» [Ортега-и-Гассет, с. 38].

Мы обратились с рядом вопросов о переводе и его роли в современном мире к специалистам, которые профессионально им занимаются. Все они являются известными переводчиками, но также исследователями, университетскими преподавателями, редакторами, то есть могут оценить современное состояние перевода с разных точек зрения. Модераторами дискуссии выступили **Ольга Сидорова** (Екатеринбург, переводчик, профессор УрФУ) и **Татьяна Кузнецова** (Екатеринбург, переводчик, доцент УрФУ).

Дискуссия

О. С. Перевод с одного языка на другой является одним из древнейших видов человеческой деятельности. Как, по Вашему мнению, изменился подход к переводу за последнее время, и как изменился сам перевод?

Е. П. Если имеется в виду *теоретический* подход к переводу, то, с одной стороны, это преобладание культурологической и когнитивной парадигм (как в лингвистике в целом) и отход от сугубо лингвистического и литературоведческого направлений, а с другой – авторитарно-командный тон многих исследователей, зачастую безапелляционно утверждающих, что «должен» и чего «не должен» делать переводчик. Если не ошибаюсь, в переводоведение сейчас нередко приходят специалисты, не опубликовавшие ни строчки собственных переводов художественной или публицистической литературы, то есть не пропустившие через свое сознание рассматриваемые явления, не соприкоснувшиеся с ними на практике. Как не вспомнить по контрасту основоположника отечественного переводоведения А. В. Федорова, из-под пера которого наряду с теоретическими трудами [Федоров, 1970; Федоров, 1953] вышли переводы произведений Перро [Перро], Мопассана [Мопассан], Мольера [Мольер], Гофмана [Гофман] и других классиков.

Показательно, что в оценке перевода как *вида практической деятельности* отмечается проявление многообразия. Широкое распространение получают множественные переводы одного и того же литературного произведения, призванные, очевидно, устранить какие-либо недочеты (например, смысловые искажения и утраты квантов смысла), допущенные в каноническом переводе или в иных, более поздних переводах, или же просто сделать маркетинговый ход – привлечь внимание к новизне известного, казалось бы, текста. Но не только: появляются и переводы, которые в широком смысле можно назвать неканоническими, – так называемые людические (от *лат. ludo* – играю), ориентированные на языковую игру с заинтересованным читателем (например, выполненные В. Рудневым переводы произведений А. Милна о Винни-Пухе [Милн]), или архаизированные, приближающие читателя – опять же заинтересованного – к неспешной эпохе, изображенной в художественном произведении («Гордость и предубеждение» Дж. Остин в переводе А. Грызуновой [Остин]). Такие публикации, как правило, появляются на фоне переводов, которые можно назвать *прецедентными*: от читателя они требуют хотя бы общего представления об оригинале либо знакомства с предшествующим каноническим переводом.

Появляются переводы, которые правомерно рассматривать в русле *интердискурсивности* (данному явлению посвящена, в частности, монография В. Е. Чернявской «Текст в медиальном пространстве» [Чернявская]). Это переводы таких оригинальных произведений (обычно романов), которые соотнесены с текстами, широко известными в принимающей лингвокультуре по литературным переводам или экранизациям. Примерами интердискурсивных переводов могут служить изданные на русском языке роман Дж. Д. Калифорнии «Вечером во ржи: 60 лет спустя» – официальное, то есть одобренное правообладателями продолжение романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» [Калифорния], а также «Скарлетт» (аналогичное продолжение романа М. Митчелл «Унесенные ветром») [Рипли]. В переводе, вторичном по своей сути феномене, интердискурсивность переходит, если можно так выразиться, на иной уровень вторичности. В отличие от традиционных повторных переводов, интердискурсивный перевод требует не размежевания с прецедентным текстом, а, напротив, максимального сближения, которое обеспечивается, в частности, прямыми заимствованиями языковых единиц разных уровней. Это языковое сближение скрепляет сюжетные линии, тогда как элементы расхождения способны, например, обеспечить смещение гендерной «призмы», или «оптики» изложения. Многообразие переводов можно только приветствовать, но это явление, как мне кажется, требует и развития квалифицированной, непредвзятой критики перевода, апеллирующей не только к специалистам, но и к широкой читательской публике.

В практику перевода стали активно проникать кальки, буквализмы, каких мы не найдем в работах переводчиков классической отечественной школы, вроде «Я нашел ее сидящей в кресле», «Она звучала грустно», «Он стоял там, чемодан – в руке». Мне такие конструкции не близки, но они маркируют (пока еще!) текст как переводной, а некоторые теоретики перевода – например, Иржи Левый – отмечают, что сама «переводность» может стать притягательной чертой произведения иностранной литературы [Левый].

А. А. Г. Для ответа на поставленный вопрос разрешите мне обратиться к аргентинской реальности. Думаю, что переводчики у нас за последние 20 лет стали более скрупулезно подходить к своей работе. Текстологический момент очень важен. Под ним я подразумеваю установление верного и надежного источника. Как мы все знаем, и в царской России, и в советской России были проблемы с цензурой. Надежным источником для переводчика не всегда будет первое издание, которое он найдет – надо изучать, какие издания данного текста уже были до того, внесли ли издатели поправки, есть ли там купюры и т. д. Это, условно говоря, можно назвать «новым словом» в переводе русских текстов на испанский язык. Благодаря такому подходу читатели испаноязычного мира имеют доступ к полным версиям русских текстов. Например, в Аргентине в моем переводе появилась первая полная версия «Мышления и речи» Льва Выготского [Vigotski, 2007]; я не только нашел первое издание (в то время оно не было еще опубликовано в Интернете – появилось позже), но и сравнил все существующие советские издания и смог таким образом установить все редакторские купюры, которые указываю в сносках в моем переводе («этот абзац или это имя были пропущены в издании такого-то года»). Перед читателем разворачивается целая картина истории издания и рецепции текста. Другой пример: в этом году я перевел первое полное издание «Воспоминаний» А. Г. Достоевской [Dostoiévskiaia]. Оказывается, они появились в России без купюр только в 2015 г. Еще один недавний пример: в прошлом году в Буэнос-Айресе был издан первый полный вариант труда Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [Vigotski, 2022], который до сих пор не опубликован без купюр в России; этому способствовало то обстоятельство, что я работал с русской специалисткой, которая получила доступ к рукописи Выготского. Последний пример: в течение двух лет я собирал и переводил в Российской национальной библиотеке все работы Льва Троцкого о литературе и искусстве. В 2015 г. появилось первое полное издание в испаноязычном мире «Литературы и революции» и первое полное издание в мире всех его статей о литературе и культуре разных лет [Trotski].

О. С. Теория перевода (переводоведение, Translation Studies) возникла во второй половине XX в. – сначала как прескриптивная дисциплина, аккумулирующая опыт переводчиков и разрабатывающая

рекомендации, но быстро преодолевшая этот барьер. Сегодня переводоведение – стремительно развивающееся комплексное направление гуманитарных исследований. Какие проблемы современной теории перевода кажутся Вам актуальными?

Е. П. Для меня как для переводчика и преподавателя актуальной представляется та область переводоведения, которая лежит на стыке теории и практики, – дидактика перевода. Иногда приходится слышать, что художественному переводу научить нельзя. Опыт показывает, что вполне можно. Убедительным доказательством этому служат имена твоих учеников в выходных данных переведенных ими книг. Семинарские занятия позволяют начинающему переводчику, образно говоря, набить руку и не набить шишек. Процесс обучения демонстрирует, как соблюдаются, а также как и почему нарушаются определенные нормы перевода, по какой шкале может оцениваться перевод, как происходит взаимодействие с художественным редактором, как сочетается на практике лояльность по отношению к автору с лояльностью по отношению к реципиенту (то есть не только читателю, как принято считать, но и слушателю, ведь аудиокниги получают все более широкое распространение) и, конечно, лояльность по отношению к заказчику, о котором нередко забывают и теоретики, и методисты, хотя не кто иной, как заказчик инициирует процесс профессионального перевода, определяет его общую стратегию и состав его участников. Да и вообще профессиональным переводом считается прежде всего работа по заказу, а не «в стол».

В процессе обучения переводу преподаватель берет на себя дополнительные роли заказчика, редактора, критика. Научить переводить гениально, думаю, вряд ли получится, но в задачи дидактики это и не входит. У разносторонне подготовленного переводчика вырабатываются профессиональная чуткость и адаптивность. Дидактика перевода призвана высветить и развить те задатки, которые есть у обучающихся, сформировать у них устойчивые профессиональные навыки и наметить пути к самосовершенствованию, поскольку переводчик учится всю жизнь – на каждом переведенном рассказе, романе, стихотворении, на работах своих коллег и, конечно, тех мастеров, которыми всегда славилась отечественная школа литературного перевода.

О. В. Я – переводчик-практик, перевожу прозу и драматургию. К сожалению, я не слежу за теорией перевода и допускаю, что появляются какое-то новые подходы, и перевод XXI в. коренным образом отличается от века XX. С тревогой замечаю, что читатели, кое-как владеющие иностранными языками, все чаще и все настойчивее требуют от переводчика в первую очередь точности. Из серии: «Этого слова тут не стояло, уберите! А вот тут верните порядок слов оригинала, так автор написал!» Что ж, для таких читателей есть хорошая новость: электронный перевод в наиболее популярных языковых парах (в частности, английский – русский) совершенствуется семимильными шагами.

А с искусственным интеллектом можно даже договориться о редактуры и стилизации. И эти прекрасные инструменты действительно помогают переводчикам и сильно экономят время. Более того, в отличие от описанных выше читателей, наши электронные помощники даже научились отличать языковое от авторского и прекрасно знают, что логическое ударение в русском языке падает на конец предложения. Однако если мы говорим о литературном переводе, который я считаю все-таки искусством, а не ремеслом, это по-прежнему штучная, немассовая профессия, это особенный труд, которым можно заниматься только по большой любви и некоторой склонности к подвижничеству, поскольку получаем мы за этот труд сущие гроши. Вот такой пейзаж-натюрморт... Уж простите за откровенность.

О. С. Проблема принципиальной переводимости/непереводимости обсуждается на протяжении нескольких веков. На Ваш взгляд, существует ли что-нибудь, что не может быть переведено?

О. В. С философской точки зрения вообще все непереводимо. Но мы стараемся.

Т. К. Представляется верным утверждение, что все, что может быть выражено средствами одного языка, так или иначе может быть передано средствами другого, а то, что нельзя выразить средствами какого-либо другого языка, нельзя и перевести [Katz J.]. Результирующий текст может привести к сдвигу границ эквивалентности, но это не делает перевод невозможным, однако сила его воздействия на читателя по сравнению с оригиналом и то, насколько он способен остаться в рамках того объема, который предлагает текст оригинала, не выводя по возможности «непереводимое» за пределы текста в виде многочисленных комментариев, количество лексических заимствований из оригинального текста в переводе, призванных помочь сбросить национально-специфичное, несомненно, будут разниться.

Е. П. При широком понимании термина «перевод» средствами русского языка может быть передано все – правда, с определенными оговорками. В традиционной лингвистической теории перевода признаются такие переводческие приемы, как компенсация, контекстуальная замена, описательный перевод, добавление – они как раз и направлены на передачу «непереводимого», будь то комические, культурно-специфичные, игровые или какие-либо иные компоненты исходного текста. В последнее время отмечается и трансплантация, то есть прямая «пересадка» (обычно с транслитерацией) элементов оригинала в перевод. Это тоже способ, хотя и периферийный, передачи «непереводимого». Теоретиков перевода давно занимает вопрос о переводимости и ее пределах. Диапазон мнений широк: от полного отрицания переводимости в принципе до безоговорочного ее признания.

К. Х. Of course there is something missing in any translation. Languages are different from one another. Take any significant word in any language and consider its implications, its context, the words with which it is typically associated. There is no exact synonym in another language; the translator is always making compromises from phrase to phrase, and the limitations of these compromises spread outwards.

О. С. На протяжении времени менялись требования к переводу и к переводчикам, иногда диаметрально. Каков он, современный «хороший» переводчик?

Е. П. Мне приятно видеть здесь кавычки. Вопрос неоднозначен. Во-первых, желательно уточнить, как соотносятся выражения «хороший перевод» и «хороший переводчик». Всегда ли одно предполагает другое? Во-вторых, еще важнее определить: кто для нас в данном случае субъект оценки?

Если таковым признать читателя, даже подготовленного, заинтересованного, то придется констатировать, что большинство читателей не сопоставляет перевод с оригиналом и ценит «гладкость» переводного художественного текста, легкость его восприятия. Такие формулировки, как «Легко читается» или «Я как-то не обратил(а) внимания, какой там перевод», почти всегда служат косвенной положительной оценкой перевода (или переводчика?). Длинные периоды, тяжеловесный синтаксис, усложненная лексика и многое другое некоторым читателям не по душе. Более того, бытует расхожее представление, что все хорошее в переводе – от автора, а все плохое – от переводчика.

Если же субъектом оценки выступает специалист – критик, лингвист, переводовед, то он обычно оценивает такое профессиональное качество переводчика, как бережное обращение с оригиналом, которое, собственно, и позволяет переводу замещать оригинал в принимающей культуре. И если у автора используются длинные периоды и усложненная лексика, значит, таковы черты авторского стиля в целом или конкретного замысла; квалифицированный переводчик донесет их до читателя. Если оригинал изобилует шутками, игрой слов, стихотворными вкраплениями, специалисты оценят успешное отражение или игнорирование этих особенностей в переводе. Правда, приходится признать, что от вкусовых оценок бывают несвободны и профессиональные отзывы. Так, сленг и сниженная лексика зачастую априорно расцениваются как недостаток перевода. Приходится признать и то, что хорошим порой объявляется перевод, отвечающий в первую очередь личным представлениям оценивающего субъекта. Здесь поднимается серьезный и еще не до конца решенный вопрос о критериях оценки прозаического перевода.

Порой даже в специальной литературе приходится читать, что хороший переводчик должен в совершенстве владеть двумя язы-

ками. Это вызывает определенные сомнения. Оставим сейчас в стороне неродной, как правило, для переводчика язык оригинала. Но мыслимо ли владеть «в совершенстве» даже своим родным русским языком как переводящим? Знать его бесчисленные пласты и возможности, региональные и социальные варианты, функциональные стили, профессиональные подязыки, архаичные и самые современные «модные» выражения – все это безграничное богатство? Едва ли. В дополнение к знанию языков приходится осознавать и неизбежную ограниченность этих знаний, чтобы представлять, к каким справочным и другим источникам целесообразно обратиться и с кем проконсультироваться. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что хорошему переводчику необходимо языковое чутье: эта трудноуловимая субстанция отвечает за адекватный выбор языковых средств – единственного материала, из которого строится переводной (как, впрочем, и оригинальный) текст. Будем надеяться, что переводоведение, когнитивная наука, психолингвистика, лингвокультурология и смежные дисциплины продолжают работу над уточнением критериев оценки переводческого профессионализма и качества перевода.

А. А. Г. Помимо технической и профессиональной составляющей (я имею в виду знание языков, знание разных регистров языка, развитие исследовательских навыков и т. д.), я думаю, существует также немаловажный момент – умение долго работать над одним и тем же текстом, способность пребывать одному целыми часами перед компьютером. Нужно иметь особый характер.

Т. К. Думается, что, помимо владения языком, культурными компетенциями, навыками коммуникации и следования принципам неременной профессиональной ответственности, хороший переводчик должен оставаться самокритичным автором, подвергающим сомнению свой выбор, понимающим, что перевод хотя и не замещает оригинал всецело, все же делает это для тех, кто не знает язык в достаточной степени и не намерен знакомиться с оригиналом, а также что, цитируя Шлейермахера, «заставить автора говорить на языке перевода так, как будто он изначально писал на нем, – задача недостижимая и ничтожная (перевод наш. – Т. К.)» [Schleiermacher]. Мастерство переводчика также проявляется в его способности сохранить баланс между так называемой «доместикацией» текста, который он переводит, и «духом» текста, не вытравливая из него специфичное (всегда присутствующее), заменяя на универсальное, так как первое стирает национальные черты оригинала, обесцвечивая его, а второе ведет к возникновению перевода, который по меньшей мере звучит неестественно и натужно и нарушает нормы переводящего языка.

О. С. Переводная литература составляет важную и неотъемлемую часть каждой национальной литературы. В связи с этим возникает

следующий вопрос: нужны ли новые переводы классики, особенно если существующие переводы уже вошли в принимающую культуру?

Т. К. Единственный текст, эквивалентный оригиналу, – нечто недостижимое именно потому, что существуют или возможны/естественны разные переводы одного произведения. Выполнение новых переводов классики, несомненно, необходимо, так как реципиент не является статичным: меняются его представления о мире, о родном языке и языковая осведомленность, особенно если это касается языков международного общения, соприкосновение с которыми имеет большее количество пользователей. Необходимо также учитывать смену литературных вкусов и предпочтений: язык и стиль письма неизбежно меняются с течением времени, как эволюционирует и культурно и социально значимое – и то, что когда-то считалось каноническим переводом, может потерять актуальность для современных читателей. Новые переводы могут лучше передать сущность классических произведений, используя современные нормы и стандарты языка, облегчая чтение и понимание произведения для современного читателя, стремясь к такому языку, который был бы приемлем в данном контексте и сейчас звучал бы более уместно, при этом существенно не отходя от оригинала.

Так, например, роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» неоднократно переводился на английский язык. Первый полный перевод был выполнен Кларой Белл в 1886 г. с французского перевода (1879) княгини И. И. Паскевич. Перевод Белл высоко оценивался за точность и верность тексту Толстого, однако был выполнен не с языка оригинала и, по утверждению критиков, не обладал изяществом и «литературным чутьем» русского оригинала [Tolstoy, 2018].

В 1922 г. был опубликован новый перевод, выполненный Луизой и Эйлмером Мод [Tolstoy, 2010]; авторы были близкими друзьями Толстого и работали с ним над другими переводами его произведений. Их перевод был нацелен на передачу духа и философии романа, одобрен автором и характеризовался пристальным следованием букве толстовского текста. Перевод считается классическим, хотя одно из недавних его переизданий (Oxford World's Classics, 2010) содержит некоторые изменения – уход от англицизации имен персонажей и замену их на русские и включение в текст фрагментов на французском языке, которые ранее фигурировали в тексте перевода на английском.

В 1968 г. Энн Данниган выпустила получивший широкое признание перевод «Войны и мира», в котором стремилась найти баланс между точностью и удобочитаемостью [Tolstoy, 1968]. Перевод Данниган отличали плавность прозы и доступность, что сделало сложное повествование более понятным для современного читателя: он «верен тексту [оригинала] и не стесняется добросовестно передавать те детали, которые у непосвященных могут вызвать недоумение... Эта книга должна стать выбором широкого читателя» [Katz M.].

Переводы Мод и Данниган, по признанию критиков, лучше всего выдержали испытание временем и более строгой научной экспертизой.

В XXI в. классический текст снова привлек внимание переводчиков. Так, в 2005 г. увидел свет перевод Э. Бриггса, который предлагает новый взгляд на русский роман, передавая суть написанного Толстым и одновременно внося новые элементы в его интерпретацию [Tolstoy, 2005a]. Примечательной его особенностью является сознательное решение использовать современный разговорный стиль, в том числе элементы сленга. В отличие от предыдущих переводов, авторы которых стремились сохранить историческую точность и формальность, Бриггс решил использовать современный язык и идиоматические выражения, что создает впечатление непосредственности и доступности. В связи с этим, однако, перевод Бриггса неоднократно подвергался критике ввиду того, что отход от формального тона нарушает подлинность и историческую достоверность романа, а также потому, что переводчик ошибочно считал язык романа «легким для чтения», что привело к утрате намеренной синтаксической сложности, свойственной толстовскому тексту, в переводе, к избыточной «гладкости» повествования [см.: Thirlwell].

И наконец в 2007 г. вышел перевод романа, выполненный Ричардом Пивером и Ларисой Волохонской на американский английский [Tolstoy, 2005b]. Пивер и Волохонская известны своими переводами русской литературы, в том числе произведений Достоевского и Чехова. Их версия «Войны и мира» была нацелена на передачу энергии и эмоциональной глубины, сохранение «абсолютной верности языку Толстого» [Katz M.]. Она получила широкое признание одновременно за современный язык и тонкую передачу характеров героев.

Несмотря на более чем разнообразный выбор, предлагаемый читателю, у критиков нет единства мнения по поводу того, какой из имеющихся переводов монументального русского романа является лучшим из-за разницы требований, предъявляемых к переводу, – для части нарочитая архаизация и даже буквализм текста являются несомненным достоинством, позволяющим тексту на английском языке звучать почти так, как звучал Толстой, для других же неизбежной является адаптация текста в соответствии с требованиями современного языка с тем, чтобы сохранить привлекательность классического произведения для современного читателя и, возможно, расширить аудиторию.

А. А. Г. Говорят, каждое поколение должно читать «своих» классиков. Я частично согласен с этим. Это хорошо, когда каждые 30–40 лет появляются новые переводы уже известных и даже канонических текстов. Применительно к испаноязычному миру также надо учесть, что испанский является официальным языком 22 государств. Разнообразие испанского языка великолепное, есть национальные и региональные варианты, поэтому разные страны требуют разных переводов.

Переводы устаревают точно так же, как устаревают оригиналы. Не каждый же современный русский читатель может читать просто так произведения русских писателей XVIII в. Вопрос не только в языке, но и в реалиях. Поэтому хорошие издания произведений Пушкина или Толстого снабжены многими примечаниями. Или возьмем, например, нашего «Дон Кихота»: без постоянных примечаний и объяснений современный испаноязычный читатель его не понимает или понимает с трудом. То же самое справедливо и по отношению к переводам.

О. В. Классика тем и хороша, что не устаревают – то есть не устаревают идеи, смыслы, и их надо доносить до все новых и новых поколений. Язык же постепенно меняется, на него ложится патина времени и даже слой нафталина. Поэтому если какой-то автор или произведение нам дороги, переперевод возможен, а то и необходим. Это относится не только к переводам на другие языки. Шекспир, например, для нас близок и доступен, поскольку мы читаем его на современном русском языке. А британские и американские школьники мучаются или... читают современные переложения, то есть перевод с английского начала XVII в. на английский XX или даже XXI в.

К. X. Some Russian classics have certainly become part of the literature which an educated British person expects to read. I do not know of any *translation* which has ‘become part of the recipient culture’. Constance Garnett was the first person to translate some major works of Tolstoy [Tolstoy, 2013], Dostoyevsky [Dostoyevsky], Goncharov [Goncharov], Gogol [Gogol], Turgenev [Turgenev] and especially Chekhov [Chekhov]. Her versions of these great writers were enormously important for the readers of her generation. But her translations, though still in print, have never been seen as ‘classics’. How can they be? She has many competitors. Moreover, among knowledgeable critics there is considerable debate about her qualities as a translator: ‘She smooths out the prose too much’; ‘she is ingenious at solving syntactical problems’; ‘her language is old-fashioned but appropriate to the period when many of these Russian writers were themselves writing’. She was translating from the 1880s to the 1920s and her translations are still in print. So she is the nearest thing we have to a classic translator from Russian, but even so, most modern eager readers of Russian classics will have not heard her name. Other *English* translators of Tolstoy include Aylmer Maude [Tolstoy, 2010], Rosemary Edmonds [Tolstoy, 1982], Antony Briggs [Tolstoy, 2005], Rosamund Bartlett [Tolstoy, 2017], Kyril Zinovieff and Jenny Hughes [Tolstoy, 2014]. There are even more translations of Dostoyevsky than of Tolstoy. In any decent English bookshop, I can expect to find 3 or 4 different translations of, say, *Crime and Punishment* on the shelves, and many more which can be found by searching the internet.

(When thinking about translations, Russians should note that I have been commenting on *British* English translators. American English differs,

sometimes quite strikingly, from British English, especially in tone and in differences of meaning in vocabulary; British readers can find American translations quite disconcerting, and no doubt Americans feel the same about British translations.)

So the question is not quite relevant. There *are* new translations every twenty or thirty years. All translations are inadequate compromises (see answer to the first question) so translators who love the work and want a challenge will try to improve on what is available. Publishers of classic novels such as Penguin and Oxford World's Classics are also prepared to commission new translations for at least some money – though nobody makes a good living from translating classics. Publishers want something fresh, though not necessarily very 'contemporary-sounding', and they want to see how the new translator tackles the problem of turning distinctive, odd, satisfying Russian prose into distinctive, odd but satisfying English prose.

An interesting case is that of John Florio's translation of Michel de Montaigne's *Essays*. [Montaigne's *Essays*] The essays were written in the 1580s and translated by John Florio in 1603. Florio's translations were brilliant, idiosyncratic, but not always faithful to the original. However, they give a strong flavour of Renaissance styles and attitudes which are bound to be missing in later translations. So Florio's translation has become a 'classic', and is not 'obsolete'. But it is difficult to read, and sometimes the meaning is obscure for the modern reader. So I offer my students the chance to read either the Florio, or available nineteenth and twentieth translations.

О. С. Каждый, кто профессионально работает с переводами (переводит, редактирует, преподаёт, анализирует, даже критикует), отчетливо понимает, что перевод – это всегда компромисс. Как Вы полагаете, что лучше – пожертвовать чем-то при переводе или «запутать» читателя?

О. В. Каждый раз, в каждом конкретном случае приходится задавать себе этот вопрос снова и снова, взвешивать решения на аптекарских весах. Рецептов нет. Есть уважение к автору и читателям – из этого и надо исходить. Запутывать, конечно, не стоит, если автор на такой эффект не рассчитывал. Думаю, вопрос все же связан с синтаксисом, а не с детективным сюжетом произведения. Так вот: если тащить в русский все сложноподчиненные конструкции, естественные для английского языка, добром это не кончится. Русский все же стоит на сложном сочинении и бессоюзной связи. Надо распутывать синтаксис. Глядишь – и жертвовать ничем не придется.

А. А. Г. В каждом переводе есть, скажем так, своя «торговля»: что акцентировать, что опустить. Без этого никак. Иногда переводчик должен идти навстречу читателю, иногда наоборот – навстречу автору. Каждый текст требует своего. Мне кажется, что в последнее время переводчики более аккуратно следят за стилем оригинала и стараются как можно меньше его «одомашнивать».

K. X. The reader's response is crucial. So is the original work of the author. Consequently, there must always be a compromise which is compatible with the translator's sense of intellectual honour and love for both languages. I don't think you can say 'which is better' as if there is one alternative or the other. It's a complicated balancing act in which the translator's own voice will be heard.

The problem of literary translation is not of 'details' but of style – of what can be contained within the generous bounds of the target language. A good translator must be able to write English prose (in this case) which the English reader can delight in. If the translation suggests that the translator has a 'tin ear' in English, why should we think that he is a sensitive reader of Russian?

Therefore, the translator should be a native speaker of the target language. (Translations by Russians into English, however conscientious, are embarrassing. I have read many of them, but no ordinary reader would wish to do so.) However, the translator of literature must be well-acquainted with the formal and informal practices, the culture, the values of the country whose literature he is translating. He should have room to move within his adopted language. No doubt English translators are often not fully aware of all the implications of Russian culture. I am quite sure that many Russian translators have very inadequate and outdated understanding of English culture. For example, how many translators from English to Russian can recognize humour in the source language. They can maybe recognize 'jokes' or 'anekdoty' but I am thinking of the shades of humour in tone and style, the wit and irony of language.

For rendering humour we need outstanding translators. The writing of Mikhail Bulgakov poses many problems for the translator, including a witty and inventive language that can cope with constant changes from one genre to another, from drama to farce, from the fantastic to human tragedy. At least four translations of *The Master and Margarita* are currently available, of which one American and highly praised version has been found to be heavy and unreadable by keen students of mine. But they all love the translation of Michael Glenny [Bulgakov] because he writes inventive witty *English* that is so obviously delighting in Bulgakov's Russian. One very small example from the first paragraph of *The Master and Margarita*.

...Аккуратно выбритое лицо его украшали сверхъестественных размеров очки в черной розовой оправе – which Glenny translates as *his neatly shaven face was embellished by black horn-rimmed spectacles of preternatural dimensions* [Ibid., p. 58]. The prose is in the natural shape and rhythm of English, with the brilliant choice of 'preternatural' where other translators have used 'supernatural' or some flatter alternative. 'Preternatural' is accurate, it has the right associations, and it is much *funnier* than the alternatives. The reader does not know what he is going to meet in the next few pages, but he is already smiling appreciatively at the language.

We have good translations, sometimes excellent translations of Russian literature, although none of them is so perfect that we don't need new translations. But for me, Michael Glenny will always be the best translator

of Bulgakov, and I am ready to defend my choice by constant reference to the qualities of his *English*.

О. С. Попробую тоже ответить на этот вопрос – при переводе того или иного текста на него каждый раз приходится отвечать заново. Я согласна с Карен Хьюитт: мы должны ориентироваться на читателя, но читатели бывают разные. В истории перевода существовали проекты, когда переводы художественной литературы выполнялись с ориентацией на читателей-профессионалов в области гуманитарного знания (издательство «Academia», СССР, 1921–1937). Полагаю, что переводчик, понимая, для какой аудитории он работает, каждый раз корректирует стратегию своей работы. В нашей дискуссии об этом также говорила Е. Петрова.

Заключение модераторов

Представляется, что участники дискуссии затронули ряд существенных проблем современного перевода с разных точек зрения, что, без сомнения, создает объемную картину его существования. Очевидно, что бурное развитие технологий, культурная глобализация и другие приметы современного мира не могут не влиять на перевод во всех его ипостасях – появляются новые виды перевода, меняются требования к переводу как к процессу и результату, появляются новые переводы уже, казалось бы, хорошо знакомых читателям принимающей культуры книг, но его базовая сущность сохраняется, как сохраняется и даже возрастает ответственность переводчика.

Библиографические ссылки

Гофман Э. Т. А. Новеллы и повести / пер. с нем. под ред. А. В. Федорова. Л. : Гослитиздат, 1936. 798 с.

Калифорния Дж. Вечером во ржи: 60 лет спустя / пер. с англ. Е. Петровой. М. : Эксмо, 2012. 352 с.

Левый И. Искусство перевода / пер. с чешск. В. Россельса. М. : Прогресс, 1974. 384 с.

Милн А. А. Винни Пух и философия обыденного языка / пер. с англ. Т. Михайловой и В. Руднева. М. : Рус. феноменол. о-во, 1994. 288 с.

Мольер Ж.-Б. Дон Жуан, или Каменный гость / пер. с фр. А. Федорова // Мольер Ж.-Б. Комедии. М. : Худож. лит., 1972. С. 177–228.

Мопассан Ги де. Новеллы / пер. с фр. А. Федорова, Н. Дарузес и др. М. : Правда, 1983. 560 с.

Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Хрестоматия по теории перевода. Самара : Самар. ун-т, 2005. С. 29–41.

Остин Дж. Гордость и предубеждение / пер. с англ. А. Грызуновой. М. : Эксмо, 2007. 210 с.

Перро Ш. Сказки Матушки гусыни / пер. с фр. А. Федорова, Л. Успенского, С. Боброва. Л. : Худож. лит., 1976. 465 с.

Рипли А. Скарлетт / пер. с англ. В. Шепилова. СПб. : Сев.-Зап. книж. изд-во, 1992. 640 с.

Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М. : Высш. шк., 1953. 336 с.

Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М. : Высш. шк., 1970. 194 с.

- Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве. М. : Ленанд, 2017. 232 с.
- Bulgakov M. A.* The Master and Margarita / transl. by M. Glenny. N. Y. : Harper & Row, 1976. 204 p.
- Chekhov A. P.* Ward No. 6 and Other Stories / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 272 p.
- Dostoievskaja A. G.* Memorias. Madrid : Hermida Editores, 2023. 894 p.
- Dostoyevsky F. M.* Crime and Punishment / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 428 p.
- Gogol N. V.* The Government Inspector and Other Works / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Wordsworth Ed. : UK Ed., 2014. 594 p.
- Goncharov I. A.* A Common Story / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Generic, 2018. 304 p.
- Hermans T.* Paradoxes and Aporias in Translation Studies // Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline / ed. by A. Riccardi. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. P. 8–16.
- Katz J. J.* The Philosophy of Language. N. Y. : Harper & Row, 1966. 326 p.
- Katz M. R.* “War and Peace” in Our Time // New England Rev. 2008. Vol. 29, № 4. P. 185–195.
- Montaigne’s Essays : 3 vols. / transl. by J. Florio. L. : The Folio Society, 2006. Vol. 1. 356 p.
- Schleiermacher F.* Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens (1813) : [website]. URL: <https://sites.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006–07/Schleiermacher.pdf> (accessed: 15.09.2023).
- Thirlwell A.* A Masterpiece in Miniature // The Guardian : [website]. 2005. Oct. 8. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/oct/08/classics.leonikolaevichtolstoy> (accessed: 15.09.2023).
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by A. Dunnigan. [S. l.] : Signet Classics, 1968. 1456 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by R. Edmonds. [S. l.] : Penguin Classics, 1982. 1492 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by A. Briggs. [S. l.] : Penguin Classics, 2005a. 1440 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1st Ed. [S. l.] : Knopf, 2005b. 1296 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace / transl. by L. and A. Maude. [S. l.] : Oxford Univ. Press, 2010. 1440 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by C. Garnett. [S. l.] : CreateSpace Independent Publ. Platform, 2013. 362 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by K. Zinovieff, J. Hughes. [S. l.] : Alma Classics, 2014. 800 p.
- Tolstoy L. N.* Anna Karenina / transl. by R. Bartlett. [S. l.] : Oxford Univ. Press, 2017. 896 p.
- Tolstoy L. N.* War and Peace. A Historical Novel : 4 vols. / transl. by C. Bell. [S. l.] : Franklin Classics Trade Press, 2018. Vol. 1. 314 p.
- Trotsky L.* Literatura y revolución. Buenos Aires : Ed. RyR, 2015. 882 p.
- Turgenev I. S.* Fathers and Sons / transl. by C. Garnett. [S. l.] : Digireads.com Publ., 2017. 162 p.
- Vigotski L. S.* Pensamiento y habla. Buenos Aires : Ed. Colihue, 2007. 672 p.
- Vigotski L. S.* El significado histórico de la crisis de la psicología. Buenos Aires : Ed. IPS, 2022. 264 p.

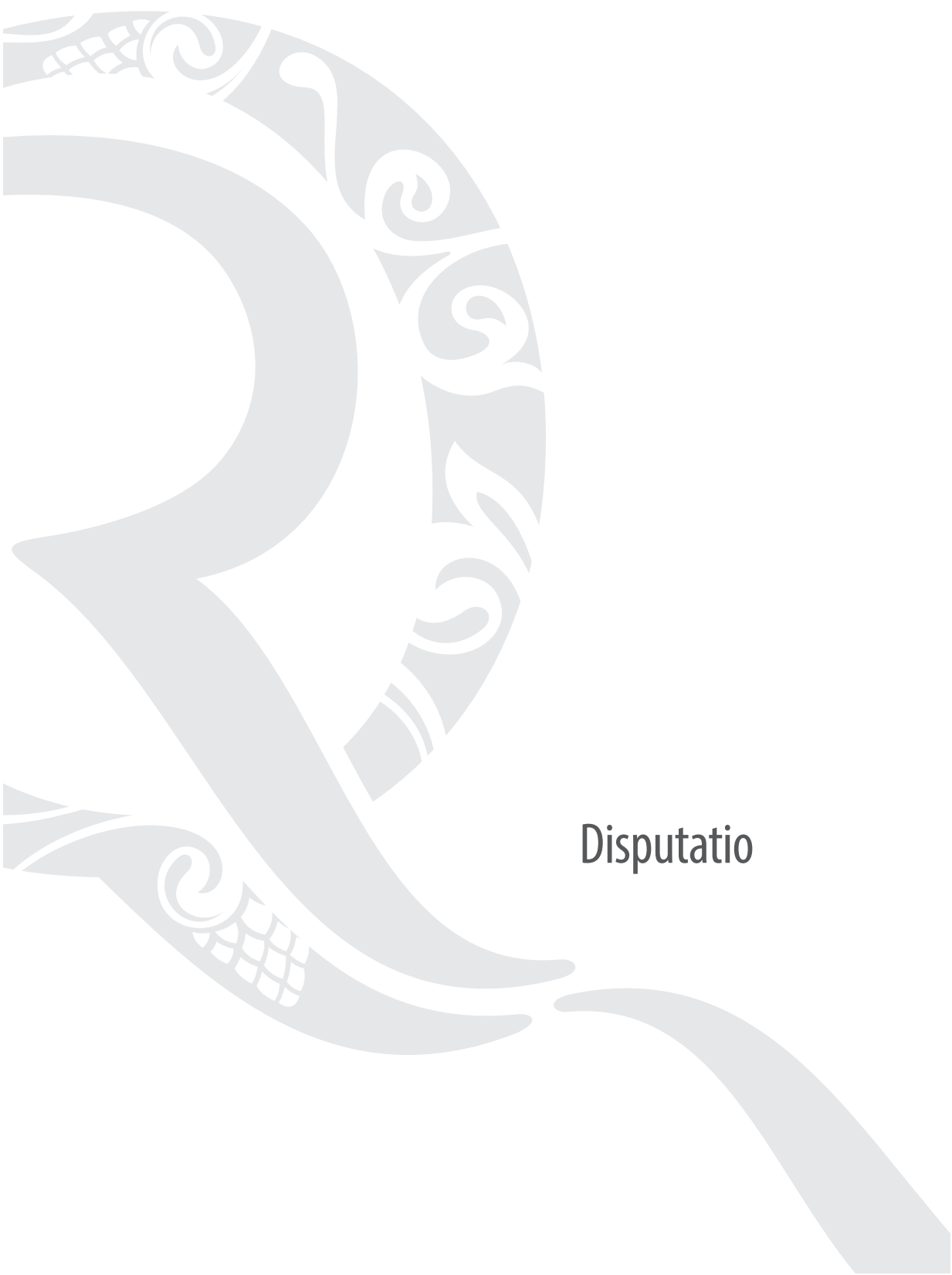
References

- Bulgakov, M. A. (1976). *The Master and Margarita* / transl. by M. Glenny. N. Y., Harper & Row. 204 p.
- California, J. (2012). *Večerom vo lzhi: 60 let spustya* [60 Years Later: Coming Through the Rye] / transl. by E. Petrova. Moscow, Eksmo. 352 p.

- Chekhov, A. P. (2017). *Ward No. 6 and Other Stories* / transl. by C. Garnett. S. I., Digireads.com Publ. 272 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2017). *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in Medial Space]. Moscow, Lenand. 232 p.
- Dostoiévskaia, A. G. (2023). *Memorias*. Madrid, Hermida Editores. 894 p.
- Dostoyevsky, F. M. (2017). *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. S. I., Digireads.com Publ. 428 p.
- Fyodorov, A. V. (1953). *Vvedenie v teoriyu perevoda* [Introduction to the Theory of Translation]. Moscow, Vysshaya shkola. 336 p.
- Fyodorov, A. V. (1970). *Ocherki obshchei i sopostavitel'noi stilistiki* [Studies in General and Comparative Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola. 194 p.
- Gogol, N. V. (2014). *The Government Inspector and Other Works* / transl. by C. Garnett. S. I., Wordsworth Ed., UK Ed. 594 p.
- Goncharov, I. A. (2018). *A Common Story* / transl. by C. Garnett. S. I., Generic. 304 p.
- Hermans, T. (2002). Paradoxes and Aporias in Translation Studies. In Riccardi, A. (Ed.). *Translation Studies: Perspectives on an Emerging Discipline*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 8–16.
- Hoffmann, E. T. A. (1936). *Novelly i povesti* [Novellas and Tales] / transl. ed. by A. V. Fyodorov. Leningrad, Goslitizdat. 798 p.
- Katz, J. J. (1966). *The Philosophy of Language*. N. Y., Harper & Row, 326 p.
- Katz, M. R. (2008). “War and Peace” in Our Time. In *New England Rev.* Vol. 29. No. 4, pp. 185–195.
- Levý, J. (1974). *Iskusstvo perevoda* [The Art of Translation] / transl. by V. Rossels. Moscow, Progress. 384 p.
- Maupassant, G. de. (1983). *Novelly* [Short Stories] / transl. by A. Fyodorov, N. Daruzes et al. Moscow, Pravda. 560 p.
- Milne, A. A. (1994). *Vinni Pukh i filosofiya obyden'nogo yazyka* [Winnie the Pooh and the Philosophy of Everyday Language] / transl. by T. Mikhailova and V. Rudnev. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 288 p.
- Molière, J.-B. (1972). *Don Zhuan, ili kamennyi gost'* [Don Juan, or, The Stone Banquet] / transl. by A. Fyodorov. In Molière, J.-B. *Komedii*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 177–228.
- Montaigne's Essays. 3 Vols.* / transl. by J. Florio. (2006). L., The Folio Society. 356 p.
- Ortega y Gasset, J. (2005). *Nishcheta i blesk perevoda* [The Splendors and Miseries of Translation]. In *Khrestomatiya po teorii perevoda*. Samara, Samarskii universitet, pp. 29–41.
- Ostin, J. (2007). *Gordost' i predubezhdenie* [Pride and Prejudice] / transl. by A. Gryuzunova. Moscow, Eksmo. 210 p.
- Perrault, Ch. (1976). *Skazki Matushki gusyni* [Tales of Mother Goose] / transl. by A. Fyodorov, L. Uspensky, S. Bobrov. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 465 p.
- Ripley, A. (1992). *Skarlett* [Scarlett] / transl. by V. Shepilov. St Petersburg, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. 640 p.
- Schleiermacher, F. (1813). *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens (1813)* [website]. URL: <https://sites.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (accessed: 15.09.2023).
- Thirlwell, A. (2005). *A Masterpiece in Miniature*. In *The Guardian* [website]. Oct. 8. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/oct/08/classics.leonikolaevichtolstoy> (accessed: 15.09.2023).
- Tolstoy, L. N. (1968). *War and Peace* / transl. by A. Dunnigan. S. I., Signet Classics. 1456 p.
- Tolstoy, L. N. (1982). *War and Peace* / transl. by R. Edmonds. S. I., Penguin Classics. 1492 p.
- Tolstoy, L. N. (2005). *War and Peace* / transl. by A. Briggs. S. I., Penguin Classics. 1440 p.

- Tolstoy, L. N. (2005). *War and Peace* / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1st Ed. S. l., Knopf. 1296 p.
- Tolstoy, L. N. (2010). *War and Peace* / transl. by L. and A. Maude. S. l., Oxford Univ. Press. 1440 p.
- Tolstoy, L. N. (2013). *Anna Karenina* / transl. by C. Garnett. S. l., CreateSpace Independent Publ. Platform. 362 p.
- Tolstoy, L. N. (2014). *Anna Karenina* / transl. by K. Zinovieff, J. Hughes. S. l., Alma Classics. 800 p.
- Tolstoy, L. N. (2017). *Anna Karenina* / transl. by R. Bartlett. S. l., Oxford Univ. Press. 896 p.
- Tolstoy, L. N. (2018). *War and Peace. A Historical Novel. 4 Vols.* / transl. by C. Bell. S. l., Franklin Classics Trade Press. Vol. 1. 314 p.
- Trotsky, L. (2015). *Literatura y revolución*. Buenos Aires, Ed. Ry R. 882 p.
- Turgenev, I. S. (2017). *Fathers and Sons* / transl. by C. Garnett. S. l., Digireads.com Publ. 162 p.
- Vigotski, L. S. (2007). *Pensamiento y habla*. Buenos Aires, Ed. Colihue. 672 p.
- Vigotski, L. S. (2022). *El significado histórico de la crisis de la psicología*. Buenos Aires, Ed. IPS. 264 p.

The paper was submitted on 20.09.2023

Disputatio

Disputatio

О чем молчал Стефан Яворский? Непроизнесенные проповеди как уравнение с несколькими неизвестными*

Алексей Попович

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

What Was Stefan Yavorsky Silent about? Undelivered Sermons as a Multiple Equation**

Alexey Popovich

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the circumstances behind Metropolitan Stefan Yavorsky of Ryazan and Murom's not delivering a sermon about the truth persecuted everywhere on the Day of St John Chrysostom on November 13, 1708. The text is marked as *non dictum* in the manuscript by the author. In historiography, Yavorsky's undelivered sermons are often used to characterise the critical mood of the preacher in the context of the protracted Northern War and the author's intentions, as he allegedly changed his mind in time to deliver an accusatory sermon. The author of the article suggests that the chief factor that prevented Yavorsky from preaching on the day of St John Chrysostom was the anathematisation of Hetman Ivan Mazepa (in 1708), which preceded the event, and the death of Dimitri Rostovsky, a close friend of the Metropolitan's (in 1709). The article provides arguments confirming the author's intentions to voice the ideas of this sermon, such as the usage of its fragments in other texts. For the first time, the sermon for the Day of St John Chrysostom is presented in the context of Yavorsky's preaching heritage, and its content is

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея "общего блага" в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»). Благодарю Д. Д. Гальцину (Библиотека Российской академии наук) за консультации при переводе с латыни.

** Citation: Popovich, A. (2023). What Was Stefan Yavorsky Silent about? Undelivered Sermons as a Multiple Equation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1393–1413. DOI 10.15826/qr.2023.4.854.

Цитирование: Popovich A. What Was Stefan Yavorsky Silent about? Undelivered Sermons as a Multiple Equation // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1393–1413. DOI 10.15826/qr.2023.4.854 / Попович А. О чем молчал Стефан Яворский? Непроизнесенные проповеди как уравнение с несколькими неизвестными // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1393–1413. DOI 10.15826/qr.2023.4.854.

analysed considering the author's complex intention (the article also contains rare Yavorsky's poems in Latin and translations thereof). The research emphasises the need to publish the full text of Stefan Yavorsky's sermons and further study their place in the public sphere and intellectual culture of the Petrine era.

Keywords: Stefan Yavorsky, sermon, undelivered sermons, St John Chrysostom, anathema, Hetman I. S. Mazepa

В статье исследуются обстоятельства, из-за которых митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский не произнес проповедь об отовсюду гонимой истине на день Иоанна Златоуста 13 ноября 1708 г. (авторский текст имеет помету «non dictum»). В историографии непроизнесенные проповеди Яворского часто привлекаются для характеристики критического настроения проповедника в условиях затягивавшейся Северной войны и изменившихся намерений автора, передумавшего произносить обличительную проповедь. Автор статьи высказывает предположение, что ключевым фактором, воспрепятствовавшим Яворскому проповедовать в день Иоанна Златоуста в 1708 г., было предшествовавшее этому событию анафематствование гетмана Ивана Мазепы (12 ноября), а через год этому воспрепятствовала смерть Димитрия Ростовского, близкого друга митрополита. Приводятся аргументы, подтверждающие намерения автора озвучить основные идеи этой проповеди, в частности использование фрагментов из нее в других текстах. Впервые проповедь на день Иоанна Златоуста представлена в контексте проповеднического наследия Яворского в целом, а ее содержание анализируется с учетом сложного авторского замысла. Публикуются и переводятся редкие для проповедей автора латинские стихи, составлявшие часть подготовительной работы и имевшие большое значение лично для проповедника. Подчеркнута необходимость публикации полного текста проповедей Стефана Яворского и дальнейшего исследования их места в публичной сфере и интеллектуальной культуре Петровской эпохи.

Ключевые слова: Стефан Яворский, проповедь, непроизнесенные проповеди, Иоанн Златоуст, анафема, гетман И. С. Мазепа

В рукописном собрании проповедей лидера российской церкви в 1700–1722 гг. митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского, состоящем из 329 текстов [РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592а, 1592б, 1592в, 1592г]¹, особое место занимают непроизнесенные проповеди. Всего через авторскую помету «non dictum» / «non dicta» (как правило, на правых верхних углах первых листов) выявляется 13 таких текстов, в двух из которых помета была зачеркнута самим автором². Это, по-видимому, означает, что в дальнейшем они были произ-

¹ Далее при упоминании проповедей и их цитировании листы рукописей указываются в круглых скобках.

² Проповедь на день великомученицы Екатерины (л. 775–777), которую И. А. Чистович датирует 1711 г. [Чистович, с. 90–94], и проповедь на Вербное воскресенье (1710 г., л. 1251–1257).

несены. Еще одна проповедь – на день архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных (8 ноября 1708 г.) – содержит развернутое авторское объяснение на латыни, что она была подготовлена в 1707 г., но не была произнесена из-за какого-то препятствия и состоялась только в 1708 г.: «*Scala Iacobitica per quam angeli ascendunt et descendunt parata pro anno 1707, sed non dicta protunc ob quoddam impedimentum, dicta vero sequenti anno Domini 1708*» (л. 7496).

Этот и многочисленные другие примеры демонстрируют, что Стефан Яворский был очень внимателен к своим рукописям и оставлял в них пометы, помогающие ориентироваться в судьбе своих текстов как ему самому, так и последователям. Не исключено, что произнесенных текстов было больше: значительная часть проповедей вообще не имеет авторских датирующих помет. Как минимум одна проповедь «*non dictum*» – «Эммануил Российский Донская Богородица» (1710) – была, по-видимому, утеряна в XIX в. и упоминается лишь в работе И. А. Чистовича, работавшего с неразобранными тетрадами Яворского [Чистович, с. 42, № 5]. Интересно, что все проповеди, отмеченные автором как «*non dictum*», относятся к «московскому» периоду его творческой биографии¹.

Среди них есть четыре незавершенных текста²: скорее всего, начиная работать над проповедью, автор узнавал о дополнительных препятствиях и просто прекращал работу, сохраняя черновики для будущих текстов. Так, проповедь на Преображение Господне (точная датировка отсутствует) была вчерне составлена, но не произнесена из-за болезни Яворского: «*Composita concio, sed propter infirmitatem corporis non dicta*» (л. 287). Всего в собрании РГИА выявляются 23 неоконченные проповеди. Однако часть из них вполне могли быть произнесены, поскольку автор нередко пользовался для завершения проповедей фрагментами из других своих текстов. Нельзя исключать и утрату отдельных листов, и возможные ошибки при описании наследия Яворского³.

Особый интерес представляют пять проповедей, завершенных автором, но также оставшихся произнесенными:

1. 1708 (испр. автором на 1709) г., 13 ноября. Москва, Патриаршая церковь. Проповедь на день Иоанна Златоуста. *Veritas ubique exul, ubique exosa, quod patet in divinissimo exule Ioanne Chrysostomo pro cuius festivitate haec concio...* Блажени изгнани правды ради (Мф 5 : 10) (л. 806–811).

2. 1708 г. 6 декабря. Проповедь на день Николая Чудотворца. *Victoria quomodo? Et quibus armis comparanda? Pro festo divinissimi*

¹ Наиболее подробно историография, касающаяся личной и творческой биографии Стефана Яворского, представлена в работе: [Смирнов, Зеленина].

² Проповеди на Преображение Господне (л. 287–288 об.), неделю сыропустную (л. 1090–1092), день Параскевы Пятницы (л. 1439–1442), неделю о Закхее (л. 1480–1481 об.).

³ Работа по систематизации разрозненного комплекса тетрадей Стефана Яворского была проделана А. И. Никольским, объединившим тетради в сборники и составившим их подробное описание [Описание рукописей, с. 381–426].

Nicolai, victoriae synonymi. Радуйся, Николае, побѣди имя носяй. Пѣние церковное на стиховнх (л. 942–947).

3. 1711 г. [4 февраля]. Рязань. Неделя о блудном сыне. *Dominica de filio prodigo. Exhortatiuncula minus adparata* (л. 1075–1077).

4. Б. г. [27 ноября]. День Новгородской иконы Божией Матери Знамение. Знамение велие явися на небеси, жена оболченна въ солнце (Откр. 12 : 1). Дал еси боящимся Тебе знамение (Пс. 59 : 6, л. 593–595).

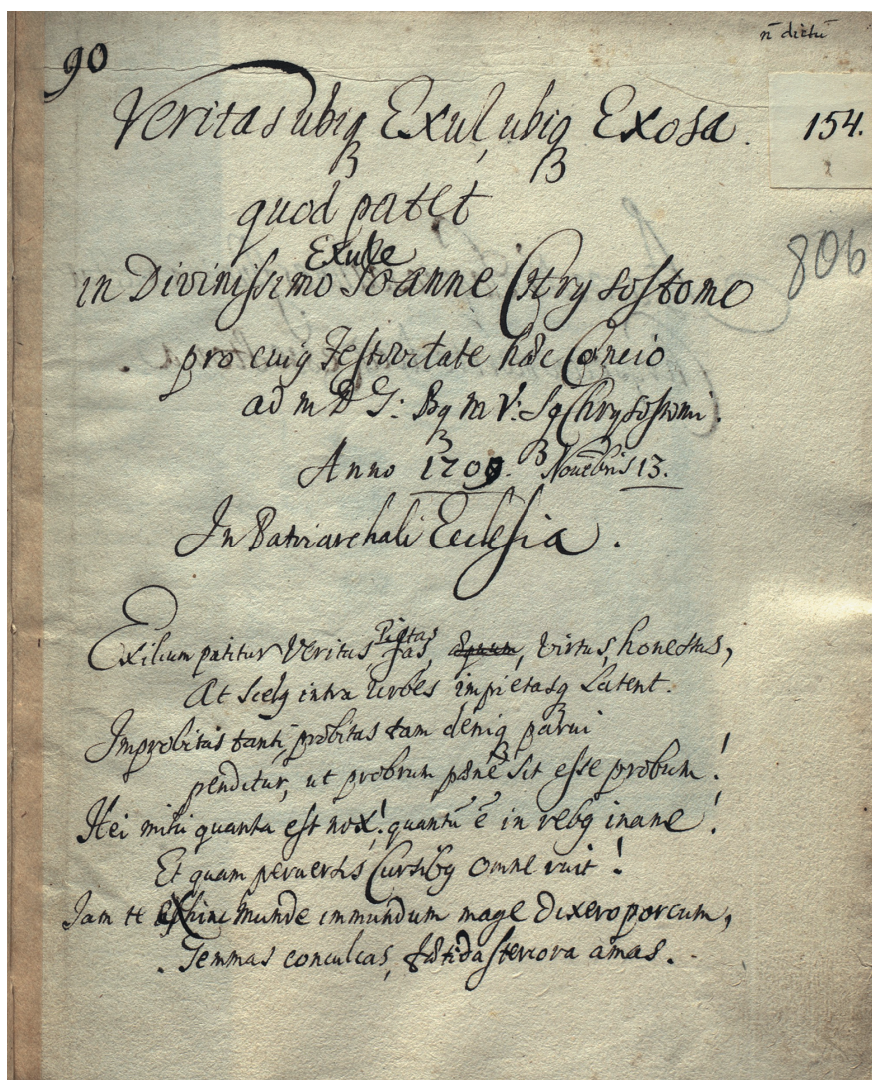
5. Б. г. 20 мая. День митрополита Алексия. *Sancti Alexii corporis sacri inventio. Corruptio hominis a verme peccati*. Не даде преподобному Своему видѣти истлѣния (Пс. 15 : 10, л. 682–685).

Первые две достаточно точно датированные и предназначенные для произнесения в столице проповеди, фрагменты из которых были опубликованы И. А. Чистовичем [Чистович, с. 50–52, 54–55], еще в XIX в. вызвали исследовательский резонанс, нуждающийся в критическом пересмотре, основанном на более широком обращении к рукописным материалам. Вслед за И. А. Чистовичем на проповеди 1708 г. обратил внимание Ф. А. Терновский [Терновский, с. 311–312]. В дальнейшем их упоминали историки литературы П. О. Морозов и А. Н. Пыпин [Морозов, с. 89; Пыпин, с. 182].

Почему Стефан Яворский не произнес проповедь 13 ноября 1708 г.?

Проповеди на дни Иоанна Златоуста и Николая Чудотворца, которые Стефану Яворскому не удалось произнести в 1708 г., часто используются для иллюстрации его критического по отношению к власти настроя, характерного для «второго этапа» творчества проповедника (в противоположность первому, «панегирическому») [см. об этом: Терновский, с. 312; Крашенинникова, с. 129]. Безусловно, написание ярких и эмоциональных проповедей на праздники самых популярных в России святителей имело для автора большое значение: Иоанн Златоуст и Николай Чудотворец были известны своими обличениями неправедных правителей и ересей, поэтому включение критических высказываний в проповеди, посвященные этим святым, было своего рода «охранной грамотой» от подозрительных слушателей (в частности сенаторов, которые, как известно, в 1712 г. сообщили царю о содержании проповеди на день Алексия, человека Божия [см.: Живов, 2006]). Примерно в это же время Яворский создает предисловие к «Беседам на 14 посланий апостола Павла» Иоанна Златоуста (М. : Печатный двор, 1709), где уделяет большое внимание роли Златоуста как проповедника.

Проповедь на день Иоанна Златоуста была написана первой и должна была приноситься 13 ноября в патриаршей церкви Двенадцати Апостолов в Московском Кремле. В дальнейшем восьмерка в дате была переправлена рукой Яворского на девятку (ил. 1), поэтому в историографии проповедь часто датируется 1709 г. [Чистович, с. 50; Описание рукописей, с. 402; Čiževskij, S. 115; Крашенинникова, с. 130; и др.]. Параллельно в работе Ф. А. Терновского нашел отражение

1. Заглавный лист проповеди Стефана Яворского на день Иоанна Златоуста 13 ноября 1708 г. [РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 15926. Л. 806]
Title page of Stefan Yavorsky's sermon on the Day of St John Chrysostom on November 13, 1708

1708 г. – этой датировкой воспользовались А. Н. Пыпин, Ю. В. Шевелев (псевдоним – Ю. Шерех) и А. В. Иванов [Šerech, p. 55; Ivanov, p. 39].

При этом если датировка имела противоречивый характер, то в интерпретации содержания проповеди и мотивов ее автора исследователи были единодушны. Общим местом стало утверждение, что на день Иоанна Златоуста Яворский намеревался обличить петровские «ассамблеи» как пиры Валтасара. Фрагмент проповеди, включающий именно этот «приклад», был опубликован И. А. Чи-

стовичем и, по сути, определил оценку всей проповеди на полтора столетия вперед. А благодаря помете «non dictum» у намерений Стефана Яворского появился и второй «слой» интерпретации. В 1951 г. мотивы отказа автора от произнесения проповеди были поставлены Ю. В. Шевелевым в прямую зависимость от исторического контекста 1708 г. – начала Русского похода Карла XII, военных неудач российской армии, измены Мазепы и т. п. Исследователь писал: «В ноябре 1708 г., т. е. когда уже было известно о переходе Мазепы в стан врага и положение Петра было особенно уязвимым, Яворский написал проповедь, в которой выступал против конфискации государством церковного имущества и уподоблял петровские “ассамблеи” пиру Валтасара. Это представляет собой довольно откровенное предсказание Божьего наказания и гибели Петра. Конечно, осторожность взяла верх, и Яворский не зачитал пассаж, о котором идет речь» [Šerech, p. 55]⁴.

Выводы Ю. В. Шевелева о важности исторических обстоятельств 1708 г. поддержал и В. М. Живов, обратившийся к рукописям проповедей Стефана Яворского и указавший на передачу И. А. Чистовичем более поздней даты: «Если полагать, что данная проповедь написана после измены Мазепы и до Полтавского сражения, это предупреждение приобретает грозную актуальность. Этого антипетровского выпада Стефан благоразумно не огласил (в рукописи имеется помета “non dictum”), однако удержаться от протеста, по видимости, не мог – трудно придумать более красноречивое свидетельство его тайной ненависти к Петру» [Живов, 2004, с. 126]. Будучи осторожным в формулировках, В. М. Живов добавляет примечание: «Когда именно Яворский сделал это исправление, и соответствовало ли оно действительности, остается неясным. В этих условиях исторические соображения, на которых основывался Шевелов⁵, сохраняют значимость» [Там же, прим. 33].

Оба исследователя обходят стороной конкретные причины, по которым Яворский мог отказаться от произнесения проповеди, ограничиваясь лишь общими рассуждениями о благоразумности проповедника, вовремя воздержавшегося от «антипетровского выпада»⁶.

Измена гетмана И. С. Мазепы – действительно важное обстоятельство для понимания мотивов Яворского. На то, что день Иоанна Златоуста был следующим днем за 12 ноября 1708 г., когда Мазепа был предан в Москве анафеме, обратил внимание только А. В. Иванов, не придав этому, впрочем, особого значения [Ivanov, p. 39]. В этот день Стефан Яворский совершил по указу Петра в Успенском соборе Московского кремля благодарственный молебен в честь победы над

⁴ Перевод автора статьи.

⁵ Так у В. М. Живова.

⁶ Осторожность Яворского подчеркивается и в других работах: [Пыпин, с. 182; Пьесы школьных театров Москвы, с. 23; Смирнов, Зеленина, с. 344; и др.].

шведами [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 77. Л. 3–4 об.] и произнес не просто проклятие Мазепе, а целую проповедь – «Трость вѣтромъ колѣблема, то есть нестатокъ, непостоянство и жалостная измѣна гетмана Ивана Мазепы» (л. 1725–1729 об.)⁷. 31 октября 1708 г. царь написал Яворскому об измене Мазепы: «Того ради изволте онаго за такое ево дѣло публично в саборной церкви проклятию предать» [Письма и бумаги, № 2795, с. 261]. 8 ноября 1708 г. состоялось анафематствование гетмана митрополитом Киевским, Галицким и Малыя России Иоасафом Кроковским в Троицком соборе г. Глухова, где на тот момент находился Петр.

Учитывая скорость доставки корреспонденции, отметим, что у Яворского было не так много времени на подготовку антимазепинской проповеди. Если согласиться с предположением Ю. В. Шевелева о написании текста на день Иоанна Златоуста сразу после получения известия об измене Мазепы, то придется допустить и факт написания за этот промежуток времени сразу двух проповедей с во многом противоположной тональностью. 8 ноября, ко всему прочему, была произнесена проповедь на день архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных, упоминавшаяся выше.

Таким образом, произнесение в патриаршей церкви на следующий день после анафематствования гетмана Мазепы провокационной обличительной проповеди могло быть отменено по организационным соображениям или в связи с занятостью проповедника иными делами. Однако вероятнее всего, что проповедь не была произнесена по решению самого митрополита, который, как и другие малороссийские книжники, был очень близок с Мазепой и опасался быть неправильно понятым. Последнее письмо Мазепе было отправлено Яворским 26 октября 1708 г. до получения новостей о его измене [Кочегаров]. Вряд ли проповедь на день Иоанна Златоуста была проявлением злорадства над царем, обусловленного тайной симпатией к Мазепе (хотя отношение к нему, видимо, оставалось неоднозначным [Brogi Vercoff, p. 208–212]). Таким образом, Стефан Яворский задумал проповедь не позднее октября, задолго до событий, связанных с изменой гетмана⁸.

О чем планировал проповедовать Стефан Яворский?

Интерпретацию проповеди, утвердившуюся в историографии, достаточно точно передает В. М. Живов: «Стефан приготовил проповедь, в которой говорилось о царе Валтасаре, пьющем из церковных сосудов, и тем самым осуждалось изъятие церковных иму-

⁷ Проповедь опубликована по списку Киевской духовной академии [Слово пред проклятием Мазепы; ср.: Чистович, с. 106–109].

⁸ Измена Мазепы стала новостью, хотя и с августа 1707 г. царю поступало несколько доносов на Мазепу – до последнего момента Петр отказывался верить этим обвинениям.

ществ, делались прямые намеки на неблагочестивые петровские ассамблеи; для слушателя, владеющего языком библейских пророчеств, это было равносильно предсказанию Божиего гнева, который неминуемо должен обрушиться на Россию за грехи ее правителя» [Живов, 2004, с. 125].

Всем исследователям этой проповеди свойственен персоналистский подход: «антипетровская» направленность текста фиксируется достаточно часто. «Самоцензура» Яворского – недостаточно убедительное объяснение отказа от произнесения проповеди еще и потому, что примерно с 1707 г. грехи правителей регулярно обличались в других его проповедях, в произнесении которых публично нет оснований сомневаться [см.: Попович]. В проповеди на день Иоанна Златоуста таких примеров значительно больше, однако обличения грехов правителей, как и в прочих текстах этого периода, здесь встроены в более широкую картину падения нравов: обличаются также вельможи и общество в целом.

Как было показано выше, осторожность Яворского, не ставшего произносить тщательно подготовленную проповедь, была несколько иного свойства. О вдумчивой и кропотливой работе автора свидетельствует рукопись. Яворский явно готовился к этой проповеди и заранее выбрал подходящий для нее праздник. В заголовочный комплекс сочинения автор поместил следующие стихи (как элемент проповеди в рукописях встречаются достаточно редко):

Exilium patitur veritas, pietas, fas, virtus, honestas,
at scelus intra urbes impietasque latent.
Improbis tanti, probitas tam denique parvi
penditur, ut probum paene sit esse probum!
Hei mihi quanta est nox! Quantum est in rebus inane!
Et quam perversis cursibus omne ruit!
Iam te exhinc munde immundum mage dixero porcum,
Gemmas conculcas, foetida stercora amas (л. 806).

*(Истина, благочестие, божественные законы, добродетель,
честность находятся в изгнании,
а в городах кроются преступления и нечестие.
Бесстыдство так велико, что порядочность уже так мало
ценится, и постыдные поступки почти стали хорошими!
Ох, как полна ими ночь! Сколько в мире пустого!
И как все рушится злыми течениями!
Оттого, нечистый мир, я бы назвал тебя свиньей,
ты топчешь бисер и любишь зловонный кал)*⁹.

⁹ Перевод автора статьи. Ранее публиковались и переводились только две первые строки [Чистович, с. 50; Čiževskij, S. 118; Либуркин, с. 132].

Конечно, латинские стихи не были предназначены для произнесения – рукописи Яворского с их многочисленными пометами представляют собой «лабораторию писателя», напоминающую литературные практики Нового времени и отражающую внутренние переживания автора, часть из которых осталась бы недоступна для рядовой паствы даже в случае произнесения основной части проповеди. Та же степень откровенности в латинских и польских текстовых вкраплениях была характерна разве что для личной переписки Стефана Яворского с друзьями, в особенности с Димитрием Ростовским.

Стихи, предпосланные проповеди на день Иоанна Златоуста, представляют собой яркий образец новолатинской поэзии Петровской эпохи, хотя их оригинальность в определенной мере условна. Например, проповедник пользуется цитатой «Improbis tanti, probis tam denique parvi // Penditur, ut probum paene sit esse probum!» из эпиграммы валлийского поэта рубежа XVI–XVII вв. Джона Оуэна [Epigrammatum, p. 85]¹⁰, а слова «O, quantum est in rebus inane» из сатиры римского поэта Персия являются латинским крылатым выражением, безусловно, известным Яворскому. Автор завершает стихи сниженным образом свиньи, предпочитающей навоз бисеру, по жанровому канону эпиграммы адресуя эту характеристику даже не конкретному лицу, а всему «нечистому миру». Отсылка к евангельской истории (Мф 7 : 6) здесь имеет место лишь отчасти и объясняется скорее сатирическим модусом, характерным для обличительных сочинений Яворского (ср. похожие обличения протестантов в предварительных типографских материалах титульного листа полемиического трактата «Камень веры»: «Люторъ лють воръ, Кальвинъ калъ свинъ» [РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]).

На оборотной стороне заглавного листа помещено латинское двустишие, метафорически объясняющее происхождение имени Иоанна Златоуста и противопоставляющее речь святого тем грязным потокам, о которых говорилось выше:

Aurea dum eloquio Ioannes flumina ructat
Chryseion merito dicitur esse stoma (л. 806 об.).

*(Когда Иоанн источает золотые реки речью,
По праву золотыми называются его уста)*¹¹.

Раздумья Яворского о проблемах, обсуждаемых в проповеди, отражает и фраза, дописанная после ее текста: «Drexelius in suo Davide c 3, § 3, fol. 799, pulchre disserit de dicenda veritate» (л. 811). Это издание было в библиотеке Яворского («Drexellij pars 2» in folio [Маслов, с. VIII, № 33]) –

¹⁰ В библиотеке Стефана Яворского среди книг в 8° и меньшего размера числилась книга эпиграмм («Epigrammata in es (?)» [Маслов, с. XXXVIII, № 569]), которую С. И. Николаев предложил считать краковским изданием эпиграмм 1653 г. польского поэта-иезуита Альберта Инеса [Николаев, с. 174]. Не исключено, что это было амстердамское издание 1679 г., в котором были объединены под одной обложкой эпиграммы Оуэна и Инеса [Epigrammatum].

¹¹ Перевод Д. Д. Гальцина.

экземпляр, на полях которого есть пометы Стефана Яворского, после его смерти попал в библиотеку Феофилакты Лопатинского¹² [НИОРК БАН. 1513-л; см. также: Библиотека Феофилакты Лопатинского, с. 413–415, № 539–540]. Ученая ссылка на рассуждения иезуитского богослова Иеремии Дрекслея об истине, в частности о «свободе слова» (*dicendi libertas*) слуг царя Саула, сказавших ему о влиянии на него злого духа и предложивших найти кого-нибудь, кто успокаивал бы его игрой на гуслях (Давида) [НИОРК БАН. 1513-л. Р. 799–800], понадобилась Яворскому для дополнительного развития темы за пределами собственно проповеди.

Структура проповеди хотя и соответствует типичному для автора ходу мысли [Чистович, с. 14–38], имеет свои формальные отличия. Библейским тематическим ключом в проповеди на день Иоанна Златоуста закономерно выступают евангельские слова «Блажени изгнани правды ради» (Мф 5 : 10), однако Яворский не делает их, как обычно, рефреном проповеди. Сюжетообразующей становится рассказываемая проповедником аллегорическая история перемещения гонимой истины из одного города в другой (образ, появившийся также в латинских стихах). Яворский начинает проповедь словами:

Смутную вам скажу новину... Правду послано на ссылку, истинну послано на изгнание. Златоустаго на заточение. Такъ-то миръ сей лукавый ослѣплень злобою, что зло и вредительно, то любит, а что добро и полезно, то гонит и от себе удаляет (л. 807).

Добавляя к этой мысли значок примечания, на полях Яворский приводит в пример освобожденного народом по случаю праздника Пасхи Варавву: «Не Сего, но Варраву (*sic!*), не Христа, но антихриста. Дай нам сюда Блядоустаго, а Златоустаго посылай на ссылку. О Боже, какое безумие!» (л. 807).

Обдумывая начало проповеди, Стефан Яворский со временем вписывает над строкой следующие слова: «*Praemissa admiratione. Что убо стою и не глаголю?*»¹³ (л. 807). Вводя это «предпосланное удивление», автор, с одной стороны, стремится заинтриговать слушателей, а, с другой – извинить себя перед ними за обличительный пафос своей проповеди.

Говоря об ослеплении всего мира злобой, Яворский вместе со слушателями сначала посещает города из библейской истории. В Иерусалиме истина явилась в лице обличителя царя Ирода Иоанна Предтечи и была лишена головы. «Молчи, не говори истинны» (л. 807 об.), – делает проповедник вывод, который на протяжении всей проповеди фактически заменит собой библейский тематический ключ «Блажени изгнани правды ради». Печальная участь постигла и Иисуса Христа с апостолами. Далее Яворский переходит в Вавилон и именно в этом контексте рассказывает историю царя Валтасара, повелевшего принести церковные сосуды, похищенные его отцом Навуходоносором из храма.

¹² Сведения об этом экземпляре сообщены Д. Д. Гальциным.

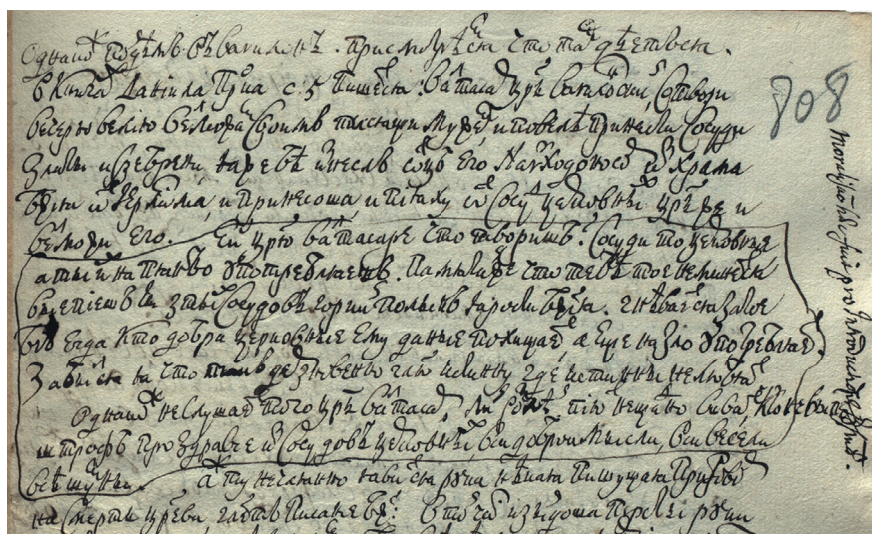
¹³ Здесь и далее курсив наш. – А. П.

И. А. Чистович и В. М. Живов неточно прочитали рукопись, не разобрав слова «лий розлѣй» и указав на то, что из церковных сосудов Валтасар со своими вельможами пили «сивач» [Чистович, с. 51; Живов, с. 125, 126, прим. 32]. В действительности это слово следует читать как заимствованное в Петровскую эпоху приветствие «виват», что, пожалуй, даже усиливает злободневность проповеди. Обличая царя, Яворский выделяет в рамку следующий пассаж в рукописи (ил. 2):

Ей, царю Валтасаре, что творишь? Сосуди то церковные, а ты их на пьянство употребляешь. Памятайже, что тебѣ тое не минется, выпиешь (*sic!*) ты з тых сосудовъ горький полынь ярости Божия. Гнѣвается за тое Богъ, егда кто добра церковные Ему даные похищает, а еще на зло употребляет. Забылся я, что такъ дерзновенно глаголю истинну где истинны не любят.

Однакож не слушает того царь Валтасар, лий розлѣй, пият нещадно, виват, кто не выпьет штрофъ про здравие из сосудовъ церковных, вси доброй мысли, вси весели, всѣ шумны (л. 808).

Слова «Забылся я, что такъ дерзновенно глаголю истинну где истинны не любят» – высказывание от первого лица, относящееся не к библейскому герою, а к самому Яворскому, проповедующему перед москвичами. В. М. Живов отмечает только то, что автор обвел этот пассаж «особой линией» [Живов, 2004, с. 125–126], однако в дополнение к этому Яворский написал на правом поле листа: «Moralisatio haec fuit pro introductione Beatissimae» («Эта морализация была перед блаженным видением», л. 808). Зачем и для кого по-

2. Выделенный Стефаном Яворским фрагмент проповеди на день Иоанна Златоуста 13 ноября 1708 г. [РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 15926. Л. 808]

A fragment of the sermon on the Day of St John Chrysostom on November 13, 1708, highlighted by Stefan Yavorsky

надобилось делать это примечание? Как и в самом начале проповеди (фраза «Praemissa admiratione»), здесь имеет место комментарий к риторической организации текста. В проповедях Яворского подобные пояснения встречаются часто, однако выделение таких фрагментов в рамку не было типичным. Иногда проповедник выделял в рамку пассажи на других языках (польском и латинском), не предназначенные для произнесения, но необходимые ему самому для работы над этим или следующим сочинением. Нередко выделенный текст зачеркивался. Наиболее вероятно, что выделение этого фрагмента в проповеди на день Иоанна Златоуста означает, что Яворский не планировал говорить его во время проповеди или во всяком случае рассчитывал объяснить его контекстом рассказываемой библейской истории. При этом слова, предшествующие этому пассажи, намекающие на осквернение церковных сосудов, обведены не были, а значит, в любом случае были бы произнесены: «и пияху от сосудов церковных царьже и вельможи его» (л. 808).

Деля из этого примера вывод, Яворский говорит об опасности праведного совета для того, кто осмеливается в чем-либо обличать правителя. Чудесное появление на стене храма слов «мани, фекел, фаресь» (в орфографии автора), предвещавших падение Вавилонского царства, Яворский связывает со страхом тех, кто «был тамъ на дворѣ царскомъ» (в том числе пророка Даниила), самим обличить царя: «Никтоже не дерзнул глаголати истинну цареви» (л. 808 об.). Из Вавилона проповедник переходит в Вефулию. Рассказывая об участии Ахиора, пострадавшего за то, что предупреждал Олоферна о поражении в случае нападения на иудейский народ, Яворский вновь использует второе лицо и повелительное наклонение глагола в сочетании с цитатой из Псалтыри (Пс. 11 : 2): «За что? За тое что говорилъ истинну. *Пред царями, пред вельможами истинны не говори.* Умалишася истинны от сыновъ челоувѣческих» (л. 809). В квадратные скобки Яворским выделены слова: «*Осторожнеж, Ахиоре, говори истинну.* Истинна очи колетъ» (л. 808 об.). Вероятно, эти слова тоже предполагалось опустить или сопроводить дополнительным пояснением при произнесении проповеди, поскольку для смыслового выделения автор, как правило, пользовался подчеркиванием.

Следующий пример пророка Нафана, обличившего царя Давида через притчу, проблематизирует форму, в которую следует облекать правду: «Но онъ истинны попросту не говорил, правду обвертъль в бумагу, истинну явил въ притчи, и такъ явил, что самъ себе царь осудил повинна быти смерти» (л. 809 об.). Обличительное содержание проповеди, таким образом, дополняется надеждой на исправление правителя посредством иносказания, притчи – Яворский не мог не рассматривать свои проповеди в этом же ключе и пользовался этой возможностью.

Возвращаясь к образам городов, проповедник мимоходом упоминает Москву:

Не знайшол я истинны ни въ Иерусалимѣ, ни въ Вавилонѣ, ни въ Бифулии. Кудиж еще обернуса? Хотѣлъ я ей искати ту на Москвѣ, аж мнѣ нѣкто сказал, что издалече минула городъ, знатно побоялася либо кнута, либо плахи, либо катаргы (л. 809 об.).

Этот фрагмент никак не выделен дополнительно и мог рассматриваться автором как иронический пример, который, учитывая его полуразговорный характер («аж», «знатно побоялася»), должен был вызвать не столько возмущение слушателей, сколько улыбку или усмешку.

Следующим городом был Константинополь, откуда за свои обличения царя и царицы был изгнан Иоанн Златоуст. Вывод, сделанный Яворским и продолженный еще одним непубличным латинским рассуждением, звучит так:

Молчи, не говори истинны, хотя ты Златоуст. Жаль ми тя, истинно святая, что вездѣ тобою гнушаются, вездѣ не любят, вездѣ отмѣтают и на ссылку гонят. Hic de luce quam oderunt ophthalmici jam vero apostolis Xristus [нрзб] Vos estis lux (л. 809 об.) (Здесь о свете, который ненавидели глазные врачи. Христос говорил апостолам: «Вы – свет»)¹⁴.

Эта мысль продолжается на поле следующего листа:

Ophthalmici qui laborant ex oculis laeduntur dum lucem aspiciunt: apostolos Xristus vocat lucem. Vos estis lux mundi. Ergo quod mirum, quod homines odio persequerentur apostolos et omnes qui veritatem loquuntur (л. 810) (Глазные врачи, больные глазами, страдают, когда смотрят на свет: Христос называет апостолов светом. Вы – свет мира. Поэтому что удивительного в том, что люди ненавистью преследуют всех апостолов и всех, кто говорит правду)¹⁵.

Эти обращения, включая латинские рассуждения, становятся частью внутренних размышлений Яворского об ограничениях и опасностях проповедования истины. Не случайно в круглых скобках Яворский несколько раз вписывает слова «рече» и «глаголет», словно подчеркивая, что передает чужую речь. Таким образом, изначально автор планировал не произносить (или во всяком случае смягчить) лишь некоторые фрагменты проповеди, безусловно, представлявшие собой плохо скрываемые намеки на актуальную повестку и обличающие как ведущих себя несправедливо правителей, так и вельмож.

Была ли проповедь частично произнесена?

Произнес ли Стефан Яворский проповедь на день Иоанна Златоуста в 1709 г., на который он сам переправил дату? Щепетильный по отношению к своим рукописям проповедник мог зачеркнуть эту помету (если

¹⁴ Перевод автора статьи.

¹⁵ Перевод Д. Д. Гальцина.

она не появилась в конце 1709 г.¹⁶ или в другое более позднее время при разборе автором своих рукописей), если бы проповедь действительно состоялась. Судя по всему, произнесение проповеди в 1709 г. планировалось, но на этот раз автору помешали новые обстоятельства.

28 октября 1709 г. скончался близкий друг Стефана Яворского Димитрий Ростовский. Они дали друг другу обеты похоронить того, кто умрет первым. Из-за ожидания приезда Стефана погребение Димитрия сильно затянулось и состоялось только 25 ноября [см.: Федотова, с. 21–22]. Источники, которые свидетельствовали бы об эмоциональном состоянии Яворского после кончины друга, не обнаружены, однако показательно, что в собрании РГИА нет ни одной проповеди, которая была бы датирована Яворским ноябрем или декабрем 1709 г. Откладывавшийся приезд в Ростов был, видимо связан и с другими трудностями – любой сколь-либо длительный отъезд Яворского из Москвы требовал личного разрешения царя. Произнесение написанной в 1708 г. проповеди на день Иоанна Златоуста через год снова оказалось невозможным не из-за осторожности автора, написавшего проповедь и вдруг передумавшего ее произносить, а из-за новых тяжело переживавшихся Яворским обстоятельств.

В другой проповеди на день Иоанна Златоуста (1712 г.) за основу берутся евангельские слова «Вы есте соль земли» (Мф 5 : 13), которым уделяется много внимания в проповеди 1708 г.:

Истинна такожде на сем свѣтъ якоже соль, аще кто много истинны употребляет, неприятенъ бывает и отмѣтается (л. 809 об.);

Соли не любит око: кто истинну говорит, такожде любим есть, якоже соль въ оку. Правда очи колет. Соли терпѣти не можетъ язва и рана. Истинны такожде нестерпѣвает грѣховная рана и язва (л. 810).

К сожалению, об этой проповеди известно только из работы И. А. Чистовича [Чистович, с. 52–53] – неясно, использовался ли в ней текст проповеди 1708 г. Нельзя достоверно сказать и о том, была ли произнесена эта проповедь 13 ноября 1712 г. после запрета проповедовать, наложенного на Яворского сенаторами из-за проповеди 17 марта 1712 г.¹⁷

Другое намерение автора, не воплотившееся в тексте проповеди на день Иоанна Златоуста и оставшееся там лишь в качестве польскоязычного примечания, касалось частых разводов («*hic o częstych rozwodach*», л. 810 об.)¹⁸. Обращаясь к афонской реликвии – голове Ио-

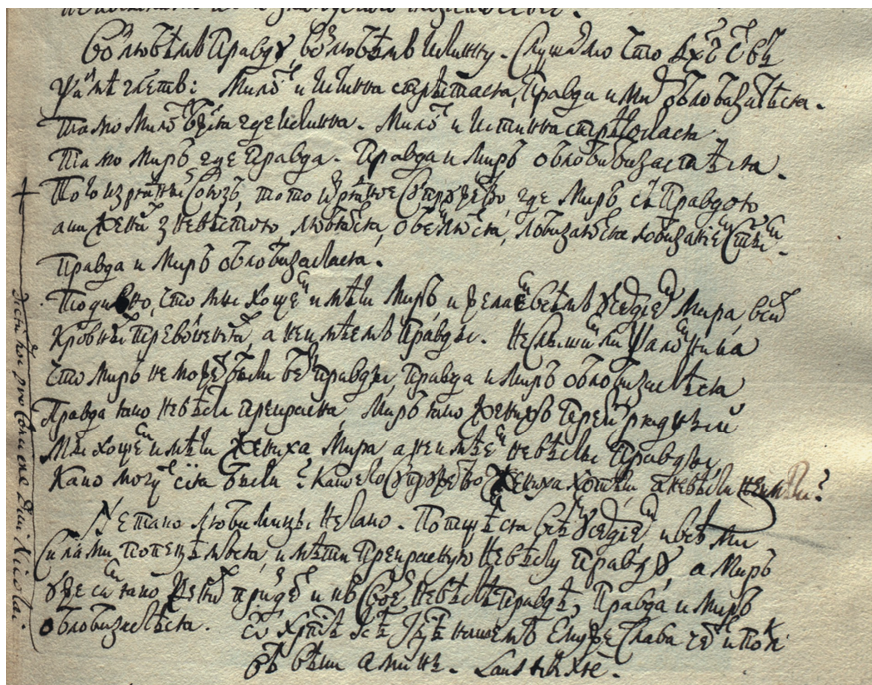
¹⁶ Показателен пример проповеди на Сретение Господне (2 февраля), которая должна была произноситься в 1708 г. (л. 19–26 об.). Год был также переправлен на 1709, при этом помета «*non dictum*» отсутствует, из чего можно сделать вывод, что проповедь была произнесена.

¹⁷ Если исключить намеренную мистификацию, то можно предположить, что И. А. Чистович рассчитывал разобраться в этом вопросе и «позаимствовал» рукопись проповеди.

¹⁸ Оно было реализовано в проповеди на день митрополита Петра (21 декабря 1708 г.) (л. 971–974 об.).

анна Златоуста, с середины XVII в. находившейся в Москве, проповедник призывает ее к обличению пороков российской столицы: «Возгласи нам паки правду и истинну, якоже древле в Константинополи и въ Антиохии гласила еси... Тъмъже недугом и болѣзнию лютѣ страждет и град сей...» (л. 810 об.). Молчание головы святителя Яворский объясняет опасением, что ее «выкинут» и отсюда: «Молчит глава святая. Знатоно боится, чтобъ и отсюду ей за правду и истинну не выкинули» (л. 811).

Таким образом, уже через месяц после несостоявшегося в 1708 г. произнесения текст проповеди на день Иоанна Златоуста трансформировался в источник намерений и готовых примеров для следующих проповедей. Другая произнесенная проповедь Яворского, запланированная на день Николая Чудотворца 6 декабря 1708 г., включала в себя обширный финальный фрагмент из проповеди на день Иоанна Златоуста, о чем Яворский сам сообщил на левом поле рукописи, выделив вертикальной чертой заимствованный пассаж: «Dictum hoc pro concione Divi Nicolai» (л. 811, ил. 3). Эта взаимозависимость текстов позволяет снять сомнения в том, можно ли доверять Яворскому, исправившему в рукописи год, высказанные В. М. Живовым [Живов, 2004, с. 126, прим. 33]. Проповедь на день Иоанна Златоуста определено была написана в 1708 г.

3. Отмеченный Стефаном Яворским фрагмент проповеди на день Иоанна Златоуста 13 ноября 1708 г. [РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 15926. Л. 811]

Fragment of a sermon on the Day of St John Chrysostom on November 13, 1708, highlighted by Stefan Jaworski

**Сопоставление фрагментов «о правде и мире»
в проповедях Стефана Яворского**

Проповедь на день Иоанна
Златоуста, 13 ноября 1708 г.

Возлюбѣмъ правду, возлюбѣмъ истинну. Слушаймо, что Духъ Святый въ псалмѣ глаголетъ: «Милость и истинна стрѣтася, правда и мир облобизастѣся». Тамо милость Божия, где истинна. Милость и истинна стрѣтостася. Тамо миръ, где правда. Правда и миръ облобизастѣся (*sic!*). То-то изрядный союзъ, то-то изрядное супружество, где миръ съ правдою – аки женихъ з невѣстою, любятся, объемяются, лобизаются лобизаниемъ святымъ. Правда и миръ облобизастася.

То дивно, что мы хотимъ имѣти миръ и желаемъ всѣмъ усердиемъ мира в сихъ кровныхъ треволненияхъ, а не имѣемъ правды. <...>

Не тако, любимицы, не тако. Потщѣмся всѣмъ усердиемъ и всѣми силами попецѣмся имѣти прекрасную невѣсту правду, а миръ уже самъ, яко женихъ, придетъ и къ своей невѣстѣ правдѣ, правда и миръ облобизастѣся (л. 811).

Проповедь на день Николая
Чудотворца, 6 декабря 1708 г.

И, Боже мой, хотимъ всѣхъ милости Божия, а не имѣемъ истинны. Слушайтежъ, где милость Божия: там милость Божия, идеже истинна. Милость и истинна стрѣтостася. Хотемъ всѣхъ и желаемъ от всего сердца нашего мира, а не имѣемъ правды. Слушайтежъ где миръ живетъ, тамо миръ пребываетъ идеже правда, правда и миръ облобизастѣся. То-то изрядный союзъ, то изрядное супружество, идеже миръ съ правдою – аки женихъ съ невѣстою, любятся, объемяются, лобизаются лобизаниемъ святымъ. Правда и миръ облобизастѣся.

То дивно, что мы хотимъ имѣти миръ и желаемъ всѣмъ усердиемъ мира в сихъ кровныхъ треволненияхъ, а не имѣемъ правды. <...>

Не тако, любимицы, не тако: потщѣмся всѣмъ усердиемъ и всѣми силами попецѣмся имѣти прекрасную невѣсту правду, а миръ уже самъ, яко женихъ, придетъ и къ своей невѣстѣ правдѣ. Правда и миръ облобизастѣся (л. 945 об. – 946).

Практически дословное повторение фрагмента хорошо демонстрирует писательскую технику Яворского: с одной стороны, это типичный схоластический прием использования одних и тех же примеров для разных проповедей, с другой – отражение последовательности проповедника в донесении до паствы своей позиции. Перед этим фрагментом в проповеди на день Николая Чудотворца автор добавляет примечание и вписывает на левом поле следующие слова:

Сия вам аз глашу, на котором Богъ крове ваша взыщет, которому велѣлъ Богъ крычати, гласити и тако глаголетъ Isaias 55. Возопий крѣпостию и не пощади, яко трубу вознеси глас свой и возвѣсти людемъ Моимъ грѣхи ихъ (л. 945 об.).

Молчание о грехахъ своей паствы Яворский считал тяжелѣйшимъ грехомъ для проповедника. Хотя проповедь на день Николая Чудотворца также осталась произнесенной, ему удастся озвучить сокращенный вариант пассажа о правде и мире в слове на день Владимирской иконы Богородицы 23 июня 1709 г.:

И како можете восприяти миръ неимущи правды. Правды надобѣ, кто хошет мир имѣти. Двоица сия совокупно и нераздѣльно ходит. Правда и миръ облобизистѣся. Аще убо восияет во днехъ наших правда, то восияет и множество мира (л. 571).

* * *

К сожалению, биография Стефана Яворского исследована фрагментарно, и трудно судить обо всех обстоятельствах, которые могли мешать ему в произнесении проповеди на день Николая Чудотворца 6 декабря 1708 г. Этот текст принято характеризовать как проповедь, в которой осуждалось брадобритие [Живов, 2004, с. 126; Живов, 2006, с. 202; Акельев, с. 339, прим. 2], поскольку отрывок о бритве как орудии лести и лжи также был опубликован И. А. Чистовичем [Чистович, с. 54–55]. Как и в случае проповеди на день Иоанна Златоуста, содержание текста было значительно шире, а объекты обличения – разнообразнее. Фрагментарный подход характерен для всей истории изучения проповеднического наследия Яворского, а отсутствие репрезентативного издания проповедей мешает обретению целостного взгляда, который позволил бы в полной мере выделить темы и проблемы, волновавшие проповедника, и избежать поспешных выводов об авторских намерениях. Самоцензура, безусловно, характерная для Стефана Яворского, была иной природы. Исследование графического облика авторских рукописей – этап, без которого невозможно оценить целеполагание Яворского-проповедника во всей полноте.

Нуждается в исследовании и его личный конфликт с царем, видимо, излишне преувеличенный для периода рубежа 1700–1710-х гг. В эти годы проповедник постоянно обличал безнравственность, маловерие, лицемерие и другие пороки российского общества, неоднократно высказывался о них как о причине того, что война не завершается желанным миром. Яворский высоко ценил возможность говорить истину, понимаемую им в христианском смысле, как верность богоустановленному порядку и как своего рода аллегорические советы правящим кругам. Как проповедник, обладавший привилегией говорить перед первыми лицами государства, Яворский часто позволял себе острые высказывания и волей-неволей примерял к своей судьбе биографии раннехристианских святителей. Степень опасений проповедника в 1700-е гг. явно преувеличена в историографии. Само написание проповедей уже становилось высказыванием, а их «откладывание на стол», как было показано на примере проповеди на день Иоанна Златоуста 1708 г., нуждается в уточнении помешавших произнесению обстоятельств.

Отдельная задача – исследование циклов подобных текстов: к проповедям на дни Златоуста и Николая Чудотворца явно примыкают слова, произнесенные на день великомученицы Екатерины 24 ноября 1708 г. (л. 767–774 об.) и день митрополита Петра 21 декабря 1708 г.

(л. 971–974 об.), по смелости своего обличения ничуть им не уступающие. Высокая степень писательского самосознания предполагала желание тиражирования им своих текстов. Драматические события 1710-х гг. помешали Яворскому в полной мере осуществить свои замыслы (ср. судьбу «Камня веры»). Редактирование проповедей и сопровождение их дополнительными латинскими комментариями позволяют судить как минимум о наделении письменного текста вневременной значимостью – оценить стихи мог только подготовленный читатель изданных проповедей. Чем больше автор редактировал и дополнял проповедь на день Иоанна Златоуста, тем больше она напоминала ученое рассуждение, своего рода «четырь проповедь», сближаясь с нравственно-богословскими трактатами в европейской традиции.

Библиографические ссылки

Акельев Е. В. Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М. : Новое лит. обозрение, 2022. 624 с.

Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741) : каталог / сост. Д. Д. Гальцин, Г. Н. Питулько. СПб. : Пушкинский Дом, 2016. 636 с.

Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого : Исследования и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 360 с.

Живов В. М. Стратегии пророчества: проповедь Стефана Яворского на память Алексея Человека Божия // Стих, язык, поэзия: памяти М. Л. Гаспарова. М. : РГГУ, 2006. С. 201–210.

Кочегаров К. А. Неизвестное письмо патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского гетману И. С. Мазепе // Славянский альманах 2016. Вып. 3–4. М. : Индрик, 2016. С. 412–425.

Крашенинникова О. А. Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 96–170.

Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М. : РГГУ, 2000. 277 с.

Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Историко-библиографическое исследование. Киев : Тип. М. Т. Мейнандера, 1914. 66, LXXXVIII с.

Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. II, 402 с.

Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII – первой трети XVIII в. и ее читатели // XVIII век. Л. : Наука, 1983. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 165–179.

НИОРК БАН. 1513-л. Reverendi patris p. Hieremiae Drexellii societ. iesv presbyteri tomvs secvndvs indicibvs illvstratvs et avctvs concionatoriis. [99], 862, [22] p.

Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода : в 2 т. СПб. : Синод. тип., 1906. Т. 2, вып. 1. XII, 547 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Т. 8. Июль – декабрь 1708 г. Вып. 1. 410 с.

Попович А. И. Война и мир в проповедях Стефана Яворского // Диалог со временем. 2023. Вып. 85. С. 123–139. DOI 10.21267/AQUILO.2023.85.85.004.

Пытин А. Н. История русской литературы : в 4 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Судьбы народной поэзии. Эпоха преобразований Петра Великого. Установление новой литературы. Ломоносов. X, 535 с.

Пьесы школьных театров Москвы / изд. подг. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская, В. Д. Кузьмина, В. В. Кусков. М. : Наука, 1974. 584 с. (Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.))

РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Заглавный лист на сочинение Стефана Яворского «Камень веры». Начало XVIII в.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 77. Л. 3–4 об. Описание службы в Московском Успенском соборе с молебном о победе над шведами и анафематствованием И. С. Мазепе // Архивы России : [интернет-портал]. URL: <https://rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-30-1708-opisanie-sluzhby-v-moskovskom-uspenskom-sobore-s-molebnom-o-pobede> (дата обращения: 05.03.2023).

РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592а (л. 1–517), 1592б (л. 518–909), 1592в (л. 910–1382), 1592г (л. 1383–1797). Проповеди Стефана Яворского. 1691–1721 гг.

Слово пред проклятием Мазепы, произнесенное митр. Стефаном Яворским в Московском Успенском соборе, 12 ноября 1708 г. // Труды Киевской духовной академии. 1865. Дек. С. 499–512.

Смирнов Д. В., Зеленина Я. Э. Стефан (Яворский), митр. // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2022. Т. 66. С. 337–359.

Терновский Ф. А. Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке. Стефан Яворский // Древняя и новая Россия. 1879. Сб. 5, № 8. С. 305–320.

Федотова М. А. Святитель Димитрий Ростовский : Житие, Служба, чудеса. Исследование и тексты. СПб. : Пушкинский Дом, 2022. 560 с.

Чистович И. А. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1867. 112 с.

Brogi Bercoff G. Poltava: A Turning Point in the History of Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009/2010. Vol. 31, № 1/4 (Poltava 1709: The Battle and the Myth). P. 205–226.

Čiževskij D. Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. ,s-Gravenhage : Mouton & Co, 1956. VIII, 352 S.

Epigrammatum Joannis Oveni Cambro Britanni Oxoniensis, et Alberti Ines e Societate Jesu, Acroamatum epigrammaticorum... Amstelodami : apud Elzevirium, 1679. 402 p.

Ivanov A. V. A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2020. XIV, 353 p.

Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // The Slavonic and East Europ. Rev. 1951. Vol. 30, № 74. P. 40–62.

References

Akel'ev, E. V. (2022). *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov "moskovitov"* [Russian Misopogon: Peter I, Barbering, and Ten Million "Muscovites"]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 624 p.

Brogi Bercoff, G. (2009/2010). Poltava: A Turning Point in the History of Preaching. In *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 31. No. 1/4 (Poltava 1709: The Battle and the Myth), pp. 205–226.

Chistovich, I. A. (1867). *Neizdannye propovedi Stefana Yavorskogo* [Unpublished Sermons of Stefan Yavorsky]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta udelov. 112 p.

Čiževskij, D. (1956). *Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen*. ,s-Gravenhage, Mouton & Co. VIII, 352 S.

Derzhavina, O. A., Demin, A. S., Eleonskaya, A. S., Kuz'mina, V. D., Kuskov, V. V. (Eds.). (1974). *P'esy shkol'nykh teatrov Moskvy* [Plays of Moscow School Theatres]. Moscow, Nauka. 584 p. (Rannaya russkaya dramaturgiya (XVII – pervaya polovina XVIII v.).)

Epigrammatum Joannis Oveni Cambro Britanni Oxoniensis, et Alberti Ines e Societate Jesu, Acroamatum epigrammaticorum... (1679). Amstelodami, apud Elzevirium. 402 p.

Fedotova, M. A. (2022). *Svyatitel' Dimitrii Rostovskii. Zhitie, Sluzhba, chudesa. Issledovanie i teksty* [St Dimitri Rostovsky. Life, Service, Miracles. Research and Texts]. St Petersburg, Pushkinskii Dom. 560 p.

Gal'tsin, D. D., Pitul'ko, G. N. (Eds.). (2016). *Biblioteka Feofilakta Lopatinskogo (ok. 1680–1741). Katalog* [Library of Theophylact Lopatinsky (c. 1680–1741). Catalog]. St Petersburg, Pushkinskii Dom. 636 p.

Ivanov, A. V. (2020). *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia*. Madison, Univ. of Wisconsin Press. XIV, 353 p.

Kochegarov, K. A. (2016). Neizvestnoe pis'mo patriarshego mestoblyustitelya Stefana Yavorskogo getmanu I. S. Mazepe [An Unknown Letter from the Patriarchal Locum Tenens Stefan Yavorsky to Hetman I. S. Mazepa]. In *Slavyanskii al'manakh 2016*. Iss. 3–4. Moscow, Indrik, pp. 412–425.

Krashennikova, O. A. (2017). Propovedi mitropolita Stefana Yavorskogo kak publitsisticheskie sochineniya [Sermons of Metropolitan Stefan Yavorsky as Polemics Works]. In *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, pp. 96–170.

Liburkin, D. L. (2000). *Russkaya novolatinskaya poeziya: materialy k istorii. XVII – pervaya polovina XVIII veka* [Russian New Latin Poetry: Materials for History. 17th – First Half of the 18th Centuries]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 277 p.

Maslov, S. I. (1914). *Biblioteka Stefana Yavorskogo. Istoriko-bibliograficheskoe issledovanie* [Library of Stefan Yavorsky. Historical and Bibliographic Research]. Kiev, Tipogrifiya M. T. Meinandera. 66, LXXXVIII p.

Morozov, P. (1880). *Feofan Prokopovich kak pisatel'* [Feofan Prokopovich as a Writer]. St Petersburg, Tipogrifiya V. S. Balasheva. II, 402 p.

Nikolaev, S. I. (1983). Pol'skaya poeziya v russkikh bibliotekakh XVII – pervoi treti XVIII v. i ee chitateli [Polish Poetry in Russian Libraries of the 17th – First Third of the 18th Centuries and Its Readers]. In *XVIII vek*. Leningrad, Nauka. Iss. 14. Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste, pp. 165–179.

Opisanie rukopisei, khranyashchikhsya v arkhive Svyateishego pravitel'stvuyushchego sinoda v 2 t. [Description of Manuscripts Stored in the Archives of the Holy Governing Synod. 2 Vols.]. (1906). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 2. Iss. 1. XII, 547 p.

NIORK BAN [Research Department of Rare Books of the Library of the Russian Academy of Sciences]. 1513-l. Reverendi patris p. Hieremiae Drexelii societ. iesv presbyteri tomvs secvndvs indicibvs illvstratvs et avctvs concionatoriis. [99], 862, [22] p.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t. [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1948). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 8. Iyul' – dekabr' 1708 g. Iss. 1. 410 p.

Popovich, A. I. (2023). Voina i mir v propovedyakh Stefana Yavorskogo [War and Peace in the Sermons of Stefan Yavorsky]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 85, pp. 123–139. DOI 10.21267/AQUILO.2023.85.85.004.

Pypin, A. N. (1899). *Istoriya russkoi literatury v 4 t.* [History of Russian Literature. 4 Vols.]. St Petersburg, Tipogrifiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 3. Sud'by narodnoi poezii. Epokha preobrazovaniya Petra Velikogo. Ustanovlenie novoi literatury. Lomonosov. X, 535 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 18. List 1. Dos. 10. Zaglavnyi list na sochinenie Stefana Yavorskogo "Kamen' very". Nachalo XVIII v.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 124. List 1. 1708 g. Dos. 77. P. 3–4v. Opisanie sluzhby v Moskovskom Uspenskom sobore s molebnom o pobeде nad shvedami i anafematstvovaniem I. S. Mazepe. In *Arkhivy Rossii* [website]. URL: <https://rusarchives.ru/online-projects/mazepa-k-istorii-predatelstva/doc-30-1708-opisanie-sluzhby-v-moskovskom-uspenskom-sobore-s-molebnom-o-pobeде> (accessed: 05.03.2023).

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 834. List 2. Dos. 1592a (pp. 1–517), 1592b (pp. 518–909), 1592v (pp. 910–1382), 1592g (pp. 1383–1797). Propovedi Stefana Yavorskogo. 1691–1721 gg.

Šerech, Ju. (1951). Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I. In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 30. No. 74, pp. 40–62.

Slovo pred proklyatiem Mazepe, proiznesennoe mitr. Stefanom Yavorskim v Moskovskom Uspenskom sobore, 12 noyabrya 1708 g. [The Word before the Curse of Mazepa, Delivered by Metropolitan Stefan Yavorsky in the Moscow Assumption Cathedral, Nov. 12, 1708]. (1865). In *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. Dec., pp. 499–512.

Smirnov, D. V., Zelenina, Ya. E. (2022). Stefan (Yavorskii), metr. [Stefan (Yavorsky), Metropolitan]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 66, pp. 337–359.

Ternovskii, F. A. (1879). Ocherki iz istorii russkoi ierarkhii v XVIII veke. Stefan Yavorskii [Essays on the History of the Russian Hierarchy in the 18th Century. Stefan Yavorsky]. In *Drevnyaya i novaya Rossiya*. Iss. 5. No. 8, pp. 305–320.

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Times of Peter the Great: Research and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Zhivov, V. M. (2006). Strategii prorochestva: propoved' Stefana Yavorskogo na pamyat' Alekseya Cheloveka Bozhiya [Strategies of Prophecy: A Sermon by Stefan Yavorsky in Memory of Alexius of Rome]. In *Stikh, yazyk, poeziya: pamyati M. L. Gasparova*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 201–210.

The article was submitted on 21.04.2023

DOI 10.15826/qr.2023.4.855

УДК 82–941 + 94(495) + 821.14 + 347.78.034 + 27–67 + 316.7

**Античное наследие в «Книге о соборе»
Газского митрополита Паисия Лигарида:
посвящение русскому царю***

Светлана Севастьянова

Институт филологии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

**Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides,
Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar****

Svetlana Sevastyanova

Institute of Philology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The *History of the Synod*, compiled at the beginning of 1667 by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza († 1678), shortly after the condemnation of Patriarch Nikon († 1681) at the Great Moscow Synod (1666), has long attracted the attention of researchers. However, it is studied without involving the Greek text and its complete translation into Russian. The arrangements made between the middle and second half of the nineteenth century differ from the original in their selectivity and inaccuracy. The anonymous Russian translation, short and unprofessional, resembles a free paraphrase; in comparison with the Russian version, the English one, belonging to the British theologian and historian W. Palmer († 1879), is closer to the original in content. However, it omits complex phrases and designations of culture-specific Russian elements and contains the translator's comments. The stumbling block for interpreters was Ligarides' appeal to Antiquity, a literary device that characterises the writer's style in the Moscow period of his life (since 1662). Appeals to ancient authors and writings and techniques dating back to

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: перевод и исследование».

** Citation: Sevastyanova, S. (2023). Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, no. 4. P. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855.

Цитирование: Sevastyanova S. Ancient Heritage in the *History of the Synod* by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Dedication to the Russian Tsar // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, no. 4. P. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855 / Севастьянова С. Античное наследие в «Книге о соборе» Газского митрополита Паисия Лигарида: посвящение русскому царю // *Quaestio Rossica*. Т. 11, № 4. С. 1414–1431. DOI 10.15826/qr.2023.4.855.

ancient rhetoric are scattered throughout the *History of the Synod*, but there are many of them in the dedication to the client, Tsar Alexei Mikhailovich. This article considers the problem of ancient heritage in the *History of the Synod* with reference to this introductory section. An analysis of the content of his three themes – the idealisation of Antiquity, the appointment of history and the dignity of the ruler – helps reveal the significance of ancient culture and mythology to the writer. The appeal of the Metropolitan of Gaza to the classical heritage correlates with didactic and educational tasks. Ligarides supported the messianic idea, popular with the Greek clergy, about the significance of Moscow – the heir of Rome and the ruler of Moscow as the liberator of Christian peoples from the Muslim yoke. Approving the Byzantine model in the issue of separation of powers, according to which the secular ruler was an absolute monarch, Ligarides oriented Alexei Mikhailovich to follow the example of the rulers of the ancient era, who had the virtues of the king-creator, triumpher, and enlightener. Encouraging the Russian elite to become more familiar with the ancient heritage and thus contributing to the Europeanisation of court culture, the Metropolitan brought closer the situation called the antiquity of Russian culture by philologists.

Keywords: Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza, *History of the Synod*, Tsar Alexei Mikhailovich, ancient heritage, appeal to Antiquity as a literary device, antiquity of Russian culture

«Книга о соборе», составленная в начале 1667 г. митрополитом Газским Паисием Лигаридом († 1678) вскоре после осуждения патриарха Никона († 1681) на Большом московском соборе (1666), давно привлекает внимание исследователей, однако изучается без привлечения греческого текста и без полного его перевода на русский язык. Выполненные в середине – второй половине XIX в. переложения отличаются от оригинала избирательностью и неточностью. Русский анонимный перевод, краткий и непрофессиональный, напоминает свободный пересказ; английский, принадлежащий британскому богослову и историку У. Палмеру († 1879), в сравнении с русской версией ближе к оригиналу по содержанию, однако в нем пропущены сложные обороты и обозначения специфических русских реалий, в то же время он снабжен комментариями переводчика. Камнем преткновения для интерпретаторов стали обращения Лигарида к Античности – литературный прием, характеризующий стиль писателя в московский период жизни (с 1662 г.). Апелляции к древним авторам и сочинениям, восходящие к античной риторике технические приемы рассыпаны по всей «Книге о соборе», но особенно много их в посвящении заказчику, царю Алексею Михайловичу. В статье проблема античного наследия в «Книге о соборе» рассмотрена на примере этого вступительного раздела. Анализ содержания трех его тем – идеализация Античности, назначение истории и достоинства правителя – помогает раскрыть значимость античной культуры и мифологии для писателя. Обращение Газского митрополита к классическому наследию связано с дидактической и просветительской задачами. Лигарид поддерживал популярную в среде греческого духовенства мессианскую идею о значении Москвы – наследницы Рима и московском правителе как освободителе христианских

народов от мусульманского ига. Утверждая в вопросе разделения властей византийскую модель, в соответствии с которой светский правитель являл абсолютного монарха, Лигарид ориентировал Алексея Михайловича на то, чтобы брать пример с правителей древней эпохи, обладавших добродетелями царя-созидателя, триумфатора и просветителя. Побуждая русскую элиту к более широкому знакомству с античным наследием и внося таким образом вклад в европеизацию придворной культуры, митрополит приближал ситуацию, названную филологами антикризацией отечественной культуры.

Ключевые слова: митрополит Газский Паисий Лигарид, «Книга о соборе», царь Алексей Михайлович, античное наследие, обращение к Античности как литературный прием, антиквизация русской культуры

«Βιβλίον συνδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχολίας ὑπὸ Παΐσιου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτς, ἐν ἔτει 1668» («Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московского, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668»³, далее – «Книга о соборе») занимает в письменном наследии Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678) особое место. Находясь в России с 1662 г., этот знаменитый церковный деятель стал одним из главных организаторов и участников суда над патриархом Никоном (1605–1681) с присутствием на нем восточных архиереев (1666). По поручению царя Алексея Михайловича Паисий вел записи о работе Большого Московского собора, которые легли в основу произведения. Оправдывая свою причастность к осуждению патриарха-грекофила, Паисий уже в апреле 1667 г. завершил работу. Через год русский перевод был поднесен царю. Ни греческий оригинал с автографом Лигарида, ни первое русское переложение с него не сохранились.

Из пяти списков русского переложения середины – второй половины XIX в. для изучения доступны четыре (кроме хранящегося в Киеве в портфеле А. Н. Муравьева). Три копии связаны с Московской духовной академией (далее в ссылках – МДА): [ОР РГБ. Ф. 173.IV (МДА. «Прочие»). № 64, 69; Ф. 172 (МДА. Архив). № 22]. Они содержат перевод в следующем объеме: № 64⁴ и 22 – первой части, № 69 – пер-

³ Перевод названия «Книги о соборе» с греческого языка на русский сделан П. А. Рылик. Благодарим исследовательницу за возможность работать с подготовленным ею, но еще не опубликованным переложением текста произведения. Здесь и далее цитаты на греческом языке приведены по ркп [Библиотека Руминской академии. № 371 (675)] в орфографии оригинала. Указание на листы приводим в квадратных скобках с пометой «РА».

⁴ В дальнейшем русский перевод середины XIX в. приводится по ркп [ОР РГБ. Ф. 173.IV (МДА. «Прочие»). № 64] в орфографии оригинала. Указания на листы даются в квадратных скобках с пометой «МДА». При отсутствии в указанном переложении необходимых для характеристики содержания *Книги о соборе* и авторского стиля Лигарида текстовых фрагментов мы привлекаем английский перевод, выполненный британским богословом У. Палмером и изданный в 1873 г. [Palmer].

вой и второй частей. Список [СПБНИИ РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. № 8] состоит из трех частей, что соответствует греческому оригиналу. Изучение петербургского сборника показало, что его третья часть переведена с издания У. Палмера († 1879) – британского богослова и историка, автора английского переложения «Книги о соборе» [Севастьянова и др., 2022, с. 72–73].

Что касается содержания перевода на русский язык первых двух частей и предисловий к ним, то он крайне избирателен. Купированию подверглись «многоглаголения» Лигарида [Каптерев, с. 227], отвлекавшие читателя от фактологии суда над патриархом Никоном. Однако именно в раздражавших русских историков «плетениях словес» полемист являл себя неординарным писателем, обладавшим широчайшей начитанностью. Тема Античности, представленная в «Книге о соборе» многогранно и объемно, является тому подтверждением.

Единственным исследователем, который обратил внимание на увлеченность Лигарида античными образами и цитатами, была А. С. Елеонская. По наблюдениям ученого, назвавшего сочинения Газского митрополита «ранними образцами светского направления в русской публицистике XVII в.», обращение к Античности стало литературным приемом полемиста. «Паисий, – писала Анна Сергеевна, – ссылается на исторические факты из жизни древнего мира, проводит аналогии между современными и античными героями, цитирует “Омира” (Гомера), Аристотеля, Аристофана и других древних писателей. <...> Чтобы убить Никона насмешкой, Лигарид обращается к притчам Эзопа» [Елеонская, с. 42–43].

Стилистика составленных митрополитом Газским в Москве сочинений отличается плотным наполнением античного контента. Адресаты Лигарида – царь Алексей Михайлович и образованная придворная знать – во многом понимали эти аллюзии и реминисценции. Однако когда в отечественной гуманитарной науке речь заходит о широком знакомстве русской культуры второй половины XVII в. с античным наследием, справедливо мнение о «пассивной рецепции» античной литературы [Strakhov, p. 85–100]. Басни Эзопа и фрагменты из произведений Овидия, сочинения Гомера, Аристотеля, Плутарха, Гесиода, привезенные в 1653 г. с Афона Арсением Сухановым в составе почти 500 греческих манускриптов, во второй половине XVII столетия можно было найти только в Патриаршей и Типографской библиотеках, книжных собраниях Посольского и Аптекарского приказов. К произведениям древних писателей имели доступ избранные – переводчики и власть имущие. Античное наследие медленно осваивалось русской элитой, осторожно входило в придворный быт, придавая ему светский характер.

Знания античной культуры и ее реалий, которыми обладал Лигарид, получивший образование в школе св. Афанасия в Риме и имевший степень доктора богословия и философии, свободно владевший латинским языком, родным современным и классическим греческим,

сблизили его с придворными западнорусскими книжниками, пиитами и писателями. Самым известным из них был Симеон Полоцкий (1629–1680). Тема личных взаимоотношений и творческих связей Паисия Лигарида и Симеона Полоцкого – двух талантов, неоднозначно оцениваемых современниками, пока не привлекала внимание исследователей. Известно, что Лигарид и Симеон особенно сблизились в 1663–1664 гг., когда Полоцкий был толмачом с латинского языка в противостоянии митрополита и царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном. Активизировавшееся во время подготовки суда над Никоном общение Паисия и Симеона привело не только к совместной литературно-публицистической деятельности – они, как известно, фиксируя работу Большого Московского собора (правда, разные ее направления: Паисий – о Никоне, а Симеон – о старообрядцах), находились в тесных творческих отношениях и активно помогали друг другу [Дело, с. IV], – но и вскрыло общность взглядов на письменное творчество и его задачи, очертило круг источников, среди которых особое место отводилось античным авторам и произведениям.

По наблюдениям Л. Н. Пушкарева, Симеон Полоцкий, знакомя своих адресатов с малоизвестными событиями и фактами мировой истории, преследовал мировоззренческую, проповедническую и просветительскую задачи [Пушкарев, с. 160–161]. То же понимание творчества, судя по приведенной выше цитате из монографии А. С. Елеонской, было свойственно и Паисию Лигариду. Насыщенность произведений Полоцкого и Лигарида именами представителей античной эпохи, разнообразие примеров из истории древних народов, соединение в одном контексте источников и событий разных эпох и культур – все это производило на адресата не только эмоциональное впечатление, но и сражало интеллектуально. Имея в качестве образцов и источников тем и сюжетов своих произведений труды католических священников-иезуитов [Hippisley, Luk'janova, p. 161–167; Корзо, с. 175–177], авторы сближались во взглядах на значимость античной культуры и мифологии. Осваивая античное наследие, они подготавливали ситуацию, которую С. И. Николаев, характеризуя литературную обстановку петровского времени, назвал антикизацией русской культуры [Николаев, с. 85].

Для доказательства тезиса обратимся к посвящению «Книги о соборе» царю, в котором сконцентрирован историко-литературный материал, преимущественно античного мира. При дворе Алексея Михайловича приобрели популярность книжные подношения, обязанные украинской и западно-белорусской традиции панегирических прозаических и поэтических посвящений XVI–XVII вв., укорененной в книжно-византийской культуре и риторике античной эпохи. Лигарид имел опыт издательской деятельности сначала с латинскими миссионерами в качестве проповедника Конгрегации, а затем в Валахии, готовя к публикации Кормчую на румынском языке [Горский, с. 136]. Западная традиция снабжать книги посвящениями была ему знакома.

Протягивая царю «Книгу о соборе», Лигарид называет ее «славное приношение» и просит принять «историю Никонова осуждения». Она испещрена любопытными канонами, интересными переговорами, украшена патриаршими и соборными постановлениями» [МДА. Л. 1 об.]. Обозначим три темы предисловия, раскрытие которых поможет понять цель и задачи обращения Лигарида к образам и сюжетам древней эпохи.

1. *Понимание истории как достоверного историописания с морализирующей риторикой.* Личными авторитетами в воссоздании повествовательных исторических полотен Лигарид признает афинянина Фукидида (ок. 460 – ок. 400 до н. э.), древнегреческих историков Полибия (ок. 200 – ок. 120 до н. э.) и Дионисия Галикарнасского (ок. 60 – ок. 7 до н. э.), а также писателя и философа римский эпохи Плутарха (между 45 и 50 – ок. 120), которые в своих исторических и историко-биографических сочинениях раскрывали и обосновывали одно из важнейших предназначений историка – на примерах из прошлого обучать современников нравственности и политике [РА. Л. 4; Palmer, p. 17]. Поручение Алексея Михайловича быть историографом суда над Никоном заставило Лигарида обратиться к античной традиции историописания, где достоверность и правдивость, фактологическая сухость и объективность были приоритетными задачами в построении истории, осмысляемой сквозь призму поступков отдельных личностей.

Фукидида Аттического Газский митрополит называет «правдолюбом»: «история, – цитирует митрополит древнего ученого, – есть имущество, составленное однажды навсегда, есть вѣрное зеркало человеческой жизни» [МДА. Л. 2, 2 об.]. Источник этих высказываний – в рассуждениях самого Фукидида об особом способе фиксации исторических событий, делающем историка беспристрастным, а повествование лишающем вымысла и авторских оценок [Фукидид, с. 41: I, 22, 2, 4].

Из всех назначений истории, которые «замечательный» Полибий формулирует, – иметь всеобщий характер, не развлекать, а объяснять суть явлений в их взаимосвязи и причинно-следственных отношениях, – Лигарид выделяет воспитательную функцию (παιδεία), помогающую читателю встать на путь исправления. Приписываемые им Дионисию Галикарнасскому слова о назначении истории быть учебником для политиков [Palmer, p. 17] перекликаются с убеждением Полибия о ее деловом, прагматическом характере, делающем историю изложением по преимуществу политических и военных событий [Полибий, с. 18, 148, 169–170].

Дионисий Галикарнасский определял историю как произведение, в котором органически соединены «ораторское искусство», «размышление»-«умозрение» и «наслаждение» чтением [Дионисий Галикарнасский, с. 17: I, 8, 3] – возможно, именно к этому пассажи из «Римских древностей» апеллирует Лигарид.

И «образованнейший» Плутарх признает за историей право, – говорит Паисий, – быть мудрой советчицей [Palmer, p. 17]. Идеализация

высоконравственных поступков политиков и представителей государственной власти, а также призыв оценивать их в контексте конкретной ситуации характеризуют многие «синкрисисы» философа [Аверинцев, с. 51, 82–83]. Не случайно после упоминаний о Плутархе Лигарид активно оперирует понятием «добродетель», опираясь в толковании природы этого свойства человеческой натуры на сочинения свт Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Тем самым Паисий подчеркивает целостность истории, проявляющуюся в близости отдельных социально-этических установок и практического интереса к человеческой психологии у Плутарха и поздних софистов (их мысли о человеке древнегреческий мыслитель воплощал в своих произведениях) и экзегетов христианской церкви, активно изучавших и использовавших в дидактических целях софистические умозаключения и идеи.

Целостность истории, утверждает Лигарид, скрепляется авторской беспристрастностью и бесхитростностью высказываний:

...Я научился быть правдивымъ и, далеко отстранивъ лесть, держался одной истины. Я простой безъискусственный повѣствователь, какъ видѣлъ вещи, такъ и передаю, ни прибавляя, ни убавляя. Какъ зналъ я Никона, такъ и описалъ... [МДА. Л. 2 об.]

В русском переводе XIX в. пропущена отсылка к Пифагору, советовавшему руководствоваться в изложении событий исторической правдой: «Πυθαγορικῶς ἀποφαίνομαι, καθὼς ἔγνων καὶ προέγνων τὸν Νίκωνα, οὕτω καὶ κατέγνων, καὶ περιγράφω καὶ ζωγραφῶ, κεχηρμένους ὡς βαφαῖς ταῖς λέξεσι καὶ τοῖς ῥηματικαῖς ὡς χρώμασι, μηδὲν χαρίζομενος ἢ καὶ φιλανθρωπεύομενος» [РА. Л. 4] («Я высказываюсь как Пифагор, в соответствии с тем, что узнал о Никоне и предполагал ранее, и то, что подметил, описываю и рисую, используя как краски фразы, а как цвета – слова, ничего не приукрашивая и не любезничая»⁵). Свои устные наставления Пифагор, как известно, не записывал, а компиляции из приписываемых ему высказываний цитировали многие древние авторы, передавая собрание житейской мудрости в духе пифагорейского учения. Высказывания Лигарида близки двум приписываемым Пифагору наставлениям: «Сам же лишь то говори, что сочтешь из всего наилучшим» (26) и «И руководствуйся подлинным знанием – лучшим возничим» (69) [Пифагорейские Золотые стихи, с. 10, 12; 132–133].

Очевидно, что обращение к Античности становится для Лигарида приемом, позволяющим рассматривать описываемые события как часть мировой истории, а двух его знаменитых современников – Алексея Михайловича и Никона – как ярких представителей эпохи, чья жизнь и деяния могут стать для современников и будущих поколений поучительными примерами. Заметим, что такой же дидактический взгляд на историю был свойственен и Симеону Полоцкому,

⁵ Перевод П. А. Рылик.

который, по словам А. И. Белецкого, на «примерах добродетелей» раскрывал главную цель истории – этическую: «нравственное совершенствование читателя, и только тогда и между прочим – расширение его умственного кругозора» [цит. по: Киселева, с. 7].

2. *Понимание Античности как эпохи непревзойденного мастерства, совершенства и профессионализма.* Идеализация личного творчества характеризовала в западной культуре Нового времени научные взгляды на человеческий труд и индивидуальное мастерство. В связи с этим получили развитие идеи о мастере как сотворце Бога и о совершенстве результата творчества, обладающего качествами прекрасного и идеала – пропорцией, мерой, целостностью. Актуализировался постулат этической философии Аристотеля – калокагатия, понимаемый как естественное стремление человека к гармонии.

По-особенному эти идеи реализовал Лигарид, когда поставил свою персону в один ряд с величайшими творцами и профессионалами – художниками, скульпторами, поэтами древних веков. «Употребляя слова какъ краски», Газский митрополит сравнивает себя с Апеллесом (IV в. до н. э.) – гениальным древнегреческим живописцем, который доводил до совершенства свои работы и умело устранил собственные ошибки: «Подобно Апеллесу, охотно бы собралъ я сотоварищей по искусству и живо бы исправилъ погрѣшности, которыя они бы указали» [МДА. Л. 2 об.]. Отмечает Лигарид и близость к опыту величайшего древнегреческого скульптора Фидия (V в. до н. э.). Завершив скульптурное изображение Зевса в Олимпии – одно из семи чудес света и третье чудо света Древнего мира, мастер выставил скульптуру на всеобщее обозрение, а сам, спрятавшись в глубине храма, слушал замечания зрителей, чтобы исправить свое творение им угоду. Сопоставляет себя Паисий и с «поэтом Аскрейским» [Там же] – древнегреческим рапсодом Гесиодом (VIII–VII вв. до н. э.). Песенность и «сладкозвучность» являлись для Лигарида важными составляющими авторского самовыражения [Елеонская, с. 44]. Определяя художественные особенности своих сочинений, в послании к патриарху Никону 1662 г. он назвал их «напѣвами» и «сирийскими пѣснями» [цит. по изд. послания: Гиббенет, с. 234]. А труд над «Книгой о соборе» в предисловии к ее третьей части сравнил с работой ткача, ритмично свивающего нить, переплетающего уток идвигающего челнок, полный пряжи: «τὸν στήμονα ὑφαίνοντες καὶ πλέκοντες τὸν ἰστόν, τὴν κρόκην ἐπαυλαβόντες καὶ τὴν κερκίδα κινήσαντες τῇ ἐρίθῳ ἀνάπλεων» [цит. по изд. предисловия: Севастьянова и др., 2023, с. 53]. Повествование Лигарида, стремящегося к совершенному изложению, занимательному и соответствующему реальности, благодаря сравнениям с работами древнегреческих творцов должно было восприниматься читателем как пример высочайшего мастерства.

Восхваляя свой труд, Лигарид выстраивает ряд сравнений с произведениями мировой культуры. Это Фаросский маяк в порту Александрии, воздвигнутый талантливым военным инженером Состра-

том Книдским (IV–III вв. до н. э.), одно из семи чудес света; золотой дворец персидского царя Кира Великого (VI в. до н. э.) в Экбатанах, построенный Мемноном и ставший еще одним чудом света; статуя бога солнца Аполлона с ликом императора Нерона, созданная по приказу августейшего правителя в центре Рима древнегреческим скульптором Зенодором (I в.); храм в честь бога войны Марса в Риме, возведенный по проекту архитектора Гермодора Саламинского (II в. до н. э.) по обету консула Децима Юния Брута Каллаика (181 – после 121 до н. э.). Приведем этот замечательный отрывок:

Ἐν δὲ τῷ μεταξύ δέχου τῇ συνήθει καλοκαγαθία σου καὶ τῇ συμπαθεστάτῃ φιланθρωπία σου ταύτην τὴν ἱστορίαν μου, κατὰ αἴνῳ μὲν πρόσοψιν, δοκοῦσαν στηλιτευτικήν, κατ' ἀλήθειαν δὲ τυγχάνουσαν ἀποδεικτικήν, καθάπερ ἀμέλει φιλοφρόνως προσήκατο Πτολεμαῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Αἰγύπτου, τὸν ἐξαίσιον πύργον, ὃν ἀνύψωσε Σωστράτος. Ὡς Μέμνων ὁ τῶν Μήδων βασιλεὺς τὸν χρυσὸν οἶκον ἠγάπησεν. Ὡς Ζηνόδωρος, ὁ τὸν κολοσσὸν τῆς Ῥόδου μηχανησάμενος εἰς τιμὴν τοῦ Ἀπόλλωνος. Ὡς ὁ Ἑρμόδωρος, ὁ τὸν θαυμαστὸν ὀβελίσκον ἐπεγειράμενος, οὓς στύλους καὶ κίονας, οὐδ' ὁ πᾶς αἰὼν ἐξαλείψαι κατίσχυσεν, ἀλλ' ἀφῆκε στεγανούς καὶ μονίμους ἄχρι τῆς σήμερον. Ἀνδριάντα ἡγοῦ τὸν ἱστορικὸν τοῦτόν μου λόγον... [ΡΑ. Л. 5].

(Но ты (царь Алексей Михайлович – С. С.) пока прими по присущей тебе доброте и сочувствующему человеколюбию эту мою историю (которая с первого взгляда кажется оскорбительной, но по правде является основанной на фактах), совсем как Птолемей, правитель Египта, безусловно, приветливо принял невиданную башню [маяк], воздвигнутую Состратом; как Мемнон, царь мидян, который высоко оценил золотой дом; как Зенодор, который создал Колосс Родосский в честь Аполлона; как Гермодор, который воздвиг удивительный обелиск, столбы и колонны которого даже вся вечность не смогла разрушить и оставила их непроницаемыми и прочными до сегодняшнего дня. Изваянием считай это мое историческое повествование...⁶)

Перечисление произведений мирового значения и название имен тех, кто поддерживал их создателей, служат Лигариду для утверждения значимости принятых Алексеем Михайловичем решений о судьбе Русской православной церкви, о суде над патриархом Никоном и о создании «Книги о соборе».

Изваянием и шедевром называет Лигарид созданный им памятник. Подобно тому, как на возведенной Аполлодором из Дамаска в 113 г. колонне на форуме Траяна в Риме текст и рельефы свидетельствуют о победе Траяна над даками, произведение Лигарида прославляет царя Алексея Михайловича, воплощающего собой добродетели и подвиги. По воле Божией, говорит Лигарид, он справился со своей задачей

⁶ Перевод П. А. Рылик.

в короткий срок, в отличие от известных античных писателей, не забывшихся о восхвалении величайших современников, – оратора Исократа (436–338 до н. э.), в течение десяти лет создававшего «Панегирик», ставший одним из шедевров аттического красноречия, и римского поэта Гая Гельвия Цинна (ок. 85–44 до н. э.), девять лет слагавшего эпиллий «Смирна» – образец высокого витийства. Пример афинского философа Платона (420-е – 348/347 до н. э.), который, как пишет Паисий, признавался скорее в преуменьшении, чем в преувеличении подвигов афинян, подтверждает невозможность очертить масштаб личности московского правителя [РА. Л. 5]. Приведенные сравнения придают московским событиям вселенский объем, а их изложение в «Книге о соборе» по весомости содержания и качеству исполнения соответствует, по мнению Лигарида, лучшим образцам мировой культуры.

Опасаясь столкновений со сторонниками Никона, Паисий вновь апеллирует к Античности, в этот раз – ко времени Древней Спарты. Он сравнивает себя с воинами, которые перед сражением, опираясь на копье и щит, произносили известную во всем мире фразу: «ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τὰς» («С ним или на нем»). Это и другие устойчивые выражения, используемые писателем («лета Мафусаиловы», «Аргантониевы годы», «возраст Макробиев»), не только придают живость повествованию, но и доказывают умение автора органично соединять в литературно-публицистическом нарративе светские и духовные образы. Копье и щит – оружие воина – Паисий уподобляет посоху и жезлу – символическому оружию архиерея, которым тот укрепляет заблудшие души и отгоняет врагов, чьи сердца и умы поражены грехом [РА. Л. 3 об.; Palmer, p. 16].

Тему героических сражений с недоброжелателями поддерживают два ряда сравнений. Первый символизирует мужество и смелость – это ряд митрополита. Здесь Абарис, прорицатель и жрец Аполлона, который летал на волшебной стреле; Гигес – лидийский царь, обладатель волшебного кольца, делавшего его владельца невидимым; Трептолем, наделенный богиней плодородия Деметрой атрибутами земледелия – запряженной драконами крылатой колесницей и пшеничными зернами; Геракл с тяжелой дубиной, которой он, совершая свой первый подвиг, убил немейского льва; Нептун с неизменным атрибутом – трезубцем, устрашающим врагов оружием.

Второй ряд олицетворяет недоброжелательность и насмешку в поведении оппонентов. Сравнивая недругов со злыми зверями и мародерами, с шумными корибантами и неводержанными кентаврами, которых обращали в бегство лапифы, Газский митрополит находит им и другие параллели как в мифологических историях, так и среди реальных людей. Это насмешливый Мом – бог критики, лопнувший от злости, не найдя ни одного недостатка у Афродиты; угрюмый Зоил (IV в. до н. э.) – греческий философ и литературный критик, чье имя стало нарицательным для обозначения завистливого, язвительного и мелочного критикана; резкий Архилох (VII в. до н. э.) – древнегреческий поэт, прославившийся хулительными ямбами в адрес невесты

Необулы и ее отца Ликамба, разорвавших помолвку и покончивших с собой из-за позора и насмешек Архилоха; сатирик ямбограф Гиппонакс (VI в. до н. э.), который своими насмешками довел изобразивших его в карикатурном виде двух скульпторов до самоубийства.

Заключительное упоминание о греческом философе Карнеаде (214–129 до н. э.), представителе академического скептицизма (Лигарид называет себя «неким другим» Карнеадом: «καὶ ὡς ἄλλος τις Καρνεάδης» [РА. Л. 3 об.]), высвечивает еще одну грань творчества, связанную с поиском истины и определением ее критериев на пути к правде. Субъективная оценка личности патриарха Никона заставила Лигарида, боявшегося расправы над ним сторонников опального первосвященника в русской и греческой церкви, искать защиты у московского правителя. Показательными являются выстроенные Лигаридом противопоставления. Сначала двум софистам – древнегреческому философу Гиппию (IV–V вв. до н. э.), претендующему, по словам митрополита, на всезнание, а потому заслужившему эпитет «честолубивый», и «отцу риторики» Горгию (IV в. до н. э.), по замечанию Паисия, хваставшемуся интеллектом и способностью пространно рассуждать на любые темы. Затем тем, кто не силен в высоком красноречии или имеет склонность к вражде, кто злословит по зависти или глупости. Отсылка к трагику Эсхилу, воспевавшему в «Прометее прикованном» вешние дубы в Додоне, прославлявшие Ио, возлюбленную Зевса, страдавшую от ревности его супруги богини Геры [Эсхил, с. 259, стих 832], служит заключительным штрихом в выстроенной полемистом гамме его переживаний. Как и упоминания о талантливых авторах, пострадавших за личное мнение и принципиальность. Митрополит цитирует слова замешанного в придворных интригах сына македонского царя Аминты II Филиппа (V–IV вв. до н. э.) о точном именовании предметов; вспоминает о поэте Филоксене (V–IV вв. до н. э.), отправленном на каменоломню за критику дифирамбов, написанных тираном Сиракуз Дионисием I [РА. Л. 3 об. – 4].

Причисляя себя к тем, кого преследуют и наказывают за откровенность и слово без прикрас, Лигарид признается, что без заступничества русского царя он в столкновении с недругами был бы слаб и безоружен. Мысль о заботе царя о своих подданных как достоинстве правителя отчетливо звучит и в опирающихся на античное наследие рассуждениях Симеона Полоцкого о царской власти и государстве, «гражданстве» и законе [Киселев, с. 40]. Тема верного подданного, характерная для откровенных признаний Лигарида в преданности Алексею Михайловичу, раскрывается и Симеоном Полоцким, создавшим обобщенный образ «совершенного человека», важными качествами которого наравне с высокой образованностью и нравственностью он считал любовь и верность государю [Черная, с. 223].

3. *Античная риторика в восхвалении правителя.* Посвящение «Книги о соборе» Алексею Михайловичу открывается сравнением царя с первым римским императором Гаем Юлием Цезарем (63–14 до н. э.).

Восхваляя «человѣколюбивое и кроткое» «владычество» московского государя, Лигарид обнаруживает подобные черты и у римского императора Октавиана Августа: «державное» владычество и «неприкосновенность» власти, созданные «милосердием» и «благоволением», «благодушием» и «общедоступностью» двух «непобѣдимых» государей, «стяжавших» «много триумфов», «побѣдоносно» торжествовавших «надъ врагами видимыми и незримыми» [РА. Л. 3; МДА. Л. 1–1 об.].

Лигарид призывает русского царя быть похожим еще на одного великого правителя древности – Птолемея II, царя Египта в 285–246/245 гг. до н. э., среди заслуг которого, в первую очередь военных и политических, потомками признаются покровительство искусствам и ученым занятиям, расширение Александрийской библиотеки, ставшей при нем крупнейшим культурным и научным центром [РА. Л. 5]. Очевидно, что образцами для Алексея Михайловича – «природного наслѣдника и преемника» великих правителей древности – должны были служить те из них, кто успешно сочетал в управлении государством достоинства триумфатора, созидателя и просветителя. Примечательно использование Лигаридом традиционной риторической фигуры речи как употребление вместо имени собственного метафоры, выражающей его значение: «О будь намъ словомъ и дѣло Алѣξιος оборонителемъ, христороубцемъ, боголюбцемъ» [МДА. Л. 3].

Имя Алексей греческого происхождения и имеет корень ἀλέξω со значением защиты и отворачивания зла. Лигарид умело манипулирует этой смысловесущей частью лексемы. Игры со словами и их фрагментами в посвящении царю становятся примерами популярных на средневековом Западе основанных на античной традиции грамматических упражнений и словесных соревнований, обусловленных установлением этимологии слова.

В русский перевод не вошли исследования Лигарида дериватов с корнем ἀλέξω, различающихся смысловыми оттенками. Метафорически называя царское заступничество броней и доспехами, Лигарид сначала склоняет имя царя: Ἀλεξήτικὴν σου Ἀλέξῃσιν; затем упоминает чудодейственные и целительные растения (ἀλεξίφάρμακον καὶ ἀλεξίτηριον), которые эпический поэт Никандр из Колофона (вторая половина II в. до н. э.) назвал «великой защитой»: «Τὸ δὲ τοι μεγ' ἀλέξιμον εἶτι»; вспоминает о кольцах-амулетах, изготавливаемых философом Евдемом Родосским (IV в. до н. э.) для облегчения родовых болей: ἀλεξίτηρια – ἀλέξῃσιν; ссылаясь на древнегреческого поэта Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), говорит о некоей земле, где можно избежать гибели – ἀλεξιάρη, и, вновь обращаясь к медицинской тематике, приводит название защищающей от укусов змей травы: ἀλεξιάρης – ἀλεξίφάρμακος. Завершает ряд дериватов лексема из высказывания Гомера о Гефесте, отказавшемся из-за своей хромоты вступить за мать, богиню Геру [Гомер, с. 41, стихи 588–589]: «ἄλλοτ' ἀλεξέμεναι μεμαῶτα», где корень ἀλέξω раскрывает высокое предназначение правителя быть защитником отдельного человека и целых народов [РА. Л. 4 об. – 5].

Обыгрывание имени Алексей в данной содержательной парадигме соответствовало литературно-художественным и политико-идеологизированным настроениям современности Лигарида. Тема «непобѣдимый Государь», «побѣдоносно восторжествовавший надъ врагами», была традиционной в адресованных Алексею Михайловичу приветствиях в прозе и виршах. Приобретшая особую популярность в среде русского правительства идея вселенской миссии православного царя как освободителя православных народов от иноверцев органично слилась с образом Алексея Михайловича как освободителя православных христиан и Константинополя от турецкого ига, которая настойчиво звучала в многочисленных нарративах, приходивших из греческого мира. «Всеvyšний избралъ тебя спасителемъ и избавителемъ погибшей Эллады», – писал и сам Газский митрополит [МДА. Л. 3]. В личности Алексея Михайловича современники видели реализацию Божественной миссии, возложенной на православное царство в рамках мессианской идеи о роли и значении Москвы как наследницы Рима.

Тема освободительной миссии русского царя раскрыта еще в одном упражнении. Рассуждая об этимологии имени Алексей, Лигарид разбил слово на буквы и для каждой подобрал новую лексему. Получилась фраза примерно следующего содержания: носитель имени Алексей достойно будет владеть свободным народом и сокрушит губительного измаильтянина. Способ, к которому прибегнул автор, не имеет аналогов в русской культуре, зато под названием «экспозиция» или «композиция» известен на средневековом Западе. Суть метода состояла в «наращении» каждого слога или буквы, которые в него входят, благодаря чему «ученые надеялись лучше объяснить слова, лучше уловить их сокровенный смысл... превзойти уровень буквы и достичь уровня духа, найти по ту сторону буквального смысла слова его духовный и мистический смысл» [Гене, с. 214–215, 217].

Уместно напомнить, что и Симеон Полоцкий неоднократно обыгрывал этимологию имени Алексей через имя его небесного патрона – Алексея, человека Божия, поддерживая таким образом возникшую в середине XVII в. «восточнославянскую Алексиаду» и создавая лестный для царя аллюзийный образ [см.: Сазонова, с. 430–438]. Упомянем и тот факт, что в споре о власти между «царством» и «священством» Полоцкий безоговорочно принял сторону Алексея Михайловича. В российском правителе он, как и его современники греки, уже в первой своей декламации, прочитанной 19 января 1660 г. на чистом славянском языке, обозначил важнейшую черту – вселенскость и подчеркнул вклад русского царя в создание вселенского православного царства [Еремин, с. 357].

* * *

Игры в этимологию, жонглирование буквами и словами, акростишное «наращение» и риторические изыски, «музыкальность»

и «красочность» изложения, прекрасный литературный язык – все эти приемы риторической культуры, виртуозное владение которыми демонстрировал Газский митрополит, способствовали восприятию его в России как образованнейшего человека и самобытного автора, талантливого ученого и блестящего витии, владевшего широким диапазоном ораторских возможностей и богатым спектром коммуникативных техник. Обращение к античному наследию позволило Лигариду выразить свою позицию в вопросе разделения властей, свидетелем и участником разрешения которого он стал в России. Поддерживая московского царя в его претензии на абсолютную власть, Лигарид подбирал для Алексея Михайловича образцы великих правителей древности, удачно сочетавших в правлении военные успехи, созидание и просвещение. Подхватив популярную в XVII в. идею о вселенской миссии царя Алексея Михайловича как освободителя православных народов от иноверцев, Лигарид успешно развил ее, используя в рассуждениях об этимологии имени Алексей разнообразные технические средства и риторические приемы. Аппелируя к Античности и побуждая тем самым русскую элиту к более широкому знакомству с античным наследием, Лигарид вносил свой вклад в европеизацию придворной культуры.

Рассматривая посвящение царю в традиции книжных подношений правителю, следует отметить общность тем и образов античной культуры во вступительном разделе «Книги о соборе» Лигарида и виршах Симеона Полоцкого. Это мысль о заступничестве и заботе царя о своих подданных как главном достоинстве правителя; обращение к личностям и деяниям египетских и древнеримских царей как успешным примерам сочетания в правлении разных видов деятельности на благо государства; упоминания о семи чудесах света и восхваление древних профессионалов в разных областях искусства; просветительская миссия правителя и покровительство ученым занятиям. Близки взгляды Симеона и Паисия на историю, реализующую в первую очередь этическую задачу нравственного воспитания читателя. Очевидна близость взглядов двух авторов на значение древней культуры для русского общества как важной составляющей в его просвещении и сближении с западной цивилизацией, включении в европейскую интеллектуальную традицию.

Посвящение царю, открывающее «Книгу о соборе», есть миниатюрное отражение литературных навыков и умений Паисия Лигарида, его богатого творческого опыта и незаурядного воплощения. Чрезвычайно насыщенный образами и реалиями античной культуры, этот вступительный раздел помогает понять значение, какое придавал Газский митрополит Античности. Интерес к классической эпохе, ярко выразившийся в письменном наследии Лигарида московского периода жизни, сделал его невольным участником процесса создания условий для «нового русского государственного космоса», выстроенного впоследствии императором Петром I [Приказчикова,

с. 102]. Во второй половине XVII в. в России, когда по-особому переосмыслились и получали оригинальное преломление классические образы, символы и смыслы, Античность, по словам, адресованным В. М. Живовым и Б. А. Успенским к русской культуре XVIII в., «выступала как средство перевоспитания русского общества» [Живов, Успенский, с. 484]. «Книга о соборе» Газского митрополита Паисия Лигарида и ее вступительная часть – яркое тому подтверждение.

Библиографические ссылки

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография : К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. : Наука, 1973. 279 с.

Библиотека Румынской академии. № 371 (675). 159 л.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. М. : Языки славян. культуры, 2002. 491 с.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона : [в 2 ч.]. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1882–1884. Ч. 1. 282 с.

Гомер. Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М. : Худож. лит-ра, 1978. 534 с.

Горский А. В. Несколько сведений о Паисии Лигариде до прибытия его в Россию // Прибавления к творениям святых отцов. 1862. Ч. 21, кн. 1. С. 133–148.

Дело о патриархе Никоне / изд. Археографической комиссии. СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. XXXII, 453, 21 с.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности : в 3 т. М. : Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 272 с.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М. : Наука, 1978. 272 с.

Еремин И. П. «Декламация» Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 8. С. 354–361.

Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Из истории русской культуры XVIII – начала XIX в. : в 5 т. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. Т. 4. С. 449–536.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад : в 2 т. Сергиев Посад : Тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. Т. 2. 618 с.

Киселев М. А. Плутарх при дворе царя. «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм в России накануне петровских реформ // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 36–48. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.036.

Киселева М. С. Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках исторического знания в России // Vox. Филос. журн. : [электрон. журн.]. 2014. № 17. С. 1–24. DOI 10.24411/2077–6608–2014–00003. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (дата обращения: 06.03.2023).

Корзо М. А. О католических источниках православной письменности в России второй половины XVII века // Canadian-American Slavic Studies. 2020. Т. 54, № 1–3. С. 170–197. DOI 10.30965/22102396–05401009.

Николаев С. И. Первая четверть XVIII в.: эпоха Петра I // История переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 74–93.

ОР РГБ. Ф. 172 (МДА. Архив). № 22; Ф. 173.IV («Прочие» библиотеки МДА). № 64, 69.

Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла / пер. с древнегреч. И. Ю. Петер. М. : Алетей : Новый Акрополь, 2000. 160 с.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах : [в 3 т.] / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. СПб. : Наука, 2005. Т. 1. 500 с.

Приказчикова Е. Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 102–113.

Пушкарёв Л. Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). М. : Наука, 1982. 288 с.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.

СПБИН РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. № 8.

Севастьянова С. К., Рылик П. А., Бондач А. Г. Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном: проблемы исследования и перевода // Сиб. филол. журн. 2022. № 3. С. 65–78. DOI 10.17223/18137083/80/7.

Севастьянова С. К., Рылик П. А., Бондач А. Г. Неизвестные страницы сочинения Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном. Предисловие к третьей части // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 29–63. DOI 10.22455/HORL.1607–6192–2023–22–29–63.

Фукидид. История / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. СПб. : Наука : Ювента, 1999. 604 с.

Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М. : Наука, 1989. С. 220–232.

Эсхил. Трагедии / в пер. Вяч. Иванова. М. : Наука, 1989. 609 с.

Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library : A Catalogue. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. 234 p.

Palmer W. The Patriarch and the Tsar : [6 vols.]. L. : Trubner and Co., 1871–1876. Vol. 3. P. 1–311.

Strakhov O. Antiquity and Muscovite Traditionalists in the Seventeenth Century // Palaeoslavica. 1999. Vol. 7. P. 80–115.

References

Aeschylus. (1989). *Tragedies* [Tragedies] / transl. by Vyach. Ivanov. Moscow, Nauka. 609 p.

Averintsev, S. S. (1973). *Plutarkh i antichnaya biografiya: K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and Ancient Biography: On the Place of the Classic of the Genre in the History of the Genre]. Moscow, Nauka. 279 p.

Biblioteca Rumynskoï akademii [Library of the Romanian Academy]. No. 371 (675). 159 p.

Chernaya, L. A. (1989). Kontseptsiya lichnosti v russkoi literature vtoroi poloviny XVII – pervoi poloviny XVIII v. [The Concept of Personality in Russian Literature of the Second Half of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. In *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII – nachala XVIII v.* Moscow, Nauka, pp. 220–232.

Delo o patriarkhe Nikone [The Case of Patriarch Nikon] / publ. by Archaeographical Commission. (1897). St Petersburg, Tovarishchestvo “Pechatnya S. P. Yakovleva”. XXXII, 453, 21 p.

Dionysius of Halicarnassus. (2005). *Rimskie drevnosti v 3 t.* [Roman Antiquities. 3 Vols.]. Moscow, Rubezhi XXI. Vol. 1. 272 p.

Eleonskaya, A. S. (1978). *Russkaya publitsistika vtoroi poloviny XVII veka* [Russian Journalism of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 272 p.

Eremin, I. P. (1951). “Deklamatsiya” Simeona Polotskogo [“Recitation” by Simeon Polotsky]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 8, pp. 354–361.

Gene, B. (2002). *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West] / transl. by E. V. Baevskaya, E. M. Beregovskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 491 p.

Gibbenet, N. (1882). *Istoricheskoe issledovanie dela patriarkha Nikona v 2 ch.* [Historical Study of the Case of Patriarch Nikon. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Part 1. 282 p.

Gorskii, A. V. (1862). Neskol'ko svedenii o Paisii Ligaride do pribytiya ego v Rossiiu [Some Information about Paisius Ligarid before His Arrival in Russia]. In *Pribavleniya k tvoreniiyam svyatykh otsov.* Part 21. Book 1, pp. 133–148.

Hippisley, A., Luk'janova, E. (2005). *Simeon Polockij's Library. A Catalogue*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 234 p.

Homer. (1978). *Iliada* [Iliad] / transl. by N. Gnedich. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 534 p.

Kapterev, N. F. (1915). *Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich v 2 t.* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. 2 Vols.]. Sergiev Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry. Vol. 2. 618 p.

Kiselev, M. A. (2020). Plutarkh pri dvore tsarya. "Grazhdanstvo" Simeona Polotskogo i legalizm v Rossii nakanune Petrovskikh reform [Plutarch at the Court of the King. "Citizenship" of Simeon Polotsky and Legalism in Russia on the Eve of the Petrine Reforms]. In *Dialog so vremenem*. No. 73, pp. 36–48. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.036.

Kiseleva, M. S. (2014). Svyashchennaya i grazhdanskaya istoriya v kontekste knizhnoi barokhnoi propovedi: k voprosu ob istokakh istoricheskogo znaniya v Rossii [Sacred and Civil History in the Context of Baroque Book Preaching: On the Question of the Origins of Historical Knowledge in Russia]. In *Vox. Filosofskii zhurnal* [electronic journal]. No. 17, pp. 1–24. DOI 10.24411/2077–6608–2014–00003. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (accessed: 06.03.2023).

Korzo, M. A. (2020). O katolicheskikh istochnikakh pravoslavnoi pis'mennosti v Rossii vtoroi poloviny XVII veka [Catholic Sources of the Russian Orthodox Literature of the Second Half of the 17th Century]. In *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 54. No. 1–3, pp. 170–197. DOI 10.30965/22102396–05401009.

Nikolaev, S. I. (1995). Pervaya chetvert' XVIII v.: epokha Petra I [The First Quarter of the 18th Century: The Era of Peter I]. In *Istoriya perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek v 2 t.* St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1, pp. 74–93.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 172 (MDA. Arkhiv). No. 22; Stock 173.IV ("Prochie" biblioteki MDA). No. 64, 69.

Palmer, W. (1871–1876). *The Patriarch and the Tsar. 6 Vols.* L., Trubner and Co. Vol. 3, pp. 1–311.

Pythagoreiskie Zolotyie stikhi s kommentariem Gierokla [Pythagorean Golden Verses with a Commentary by Hierocles] / transl. by I. Yu. Peter. (2000). Moscow, Aleteiya, Novyi Akropol'. 160 p.

Polybius. (2005). *Vseobshchaya istoriya v soroka knigakh* [General History in 40 Books] / transl. by F. G. Mishchenko. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 500 p.

Prkazchikova, E. E. (2009). Istinnost' v literaturnom i bytovom soznanii XVIII – 1-i treti XIX v. cherez prizmu miforitoricheskoi kul'tury [Antiquity in the Literary and Everyday Consciousness of the 18th – First Third of the 19th Centuries through the Prism of Mythological Culture]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 1/2 (63), pp. 102–113.

Pushkarev, L. N. (1982) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Rossii (vtoraya polovina XVII v.)* [Social and Political Thought of Russia (Second Half of the 17th Century)]. Moscow, Nauka. 288 p.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.

Sevastyanova, S. K., Rylik, P. A., Bondach, A. G. (2022). Sochinenie Gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida o sude nad patriarkhom Nikonom: problemy issledovaniya i perevoda [The History of Patriarch Nikon's Trial Written by Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza: Research and Translation Issues]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 65–78. DOI 10.17223/18137083/80/7.

Sevastyanova, S. K., Rylik, P. A., Bondach, A. G. (2023). Neizvestnye stranitsy sochineniya Gazskogo mitropolita Paisiya Ligarida o sude nad patriarkhom Nikonom. Predislovie k tret'ei chasti [Unknown Pages of the Essay of Metropolitan Paisius Ligarid of Gaza about the Trial of Patriarch Nikon. Preface to the Third Part]. In *Germeneytika drevnerusskoi literatury*. Vol. 22, pp. 29–63. DOI 10.22455/HORL.1607–6192–2023–22–29–63.

SPbII RAN [St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 261 (Bumagi V. N. Beneshevicha). List 1. No. 8.

Strakhov, O. (1999). Antiquity and Muskovite Traditionalists in the Seventeenth Century. In *Palaeoslavica*. Vol. 7, pp. 80–115.

Thucydides. (1999). *Istoriya* [History] / transl. by F. G. Mishchenko, S. A. Zhebelev. St Petersburg, Nauka, Yuventa. 604 p.

Zhivov, V. M., Uspensky, B. A. (1996). Metamorfozy antichnogo yazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII vv. [Metamorphoses of Ancient Paganism in the History of Russian Culture in the 17th–18th Centuries]. In *Iz istorii russkoi kul'tury XVIII – nachala XIX v. v 5 t.* Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”. Vol. 4, pp. 449–536.

The article was submitted on 01.04.2023

DOI 10.15826/qr.2023.4.856

УДК 7.038.11(470) + 7.01 + 316.74:7 + 316.74:81 + 808.1 + 791.43 +
+ 821.161.1–311Зальцман + 82.09 + 81'42

«Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века»*

Газинур Гиздатов

Казахский университет международных отношений и мировых языков,
Алматы, Казахстан

“Residual Meanings” and the Aesthetic of Intermediality in Pavel Saltzman’s *Central Asia in the Middle Ages*

Gazinur Gizdatov

Kazakh University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan

This article analyses *Central Asia in the Middle Ages*, an unfinished novel by Pavel Saltzman (1939–1950), first published in 2018. In the novel, the aesthetic of film editing and the discursive “madness” of the narrative used by the author, which refers both to the literature of German Romanticism and to Eastern historical and literary sources, transforms an example of artistic avant-garde into a fundamentally new work in terms of artistic features. According to the article, the literary game of the Gothic novel employed by the author gives Saltzman’s text the dynamics of a spectacular film text, which conceals several symbolic and associative meanings. These include the adventurous narrative itself, the medieval historical plot, the inevitable associative parallels with the tragic pages of the history of the twentieth century, and the philosophical and aesthetic comprehension of man and their place in the world in the spirit of the German Romantics and modern postmodernism simultaneously. The research methods in relation to this literary text rely on the semiotic theory of Yu. M. Lotman and B. A. Uspensky. The results of the study are determined both by the author’s approach and modern literary and cultural studies concepts of Aage A. Hanzen-Löve, I. S. Kukui, and O. D. Burenina-Petrova. The novel is analysed for the first time according to the directions of “residual” memory

* Citation: Gizdatov, G. (2023). “Residual Meanings” and the Aesthetic of Intermediality in Pavel Saltzman’s *Central Asia in the Middle Ages*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1432–1444. DOI 10.15826/qr.2023.4.856.

Цитирование: Gizdatov G. “Residual Meanings” and the Aesthetic of Intermediality in Pavel Saltzman’s *Central Asia in the Middle Ages* // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1432–1444. DOI 10.15826/qr.2023.4.856 / Гиздатов Г. «Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1432–1444. DOI 10.15826/qr.2023.4.856.

of the author's text that are relevant to this work, primarily in intertextual connection with E. T. A. Hoffmann's *The Devil's Elixirs*, as well as according to the cinematic ways of expressing the narrative. The author proves that Saltzman's text relies on the principle of compositional film editing, which brings it into the sociocultural discursive practice. Additionally, the article traces intertextual links between the two novels in the plot and thematic aspects, concluding that the text is original for modern literature and determining the prospects of its transfer in sociocultural practice.

Keywords: avant-garde in art, intermediality, intertextuality, cinematic poetics, film editing, cultural transfer, German Romanticism, Orientalism

Представлен анализ неоконченного романа Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» (1939–1950), впервые опубликованного в 2018 г. В этом тексте используемая автором эстетика киномонтажа и дискурсивная «сделанность» нарратива, отсылающего как к литературе немецкого романтизма, так и к восточным историческим и литературным источникам, преобразует образец художественного авангарда в принципиально новое по художественным особенностям произведение. По мнению автора статьи, примененная автором литературная игра в готический роман придает тексту П. Я. Зальцмана динамику зрелищного кинотекста, за которым скрывается несколько символических и ассоциативных смыслов. К таковым относятся само авантюрное повествование, средневековый исторический сюжет, неизбежные ассоциативные параллели и выходы к трагическим страницам истории XX в., философско-эстетическое осмысление человека и его места в мире одновременно в духе немецких романтиков и современного постмодернизма. Методология исследования по отношению к данному литературному тексту базируется на семиотической теории Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского. Основные результаты исследования определены как собственным авторским подходом, так и современными литературоведческими и культурологическими концепциями Оге А. Ханзен-Леве, И. С. Кукуя и О. Д. Бурениной-Петровой. Анализ романа впервые осуществлен по актуальным по отношению к этому литературному тексту направлениям «остаточной» памяти авторского текста, в первую очередь в интертекстуальной связи с творчеством Э. Т. А. Гофмана (роман «Эликсиры Сатаны»), а также по кинематографическим способам выражения нарратива. Доказывается, что текст Зальцмана подчинен принципу композиционного киномонтажа, который выводит его в социокультурную дискурсивную практику. Интертекстуальные связи двух романов прослеживаются в сюжетных и тематических аспектах. Сделан вывод о своеобразии этого текста в современной литературе, определены перспективы его трансфера в социокультурной практике.

Ключевые слова: авангард в искусстве, интермедиальность, интертекстуальность, кинематографическая поэтика, киномонтаж, культурный трансфер, немецкий романтизм, ориентализм

Исследования литературного творчества Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985) немногочисленны, но они точно определяют существенное в поэтике писателя [Баскакова; Кукуй; Казарновский]. Однако по отношению к незавершенному роману «Средняя Азия в Средние века» [Зальцман П. Я.] научные тексты единичны [см., например: Шафранская]. В силу разных причин, в том числе и с учетом времени опубликования (2018), уникальный по своей эстетике роман пока остается не в полной мере воспринятым и вписанным в культуру XX столетия и нашего времени, в том числе в филологических и культурологических исследованиях. Конечно, в этнографической и визуальной составляющих романа явственно отразились впечатления автора от довоенных поездок в Среднюю Азию (1934, 1938), его работа в качестве художника над фильмами «Лунный камень» (1935), «Переход» (1940), но это относится к формальной стороне текста. По свидетельству близких, роман задумывался в Ленинграде в 1939–1940 гг., но большая часть его была создана позже в 1950-е гг. в Алма-Ате [Зальцман Л.].

Парадоксальность ситуации в том, что именно этот литератор-художник в своем произведении прогностически исследовал универсальное и специфическое в русском и советском (возможно, дополнительно и в азиатском) способах понимания мира. Каковы же собственно уровни создания и возможного восприятия этого текста (реальный, исторический, ассоциативный), существующие в нерасторжимой взаимосвязи?

Данный текст по изначальному авторскому замыслу дискурсивно неоднороден. Концептуально значимым для дальнейшего изложения является замечание Ильи Кукуя: «Поэтику Зальцмана сформировали три обстоятельства. Основным событием следует считать встречу в 1929 г. с Павлом Филоновым, у которого Зальцман перенимает обостренное чувство формы, выразившееся в концепции “сделанной вещи”, и необходимость мотивировки художественного эксперимента – выход из собственно авангардной плоскости в бытийную сферу искусства» [Кукуй, с. 408]. Но эта зальцмановская «сделанность» является столь тонкой и филигранной, что следы литературного влияния для читателя незаметны, однако они выполняют значимые эстетические и идеологические функции, в том числе и в современном социокультурном контексте. В подтверждение обозначенного приведем также воспоминание об отце Лотты Зальцман: «В литературе же, подчеркивал он: “я не могу выдумывать, мне надо видеть”. Сейчас мне кажется, что и в литературе он был прежде всего конструктором. Материал действительности, поражающий своей удивительной, прямо-таки осязаемой реальностью, служил созданию концептуальных, иногда философских или абсурдистских произведений» [Зальцман Е., 2007, с. 27]. Следует заметить, что любой роман всегда включает в себя следы предшественников, диалог автора с предшествовавшей культурой был определен еще М. М. Бахтиным [см.: Бахтин], но для любого читателя важен новый нарратив. Как литературная «остаточная

память» проявляется в этом тексте, и в чем заключена в нем эстетика интремедиальности? Теория интермедиальности О. А. Ханзен-Лёве оказывается работающим литературоведческим «инструментом» и в этом случае: «За концепцией интермедиальности стоит общекультурное стремление к обмену, смешению, гибридизации, свойственное любым тенденциям интертекстуальности, междисциплинарности, интеркультуральности» [Ханзен-Лёве, с. 22].

Сюжет романа, несмотря на его незавершенность, на огромное количество персонажей и хитросплетения их судеб, все же очевиден и внешне прост: это история любви, представленная в историко-фантастическом контексте. Роман оказывается захватывающим по динамике своего стремительного нарратива, погруженного в средневековый Восток (любовная история, захваты и набеги, истории нескольких семей, сосуществование героев романа рядом с фантастическими персонажами), но текст ускользает при попытках обозначить его эстетику. В этом случае, на наш взгляд, подход к «сделанности» романа как к кинотексту, выражающему авторский фокус повествования, может оказаться продуктивным: «Проблема точек зрения со всей актуальностью выступает в произведениях художественной литературы. Так же, как и в кино, в художественной литературе находит широкое применение прием монтажа; так же, как и в живописи, здесь может проявляться множественность точек зрения и находит выражение как “внутренняя” (по отношению к произведению), так и “внешняя” точка зрения» [Успенский, с. 13].

То, что у Б. А. Успенского было обозначено как способ выражения точки зрения автора, по отношению к данному тексту получает форму киноромана, в котором автором в полифоническом многоголосии смонтировано повествование, формирующее роман как кинодискурс. Необходимо указать, что понятия «монтажный прием», «монтажное мышление» как способы создания художественного образа разрабатывались С. Эйзенштейном еще в 1939 г. [Эйзенштейн] – том времени, когда задумывался роман «Средняя Азия в Средние века». Текст Зальцмана явно подчинен принципу композиционного киномонтажа, который сам выполняет функцию дискурса, он выводит текст в дискурсивную практику: «Тем самым платформой творчества Зальцмана являются одновременно несколько медиальных пространств: это двухмерная плоскость листа, динамический хронотоп кино... и изобразительность литературы, в которой создание визуальных образов осуществляется опосредованно, через знаковую систему языка» [Кукуй, с. 242]. Но если у П. Филонова имело место монтажное соединение только изобразительных повествований, то у П. Зальцмана оно предстает в тексте.

В семиотическом рассмотрении именно композиционный монтаж у Зальцмана задуман и сам является дискурсом или открытым текстом: «В этом междисциплинарном контексте и следует различать дискурс и текст, или (по Лотману) открытый и закрытый текст» [Зенкин, с. 67]. Благодаря такой форме текст приобретает несколько одновременно

конкретных и вневременных смысловых пластов. К таковым в романе относятся само авантюрное повествование, средневековый исторический сюжет, неизбежные ассоциативные параллели и выходы к трагическим страницам XX в., наконец, философско-эстетическое осмысление человека и его места в мире в духе немецких романтиков.

В романе П. Зальцмана «Средняя Азия» кинематографическое проявляется через обращение к технике монтажа: «Искусство кино рассматривается как эквивалентное литературе явление на том основании, что глубинный уровень происходящих в кино и литературе семиотических процессов конституируется нарративными структурами» [Буренина-Петрова, с. 23]. В тексте романа это выражается в полифоническом многоголосии героев, как и завораживающие картинки-кинокадры Памира – развалины крепости, разрушенного кишлака, картины природы, переходы по горным тропам:

Наконец за домами изогнулся Чирчик. Все это скатывается к реке, а за нею, на той стороне, начинает снова подниматься. Все там отражено, как в чистой стали: холмы, овраги и тропинки, обтекающие их. Ясно видна дорога в горы [Зальцман П. Я., с. 34].

В этих интермедийных мирах автор предстает одновременно как художник и как литератор. Для того, чтобы показать разницу между историческим нарративом и киноэстетикой Зальцмана, выраженной в тексте, приведем еще один пример, в котором историческая реальность представлена текстом, написанным в ориенталистском духе:

Города лежали в развалинах; хлебопашец или был умерщвлен, или сильно был втиснут в кадры монгольского войска, а ремесленники тысячами отправлены на далекий Восток для украшения и убранства пустынной родины завоевателя [Вамбери, с. 153].

В романе эта же реальность предстает исключительно как мизансцена готового кинокадра:

Только кое-где брошены тела, или рассыпаны зерна, или разлито масло. На дороге валяются обрывки одежды, колесо арбы или черепки какой-нибудь расколотой косы. На одном обломанном туте – кажется – фигура повешенного с черной бородой тихо кружится над самой белой пыльной дорогой [Зальцман П. Я., с. 169].

Использование писателем сюжета, погруженного в контекст одновременно фантазмагоричного и исторического Востока, может быть оценено не только как реальная попытка отойти от пугающей советской актуальности, но и как авангардный художественный эксперимент. Характер художественного творчества П. Зальцмана отражает его близость европейскому и российскому художественному авангарду. Об использовании такой же эстетики в уже современной культуре

ной практике М. Ямпольский писал: «Повествовательный слой выступает в качестве причины, определяющей события, происходящие в дискурсе. Хотя на самом деле именно дискурс детерминирует прочтения повествовательной линии» [Ямпольский, 2004, с. 253].

Поясним: в романе события излагаются от лица разных персонажей, и даже в том случае, когда повествование ведется от лица автора, он «как бы поочередно “влезает в шкуру” каждого из главных персонажей и начинает видеть мир его глазами, говорить “от его лица”, его языком» [Баскакова, с. 449]. Вся эта вереница лиц и событий нередко выстраивается в пределах одного абзаца как смена кадров. Так, гл. 2 «Мыруоли» практически полностью выстроена как «монтажное письмо» от лица героя с вкраплениями от лица автора, которые нужны для передачи нарратива:

Я пришел сюда молиться. Молитвы, как столбы, подпирают чужие спины, мне не к чему прислониться. Я ничего не найду в этом потолке и за ним... На ходу он жестко бьет свою руку о какой-то вылезший из стены столб, неразумно проклиная: я не знал, кого там увижу. Но ты же просил! Расставил руки для самой тяжелой радости [Зальцман П. Я., с. 14].

Многие эпизоды романа разворачиваются на наших глазах, герой, полностью в духе идей С. Эйзенштейна, живет перед читателями, а романист причудливо преломляет в своем тексте манеру несобственно-прямой речи.

Обращение к дискурсивной «сделанности» этого романа позволяет обнаружить в нем скрытые и (или) «остаточные» смыслы. Наиболее важным, на наш взгляд, является выявление зашифрованного в восточном сюжете идеологического нарратива и эстетических черт романа, пришедших из немецкого романтизма. Формально в сюжете все выглядит так, как в классической ориенталистской прозе, как когда-то ее описывал Э. Саид [Саид, с. 17]. В нем есть все от экзотичности восточной жизни – красоты природы, таинственности и оккультизм, в том числе и погоня за роковой женщиной. Есть повосточному безжалостный правитель кыпчак Ит-баш, но рядом по контрасту – и более утонченный и цивилизованный Палван-Нияз. Среди братьев-князей, сыновей хакима, старший – грабитель Мыруоли, младший – мечтатель, пытающийся найти свою Незнакомку. Старший происходит от кыпчаков (кочевников), второй – из сартов (земледельцев). Кыпчаки и сарты в романе явно противопоставлены. Один из главарей-степняков Ит-баш то ли в шутку, то ли всерьез предлагает Коре резать брата и отрубить ему голову. Но сюжет замысловатым образом разворачивается так, что сам Кора после неудачного разбойного нападения просит это сделать брата по отношению к себе, чтобы никто не узнал о его вероломстве.

Ориентализм проявляется при использовании элементов исторического сюжета и деталей в биографиях отдельных героев рома-

на, имеющих отдаленные реальные прообразы. Но в чем конкретно раскрывается исторический контекст романа? Будучи реалистичным в деталях, автор воссоздает, подобно немецким романтикам, способ понимания воображаемого мира. Для Зальцмана восточный колорит со всей его тщательно представленной фактурностью – только форма, автор-рассказчик находится «внутри него», так же как и герой в немецкого романтизма – всегда в себе.

Фабульный каркас романа, на наш взгляд, был перенят П. Я. Зальцманом из произведения Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола» (в первом переводе [Гофман, 1929–1930]), или «Эликсиры Сатаны» (второй перевод [Гофман, 1984]), затем он получил этнографическое восточное наполнение, ставшее отражением его впечатлений от киноэкспедиций. Немецкий романтизм со всем комплексом его идей и эстетических установок всегда интересовал этого литератора: «Немецкий романтизм, несомненно, надо считать одним из компонентов тех культурных влияний, которые формировали творчество Павла Зальцмана» [Зальцман Е., 2007, с. 20]. Идея, сюжет, композиционные детали из «*Sämtliche Werke*» [Hoffmann] позволяют утверждать не просто о знакомстве автора с романом Гофмана, но и об определяющем влиянии именно этого немецкого романа на текст П. Зальцмана, хотя форма влияния здесь – больше литературная игра, чем реальные интертекстуальные переклички.

Фабула романа Э. Т. А. Гофмана, написанного в 1814–1815 гг., типична для немецкого романтизма. Его отголоски обнаруживаются в неоконченном романе П. Зальцмана в общей концептуальной идее и в разыгрываемых в обоих случаях сходных сюжетах, уводящих в варварское Средневековье. В немецком романе также есть два героя – сводных братья, которые меняются местами или выдают себя друга за друга: «Я тот, кем я кажусь, а кажусь я вовсе не тем, кто я на деле, и вот я для самого себя загадка со своим раздвоившимся “я”!» [Гофман, 1984, с. 46]. В романе Гофмана тайна духовного родства двух братьев заключена в их происхождении: оба они – сыновья отца-преступника. В тексте Зальцмана эта сюжетная линия обозначена, но обращена также еще к одному герою, другу обоих братьев – принцу Шахруху. Связанная с ним сюжетная линия осталась в незавершенном романе не совсем проясненной:

Узнавши и увидевши ясно, что такое земное рождение и развитие и из чего состоит тело, Шахрух (так ему кажется) в отчаянии отрекается от той плохой половины крови, которая в нем есть, и проливает ее [Зальцман П. Я., с. 186].

Многочисленные действующие лица обоих романов находятся между собой в таинственных и не до конца ясных отношениях. У Гофмана так же, как и у Зальцмана, ход действия следует от загадки к прояснению смысла событий с той оговоркой, что его роман – это готика

с восточными историческими деталями. Герой «Средней Азии» Мыроули, как и Метард из рода художника Франческо – основателя преступного клана из «Эликсиров Сатаны», пытается найти Незнакомку. В восточном сюжете Незнакомка оборачивается фантастическим существом, гюль, демоном, приносящим смерть тем, кто был им (ею) очарован. Но, в отличие от фантастического сюжета из восточных сказок, замысел незавершенного текста более символичен – герой обречен на то, чтобы погибнуть из-за любви и в любви:

Пусть она гуль и убьет его; и он опять ее ищет и находит, и идет к ней, чтобы она его убила, но она уже поняла, что это он, и вместо гуля перед ним – чудесная милая Турдэ, которая протягивает к нему руки и говорит с мучением обо всем прошлом: милый, милый ты мой... [Зальцман П. Я., с. 189–190].

Многое в тексте Зальцмана дается через ироническое переосмысление восточных мотивов, что характерно, кстати, и для немецких романтиков (Л. Тика, Э. Т. А. Гофмана, В. Г. Ваккенродера и др.). Зальцман вовлекает роман немецкого романтика в интертекстуальную игру, дающую возможность перекодировать высокое в низкое, трагическое – в комичное. Так, свою Незнакомку среднеазиатский герой, в отличие от немецкого романтического персонажа, впервые увидел при отправлении им нужды.

Жанр готического романа, к которому обращался П. Зальцман, включал в себя веру в чудесное, тайны и ужасы, подобным образом запутанный сюжет и усложненные приемы повествования. Но и в таком случае по отношению к «Эликсирам Сатаны» в «Средней Азии» мы находим очень много совпадающих деталей. В романе Гофмана состязаются небесные и демонические силы, но они не являются действующими персонажами. В жизни Метарда, героя «Эликсиров», таинственное начало называется то «роком», то «загадочной силой».

В этом ярком образце немецкого романтизма обнаруживается ключевая идея, значимо определяющая и незавершенный роман Зальцмана, важно лишь отражение внешнего хода событий в сознании героя:

Наши, как мы их обычно именуем, грезы и фантазии являются, быть может, лишь символическим откровением сущности таинственных нитей, которые тянутся через всю нашу жизнь и связывают воедино все ее проявления; я подумал, что обречен на гибель тот, кто вообразит, будто познание это дает ему право насильственно разорвать тайные нити и схватиться с сумрачной силой, властвующей над ними [Гофман, 1984, с. 8].

Но то, о чем у Гофмана сказано прямо, у Зальцмана больше обнаруживается в полифоническом характере текста, и его многоголосие – не столько рассказ от имени разных персонажей, сколько кинохро-

ника внешних событий и непосредственное воссоздание внутренних переживаний героев. Воображаемый мир «Средней Азии» влияет на реальный, как и в тексте немецкого романтика:

Воображение мгновенно перенесет тебя в мир прошлого, и ты снова станешь переживать как страшное, так и шутовское, как наводящее дрожь ужаса, так и безудержно веселое... [Гофман, 1984, с. 227].

Фантазии в тексте романа присутствуют как вторая реальность, например, им посвящена вся первая глава второй части романа:

Мы видим во сне Бога, чтобы проснуться после смерти. Кого томят голодные сны, дай ему утром пищу. Мы приходим в один дом и думаем, что нас накормят. Но голодные торопятся в другой. Так дай же в другом пищи. Они уже скрылись все там, я еду один. Я скоро ступлю за порог. Берегись оставить меня голодным [Зальцман П. Я., с. 175].

Однако по отношению к поэтике романа возможна и иная точка зрения, выраженная Т. Баскаковой: «Мистические корни, позволяющие воспринимать мир как единое целое, Зальцман – в период написания “Средней Азии” – ищет не в европейской (христианской или гностической) традиции, но в традиции инокультурной: в суфизме и в преданиях среднеазиатских народов, которые он воспроизводит очень точно» [Баскакова, с. 453].

Но суфизм в этом случае для писателя – это не более как способ выражения человеком самого себя. При этом романист обращался к реальным историческим событиям Востока, к которым до него не обращался никто. Писатель включает в свой текст рассказ о дивоне (дервише) и дает повествование от его имени. Но и в этом случае практика суфизма для Зальцмана важна для обозначения способа выражения человека во внешнем мире. Идеи суфизма используются автором для выявления особых отношений человека и языка в трагическом XX в.: «Обнаружилась не только неадекватность языка реальности, но и его способность выстраивать между миром и человеком искусственную сферу принуждения и насилия» [Ямпольский, 2022, с. 224].

Использование элементов известного восточного сюжета о дервише [см. об этом: Лыкошин] делает это произведение «романом символов», для автора же это способ шифровки своего взгляда: от лица дервиша Зальцман формулирует свое жизненное и эстетическое видение мира. Это обращение имеет несомненную конкретную актуальность и одновременно символически перекликается с историей XX в.:

Потому что и от меня оторвутся мои слова, укатятся, как камни, и улягутся далеко друг от друга. Все они еще здесь, со мной, они шумят вокруг меня, как живая толпа рабов, как послушное войско [Зальцман П. Я., с. 149].

Элементы суфийской поэтики становятся текстом в тексте – специфическим риторическим построением, «при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста» [Лотман, с. 431].

Одновременно с этим в романе оказался зафиксирован известный, но редко упоминаемый и советскими, и современными историками, этнографами и даже писателями антагонизм, родившийся именно в Средней Азии в Средние века. Речь идет об антагонизме между пришельцами-кочевниками и оседлым народом (иранцами). Г. Вамбери отмечал: «Трансоксиана в продолжение владычества чингизидов представляет ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безумие, разнузданное своеволие грубых варваров» [цит по: Пославский, с. 14]. Безусловно, этот антагонизм в романе приобретает универсальный символический характер и явно соотносится с теми реалиями, в которых жил сам писатель. К подобным же идеям относится и следующая, имеющая конкретное историческое происхождение, но приобретающая в исторической ретроспективе символическое значение. Зальцман в своем романе представляет клановый тип существования как психологию обезличенной толпы: «Кипчакам не нужны пустяки – бумажные книги, но зато их много. Это важно. И они все как один. Без различий» [Зальцман П. Я., с. 67].

Кипчаки одновременно становятся собирательным образом социального типа, сформированного советской социальной системой. Личность существует только в клане, так же как в советской системе человек – только винтик социального механизма. Зальцман эту мысль обозначил и развил еще в 1930-е гг.

Является ли роман Зальцмана квазироманом? Формально – да: «В квазиромане читатель не в состоянии определить, где заканчивается один жанр и начинается другой. Жанровые границы условны, открыты» [Буренина, с. 73]. Действительно, в тексте Зальцмана все переплетено и взаимосвязано. «Средняя Азия» – это авангардный текст, который опередил свое время: «Все творчество Павла Зальцмана – это автономный способ коммуникации с гипотетическим зрителем-единомышленником или, на худой конец, с самим собой, отстаивание полной интеллектуальной свободы в условиях абсолютной политической и социальной несвободы. Оно и сейчас излучает эту антиидеологичность и потому, возможно, воспринимается и как принадлежащий истории искусств “портрет эпохи”, и как явление вполне современное» [Зальцман Е., 2012, с. 72]. Формы взаимодействия вербального, интермедиального, кинематографического и визуального подводят в случае с текстом П. Я. Зальцмана к созданию преобразующего действительность в сознании читателя дискурсу. Подчеркнем, что в современной культуре, в том числе и в постсоветском Казахстане, в котором в советские годы долго жил и работал П. Зальцман, на смену доступному всем в советские годы литератур-

ному тексту пришли визуальные и интермедийные тексты, не ставшие до сих пор объектом филологического и культурологического анализа, но именно они стали наиболее значимыми в постсоветской культурной практике. То, что не было сказано в слове или тексте, начиная с 90-х гг. прошлого столетия в Казахстане выявлялось посредством визуализации идеи, но с сохранением литературоцентричного механизма создания образа [Гиздатов, Буренина, Сопиева]. Визуальные образы нашего времени стали реальными культурными агрегаторами, собственно, они заменили традиционный линейный письменный текст. Однако начало этому процессу было положено еще в 40-е гг. XX в. в творчестве П. Зальцмана, ставшем доступным для читателя в начале XXI столетия. Тексты Зальцмана интертекстуальны, они полностью погружены в интермедийную культурную практику. В работах этого автора литература является высказыванием, мы воочию видим возврат к сути слова. Это реальная дискурсивная практика культуры, которая создается на наших глазах.

Библиографические ссылки

Баскакова Т. Красный платок, или Странники на пути любви // Зальцман П. Я. Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 406–463.

Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 72–233.

Буренина-Петрова О. Литература как мишень? Русская классика на экране российского кинематографа XX-ого – начала XXI веков // Contributions suisses au XV-e congress Mondial des slavistes a Minsk, aout 2013. Bern : Peter Lang, 2013. С. 21–37.

Буренина О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре. СПб. : Алетейя, 2015. 332 с.

Гиздатов Г. Г., Буренина О. Д., Сопиева Б. А. Культура как текст и проект в постсоветском дискурсе (на примере Казахстана) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 1 (35). С. 30–47. DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-30-47.

Гофман Э. Т. А. Сочинения : в 7 т. / пер. В. Л. Ранцова. М. : Недра, 1929–1930. Т. 4. Эликсир дьявола. 348 с.

Гофман Э. Т. А. Эликсиры Сатаны / пер. Н. А. Славятинского. Л. : Наука, 1984. 286 с.

Вамбери А. История Бохары, или Трансоксании с древнейших времен до настоящего : По восточным обнаруженным и необнаруженным рукописным историческим источникам : [в 2 т.] / пер. А. Т. Павловского. СПб. : Я. А. Исаков, 1873. Т. 1. 273 с.

Зальцман Е. (Лотта). Место Павла Зальцмана в художественной культуре XX века // Павел Зальцман / сост. С. Мамытова, Б. Барманкулова. Алматы : RUAN, 2012. С. 62–73.

Зальцман Е. (Лотта). Воспоминания об отце // Зальцман Павел. Жизнь и творчество. Иерусалим : Филобиблон, 2007. С. 18–69.

Зальцман Л. О романе П. Я. Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» // Зальцман П. Я. Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 379–405.

Зальцман П. Я. Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 472 с.

Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 368 с.

Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Зальцмана «Щенки») // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.

Кукуй И. «Природа, обернувшаяся адом...» (о прозе Павла Зальцмана) // Зальцман П. Щенки. Проза 1930–50-х годов. 2-е изд. М. : Водолей, 2017. С. 407–415.

Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Иск-во СПб., 1998. С. 423–436.

Лыкошин Н. С. Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае. Самарканд : Изд. Самарканд. обл. стат. к-та, 1910. 245 с.

Пославский П. Бухара // Военный сборник. 1891. № 11. С. 237–481.

Саид Э. Ориентализм / пер. К. Лопаткиной. М. : Музей совр. иск-ва «Гараж», 2021. 560 с.

Успенский Б. А. Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы) // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1995. С. 7–218.

Ханзен-Лёве О. А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду / под ред. Д. Крафта, Р. Михайлова, И. Чубарова. М. : РГГУ, 2016. 450 с.

Шафранская Е. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в литературе постколониальной // Новое лит. обозрение. 2020. № 1 (161). С. 291–306.

Эйзенштейн С. Монтаж // Искусство кино. 1939. № 1. С. 37–49.

Ямпольский М. Дискурс и повествование // Ямпольский М. Язык – тело – случай. Кинематограф и понимание смысла. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 251–276.

Ямпольский М. Формы реальности. Очерки теоретической антропологии. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 328 с.

Hoffmann E. T. A. *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe mit Einleitungen, Anmerkungen und Lesearten*. München ; Leipzig : Georg Müller, 1928. 378 S.

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Slovo v romane* [Word in a Novel]. In Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 72–233.

Baskakova, T. (2018). *Krasnyi platok, ili Stranniki na puti lyubvi* [Red Handkerchief, or Wanderers on the Path of Love]. In Saltzman, P. Ya. *Srednyaya Aziya v Srednie veka (ili Srednie veka v Srednei Azii)*. Moscow, Ad Marginem Press, pp. 406–463.

Burenina, O. D. (2015). *Simvolistskii absurd i ego traditsii v russkoi literature i kul'ture* [Symbolist Absurdity and Its Traditions in Russian Literature and Culture]. St Petersburg, Aleteiya. 332 p.

Burenina-Petrova, O. (2013). *Literatura kak mishen'? Russkaya klassika na ekrane rossiiskogo kinematografa XX-ogo – nachala XXI vekov* [Literature as a Target? Russian Classics on the Screen of the Russian Cinema of the 20th – Early 21st Centuries]. In *Contributions suisses au XV-e congress Mondial des slavistes a Minsk, aout 2013*. Bern, Peter Lang, pp. 21–37.

Eisenstein, S. (1939). *Montazh* [Editing]. In *Iskusstvo kino*. No. 1, pp. 37–49.

Gizdatov, G. G., Burenina, O. D., Sopieva, B. A. (2023). *Kul'tura kak tekst i proekt v postsovetском дискурсе (na primere Kazakhstana)* [Culture as a Text and a Project in the Post-Soviet Discourse (with Reference to Kazakhstan)]. In *ПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki*. No. 1, pp. 30–47. DOI 10.23951/2312–7899–2023–1–30–47.

Hansen-Löve, A. A. (2016). *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to Avant-Garde] / ed. by D. Kraft, R. Mikhailov, I. Chubarov. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. 450 p.

Hoffmann, E. T. A. (1928). *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe mit Einleitungen, Anmerkungen und Lesearten*. München, Leipzig, Georg Müller. 378 S.

Hoffmann, E. T. A. (1929–1930). *Sochineniya v 7 t.* [Works. 7 Vols.] / transl. by V. L. Rantsov. Moscow, Nedra. Vol. 4. *Eleksir d'yavola*. 348 p.

- Hoffmann, E. T. A. (1984). *Eliksiry Satany* [The Devil's Elixirs] / transl. by N. A. Slavyatinskii. Leningrad, Nauka. 286 p.
- Iampolski, M. (2004). Diskurs i povestvovanie [Discourse and Narrative]. In Iampolski, M. *Yazyk – telo – sluchai. Kinematograf i ponimanie smysla*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 251–276.
- Iampolski, M. (2022). *Formy real'nosti. Ocherki teoreticheskoi antropologii* [Forms of Reality. Essays in Theoretical Anthropology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Kazarnovsky, P. (2019). Telesnye i prostranstvennye anomalii kak otrazhenie vseobshchego raspada (roman Pavla Zal'tsmana "Shchenki") [Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Saltzman's *Puppies*)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.
- Kukui, I. (2017). "Priroda, obernuvshayasya adom..." (o proze Pavla Zal'tsmana) ["Nature turned into hell..." (about the Prose of Pavel Saltzman)]. In Saltzman, P. *Shchenki. Proza 1930–50-kh godov*. 2nd Ed. Moscow, Vodolei, pp. 407–415.
- Lotman, Yu. M. (1998). Tekst v tekste [Text in Text] In Lotman, Yu. M. *Ob iskusstve*. St Petersburg, Iskuststvo SPb, pp. 423–436.
- Lykoshin, N. S. (1910). *Divana-i-Mashrab. Zhizneopisaniya populyarnyishego predstavatelya mistitsizma v Turkestanskom krae* [Divana-i-Mashrab. Biographies of the Most Popular Representative of Mysticism in Turkestan Region]. Samarkand, Izdanie Samarkandskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. 245 p.
- Poslavskii, P. (1891). Bukhara [Bukhara]. In *Voennyi sbornik*. No. 11, pp. 237–481.
- Said, E. (2021). *Orientalizm* [Orientalism] / transl. by K. Lopatkina. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh". 560 p.
- Saltzman, E. (Lotta). (2012). Mesto Pavla Zal'tsmana v khudozhestvennoi kul'ture XX veka [The Place of Pavel Saltzman in the Artistic Culture of the 20th Century]. In Mamytova, S., Barmankulova, B. (Eds.). *Pavel Zal'tsman*. Almaty, RUAN, pp. 62–73.
- Saltzman, E. (Lotta). (2007). Vospominaniya ob otse [Memories of My Father]. In *Zal'tsman Pavel. Zhizn' i tvorchestvo*. Ierusalim, Filobiblon, pp. 18–69.
- Saltzman, L. (2018). O romane P. Ya. Zal'tsmana "Srednyaya Aziya v Srednie veka" [About Novel of P. Ya. Saltzman *Central Asia in the Middle Ages*]. In Saltzman, P. Ya. *Srednyaya Aziya v Srednie veka (ili Srednie veka v Srednei Azii)*. Moscow, Ad Marginem Press, pp. 379–405.
- Saltzman, P. Ya. (2018). *Srednyaya Aziya v Srednie veka (ili Srednie veka v Srednei Azii)* [Central Asia in the Middle Ages (or the Middle Ages in Central Asia)]. Moscow, Ad Marginem Press. 472 p.
- Shafranskaya, E. (2020). O russkom orientalizme, "russkom mire" v kolonial'noi literature i ikh pereosmyslenii v literature postkolonial'noi [On Russian Orientalism, the "Russian World" in Colonial Literature and Their Rethinking in Postcolonial Literature]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (161), pp. 291–306.
- Uspenskii, B. A. (1995). Poetika kompozitsii (struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy) [Poetics of Composition (Structure of Literary Text and Typology of Compositional Form)]. In Uspenskii, B. A. *Semiotika iskusstva*. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", pp. 7–218.
- Vámbéry, Á. (1873). *Istoriya Bokhary, ili Transoksanii s drevneishikh vremen do nastoyashchego. Po vostochnym obnarodovannym i neobnarodovannym rukopisnym istoricheskim istochnikam v 2 t.* [History of Bohara, or Transoxiana from Ancient Times to the Present. According to Eastern Published and Unpublished Handwritten Historical Sources] / transl. by A. T. Pavlovskii. St Petersburg. Ya. A. Isakov. Vol. 1. 273 p.
- Zenkin, S. (2018). *Teoriya literatury: problemy i rezul'taty* [Literary Theory: Problems and Results]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства*

Александр Думчиков

Ксения Пименова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

An Uncompleted Machine-Building Giant in the Urals: Mobilisation Policy and Construction Practice**

Aleksandr Dumchikov

Kseniya Pimenova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the Ural Plant of Chemical Engineering in Sverdlovsk as an example of unfinished industrial construction through the command economy formation, industry management structure, and city-planning activities development in the USSR during the first five-year plans. The authors refer to sources kept in the GARF, RGAE, GASO, TsDOOSO, and the Uralhimmashzavod History Museum and periodicals. They characterise the scale of unfinished industrial construction in the Urals during the first five-year plans, which predetermined the geography of the evacuation and the direction of future industrial and city-building development of the regional centres. The article describes the circumstances behind the emergence of the Ural Plant of Chemical Engineering in the first five-year plan programme and its construction process. The authors single out three periods of the plant's construction, which correspond to the waves of mobilisation of the project discourse: 1930–1933, 1934–1935, and 1938–1941.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation*: Dumchikov, A., Pimenova, K. (2023). An Uncompleted Machine-Building Giant in the Urals: Mobilisation Policy and Construction Practice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1445–1463. DOI 10.15826/qr.2023.4.857.

Цитирование: Dumchikov A., Pimenova K. An Uncompleted Machine-Building Giant in the Urals: Mobilisation Policy and Construction Practice // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1445–1463. DOI 10.15826/qr.2023.4.857 / Думчиков А., Пименова К. Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1445–1463. DOI 10.15826/qr.2023.4.857.

They explain the causes of failure by the late emergence of the Uralhimmashstroï project in the plan, which coincided with the economic crisis of the turn of the first five-year plans. These factors necessitated a situational prioritisation of construction projects and the concentration of resources on the most important ones to ensure the earliest possible launch. The design of the social city of the Ural Plant of Chemical Engineering is discussed in the context of the development of the master plan of Greater Sverdlovsk and the competition between the central (Leningrad branch of Standartgorproekt) and regional (Uralgiprogor Institute) design organisations. Despite the existence of preliminary designs for the social city and a general settlement scheme, the location and appearance of the residential area were determined by available financial resources and the existing transport infrastructure. Although the project was not realised, the Ural Plant of Chemical Engineering acquired a discursively real status, whose maintenance required real human, monetary, and managerial resources even when construction stopped. Noting the frequency of change of activity waves at the Ural Plant of Chemical Engineering in comparison with the unrealised infrastructure projects of the New and Modern times analysed in foreign literature, as well as public announcements of each new “revival” of construction and silence about its suspensions, the authors conclude that in the conditions of socialist industrialisation, unfinished construction had a high mobilisation value.

Keywords: history of industrialisation, Uralhimmash, economic planning, socialist city, urban planning, unrealised project

Уральский завод химической аппаратуры (г. Свердловск) рассмотрен как пример незавершенного строительства в контексте становления в СССР командно-административной экономики, оформления структуры управления промышленностью, деятельности по селитебному проектированию в период индустриализации. Исследование основано на материалах архивов (ГАРФ, РГАЭ, ЦДООСО), фондов Музея истории Уралхиммаш-завода, периодической печати. Авторами характеризуются количественный масштаб нереализованного промышленного строительства эпохи первых пятилеток на Урале, предопределившего географию эвакуации и, как следствие, промышленный и градостроительный вектор развития индустриальных центров региона. Описаны обстоятельства появления завода химаппаратуры в программе первого пятилетнего плана и ход его строительства. Выделены три периода, совпадающих с волнами мобилизации дискурса о проекте: 1930–1933, 1934–1935, 1938–1941 гг. Причины провала строительства завода объясняются поздним появлением стройки в плане, совпавшим с экономическим кризисом рубежа первых пятилеток. Этими факторами была вызвана необходимость ситуативного приоритизирования строек и сосредоточения ресурсов на важнейших из них для обеспечения скорейшего пуска. Проектирование соцгорода Уральского завода химаппаратуры рассматривается в контексте разработки генерального плана Большого Свердловска и конкуренции между центральными (Ленинградское отделение Стандартгорпроекта) и региональными (институт Уралгипрогор) проектными организациями. Несмотря на наличие

предварительных проектов соцгорода и общей схемы расселения, расположение и облик селитебной зоны определялись доступными финансовыми ресурсами и существующей транспортной инфраструктурой. Хотя проект не был реализован физически, Уралхиммашстрой приобрел дискурсивно реальный статус, поддержание которого требовало конкретных кадровых, денежных и управленческих ресурсов даже в моменты приостановок строительства. Отмечая частотность смены волн активности на Уралхиммашстрое в сравнении с анализируемыми в зарубежной литературе нереализованными инфраструктурными проектами Нового и Новейшего времени, а также публичные объявления о каждом новом «возрождении» строительства и умолчания о его приостановках, авторы приходят к заключению о том, что в условиях социалистической индустриализации незавершенное строительство имело высокое мобилизационное значение.

Ключевые слова: история индустриализации, Уралхиммаш, экономическое планирование, социалистический город, градостроительство, нереализованный проект

Индустриализация конца 1920-х – 1930-х гг. радикально изменила облик Советского государства, однако оценка эффективности ее мероприятий до настоящего момента является темой оживленных дискуссий [Трегори; Аллен]. Реализация в годы первых пятилеток крупных индустриальных комплексов зачастую не была обеспечена в кадрово-экономическом отношении. Ее результатом становилось то, что в зарубежных инфраструктурных исследованиях описывается в терминах *unfinished, uncompleted, unbuilt* («незавершенный», «неоконченный», «непостроенный») [Carse, Kneas]; отечественные исследователи наравне с ними используют термин «нереализованный» [Сысов; Цыкунов; Никитин]. В настоящей работе данные понятия используются как синонимы для обозначения проектов, воплощение которых оказалось прервано.

Нереализованные индустриальные проекты становятся научным фактом при их систематическом выявлении, выяснении обстоятельств их появления в экономических планах, изучении контекста их воплощения, включая исследование влияния на формирование селитебной ткани городов. Эти проблемы остаются практически вне внимания исследователей, за исключением немногочисленных исследований по истории проектирования и строительства в 1932–1943 гг. Бакальского металлургического комбината (г. Челябинск) [Гаврилов; Сысов]¹.

Проектирование индустриальных комплексов сопровождалось разработкой селитебной зоны для размещения рабочих будущего предприятия, находившейся, согласно устоявшемуся историографическому консенсусу, в подчиненном отношении к индустриальному комплексу

¹ Выявленные к настоящему моменту 53 нереализованных индустриальных проекта, запланированных в эпоху индустриализации в составе Урало-Кузбасского комбината, позволяют до некоторой степени представить масштаб возможной альтернативной индустриальной и городской географии региона.

[Конышева, Меерович]. В этом ключе неудачная или частичная реализация города требует рассмотрения в контексте истории (не)появления градообразующего предприятия. В работах же историков архитектуры и градостроительства нереализованные проекты рассматриваются в отрыве от контекста их создания и без каких-либо оговорок относительно их специфического статуса [Меерович, с. 53].

Задача работы – на примере конкретного индустриального комплекса проследить жизненный цикл нереализованного проекта, определить механизмы нереализации, связанные с ней практики дискурса и антиципации, а также уточнить влияние незавершенного проекта на развитие конкретного топоса.

Одной из точек в географии нереализованных проектов является не построенный в 1930-е гг. к югу от Свердловска завод по производству оборудования для химической промышленности. В корпоративных изданиях непосредственного преемника несостоявшегося завода – ПАО «Уралхиммаш» – повествование о строительстве предприятия в годы индустриализации сводится к описанию ключевых вех, отраженных в документах высших органов управления советской промышленностью [Сквозь призму времени; Открытое акционерное общество Уралхиммаш и др.], ограничиваясь упоминаниями о начале строительства и консервации стройки.

Настоящее исследование основано на материалах фонда партийной ячейки организации-подрядчика строительства завода в 1930-е гг. «Уралстройхиммаш» (ЦДООСО. Ф. 3009), фондов Министерства жилищно-коммунального хозяйства СССР (ГАРФ. Ф. А314), главного управления химического машиностроения Министерства машиностроения (РГАЭ. Ф. 8210); на материалах периодической печати, фондов Музея истории Уралхиммашзавода (в том числе рукописной «Истории Уральского завода химического машиностроения» (1989–1990), написанной ветераном труда И. Г. Носковым [Носков], который, не будучи профессиональным историком, уделил подробное внимание событиям строительства завода в 1930-е гг. и привлек к созданию работы множество архивных источников); на серии фотографий строительства 1934 г.

Первая волна строительства (1930–1933)

На рубеже 1920–1930-х гг. химическая промышленность СССР целиком зависела от импорта оборудования. Подготовленная в 1930 г. Военным химическим управлением (ВОХИМ) докладная записка в ВСНХ оценивала объемы текущего производства химаппаратуры в 58,7 млн руб., что составляло лишь 27 % от потребности советских заводов на 1931 г. Намечавшаяся же на 1932 г. потребность в продукции химического машиностроения оценивалась суммой в 350 млн руб., из которых лишь 116 млн руб. можно было обеспечить за счет ускорения реконструкции существующих наиболее мощных заводов. ВОХИМ рекомендовал форсировать строительство нового заво-

да на Урале, чтобы окончить его к третьему кварталу 1932 г. [РГАЭ. Ф. 9205. Оп. 1. Д. 47. Л. 40 об. – 42 об.].

Уральский завод химической аппаратуры появился в плане пятилетки 6 декабря 1930 г. согласно постановлению Совета труда и обороны СССР (№ 437). Строительство было поручено Всесоюзному объединению тяжелого машиностроения (ВОМТ) [ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 43. Л. 289]. В июле 1931 г. ВОМТ был разукрупнен с выделением из его состава Объединения химического машиностроения [О разукрупнении объединений Высшего совета народного хозяйства Союза ССР], переименованного позже во Всесоюзное объединение химической и сахарной промышленности (ВОСХИМ) и продолжившего строительство завода на Урале.

Место стройки было утверждено в августе 1931 г. южнее Свердловска близ поселка Нижне-Исетск [Виноградов, Магницкий], вдали от транспортных и иных хозяйственных коммуникаций. Это решение было обусловлено поздним появлением завода в плане, когда северная промышленная площадка города, имевшая высокую транспортную доступность, уже оказалась загружена возведением машиностроительного, экскаваторного, инструментального и электротехнического предприятий. Объем финансирования строительства завода с поселком оценивался суммой 200 млн руб. (из них промплощадки – 40 млн руб.). Расчетный же объем выпуска продукции составлял 119 тыс. т в год с возможностью дальнейшего увеличения до 200–240 тыс. т.

Проектирование и начало строительства завода химаппаратуры совпали с кризисом 1930–1931 гг., заставившим руководителей индустриализации пересмотреть амбициозные планы. В условиях роста производства промышленной продукции за первые два года пятилетки всего на 4 % был взят курс на сведение к минимуму числа новых строек [Фельдман, с. 159]. Тем не менее, проектируемый Уралхиммашстрой продолжали именовать «гигантом» [Новый гигант химического машиностроения]; он был отнесен к категории первоочередных строек, что определило порядок его снабжения наравне с Магнитогорским металлургическим комбинатом и Уралмашиностроем [ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 43. Л. 289].

В сентябре 1931 г. дирекцию УХМС возглавил 47-летний уроженец Самарской губернии Герасим Борисович Тарыгин [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 4977. Л. 8]. Участник Гражданской войны в Поволжье, продвинувшийся по профсоюзной линии, к началу 1930-х гг. уже имел опыт руководства крупными промышленными стройками, в 1930–1931 гг. возглавлял Челябинтракторстрой и Экскаваторстрой в г. Свердловске [Там же. Л. 1].

Подрядчиком строительства завода химаппаратуры был назначен Пятый строительный трест Союзстроя СССР, районом деятельности которого являлся Урал [Казусь, с. 271]. До планируемой передачи дел подрядчику дирекция организовала строительство хозяйствен-

ным способом вспомогательных предприятий (лесопилки, каменно-го и песчаного карьеров и др.), а также гаражей и временного жилья. Однако в январе 1932 г. ВСНХ был разукрупнен на отраслевые наркоматы, а Союзстрой упразднен. Все дела Пятого стройтреста были переданы вновь созданному Государственному всесоюзному объединению строительной индустрии Востока (Востокосоюзстрой) [На Урале организован «Восточный Союзстрой»]. Эта масштабная реорганизация затормозила темпы строительства, которое фактически развернулось лишь со второй половины 1931 г. [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 25. Л. 123]. А в течение первых трех месяцев 1932 г. уже ВОСХИМ принялся менять объемы финансирования стройки: с 20 млн руб. сумма была уменьшена до 6 млн руб., затем увеличена до 13,5 млн руб., вновь урезана до 5 млн руб. [Там же. Ф. 3009. Оп. 1. Д. 1. Л. 3] и т. д.

В марте 1932 г. в условиях нехватки ресурсов для продолжения финансирования строек Народный комиссариат тяжелой промышленности объявил ударными 42 объекта по всему Союзу, 11 из которых находились на Урале, однако Уралхиммашстрой в их число не вошел. Поэтому изменение расчетных фондов на стройматериалы, оплату и планы труда приобрело стихийный характер. Посетившая УХМС в августе 1932 г. комиссия констатировала, что начатое дирекцией бесплановое строительство оказалось малоэффективным и велось с внушительными перерасходами средств.

Данные обследования позволяют судить о численности рабочей силы на стройке. В августе 1932 г. на Уралхиммашстрое состояло 735 рабочих, при этом за семь месяцев прибыло 1260, а убыло 1297 чел. На предполагаемые масштабы обеспечения строительства кадрами указывает факт затоваривания предметами ширпотреба: на складах УХМС было обнаружено более тысячи пар фуражек с брюками. Посетившая УХМС в августе 1932 г. комиссия констатировала, что начатое дирекцией бесплановое строительство оказалось малоэффективным и велось с внушительными перерасходами, а собственно промышленное строительство еще не начиналось [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 25. Л. 124].

В конце августа 1932 г. в «Уральском рабочем» публикуется письмо специалиста Ермилова, проработавшего на Уралхиммашстрое 12 дней. В заметке живописуется хаос на стройплощадке и, что наиболее ценно, подводятся итоги строительства за почти годовой срок:

А что за это время выстроено? – Можно смело сказать – почти ничего! <...> Три соломенных барака, соломенная столовая, 3 каркасных щитовых 8-квартирных дома, из которых один находится еще в стадии строительства, одна конторка, сделанная из амбаров для прораба, и несколько дощатых навесов плюс железнодорожная ветка на 3 клм и лежневая дорожка для вывоза леса. <...> Беда нашей дирекции в том, что они начали строить все сразу и ничего не сумели построить [Ермилов].

Ситуация на стройке обострилась. Осенью 1932 г. директор Г. Б. Тарыгин, действуя в характерной для эпохи индустриализации логике борьбы за приоритетное снабжение путем выдвижения эффективных, но заведомо нереализуемых планов, изложил собственное видение проекта титульного списка строительства 1933 г. В сопровождающей документ пояснительной записке он утверждал: пуск завода может состояться в 1935 г. при условии увеличения вложений на предстоящий год до 41 млн руб. [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 31. Л. 36]. Между тем, к началу 1933 г. УХМС был не в силах рассчитаться со снабжающими организациями, а задолженность по зарплате равнялась сумме месячного финансирования строительства. Вместо того, чтобы удовлетворить просьбу Тарыгина, ВОСХИМ приостанавливает строительство, а с 8 апреля 1933 г. ставит его на консервацию [Там же. Ф. 3009. Оп. 1. Д. 1. Л. 48].

Вплоть до этого момента строительство велось в отсутствие проектов как промплощадки, так и города. На сроки исполнения работ проектными организациями влияла высокая загруженность заказами, вынуждавшая отдавать приоритет наиболее важным в ситуативном контексте проектам. Проектирование завода химаппаратуры осложнилось и проводившееся дирекцией стихийное строительство: когда в сентябре 1932 г. Гипромаш наконец разработал генплан промплощадки, тот не был принят, поскольку на предполагаемом месте расположения цехов уже были возведены бараки для рабочих [Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 25. Л. 123]. Почти готовый проект пришлось вновь переработать, когда на заключительном этапе проектирования в начале ноября 1933 г. промзадание было уменьшено более чем в два раза – до 53 тыс. т продукции в год при вложении 98 млн руб., из которых 50 млн руб. предназначались на строительство завода [Там же. Ф. 3009. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Программой второй пятилетки предполагалось более половины средств, отпущенных по линии НКТП, направить на завершение существующих строек [Хлевнюк, с. 136]. В третьем квартале 1933 г. на возобновление законсервированного УХМС было отпущено 1,3 млн руб., что повлекло за собой очередную волну постановки заведомо нереализуемых сроков. Бюро Свердловского городского комитета ВКП(б) постановило закончить строительство к 1 июля 1934 г.; Октябрьский районный комитет партии обязал завод дать 50 % мощности уже в первом квартале 1934 г. (!).

Хотя Востокосоюзстрой курировал стройку с конца 1932 г., он так и не создал на ней отдельной хозрасчетной единицы. Лишь в сентябре 1933 г. была создана строительная организация «Уралстройхиммаш». Обустройство подрядчика на площадке пришлось на четвертый квартал 1933 г. Тогда же строительство завода было изъято из ведения ВОСХИМ и передано тресту Главмашпром. На строительство 1934 г. было выделено 17,6 млн руб., а УХМС был объявлен ударной стройкой [Уралхиммаш – ударная стройка]. Завод и поселок к этому времени были спроектированы. Для продолжения строительства, казалось, складываются самые благоприятные условия.

Соцгород

Проектирование соцгорода УХМС было увязано с разработкой генплана «Большого Свердловска». Работа над последним началась еще в 1926 г., однако за недостатком средств была заморожена. Новая попытка была предпринята в 1929–1930 гг., но ее результаты быстро потеряли актуальность в связи с увеличением количества запланированных к строительству в городе предприятий. В 1931 г. работа над планом была возобновлена институтом Уралгипрогор [ГАРФ. Ф. А314. Оп. 1. Д. 7846. Л. 31]. При рассмотрении проекта в сентябре 1933 г. в Наркомате коммунального хозяйства РСФСР было отмечено, что план устарел, однако на этот раз – в связи с отказом от введения одной части предприятий и сокращением другой (включая Уралхиммашстрой) [Там же. Д. 7841. Л. 20]. План вновь потребовалось переработать.

На том же заседании обсуждалась планировка соцгорода завода химаппаратуры, разработка которой стала полем столкновения интересов сразу двух проектных организаций: Ленинградского отделения Стандартгорпроекта (арх. А. М. Сорокин, М. Г. Флейер) и Уралгипрогора, создававшего параллельно второй вариант.

По проекту ленинградцев территория соцгорода должна была простираться от промплощадки на север и северо-восток к станции Ржавец (район современной станции Компрессорный завод) [Там же. Л. 33] (рис. 1). Соединять жилой район с городом должны были дороги на Челябинский тракт (ориентировочно современная ул. Грибоедова), по восточному берегу Нижне-Исетского пруда и на Сибирский тракт. По всем дорогам должны были пройти трамвайные ветки [Там же. Д. 8003. Л. 10].

Поскольку Уралхиммашстрой заранее закупил типовые двухэтажные дома, предусматривалось их использование в застройке первой очереди жилья на 5 тыс. чел., чем создавалась пониженная по сравнению с городской плотность населения [Там же. Д. 7841. Л. 12]. На северо-западе должны были разместиться дома комбинированного типа в 4–5 этажей с частично обобществленным бытом [Там же. Д. 8003. Л. 22, 23].

На заседании НТС НККХ также отмечалось, что ленинградский проект не был рассмотрен Свердловским горсоветом и Уральским облисполкомом, а при невыясненности общей проблемы «Большого Свердловска» решения схемы соцгорода Уралхиммашстроя приобрели условный характер. Член совета профессор Некрасов заявил:

Авторов проекта я давно знаю, глубоко уважаю... В то же время я должен от души пожалеть их, ибо на их долю выпала роль пришить к пиджаку карман, причем ни фасон, ни материал пиджака неизвестен. Поэтому и карман вышел немного сомнительного достоинства [Там же. Л. 45].

1. А. М. Сорокин. Город на 50 000 населения при Уральском заводе химической аппаратуры в Свердловске [Ежегодник общества архитекторов и художников, с. 194]

Sorokin A. M. A city for 50,000 inhabitants at the Ural Chemical Machine-Building Plant in Sverdlovsk

Бригадир НТС Карпов отметил, что завод расположился на юге в связи с перенасыщением северной промплощадки на момент начала проектирования. И когда северная площадка разукрупнилась, был поставлен вопрос о возможности переноса завода в северную промзону [ГАРФ. Ф. А314. Оп. 1. Д. 8003. Л. 25]. Другие выступающие, напротив, подчеркивали: вблизи поселка завода химической аппаратуры должен будет пройти канал между Камой и Обью (нереализованный

Урало-Кузбасский водный путь), который спровоцирует появление большого количества новых предприятий, так что предполагаемая численность населения поселка в 27 тыс. чел. может оказаться сильно преуменьшена [ГАРФ. Ф. А314. Оп. 1. Д. 8003].

Уральские планировщики конкурировали с ленинградскими. На совещании при НТС НККХ 21 июня 1933 г. уже упомянутый бригадир Карпов жаловался на затруднительность рассмотрения схемы планировки поселка УХМС в связи с тем, что занимающийся разработкой генплана Свердловска Уралгипрогор не предоставляет необходимые материалы и разрабатывает параллельно второй вариант планировки поселка завода [Там же. Д. 7841. Л. 17].

Уральцы были единодушны с конкурентами в стремлении расположить соцгород к северу от промплощадки и ориентировать его на север – северо-запад. В мае 1933 г. проект был представлен в Управлении коммунального хозяйства при Уральском облисполкоме в сокращенном виде на две очереди – 15 и 27 тыс. чел. (рис. 2).

2. Проектируемые поселок и промплощадка завода химаппаратуры на плане размещения промышленности и жилья «Большого Свердловска» (институт Уралгипрогор) [План развития хозяйства Свердловска на второе пятилетие (1933–1937 гг.), ч. 1, б. с.]

Planned territory of the settlement and the industrial site of the Ural Plant of Chemical Engineering on the plan for the industrial and residential location of Greater Sverdlovsk (Uralgiprogor institute)

Ввиду сложностей, связанных с разработкой и утверждением генерального плана «Большого Свердловска», а также с последовавшей консервацией строительства оба проекта соцгорода оказались невоплощенными. Стихийное барачное строительство и возведение типовых каркасных домов развернулись не на запланированных для появления соцгорода территориях, а к западу от предполагаемой промплощадки. Не согласованный с проектами, однако экономически наиболее приемлемый вариант размещения жилой зоны задал вектор развития территории будущего микрорайона Химмаш в послевоенное время.

Разрывом между идеей проекта и реальностью его осуществления было обусловлено возникновение парадоксальных темпоральных конфигураций, проявившихся в первую очередь в сфере ожиданий, связанных с появлением при новом заводе соцгорода. Если перед участниками совещаний в наркомате представляла картина «не особо хорошего качества, но в довольно большом размере временных селений для строительных рабочих» [ГАРФ. Ф. А314. Оп. 1. Д. 8003. Л. 12], то свердловский журнал «Опыт стройки» в 1934 г. давал описание проекта как воплощенного в жизнь:

На живописном месте между Карасьим и Исетским озерами *располагается* социалистический город для рабочих и служащих Химмашзавода. Кино, клуб, бани, школы, детсады, больница, амбулатория, универмаги *будут* иметь рабочие (выделено нами – А. Д., К. П.) [Уралхиммашстрой].

На плане Свердловска 1934 г. наряду с застроенными кварталами промышленных городков изображается проектируемая застройка соцгорода Завода химаппаратуры [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 430. Л. 54]. Размещением на карте запроектированные кварталы получают статус подлинных географических объектов, чем диктуется восприятие проекта как уже воплощенного; соцгород создается не посредством физической деятельности, но посредством специфических визуальных и речевых практик.

Вторая волна строительства (1934–1935)

В январе – июле 1934 г. создается серия фотографий, фиксирующих состояние работ на основных стройучастках УХМС. Постановочный характер снимков и качество их исполнения выдают намерение использовать кадры при создании фотолетописи будущего завода. В ее содержании, согласно сложившемуся сюжетному канону, снимки бы следовали за кадрами пустоши на месте будущего строительства, а продолжали бы мотив поднявшиеся силуэты цехов. Фотосерия 1934 г. символически обнуляла провал, которым обернулся проект на предыдущем этапе реализации, и представляла новую, желаемую версию прошлого стройки. Появление фо-

тоснимков как свидетельство размышлений о будущем неизбежно реализованном состоянии проекта демонстрирует высокий уровень уверенности акторов в успешном его окончании (рис. 3).

3. Установка Бремсберга № 2. Фото. Б. д. [Музей истории Уралхиммашзавода]
Brake incline No. 2. Photograph. Undated

Осенью 1934 г. постановлением Областного комитета ВКП(б) на Уралхиммашстрой было возложено строительство нового объекта – «первой в союзе и величайшей в Европе» [Зуев-Ордынец, с. 59] причальной мачты для дирижабля с аэровокзалом со сроком сдачи в январе 1935 г. [Причальная мачта]. Символический статус Дирижаблестроя, делавшего Свердловск частью всесоюзного транспортного мегапроекта, задавал новые приоритеты стройки; новый проект фактически паразитировал на строительстве завода.

С конца октября 1934 г. на Уралхиммашстрое начинает издаваться газета «За химическую аппаратуру». Первый ее выпуск агитировал окончить строительство завода к VII съезду Советов (январь – февраль 1935 г.) [Да здравствует седьмой съезд!]. Последующие же десять выпусков отражают бедствия стройки: это отсутствие дисциплины, пьянство, кражи, нехватка рабочей силы, техническая безграмотность, убыточность строительства, бытовая неустроенность рабочих и т. д.

В январе 1935 г. Востокосоюзстрой, осознавший бесперспективность проекта, перестал заниматься строительством не только завода, но и причальной мачты, готовность которой составляла 70 % [ЦДООСО. Ф. 3009. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.]. Началась переброска рабочих, стройматериалов и оборудования на другие стройки в системе треста [Там же. Д. 1. Л. 81]. В заключении экспертизы НТС НККХ РСФСР по оценке про-

мысленной гипотезы развития Свердловска (1935) говорится, что, поскольку Завод химаппаратуры будет давать «крупные изделия средней точности», правильнее будет разместить его в других городах области, по возможности недалеко от металлургической базы – в Алапаевске или Невьянске [ГАРФ. Ф. А314. Оп. 1. Д. 7846. Л. 51]. Разворот в позиционировании проекта оказался заметен и самим строителям: «В решениях 17-го партсъезда записано о нашей стройке, – говорит работница Селянина, – а в докладе 3-го райсовета выпала наша стройка из поля зрения совсем» [Учесь и исправь ошибку]. Договор с Востокосоюзстроем был расторгнут, строительство вновь было переведено на хозспособ [ЦДООСО. Ф. 3009. Оп. 1. Д. 1. Л. 81], а 26 мая 1935 г. официально поставлено на вторую по счету консервацию [Там же. Д. 2. Л. 1].

Показательно, что Г. Б. Тарыгин не только не подвергся взысканию за провал строительства завода, но был переброшен на Средуралмедьстрой в качестве заместителя начальника строительства, через несколько месяцев – на строительство Комбината «К» (Пермского порохового завода) в той же должности [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 4977. Л. 12, 14], а в послевоенные годы получил статус персонального пенсионера республиканского и союзного значения [ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 5186; Ф. А10249. Оп. 4. Д. 2289].

Третья волна строительства (1938–1941)

В период консервации 1935–1938 гг. немногочисленные постройки пришли в негодность. Как сообщала объяснительная записка к годовому отчету Уралхиммашстроя за 1937 г., «незаконченное строительство большей частью состоит из котлованов, фундаментов, стен жилых домов и комбината цехов, которые от времени разрушаются» [РГАЭ. Ф. 8210. Оп. 1. Д. 175а. Л. 19]. При этом отмечалось, что наиболее близки к окончанию железнодорожная ветка, гараж, водопровод и электромагистраль.

Однако в начале 1938 г. в преддверии старта третьей пятилетки по инициативе Главного управления химического машиностроения Наркоммаша СССР (Главхиммаша) были предприняты меры по частичной реконсервации стройплощадки. Уже в апреле Уралгипромаш представил в главк два варианта переоборудования стройки. Главк счел производство холодильного оборудования нецелесообразным и остановил выбор на изготовлении менее сложного оборудования – насосов «Иматра», с целью производства которых УХМС был расконсервирован приказом Наркоммаша № 345 от 10 мая 1938 г. Однако экономический совет при Совете народных комиссаров СССР отклонил проект и предложил Наркоммашу представить соображения об использовании площадки УХМС для строительства предприятий, намеченных в третьей пятилетке. Наркоммаш предложил экономическому совету строительство Завода тяжелого химического машиностроения, продукцией которого должны были стать турбокомпрессорное оборудование для химической промышленности и трубопроводы высокого

давления [РГАЭ. Ф. 8210. Оп. 1. Д. 225. Л. 42]. В первой половине 1939 г. Уралхиммашстрой вернулся к жизни – теперь предприятие, возводившееся на юге Свердловска, получило имя Уральского завода тяжелого химического машиностроения (Уралтяжхиммаш).

Главный инженер проекта Д. М. Сонкин на страницах газеты «Уральский рабочий» описывал будущее предприятие:

Гигант третьей пятилетки... строится в 14 километрах от Свердловска на бывшей площадке Уралхиммашстроя. В промышленное строительство вкладывается 43 миллиона рублей. Завод оборудуется новейшими отечественными машинами, станками и агрегатами [Уральский завод тяжелого химического машиностроения].

Как свидетельствуют материалы периодической печати, в поселке первой очереди планировалось выстроить 40 тыс. м² жилой площади, обеспеченной центральным отоплением и другими удобствами [Уральский завод химического машиностроения]. Но возрождение строительства шло низкими темпами: проектное задание было утверждено лишь в конце 1939 г., Уралгипротяжмаш закончил разработку проекта в августе 1940 г. [Шаги Химмаша, с. 48], однако реальных работ, судя по состоянию площадки на 1941 г. [Курганов, с. 25; Доллежалъ, с. 97], на бывшем Уралхиммашстрое не проводилось.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война, а в июле на площадку бывшего Уралхиммашстроя из Киева был эвакуирован машиностроительный завод «Большевик». В 1942 г. новый завод, получивший имя Уральского завода химического машиностроения, дал первую продукцию.

* * *

По подсчетам комиссий, обследовавших строительство, в 1930–1941 гг. на строительство завода на Нижнеисетской площадке было затрачено более 14 млн руб. [Носков, л. 75]. При этом поглощавший ресурсы завод так и не дал ни одной единицы профильной продукции.

Причинами провала стройки следует считать комплекс факторов: она была запланирована поздно на волне строительной эйфории, которая уже в 1931 г. обернулась кризисом и сокращением заведомо нереализуемой программы индустриализации. Из-за позднего планирования Уралхиммашстрой был размещен вдали от транспортных магистралей, что создавало трудности в снабжении.

История Уралхиммашстроя позволяет зафиксировать негативные стороны стихийно оформившейся структуры управления советской промышленностью, подверженной постоянным изменениям ведомственной подчиненности отдельных агентов форсированной индустриализации в СССР. Отсутствие в первой половине 1930-х гг. четкого видения образа соцгорода и механизма организации работ

в сфере градопланирования заставляло руководителей индустриальных строек ориентироваться при размещении поселка не на проекты, а на фактически выделенные средства и уже существовавшие системы транспортных коммуникаций.

Однако не менее интересен не управленческий, а социокультурный аспект бытования нереализованной стройки. Старт возведения Уральского завода химической аппаратуры и последующие его «возрождения» громко афишировались в публичной сфере, тогда как решения об остановке никогда не оглашались. Поэтому в массовом восприятии оно только раз за разом начиналось, неизбежно провоцируя ожидания, связанные со скорым возведением завода и строительством соцгорода – расплывчатого образа высоких жизненных стандартов, принципиальная достижимость которого подтверждалась наличием в пространстве дискурса. Вместо того, чтобы закрыть историю Уралхиммашстроя, советское руководство маскировало гибель стройки ее консервацией, что оставляло проекту шансы на воплощение в жизнь, пусть и дорогой ценой.

Сравнение волн строительства Уралхиммашстроя с циклами активности проектов, подпадающих под категорию *shelf- или zombie-projects*, приводимых в обзорной работе Э. Карс и Д. Ниса, показывает, что смена фаз в них превосходила десятилетние промежутки [Carse, Kneas, p. 22]. Смена же фаз Уралхиммашстроя оказалась в рамках ограниченного временного периода чрезвычайно интенсивной, что свидетельствует об особом мобилизационном значении возобновления нереализованных проектов при социализме.

Сюжеты строительства при Уралхиммашстрое дирижаблепорта, учета при обсуждении проекта соцгорода УХМС вероятного прохождения через Нижне-Исетский пруд Урало-Кузбасского водного пути демонстрируют, как незавершенные проекты, невзирая на свой странный статус, оказывают реальное влияние на конфигурацию реализованной и запроектированной инфраструктуры. Именно «призрачность» стройки привела к тому, что на промплощадку, непригодную для производства, было решено перебросить эвакуированный из Киева машиностроительный завод «Большевик». Директор «Большевика» В. П. Курганов вспоминал, что еще в конце июля 1941 г., когда первый эшелон с оборудованием достиг Свердловска, главный инженер телеграфировал: на площадке Уралтяжхиммаша «почти ничего нет». Курганов все же интерпретировал это сообщение как «оставляющее надежду» и лишь по прибытии в Свердловск обнаружил реальное положение дел:

Завода или хотя бы небольших производственных корпусов, пусть даже не законченных строительством, не имелось. Не было электроэнергии, тепла, воды, канализации, без чего немыслима никакая производственная деятельность... Вот и все, что в официальных документах так внушительно звучало – Уралхиммаш [Курганов, с. 25].

Несмотря на то, что Уралхиммашзавод и его поселок в послевоенные годы развивались по новым лекалам, имевшим мало общего с планами 1930-х, неудавшаяся попытка строительства завода и соцгорода в годы первых пятилеток предопределила географию эвакуации и, как следствие, промышленный и градостроительный вектор развития Свердловска.

Библиографические ссылки

Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. М. : РОССПЭН, 2013. 390 с.

Виноградов В. И., Магницкий А. В. Уральский завод химического машиностроения. М. ; Свердловск : Машгиз, 1957. 97 с.

Гаврилов Д. В. Несостоявшийся гигант уральской оборонной промышленности (Бакалстрой, 1932–1942 гг.) // Урал в 1941–1945: экономика и культура военного времени : материалы регион. науч. семинара, Челябинск, 10 апр. 2005 г. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. С. 38–51.

ГАРФ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 43; Ф. А10249. Оп. 4. Д. 2289; Ф. А314. Оп. 1. Д. 7841, 7846, 7848, 8003; Ф. А539. Оп. 5. Д. 5186.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. М. : РОССПЭН, 2006. 400 с.

Да здравствует седьмой съезд! // За химическую аппаратуру. 1934. 29 окт. № 1. С. 1.

Доллежалъ Н. А. У истоков рукотворного мира : Записки конструктора. М. : Знание, 2010. 254 с.

Ежегодник общества архитекторов и художников : альбом. 1935. Вып. 14. 272 с.

Ермилов П. На Химмашстрое специалисты и рабочие бродят в поисках работы // Урал. рабочий. 1932. 28 авг. № 194 (5139). С. 3.

Зув-Ордынец М. К причалу! // Урал. следопыт. 1935. № 9. С. 59–62.

Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М. : Прогресс – Традиция, 2009. 462 с.

Коньшова Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток : (на примере Магнитогорска). М. : НИИТИАГ РААСН, 2011. 221 с.

Курганов В. П. Так родился Уралхиммаш. Свердловск : Ср.-Урал. книж. изд-во, 1973. 140 с.

Меерович М. Г. Соцгород – базовое понятие советской градостроительной теории первых пятилеток // Вестн. Томск. гос. арх.-строит. ун-та. 2009. № 4. С. 51–56.

На Урале организован «Восточный Союзстрой» // Урал. рабочий. 1932. 7 янв. № 6 (4852). С. 4.

Никитин Д. И. Урало-Печорск: нереализованный проект создания новой угольно-металлургической базы СССР в 1950-х гг // Январские исторические чтения, посв. памяти Ю. П. Шагдурова : материалы междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 19 января 2017 г. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2017. С. 40–43.

Новый гигант химического машиностроения // Урал. рабочий. 1931. 27 авг. № 236 (4737). С. 3.

Носков И. Г. История развития Уральского завода химического машиностроения : [рукопись] // Музей истории Уралхиммашзавода (ПАО «Уралхиммаш»). 1989–1990. 76 л.

Открытое акционерное общество Уралхиммаш / сост. Г. Н. Парешнева. Екатеринбург : [Б. и.], 2002. 130 с.

О разукрупнении объединений Высшего совета народного хозяйства Союза ССР : постановление СНК СССР от 16.07.1931 № 574 // Консультант Плюс : [интернет-портал]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28679#CN41b2TQBBPrBmIn> (дата обращения: 10.04.2022).

План развития хозяйства Свердловска на второе пятилетие (1933–1937 гг.) : в 4 ч. Свердловск : [Б. и.], 1932. Ч. 1. XIX, 237 с.

Причальная мачта должна быть готова к 1 января // За химическую аппаратуру. 1934. 9 дек. № 6. С. 1.

РГАЭ. Ф. 8210. Оп. 1. Д. 175а, 225; Ф. 9205. Оп. 1. Д. 47.

Сквозь призму времени : ист. очерк. Екатеринбург : Креативная команда «Кипяток», 2011. 256 с.

Сысов А. И. Горнозаводская зона Челябинской области: нереализованные проекты 1930-х годов // Гороховские чтения : материалы десятой регион. музейной конф., Челябинск, 1 ноября 2019 г. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск : Гос. ист. музей Юж. Урала, 2019. С. 87–92.

Уралхиммаш – ударная стройка // Урал. рабочий. 1934. 10 янв. № 9 (5543). С. 3.

Уралхиммашстрой // Опыт стройки. 1934. № 3. С. 22.

Уральский завод тяжелого химического машиностроения // Урал. рабочий. 1939. 10 июля. № 156 (7164). С. 4.

Уральский завод химического машиностроения // Урал. рабочий. 1939. 10 сент. № 208 (7216). С. 3.

Учесть и исправить ошибку отчетного собрания избирателей // За химическую аппаратуру. 1934. 3 дек. № 5. С. 1.

Фельдман М. А. Степень осмысления итогов первой пятилетки на региональном уровне: уральское измерение // Вопр. теоретической экономики. 2020. № 3. С. 157–167. DOI 10.24411/2587–7666–2020–10308.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 1996. 294 с.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 20. Д. 4977; Оп. 21. Д. 3129; Ф. 161. Оп. 1. Д. 25, 31, 124; Ф. 3009. Оп. 1. Д. 1, 2.

Цыкунов Г. А. Саянский ТПК: нереализованный проект // Иркутский историко-экономический ежегодник : сб. ст. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2022. С. 220–228. DOI 10.17150/978–5–7253–3085–4.21.

Шаги Химмаша: 1942–1992. Екатеринбург : [Б. и.], 1992. 248 с.

Carse A., Kneas D. Unbuilt and Unfinished: The Temporalities of Infrastructure // Environment and Society. 2019. Vol. 10, № 1. P. 9–28. DOI 10.3167/ares.2019.100102.

References

Allen, R. (2013). *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoi promyshlennoi revolyutsii* [Farm to Factory. A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution]. Moscow, ROSSPEN. 390 p.

Carse, A., Kneas, D. (2019). Unbuilt and Unfinished: The Temporalities of Infrastructure. In *Environment and Society*. Vol. 10. No. 1, pp. 9–28. DOI 10.3167/ares.2019.100102.

Da zdravstvuet sed'moi s'ezd! [Long Live the 7th Congress!]. (1934). In *Za khimicheskuyu apparaturu*. No. 1, p. 1.

Dollezhal', N. A. (2010). *U istokov rukotvornogo mira. Zapiski konstruktora* [At the Origin of the Man-Made World. Designer's Notes]. Moscow, Znanie. 254 p.

Ermilov, P. (1932). Na Khimmashstroe spetsialisty i rabochie brodyat v poiskakh raboty [At Khimmashstroi, Specialists and Workers Wander in Search of Work]. In *Ural'skii rabochii*. August 28. No. 194 (5139), p. 3.

Ezhegodnik obshchestva arkhitektorov i khudozhnikov. Al'bom [Yearbook of the Society of Architects and Artists. Album]. (1935). Iss. 14. 272 p.

Fel'dman, M. A. (2020). Stepen' osmysleniya itogov pervoi pyatiletki na regional'nom urovne: ural'skoe izmerenie [Degree of Comprehension of the Results of the First Five-Year Plan at the Regional Level: The Ural Dimension]. In *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. No. 3, pp. 157–167. DOI 10.24411/2587–7666–2020–10308.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 5674. List 1. Dos. 43; Stock A10249. List 4. Dos. 2289; Stock A314. List 1. Dos. 7841, 7846, 7848, 8003; Stock A539. List 5. Dos. 5186.

Gavrilov, D. V. (2005). Nesostoyavshiisya gigant ural'skoi oboronnoi promyshlennosti (Bakalstroj, 1932–1942 gg.) [The Failed Giant of the Ural Defense Industry (Bakalstroy,

1932–1942)]. In *Ural v 1941–1945: ekonomika i kul'tura voennogo vremeni. Materialy regional'nogo nauchnogo seminara, Chelyabinsk, 10 aprelya 2005 g.* Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 38–51.

Gregori, P. (2006). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 400 p.

Kazus', I. A. (2009). *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya* [Soviet Architecture of the 1920s: Organisation of Design]. Moscow, Progress-Traditsiya. 462 p.

Khlevnyuk, O. V. (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody* [Politburo. Mechanisms of Political Power in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 294 p.

Konysheva, E. V., Meerovich, M. G. (2011). *Ernst Mai i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok. (Na primere Magnitogorska)* [Ernst May and the Design of Socialist Cities in the Years of the First Five-Year Plans. (with Reference to Magnitogorsk)]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii institut teorii i istorii arkhitektury i gradostroitel'stva Rossiiskoi akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk. 221 p.

Kurganov, V. P. (1973). *Tak rozhdalsya Uralkhimmash* [This is How Uralkhimmash Was Born]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 140 p.

Meerovich, M. G. (2009). Sotsgorod – bazovoe ponyatie sovetskoi gradostroitel'noi teorii pervykh pyatiletok [Sotsgorod – the Basic Concept of the Soviet Urban Planning Theory of the First Five-Year Plans]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. No. 4, pp. 51–56.

Na Urale organizovan "Vostochnyi Soyuzstroi" ["Eastern Soyuzstroy" Organized in the Urals]. (1932). In *Ural'skii rabochii*. January 7. No. 6 (4852), p. 4.

Nikitin, D. I. (2017). Uralo-Pechorsk: nerealizovannyi proekt sozdaniya novoi ugol'no-metallurgicheskoi bazy SSSR v 1950-kh gg [Uralo-Pechorsk: An Unrealised Project to Create a New Coal and Metallurgical Base of the USSR in the 1950s]. In *Yanvarskie istoricheskie chteniya, posvyashchennye pamyati Yu. P. Shagdurova. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulan-Ude, 19 yanvarya 2017 goda*. Ulan-Ude, Buryatskii gosudarstvennyi universitet, pp. 40–43.

Noskov, I. G. (1989–1990). Istoriya razvitiya Ural'skogo zavoda khimicheskogo mashinostroeniya. Rukopis' [History of the Development of the Ural Chemical Engineering Plant. Manuscript]. In *Muzei istorii Uralkhimmashzavoda (Publichnoe aktsionernoe obshchestvo "Uralkhimmash")*. 76 p.

Novyi gigant khimicheskogo mashinostroeniya [A New Giant of Chemical Engineering]. (1931). In *Ural'skii rabochii*. August 27. No. 236 (4737), p. 3.

O razukrupnenii ob'edinenii Vysshego soveta narodnogo khozyaistva Soyuza SSR. Postanovlenie SNK SSSR ot 16.07.1931 No. 574 [On the Disaggregation of Associations of the Supreme Council of the National Economy of the USSR. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR as of 16.07.1931 No. 574]. (1931). In *Konsul'tant Plyus* [website]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28679#CN41b2TQBhPRbMIn> (accessed: 10.04.2022).

Paresheva, G. N. (2002). *Otkrytoe aktsionernoe obshchestvo Uralkhimmash* [Uralkhimmash, an Open Joint Stock Company]. Yekaterinburg, S. n. 130 p.

Plan razvitiya khozyaistva Sverdlovskaya na vtoroe pyatiletie (1933–1937 gg.) v 4 ch. [Sverdlovsk Economic Development Plan for the Second Five-Year Period (1933–1937)]. (1932). Sverdlovsk, S. n. Part I. XIX, 237 p.

Prichal'naya machta dolzhna byt' gotova k 1 yanvarya [The Mooring Mast Should Be Ready by January 1]. (1934). In *Za khimicheskuyu apparaturu*. December 9. No. 6, p. 1.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 8210. List 1. Dos. 175a, 225; Stock 9205. List 1. Dos. 47.

Shagi Khimmasha. 1942–1992 [Steps of Khimmash. 1942–1992]. (1992). Yekaterinburg, S. n. 248 p.

Skvoz' prizmu vremeni. Istoricheskii ocherk [Through the Prism of Time. A Historical Essay]. (2011). Yekaterinburg, Kreativnaya komanda "Kipyatok". 256 p.

Sysov, A. I. (2019). Gornozavodskaya zona Chelyabinskoi oblasti: nerealizovannyye proekty 1930-kh godov [Mining Zone of Chelyabinsk Region. Unrealized Projects of the

1930s]. In Lymarev, A. N. (Ed.). *Gorokhovskie chteniya. Materialy desyatoy regional'noi muzeinoi konferentsii, Chelyabinsk, 1 noyabrya 2019 g.* Chelyabinsk, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Yuzhnogo Urala, pp. 87–92.

TsDOOSO [Centre for Documentation of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 20. Dos. 4977; List 21. Dos. 3129; Stock 161. List 1. Dos. 25, 31, 124; Stock 3009. List 1. Dos. 1, 2.

Tsykunov, G. A. (2022). Sayanskii TPK: nerealizovannyi proekt [Sayan TPK: An Unrealised Project]. In *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Sbornik statei.* Irkutsk, Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 220–228. DOI 10.17150/978–5–7253–3085–4.21.

Uchest' i ispravit' oshibku otchetnogo sobraniya izbiratelei [Take into Account and Correct the Mistake of the Voter Registration Meeting]. (1934). In *Za khimicheskuyu apparaturu.* December 3. No. 5, p. 1.

Uralkhim mash – udarnaya stroika [Uralkhim mash – Shock Construction]. (1934). In *Ural'skii rabochii.* January 10. No. 9 (5543), p. 3.

Uralkhim mashstroi [Uralkhim mashstroi]. (1934). In *Opyt stroiki.* No. 3, p. 22.

Ural'skii zavod khimicheskogo mashinostroeniya [Ural Plant of Chemical Engineering]. (1939). In *Ural'skii rabochii.* September 10. No. 208 (7216), p. 3.

Ural'skii zavod tyazhelogo khimicheskogo mashinostroeniya [Ural Plant of Heavy Chemical Engineering]. (1939). In *Ural'skii rabochii.* No. 156 (7164), p. 4.

Vinogradov, V. I., Magnitskii, A. V. (1957). *Ural'skii zavod khimicheskogo mashinostroeniya* [Ural Plant of Chemical Engineering]. Moscow, Sverdlovsk, Mashgiz. 97 p.

Zuev-Ordynets, M. (1935) K prichalu! [To the Pier!]. In *Ural'skii sledopyt.* No. 9, pp. 59–62.

The article was submitted on 16.04.2023

**Киргизская диаспора в регионах России:
транснационализм и проблемы мигрантов***

Андрей Авдашкин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia:
Transnationalism and Migrants' Problems****

Andrey Avdashkin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the current formation of the Kyrgyz diaspora. Scholarly literature persists in attempting to interpret Kyrgyz communities outside their homeland as diaspora, which makes the issue relevant. Methodologically, the study draws on a transnational approach, which makes it possible to understand the relationships and connections between the place of residence and the local homeland, with reference to Kyrgyz nationals, and to compare the diaspora itself and transnational communities or, as T. Faist puts it, "two awkward partners in the dance". The author refers to data from the Kyrgyz Diaspora Mapping Project, carried out under the auspices of the International Organisation for Migration in 2021, as well as in-depth unstructured interviews collected during the author's fieldwork in Chelyabinsk (47 interviewees), Yekaterinburg (19 interviewees), and Krasnoyarsk (14 interviewees). On average, the interviews lasted for half an hour, and the gender ratio in the group of informants was 31 women and 49 men. The author considers the following parameters of belonging to the diaspora: diaspora and transnationalism, participation in the activities of Kyrgyz public organisations, settlement of Kyrgyz migrants, their orientation to their historical homeland, and specificity of identity. This review tells us more about the absence or incompleteness of the Kyrgyz diaspora in Russia. It is noted that, on the one

* Исследование подготовлено в рамках программы Уральского федерального университета «Приоритет-2030».

** Citation: Avdashkin, A. (2023). The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858.

Цитирование: Avdashkin A. The Kyrgyz Diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and Migrants' Problems // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858 / Авдашкин А. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1464–1476. DOI 10.15826/qr.2023.4.858.

hand, Kyrgyz migrants are disconnected and distrust the activities of diaspora organisations, and, on the other hand, they form dynamic transnational spaces linking the areas of origin and residence, in this case, the Urals and Siberian regional capitals (Chelyabinsk, Yekaterinburg and Krasnoyarsk).

Keywords: diaspora, transnationalism, migration, Kyrgyz migrants

Статья посвящена проблеме формирования киргизской диаспоры в России на современном этапе. В научной литературе продолжают попытки интерпретировать киргизские сообщества за пределами родины именно в качестве диаспор, что актуализирует дискуссии на эту тему. Методологию составляет транснациональный подход, позволяющий понять отношения и связи между местом проживания и локальной родиной, на примере выходцев из Киргизии сопоставить собственно диаспору и транснациональные сообщества, или, как выразился Т. Файст, «двух неловких партнеров в танце». Основу источниковой базы составили данные проекта картирования киргизских диаспор, выполненные под эгидой Международной организации миграции в 2021 г., а также материалы глубинных неструктурированных интервью, собранных в ходе полевых исследований автора в Челябинске (47 чел.), Екатеринбурге (19 чел.) и Красноярске (14 чел.). Средняя продолжительность интервью составляла полчаса, гендерное соотношение в группе информантов – 31 женщина и 49 мужчин. Рассмотрены следующие важные параметры диаспоральности: диаспора и транснационализм, участие в деятельности киргизских общественных организаций, расселение киргизских мигрантов, их ориентация на историческую родину и специфика идентичности. Проведенный обзор говорит скорее об отсутствии или незавершенности формирования киргизской диаспоры в России. Отмечено, что, с одной стороны, киргизские мигранты разобщены, испытывают недоверие к деятельности диаспоральных организаций, а, с другой – формируют динамичные транснациональные пространства, связывающие районы исхода и проживания, в данном случае уральские и сибирские региональные столицы (Челябинск, Екатеринбург и Красноярск).

Ключевые слова: диаспора, транснационализм, миграция, киргизские мигранты

В России проживает одно из крупнейших сообществ киргизских мигрантов, нередко маркируемое в медиа и научных трудах в качестве диаспоры. Исследования среднеазиатских диаспор, в особенности киргизских, немногочисленны [например, см.: Турдалиева, Марат] и требуют постановки новых исследовательских вопросов, расширения территориальных рамок и включения новых источников в научный оборот.

Киргизская Республика предпринимает энергичные усилия для создания и консолидации киргизских диаспор. Во многих российских

регионах действуют киргизские общественные объединения, активную деятельность ведет Ассоциация «Замандаш», с марта 2023 г. для поддержки выходцев из Киргизии и содействия в их возвращении на родину вводится «Мекен-карта»¹. Однако в ряде исследований, посвященных идентичности киргизских мигрантов, отмечались их разобщенность, критическое отношение к деятельности диаспоральных организаций, отсутствие интереса к событиям на родине [см.: Насритдинов, Рахимов; Ruget, Usmanalieva, 2019].

Рост численности мигрантов из Киргизской Республики в России, Казахстане, Турции и др. странах способствовал возникновению экономических и социальных сетей, механизмов взаимной поддержки и кооперации, то есть форм организации, которую часто именуют диаспорой. Степень сплоченности таких сообществ существенно различается, будучи зависима от выраженности региональных противоречий (как минимум между северянами и южанами), преобладающих видов занятости мигрантов, социальных статусов, исторической специфики города или места проживания в принимающей стране [Nasritdinov].

В Москве и Московской обл., где концентрируется до половины мигрантов, прибывших из Киргизии в Россию², сложилась развитая сеть неформальных горизонтальных связей. С целью организации повседневной жизни и досуга, удовлетворения различных потребностей мигрантами создавалась специфическая инфраструктура, включающая сеть образовательных и медицинских учреждений, действуют устойчивые социальные сети взаимоподдержки и мигрантские объединения [см. об этом: Пешкова; Kashnitsky, Demintseva; Demintseva]. Однако неясна степень организованности киргизских диаспоральных сообществ, нет понимания, насколько они способны влиять на ситуации среди мигрантов, решать их повседневные проблемы и оказывать им помощь. Для получения более полной картины киргизской миграции ощутимо недостает региональных кейсов.

Наше внимание сосредоточено на региональных центрах притяжения киргизской миграции (Челябинск, Екатеринбург и Красноярск), на материалах которых исследований практически не предпринималось. Продуктивной может стать постановка следующих проблем: каковы современные атрибуты диаспор, в какой степени случай киргизских мигрантов может соответствовать им, как сами мигранты из Киргизии воспринимают свою включенность в диаспору? Автора

¹ Данный документ могут получить лица, состоявшие ранее в гражданстве Киргизской Республики, их дети и внуки. «Мекен-карта» предоставляет обладателю особые права, касающиеся порядка пребывания в Киргизии, пересечения государственной границы, получения образования, лечения и трудоустройства.

² По данным государственной службы миграции при Правительстве Киргизии, в августе 2018 г. киргизские мигранты распределялись по территории России следующим образом: Центральный федеральный округ (47 % – в Москве и Московской обл.), Приволжский (Оренбургская и Саратовская обл.) и Уральский – по 14 %, Северо-Западный – 7 % (Санкт-Петербург), Сибирский – 12 % (Красноярск), в Дальневосточный – 3 %, Южный – менее 1 %.

интересовали не институциональный дизайн киргизских организаций, направления их деятельности или особенности коммуникаций между собой и органами власти. Исследование фокусировалось на диаспоральной идентичности информантов, их взгляде на киргизскую миграцию и транснациональные практики, ею сформированные, на отношении к исторической родине и образу жизни в отрыве от нее.

Применение транснационализма [Капустина, Борисова] и социального конструктивизма в качестве теоретической оптики [подробнее см.: Grossman] позволяет рассмотреть различные параметры киргизской диаспоры. Уезжая в Россию или Киргизию и (или) возвращаясь домой, граждане страны сохраняют тесные связи с двумя этими локальностями, создается эффект присутствия даже на расстоянии. Так порождается раздвоенное пребывание между «здесь» и «там», «своими» и «чужими», «традицией» и «модерном», «мегаполисом» и «селом». Приспосабливаясь к дальним расстояниям и средствам коммуникации, движению «туда» и «обратно», изменению ролей и статусов, практики и идентичности разных групп киргизских мигрантов приобретали транснациональный характер. За исходную дефиницию диаспоры взята предложенная Дж. Гроссманом: это транснациональное сообщество, члены которого (или их предки) эмигрировали или рассеялись с территории своей исконной родины, но сохраняют ориентацию на нее и групповую идентичность³ [Grossman].

Источниковую базу составили данные проекта картирования киргизских диаспор Международной организации миграции [Jeenbaeva et al.], в частности результаты социологического опроса⁴, которые сопоставлялись с материалами полевых исследований. В 2020–2023 гг. была проведена серия глубинных неструктурированных интервью с киргизскими мигрантами в Челябинске (47 чел.), Екатеринбурге (19 чел.) и Красноярске (14 чел.). Средняя их продолжительность составляла до 30 мин, гендерное соотношение – 31 женщина и 49 мужчин. Возрастные группы: 21–35 лет (49 чел.), 35–55 лет (27 чел.), 55–75 лет (4 чел.). Профессиональный состав: 29 предпринимателей и торговцев, 16 таксистов, 32 работника сферы услуг (парикмахеры, курьеры, мастера ногтевого сервиса, работники заведений общественного питания и др.), три врача.

Соотношение диаспоры и транснационализма

Соотношение диаспоры и транснационализма стало предметом оживленных дискуссий, итогом которых стали концептуальные разграничения данных понятий Т. Файстом. Диаспора представляет со-

³ Здесь и далее изложение и перевод цитат англоязычных исследований автора статьи.

⁴ Коллектив проекта собрал 1439 анкет в режиме онлайн в социальных сетях, с помощью рассылки электронной почтой и по ссылке на веб-страницу *Survey Monkey* с 28 января по 3 марта 2021 г. Более подробно о выборке и дизайне исследования см.: [Jeenbaeva et al.].

бой глобальную совокупность сообществ и служит для аналитической фокусировки на этноконфессиональной группе за пределами родины. В свою очередь, транснационализм иллюстрирует практики мигрантов и социальные поля, связующие два и более государства, в данном случае Россию и Киргизскую Республику [см.: Faist, p. 9].

Киргизские мигранты создают разветвленные сети отношений поверх государственных границ, проживая словно в двух мирах, «здесь» и «там», осуществляя множественное планирование своего будущего [Джанызакова; Liebert; Schröder]. Как показал опрос в рамках проекта картирования, свыше 66 % респондентов действительно строили такие планы [Jeenbaeva et al.]. Позиции, изложенные в интервью, подтвердили результаты проекта картирования, где именно сокращение коррупции постулировалось как фактор возвращения [также см.: Jeenbaeva et al., p. 34]. Один из информантов подчеркнул, что, «если бы не коррупция и борьба элит, ресурсы страны можно было бы лучше использовать для развития бедных регионов, откуда массово едут трудовые мигранты» (И12).

Корруптированность киргизских чиновников, по мнению интервьюируемых, порождает недоверие мигрантов к большинству инициатив правительства и общественных организаций по работе с диаспорой. Практически все интервьюируемые воспринимают шаги официального Бишкека по организации киргизских диаспоральных сообществ как освоение бюджетных средств и грантов в интересах узкой группы управленцев или этноактивистов. Более того, попытки лидеров национально-культурных сообществ предложить инициативы для развития связей диаспоры и Киргизии обычно остаются без ответов государственных органов.

В рамках сложившихся транснациональных сетей мигрантами вырабатывается практика краткосрочных возвращений на родину для поддержания личных и семейных связей, а также демонстрации личного благополучия «здесь» и «там», подтверждения успешности миграционного сценария.

Киргизские диаспоральные сообщества

Несмотря на то, что 88 % респондентов, участвовавших в проекте картирования, обращались за помощью к киргизским общественным организациям в стране проживания, частота участия в ее мероприятиях оказалась существенно ниже. Более половины членов выборки (56 %) не участвовали в мероприятиях, связанных с Киргизской Республикой и организованных диаспорой, а 25 % не менее чем один-два раза в год участвуют в них, 18 % респондентов являются активными и постоянными участниками мероприятий, организованных киргизской диаспорой за рубежом [Jeenbaeva et al., p. 93].

Признавая некоторое сходство этнических групп, прибывших в Россию на работу, необходимо понимать, что мигранты в зависимости от государств исхода и многих других факторов формируют

собственный набор приоритетов и сетей поддержки. Различны реакции на изменения обстоятельств в странах исхода и приема, способы освоения заработанных средств. В сравнении с другими этническими группами, прибывшими на заработки из Средней Азии, в структуре занятости киргизских мигрантов заметно выше доля тех, кто работает в сфере услуг [Мукомель, с. 67]. Это служит дополнительным стимулом фрагментации среды киргизских мигрантов, приводя к появлению небольших, часто полиэтничных трудовых коллективов или к индивидуализации. Наличие возможности самостоятельно решать многие повседневные проблемы снижает актуальность таких форм солидарности, как диаспоральные общества и т. д.

Описывая разобщенность киргизских мигрантов, руководители общественных организаций рассказывали о конкуренции между лидерами за влияние в разных группах (студенты, сезонные рабочие, торговцы и др.). Сплочение происходит ситуативно, в рамках региональных или земляческих сетей. Мощным триггером для самоорганизации, более активного взаимодействия в среде мигрантов, и с этим согласились наши информанты, стала пандемия Covid-19 [см.: подробнее: Jeenbaeva et al., p. 43]. Общий вызов, предполагавший совместные сборы пожертвований, гуманитарной помощи и просто взаимовыручку, способствовал преодолению многих противоречий и границ в среде киргизских мигрантов. Как будет использован этот опыт для дальнейшего развития диаспоральных организаций, участники нашего исследования затруднились сказать.

Расселение киргизов

В России проживает одна из крупнейших киргизских общин, представленная в основном выходцами из Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей [Jeenbaeva et al., p. 28]. Накопление мигрантами различных форм капитала в постсоветское время может объяснить концентрацию выходцев из Киргизии в определенных российских регионах. Этому способствовали опора на использование крепких семейных связей, светскость и гендерное равноправие в сравнении с другими группами среднеазиатских мигрантов, хорошее владение русским языком, а также готовность к работе в этнически смешанных коллективах. По мнению информантов, киргизы реже подвергаются ксенофобии со стороны принимающего общества, а вступление их страны в ЕАЭС позитивно сказалось на экономике страны и положении киргизов на российском рынке труда [Габдрахманова и др.; Gerber, Zavisca].

Показательно, что практически все участники нашего исследования до приезда в Россию проживали в Ошской области⁵. Иными словами, предположение о том, что на территории рассматриваемых регионов

⁵ Существенно реже встречались приезжие из Баткенской обл. и других регионов Киргизской Республики.

Урала и Сибири концентрируются в основном мигранты из южных районов Киргизии, в частности ошане, нашло определенное подтверждение. Создавая в ходе глубинных интервью карту расселения киргизских мигрантов, информанты продемонстрировали понимание, что в каждой стране проявляется своя специфика расселения: в России и Казахстане в основном представлены выходцы из Бишкека, Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей, в Германии и Катаре – из Нарынской области. Некоторые тезисы действительно нашли отражение в результатах проекта картирования [Jeenbaeva et al., p. 89].

Распространение неформальной занятости осложняет подсчет точного числа граждан Киргизии, работающих за границей. Многие приняли российское гражданство и не фиксируются как иностранцы. По оценкам миграционного ведомства Киргизской Республики, к 2018 г. свыше 570 тыс. граждан страны стали гражданами России [Исследование]. Все это дает экспертам основание полагать, что так или иначе вовлечено в трудовую миграцию более 1 млн выходцев из Киргизии [Jeenbaeva et al., p. 79]. По разным оценкам, на территории Российской Федерации к началу пандемии Covid-19 находилось свыше 700–728 тыс. киргизов [Посол назвала число киргизских мигрантов в России]. Кроме того, некоторое количество киргизских мигрантов было зарегистрировано в Казахстане (30–35 тыс.), Турции (30 тыс.), Германии (5–8 тыс.), Корее (6 тыс.) и ОАЭ (5 тыс.) [Pandemic vs Migration].

Регионы, задействованные в исследовании, занимают, по мнению информантов, разные ниши в направлениях киргизской миграции. Наибольшее число «своих», представленных на Урале, информанты отнесли к Екатеринбургу, где сформировался основной центр притяжения миграции в УрФО, действуют более широкие сети распространения китайских товаров и емкий рынок услуг. Как отметил информант Рустам, в Челябинске киргизов «почти нет, а те, что есть, редко общаются. К тому же многие приезжие из Киргизстана являются узбеками, а не киргизами» (И31). Челябинск воспринимают в большей степени как «таджикский» регион. В Красноярске приезжие из Киргизии более заметны и представляют разные волны миграции: от рыночных торговцев до жителей целых поселений, перебравшихся в Сибирь после того, как оползни и экологические катастрофы сделали невозможной жизнь на родине. Одним из районов, где концентрируются мигранты из Киргизии в Красноярске, является район Красноярской ТЭЦ.

Ориентация на историческую родину и идентичность

Киргизия проводит активную политику репатриации и устанавливает контакты с этническими киргизами, проживающими за рубежом. Однако распространение диаспоральной политики Киргизского государства на Китай, Узбекистан и Россию происходит крайне осторожно, поскольку может дестабилизировать непростую обстановку в ряде районов со смешанным этническим составом в Южной Киргизии. Переселение киргизских беженцев из Таджикистана в эти районы обо-

стрило конкуренцию за ресурсы, произошла стигматизация приезжих в качестве «чужих», «таджиков» [Феррандо, с. 85, 87]. Когда речь заходит о киргизах за пределами родины, полемика относительно того, «кто киргиз, а кто нет», становится более напряженной. Информанты, с которыми работал С. Парэм, отмечали высокомерное отношение к себе после переезда на родину, обвинения в том, что они «полукиргизы, засоряют киргизской язык, искажают традиции» и др. [см.: Parham].

Современная Киргизия переживает интенсивный прирост населения⁶, что обостряет внутривнутриполитическую борьбу за ограниченные ресурсы (землю, воду, рабочие места и т. д.). Однако высокая доля денежных переводов трудовых мигрантов в структуре ВВП (до 30 %) демонстрирует крайне высокую роль внешней трудовой миграции в поддержании уровня жизни большого количества домохозяйств. По данным проекта картирования, мигранты заинтересованы в том, чтобы участвовать в развитии Киргизии (до 80 % опрошенных [Jeenbaeva et al., p. 46]). Практически все участники полевых исследований подчеркнули готовность внести вклад в улучшение уровня жизни в родных селах и районах (поделиться опытом, участвовать в благотворительных проектах, осуществлять инвестиции и т. д.).

Однако правительство мало содействует укреплению киргизской диаспоры, не вовлекает ее ресурсы в развитие населенных пунктов и регионов отъезда мигрантов. Преодолеть разрозненность и перейти на новый качественный уровень, предполагающий ориентацию диаспоры на участие в развитии родины, пока у киргизов за пределами родины не получается. Во многом на это влияет и основной профиль деятельности большинства состоявшихся диаспоральных структур. Проведение преимущественно культурных мероприятий (прим. информанта – зачастую «для галочки») и консультативная деятельность не способствуют развитию механизмов поддержки и инвестирования в Киргизию. Как отмечал один из неформальных лидеров киргизских сообществ, нужна специально разработанная система для их сотрудничества между собой и потенциальными партнерами в Киргизии (государством, муниципалитетами, местными общинами, предпринимателями, молодежными, женскими объединениями и т. д. (И32)).

Э. Насритдинов и Р. Рахимов получили определенные данные об ориентации киргизских мигрантов на родину. В основном ее образы оказывались отрицательными (бесправие, коррупция, политическая и социальная нестабильность). К тому же транснациональная идентичность киргизских мигрантов в России противоречива. Будучи четко разделенными, прежде всего на региональные и земляческие группы, выходцы из Киргизии ощущают свою одновременную непринадлежность как к отправляющему, так и к принимающему сообществам [см.: Насритдинов, Рахимов].

⁶ В структуре населения страны жители от рождения до 14 лет составляют порядка 32 %.

Социальные практики мигрантов, в том числе приводящие к формированию диаспоральных организаций, воспроизводству и закреплению социальных границ между ними и принимающей стороной, нередко могут обуславливаться не мотивациями самих мигрантов, а реакцией принимающей стороны, взаимодействием с ней и ее институциональной средой (МВД, органами власти, рынком труда и услуг, наличием уже сложившихся диаспоральных объединений других групп, различными практиками повседневной дискриминации «других» и др.) [Варнавский, с. 491].

Региональная и родовая идентичность мигрантов, когда они находятся в Киргизии, а особенно за ее пределами, играет существенную роль в формировании и активизации миграционных сетей. Там, где у мигрантов есть родственники, земляки или *жердештер*⁷, возрастает концентрация мигрантов из конкретных районов Киргизии, предполагающая даже некоторое отчуждение других киргизов, не имеющих доступа к семейным или земляческим социальным сетям поддержки.

Нельзя забывать о напряженных дискуссиях в отправляющем обществе на тему этнокультурного самоопределения, важно помнить о заметной дифференциации между «настоящими киргизами» и «киргизами, забывшими свой язык и культуру». По-прежнему оживленную полемику в публичном пространстве вызывает вопрос о содержательном наполнении киргизской идентичности. Населению, чиновникам и интеллектуалам не вполне понятны ее очертания. Отсутствие определенности, зачастую болезненные реакции на приписывание тех или иных статусов – все это явно не способствует выработке согласованных представлений об идентичности киргизских мигрантов. Как подчеркнул один из информантов, «если неясно, кто такой киргиз, то еще более неясно, кто такой киргиз за границей, что такое наша диаспора, есть ли она и зачем она нужна» (И75).

Подавляющее большинство участников исследования ориентировано на локальные сообщества и связи, семью, свой район или поселение, но не на Киргизскую Республику в целом, поскольку родная страна ассоциируется у них с высоким уровнем коррупции, бедностью и неразвитостью социальной инфраструктуры. Несмотря на желание осуществлять посильный вклад в улучшение ситуации на родине, сдерживающими факторами в реализации этих замыслов выступают коррупция и недоверие государственным институтам, отсутствие наработанных связей с правительством. Степень остроты региональных и иных противоречий в среде киргизских мигрантов часто не позволяет им выработать механизмы самоорганизации. Среди положительных примеров названы только мероприятия по сбору

⁷ В переводе с киргизского языка слово означает «близкий соотечественник» и связанные с этим понятием характеристики.

гуманитарной помощи для киргизских студентов и трудовых мигрантов в период пандемии Covid-19.

До этого момента солидарность, а тем более готовность к политической активности в среде киргизских мигрантов оставались на крайне низком уровне [см.: Ruget, Usmanalieva, 2011], сводясь зачастую лишь к поиску посредников для передачи посылок на родину. Схожая картина получена в проекте картирования, где помощь от земляков или объединений мигрантов в стране постоянного проживания включала отправку и получение посылок (24,1 %), оформление документов (22,3 %) и трудоустройство (13,3 %). В то же время многие (22,3 %) вовсе не получали никакой помощи, опираясь на личные или семейные ресурсы [Jeenbaeva et al., p. 54]. Собранные в Челябинске, Екатеринбурге и Красноярске интервью подтвердили эти данные, поскольку все информанты обращались в киргизские организации или к землякам в основном для передачи посылок. Одна из информантов рассказала, что не очень хотела контактировать с земляками и самостоятельно решала многие проблемы, за исключением отправки подарков с сыном соседей (I17).

* * *

Рассмотренные случаи говорят об отсутствии или незавершенности становления киргизской диаспоры в рассмотренных регионах Урала и Сибири. С одной стороны, Киргизская Республика как управляющее государство заинтересована в миграции для поддержания экономики и уровня потребления, снижения социальной напряженности, а, с другой, она не заинтересована в самоорганизации киргизских мигрантов. Диаспоральная политика, с точки зрения наших информантов, чрезвычайно зависима от нестабильной ситуации в стране, поэтому отсутствуют возможности для ее долгосрочного планирования. Сложившись как инструмент для репатриации этнических киргизов, она не получила дальнейшего развития ввиду нехватки ресурсов, отсутствия горизонтов планирования и многих других факторов. Трудовые мигранты и без того неплохо выполняют свои функции, переводя на родину заработанные деньги и существенно снижая социальную напряженность за счет оттока трудоспособного населения на заработки. Приложение дополнительных усилий не влечет для большинства заинтересованных акторов очевидных приобретений, а, напротив, может вылиться в непредсказуемые издержки, рост ожиданий от социальной политики государства, запросы на улучшение ситуации на местах и т. д. Не стоит забывать, что активизация Киргизией практики диаспоростроительства может повлечь аналогичные процессы среди нетитульного населения страны и заметно осложнить состояние межэтнических отношений в полиэтничных регионах.

Список информантов

- И7 – информант 7, жен., 23 года, продавец, Красноярск.
И12 – информант 12, муж., 29 лет, таксист, Екатеринбург.
И31 – информант 31, муж., 34 года, предприниматель, Челябинск.
И32 – информант 32, жен., 49 лет, предприниматель, Челябинск.
И75 – информант 75, муж., 30 лет, предприниматель, Екатеринбург.

Библиографические ссылки

Варнавский П. К. Кто этнизирует мигрантов: принимающее общество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Киргизстана в Улан-Удэ // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 466–491.

Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А., Фрайер П. Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70. DOI 10.31857/S086954150010048–2.

Джанызакова С. Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Киргизстана в России (случай Томска) // Сиб. ист. исслед. 2019. № 3. С. 72–86. DOI 10.17223/2312461X/25/4.

Исследование : Каждый десятый житель Киргизии имеет гражданство РФ // Рос. газ. : [сайт]. 2018. 7 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/07/issledovanie-kazhdyj-desiatyj-zhitel-kirgizii-imeet-grazhdanstvo-rf.html> (дата обращения: 23.06.2023).

Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 14–29.

Мукомель В. И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда до пандемии // Социол. исслед. 2022. № 1. С. 63–75. DOI 10.31857/S013216250017014–8.

Насритдинов Э., Рахимов Р. Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С. Н. Абашина, О. Е. Бредниковой. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 202–232.

Пешкова В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2 (24). С. 129–151.

Посол назвала число киргизских мигрантов в России // Рос. газ. : [сайт]. 2021. 7 июня. URL: <https://ria.ru/20210607/migranty-1735950028.html> (дата обращения: 23.06.2023).

Турдалиева Ч. Д., Марат А. М. Диаспора памирских киргизов в Турции // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 131–146.

Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. С. 66–94.

Demintseva E. Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: 'Kyrgyz clubs' for Migrant Children in Moscow // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39, № 2. P. 220–235. DOI 10.1080/02634937.2019.1697643.

Faist T. Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / ed. by R. Bauböck, T. Faist. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010. P. 9–34.

Gerber T. P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 36, № 1. P. 61–82. DOI 10.1080/1060586X.2019.1680040.

Grossman J. Toward a Definition of Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42, № 8. P. 1263–1282. DOI 10.1080/01419870.2018.1550261.

Jeenbaeva J. I., Shaketayev M. et al. Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad. Bishkek : Intern. Organization for Migration (IOM), 2021. 127 p.

Kashnitsky D., Demintseva E. Kyrgyz Clinics in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2018. Vol. 37, № 5. P. 401–411. DOI 10.1080/01459740.2017.1417280.

Liebert S. Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States // *Intern. J. of Public Administration*. 2020. Vol. 43, № 2. P. 151–165. DOI 10.1080/01900692.2019.1672191.

Nasritdinov E. “Only by learning how to live together differently can we live together at all”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants’ Presence in Urban Russia // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35, № 2. P. 257–275. DOI 10.1080/02634937.2016.1153837.

Pandemic vs Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? // *Cabar-Asia* : [website]. 2021. 12 Febr. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (accessed: 23.06.2023).

Parham S. “Rightful” versus “Real” Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier // *Asian Ethnicity*. 2014. Vol. 15, № 3. P. 265–285. DOI 10.1080/14631369.2013.832995.

Ruget V., Usmanalieva B. Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*. 2011. Vol. 58, № 6. P. 48–60. DOI 10.2753/PPC1075–8216580604.

Ruget V., Usmanalieva B. Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38, № 2. P. 165–180. DOI 10.1080/02634937.2019.1594170.

Schröder P. Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39, № 1. P. 116–134. DOI 10.1080/02634937.2019.1711023.

References

Demintseva, E. (2020). Educational Infrastructure Created in Conditions of Social Exclusion: ‘Kyrgyz Clubs’ for Migrant Children in Moscow. In *Central Asian Survey*. Vol. 39, No. 2, pp. 220–235. DOI 10.1080/02634937.2019.1697643.

Dzhanyzakova, S. D. (2019). “Zdes’ i tam” v migrantskikh istoriyakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomska) [“Here and There” in the Migrant Stories of People from Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 72–86. DOI 10.17223/2312461X/25/4.

Faist, T. (2010). Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? In Bauböck, R., Faist, T. (Eds.). *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, pp. 9–34.

Ferrando, O. (2012). Strany Tsentral’noi Azii i ikh “rodstvennye men’shinstva” v regione: ot diasporal’noi politiki k programmam repatriatsii [Central Asian Countries and Their “Related Minorities” in the Region: From Diaspora Policy to Repatriation Programs]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 66–94.

Gabdrakhmanova, G. F., Sagdieva, E. A., Fraier, P. (2020). Opyt izucheniya kyrgyzskoi migratsii v postsovetsoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [The Experience of Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 54–70. DOI 10.31857/S086954150010048–2.

Gerber, T. P., Zavisca, J. (2019). Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: Ethnic Hierarchies, Geopolitical Remittances, and the Relevance of Migration Theory. In *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36, No. 1, pp. 61–82. DOI 10.1080/1060586X.2019.1680040.

Grossman, J. (2019). Toward a Definition of Diaspora. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 42, No. 8, pp. 1263–1282. DOI 10.1080/01419870.2018.1550261.

Issledovanie. Kazhdyi desyatiy zhitel’ Kirgizii imeet grazhdanstvo RF [Research: Every Tenth Resident of Kyrgyzstan Has a Citizenship of the Russian Federation]. (2018). In *Rossiiskaya gazeta* [website]. May 7. URL: <https://rg.ru/2018/05/07/issledovanie-kazhdyj-desiatiy-zhitel-kirgizii-imeet-grazhdanstvo-rf.html> (accessed: 23.06.2023).

- Jeenbaeva, J. I., Shaketayev, M., et al. (2021). *Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad*. Bishkek, Intern. Organization for Migration (IOM). 127 p.
- Kapustina, E., Borisova, E. (2021). Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A Review of the Theoretical Discussion about the Concept of Transnationalism]. In Abashin, S. N., Brednikova, O. E. (Eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 14–29.
- Kashnitsky, D., Demintseva, E. (2018). Kyrgyz Clinics in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. In *Medical Anthropology: Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. Vol. 37. No. 5, pp. 401–411. DOI 10.1080/01459740.2017.1417280.
- Liebert, S. (2020). Deconstructing Immigrant Integration: The Case of Kyrgyz Labor Migrants in the United States. In *Intern. J. of Public Administration*. Vol. 43. No. 2, pp. 151–165. DOI 10.1080/01900692.2019.1672191.
- Mukomel', V. I. (2022). Sredneaziatskie migranty na rossiiskom rynke truda do pandemii [Central Asian Migrants in the Russian Labour Market before the Pandemic]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 63–75. DOI 10.31857/S013216250017014–8.
- Nasritdinov, E. (2016). “Only by learning how to live together differently can we live together at all”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants' Presence in Urban Russia. In *Central Asian Survey*. Vol. 35. No. 2, pp. 257–275. DOI 10.1080/02634937.2016.1153837.
- Nasritdinov, E., Rakhimov, R. (2021). Transnatsional'naya identichnost' kirgizskikh trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia]. In Abashin, S. N., Brednikova, O. E. (Eds.). *Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost'*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 202–232.
- Pandemic vs. Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? (2021). In *Cabar-Asia* [website]. 12 Febr. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (accessed: 23.06.2023).
- Parham, S. (2014). ‘Rightful’ versus ‘Real’ Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier. In *Asian Ethnicity*. Vol. 15. No. 3, pp. 265–285. DOI 10.1080/14631369.2013.832995.
- Peshkova, V. M. (2015). Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Infrastructure of Labour Migrants in the Cities of Modern Russia (with Reference to Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. In *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. No. 2 (24), pp. 129–151.
- Posol nazvala chislo kirgizskikh migrantov v Rossii [The Ambassador Named the Number of Kyrgyz Migrants in Russia]. (2021). In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 7 June. URL: <https://ria.ru/20210607/migranty-1735950028.html> (accessed: 23.06.2023).
- Ruget, V., Usmanalieva, B. (2011). Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan. In *Problems of Post-Communism*. Vol. 58. No. 6, pp. 48–60. DOI 10.2753/PPC1075–8216580604.
- Ruget, V., Usmanalieva, B. (2019). Can Smartphones Empower Labour Migrants? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Russia. In *Central Asian Survey*. Vol. 38. No. 2, pp. 165–180. DOI 10.1080/02634937.2019.1594170.
- Schröder, P. (2020). Business 2.0: Kyrgyz Middlemen in Guangzhou. In *Central Asian Survey*. Vol. 39. No. 1, pp. 116–134. DOI 10.1080/02634937.2019.1711023.
- Turdaliev, Ch. D., Marat, A. M. (2015). Diaspora pamiirskikh kirgizov v Turtsii [Diaspora of the Pamir Kyrgyz in Turkey]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3, pp. 131–146.
- Varnavskii, P. K. (2013). Kto etniziruet migrantov: prinyimayushchee obshchestvo ili oni sami? Institutsionalizatsiya migrantskogo soobshchestva na primere vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Ulan-Ude [Who Ethnicises Migrants: The Host Society or Themselves? Institutionalisation of the Migrant Community with Reference to Immigrants from Kyrgyzstan in Ulan-Ude]. In Dyatlov, V. I., Grigoriev, K. V. (Eds.). *Pereselenskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva*. Irkutsk, Ottisk, pp. 466–491.

The article was submitted on 24.04.2023

Иллюстрации к статье: Александра Колесник. Ленинградский рок-клуб
в Санкт-Петербурге: от памяти – к культурному наследию
Illustration for the article: *Alexandra Kolesnik. A Leningrad Rock Club
in St Petersburg: From Memory to Cultural Heritage*

Памятный столб в сквере «Эльфийский садик» с указателями направлений
до других знаковых рок-мест. Август 2020 г. Фото автора статьи
A commemorative pillar in the Elf Garden Park with directions to other iconic rock places.
August 2020. Photograph by the author of the article

Первый национальный музей рок-музыки. Арт-центр «Пушкинская, 10».
Август 2021 г. Фото автора статьи
First National Museum of Rock Music. Pushkinskaya, 10 Art Centre.
Aug., 2021. Photograph by the author of the article

Иллюстрации к статье: Газинур Гиздатов. «Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века»

Illustration for the article: *Gazinur Gizdatov*. "Residual Meanings" and the Aesthetic of Intermediality in Pavel Saltzman's *Central Asia in the Middle Ages*

П. Зальцман. Автопортрет с дочерью. 1948.
Фото с сайта: URL: <https://pavelzaltsman.org/>

P. Saltzman. Self-portrait with daughter. 1948

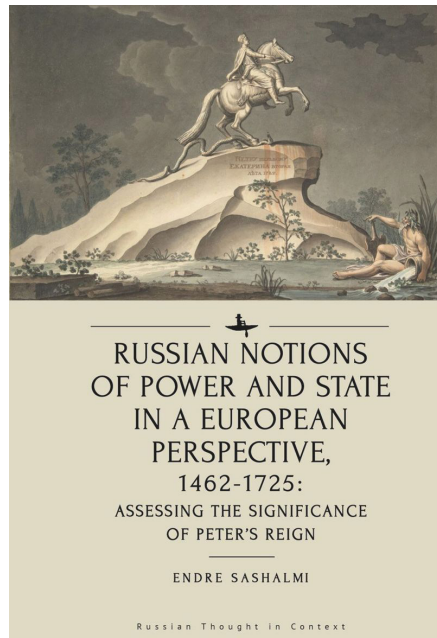
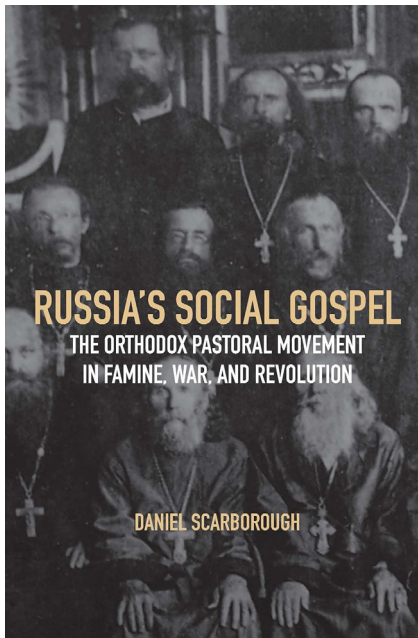

П. Зальцман. Нашествие. 1967. Фото с сайта:
URL: <https://pavelzaltsman.org/>

P. Saltzman. Invasion. 1967

Controversiae
et recensiones

Controversiae et recensiones

**Представления о власти и государстве в русской
политической мысли: трудности компаративного подхода***

Рец. на: *Sashalmi E. Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign. Boston : Academic Studies Press, 2022. 507 p.*

Вероника Высокова

Михаил Киселев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking:
On the Difficulties of the Comparative Approach****

Rev. of: *Sashalmi, E. (2022). Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign. Boston, Academic Studies Press. 507 p.*

Veronika Vysokova

Mikhail Kiselev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reviews a monograph by E. Sashalmi, a Hungarian Russianist, dedicated to the “transtemporal” reconstruction of the political thinking of Russian writers of the early modern period. The innovation of this book lies in the “contextual” and historical-comparative approaches. Comparing the political discourse of Muscovy with the Western Christian political thought of the sixteenth and seventeenth centuries, the author does not find the concepts of “sovereignty”, “state”, or “politics” in Russian political thinking. E. Shashalmi connects the adaptation of the idea of a “modern sovereign state” in Russian

* Рецензия подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** *Citation*: Vysokova, V., Kiselev, M. (2023). The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859.

Цитирование: Vysokova V., Kiselev M. The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859 / Высокова В., Киселев М. Представления о власти и государстве в русской политической мысли: трудности компаративного подхода // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859.

intellectual discourse with Western Russian intellectuals of the second half of the seventeenth century and Feofan Prokopovich in the early eighteenth century. While appreciating the innovative character of the research goal and approaches, the reviewers evaluate the Hungarian historian's conclusions as historiographic clichés about the immaturity of Russian culture and the political thought of pre-Petrine Rus'. In fact, E. Shashalmi's research concerns the Westernisation of Russian political thought. The reviewers conclude that the main difficulty of such innovative historical and comparative studies is the problem of translatability of "concepts" from one culture to another.

Keywords: theocentrism, dynasticism, history of concepts, Feofan Prokopovich, concept of a sovereign state, text in context

В рецензии рассматривается монографическое исследование венгерского русиста Э. Шашалми, посвященное «транстемпоральной» реконструкции политического мышления русских писателей раннего Нового времени. Новизна монографии определяется контекстуальным и историко-компаративным подходами. Сравнивая политический дискурс Московского царства с западнохристианской политической мыслью XVI–XVII вв., автор не находит в русском политическом мышлении понятий «суверенитет», «государство», «политика». Э. Шашалми связывает адаптацию идеи современного суверенного государства в русском интеллектуальном дискурсе с мыслями, высказанными западнорусскими интеллектуалами второй половины XVII в., и с идеями Феофана Прокоповича в начале XVIII в. Авторы обзора, обращая внимание на новизну исследовательских задач и подходов рецензируемой монографии, оценивают выводы венгерского историка как воспроизведение старых историографических штампов о неразвитости русской политической мысли допетровской Руси и приходят к выводу о главной трудности подобных инновационных историко-компаративных исследований – сложности перевода «понятий» из одной культуры в другую.

Ключевые слова: богоцентризм, династизм, история понятий, Феофан Прокопович, концепция суверенного государства, текст в контексте

История русской политической мысли давно привлекает внимание зарубежных ученых, среди которых работы венгерских исследователей (М. Агоштон, А. Золтана, Д. Свака) прочно заняли свое место. Монография венгерского русиста Э. Шашалми «Представления русских о власти и государстве из европейской перспективы, 1462–1725: оценивая значение петровского царствования», написанная на английском языке, продолжает эту традицию [Sashalmi]¹. Новизна исследования заключается в стремлении автора встроить политическую мысль Московского государства в более широкий европейский контекст раннего Нового времени. Именно из этой «западно-европейской перспективы» он стремится обнаружить истоки русской

¹ Монография была удостоена Mark Raeff Book Prize 2023 г.

политической мысли начиная с правления Ивана III (XV в.) и заканчивая первой третью XVIII в.

Исследование Э. Шашхалми отражает амбициозный замысел автора. Он намерен воссоздать целостную картину развития представлений о власти в Великом княжестве Московском с середины XV в. и вплоть до его превращения в Российскую империю в первой четверти XVIII в., совершая при этом экскурсы и в более поздние времена вплоть до рубежа XX–XXI вв. Историк предлагает выявить специфику российской политической мысли о власти и государстве через сравнение с представлениями, которые бытовали в европейском политико-правовом поле в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени.

Книга представляет собой интересный опыт исследования на перекрестке двух методологических подходов – компаративного и «длительностей большой протяженности» (*longue duree*) в «транстемпоральной» ретроспективе. Сам же автор «основным столпом анализа» провозглашает «контекстуальный подход, основанный на источниках» [Sashalmi, p. 46]². Монография Э. Шашхалми продолжает направление исследований Э. Канторовича, Кв. Скиннера и Дж. Покока в области истории политической философии. Столь масштабный проект заставляет автора уточнять оптику методологического аппарата и сверяться с текущей историографической ситуацией. Цель исследования Э. Шашхалми определяет следующим образом:

...Осветить то, что можно было бы назвать основными признаками и тенденциями русской «политической» мысли, в то время как такие понятия, как «суверенитет», «государство» и «политика», как их понимали писатели и государственные деятели западнохристианского мира, вообще не существовали в России или только начинали формулироваться и артикулироваться (p. 1).

Не претендуя на всеохватность, автор объясняет принцип отбора используемого источникового материала. Он стремится «сконцентрироваться на тех наиболее влиятельных *загадочных* [enigmatic] *текстах/писателях*, фиксирующих процесс формирования обобщенного восприятия официальной власти, или таких, которые маркировали в этом отношении некоторые важные изменения» (Ibid.).

Э. Шашхалми делает уточнение: он сосредоточен на выявлении признаков «обезличивания и секуляризации» официальной власти в России, или формировании идеи «секулярного государства» (p. 2). Собственно, из введения становится понятным, что исследователь связывает окончательное оформление данного феномена в России с теорией официальной народности (1833), а обсуждаемый в книге

² Здесь и далее перевод цитат авторов статьи. Далее указываем страницы по этому изданию в круглых скобках в тексте.

период российской истории связывает с отсутствием в русском интеллектуальном дискурсе таких абстракций, как «субъект, позитивное право, естественное право, формы правления и т. д.» (р. 4). В этом контексте венгерский исследователь специально оговаривает, что он не будет использовать слово *concepts* (понятия), а возьмет на вооружение слово *notions* (представления). Это приводит к фактическому игнорированию концепции «истории понятий» Р. Козеллека (*Begriffsgeschichte*), что, несомненно, обедняет методологический аппарат исследования.

Как видно из названия книги, Э. Шашхалми индицирует «важное, хотя и незавершенное изменение в восприятии власти... около 1700 г., когда современная концепция государства и суверенитета стала оказывать влияние на русскую мысль о власти» (р. 5). Автор отмечает, что, «делая акцент на пост-1700-х гг. в структуре книги», он намерен показать «значение произошедших изменений за столь короткое время в русской мысли о власти как в текстах, так и в иконографии, а также осветить проблему рецепции западных идей» (р. 24). Обращает на себя внимание, что знакомство с сочинениями европейских мыслителей о природе государства (Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс и др.) Э. Шашхалми связывает с западнорусскими интеллектуалами, оказавшимися при дворе русского царя во второй половине XVII в., и особенно с Феофаном Прокоповичем, которому посвящена одна из трех глав книги. Именно их влияние, по мысли автора, определяло развитие политической мысли в петровское время. Однако еще более века назад А. С. Лаппо-Данилевский реконструировал гораздо более сложную сеть проникновения западных политико-правовых идей в Россию XVII в., уделив значительное внимание как раз влиянию протестантского интеллектуального дискурса на русскую политическую мысль [Лаппо-Данилевский]. Эта книга, к сожалению, осталась вне поля зрения венгерского историка.

В первой главе *Russia and Europe: Clarification of Terms and the Problem of the State* («Россия и Европа: разъяснение терминов и проблемы государственности») автор постулирует, что идея государства, то есть идея *современного государства*, сформировалась в Западной Европе в раннее Новое время (1450–1700). Он пишет:

...Современное понятие государства... предполагает юридически оформленную светскую верховную и утвердившуюся власть над данной территорией, отделившуюся от других властей подобного рода, – деперсонифицированную публичную власть, независимую и простирающуюся как над правителями, так и над управляемыми; обладающую юридической дееспособностью; к которой подданные/граждане должны проявлять лояльность. Отсюда следует, что под суверенитетом я понимаю юридически оформленную светскую верховную и утвердившуюся государственную власть, которая сначала была связана с личностью монарха, а затем и с определенной территорией (р. 90).

Э. Шашхалми связывает проявление данной тенденции в России с Феофаном Прокоповичем (р. 166). Соответственно, в допетровское время «восприятие русских о власти и истории, практически неразрывно связанных друг с другом, не было государственноцентристским или не было сосредоточено на форме правления, а фокусировалось на династизме и богоцентризме» (р. 190). В значительной степени это доказывается анализом «Степенной книги», памятника середины XVI в., где история действительно излагалась через переход власти от одного правителя к другому. При этом автор приходит к следующему выводу:

В «Степенной книге» стержневой идеей единства Русского царства была идея «правления одного» (правителя. – В. В., М. К.) на основе династического и богоцентристского восприятия власти и истории, как части Божественного замысла, ведущего к торжеству православия. <...> В «Степенной книге» объединение русских земель основывалось не на практическом соображении, иными словами, не на политической пользе или государственном интересе, как это было в аргументации Прокоповича (р. 196).

В сравнительном ключе Э. Шашхалми постулирует, что если в западном христианстве существовали политико-юридические понятия (legal-political concepts) «суверенитет» и «общее благо», использовавшиеся для описания власти, то в Московском государстве они отсутствовали. И «для московских книжников» неограниченная власть самодержцев была «само собой разумеющейся. Она просто была там без осознания необходимости дать объяснение ее существования, будь то юридическое или какое-либо другое» (р. 271–272). Как результат, отсутствие таких понятий не создавало должных условий для появления в Московском царстве полноценных представлений о государстве (то есть современном государстве), хотя на уровне властных практик можно увидеть сходство со странами западного христианства. Соответственно, примерно до 1700 г. московиты («Muscovite Russian authors») вообще не задавались вопросом: «Что такое лучшая форма правления? Это монархия, аристократия, демократия или так называемое смешанное правление (regimen commixtum), сочетающее элементы двух или трех?» (р. 220).

В этих утверждениях автор упрощенно трактует представления о власти, бытовавшие в Московском государстве середины XV – XVII в. Почему история, династически ориентированная и исходящая из Божественного происхождения царской власти, не могла быть одновременно и государственноцентристской? Так, в «Казанской истории», широко распространенном памятнике XVI–XVII вв., отмечалось по поводу покорения Иваном III Новгорода («новгородским бо людям не хотевшим его над собою имети и великим князем звати»):

...изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне, и древяне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье – то все едина Русь единому великому князю служаху (курсив наш. – В. В., М. К.) [Казанская история, с. 54].

Кроме того, почему идея «власти одного» не могла также означать и «политической пользы или интереса государства»? Можно обратиться к изложению истории Римской империи Иваном IV в Первом послании князю А. Курбскому, которое было публичным актом, адресованным «во все его великия Росии государство»:

Како убо Август кесарь всею вселенною обладаше... вся сия под единою державою бяху многа лета... даже и до первого во благочестии великого Константина Флавия. И после его чада разделиша власть [Переписка, с. 21–22].

Этот раздел «единой державы» привел к тому, что «нача делитися греческая власть и скудость приимати» до тех пор, пока «Магмет власть греческую погаси» в 1453 г. Для Ивана IV это был гибельный пример того, как не нужно «строити царства» [Там же, с. 22–24]. На наш взгляд, «строение царства», которое не имело исключительно религиозной подоплеки, вполне соответствует представлениям о «политической пользе» и «общем благе», даже если для этого привлекалась и религиозная риторика. Более того, Иван IV в «Первом послании» объяснял, что является лучшей формой правления (правление одного без ограничения его власти «рядниками» и при наличии разделения светской и духовной власти). Да, он делал это, не обращаясь к наследию Аристотеля (выделяя три формы правления – монархия, аристократия и демократия). Но почему он и другие московские авторы, рассуждая об универсальных принципах эффективного управления государством, должны были апеллировать именно к политической мысли Античности?

Во второй главе *Notions of power and state in the context of “proprietary dynasticism”: Russia and the Western perspective* («Представления о власти и государстве в контексте “династического восприятия власти”: Россия и западная перспектива») Э. Шашхалми продолжает развивать идею неразвитости политического мышления в России раннего Нового времени. Ключевым для него становится концепт династизма (dynasticism), предложенный Г. Роуэном в отношении Французского королевства раннего Нового времени. Хотя Э. Шашхалми считает, что идея о вотчинной власти московского правителя не была какой-то особенной чертой русского политического мышления и это было общим местом в истории западных монархий раннего Нового времени (р. 292), однако коренное отличие европейской политической мысли историк видит в том, что в западнохристианском мире династизм уравнивался «идеей правления как государственной службы» (р. 303). А сам этот принцип был зафиксирован в коронационных при-

сягах. «Идея королевского правления ("royal office"), – пишет Э. Шашхалми, – сыграла большую роль в разграничении функций между персоной правителя и (у)правлением, которое он осуществлял, что вело к становлению идеи деперсонифицированной государственной власти». В Московском же государстве, по словам автора,

...не существовало теории управления... Божественное право москвитов... не содержало артикулированной идеи правления. Вместо этого мы можем говорить просто об обязанностях царя – обязанностях, которые он должен исполнять как воплощенный Бог на земле и постоянно вдохновляться Им, а не быть Его представителем. И эти обязанности были преимущественно религиозными, а не светскими. Представление о том, что царь был избранником Божиим и был поставлен на престол непосредственно Им, влекло за собой представление о том, что через персону царя Сам Бог управляет государством, а не Его представитель/посланник. Следовательно, воля царя воспринималась как Божья воля (р. 361).

Таким образом, тезис о иррациональном обожествлении власти правителя у москвитов в данном исследовании доведен до крайнего предела. Венгерский историк утверждает, что такой правитель не был наместником Божиим, он был «Богом на земле для его народа» (р. 361).

В то же время Э. Шашхалми в результате анализа значений слова «государство» в XVII в., особенно на материалах присяг на верность и политических преступлений, приходит к выводу, что, хотя по сравнению с Западом «Россия была другим миром в области политической теории», однако «Россия середины XVII в. в определении политического преступления и представлении о верности практически не уступала западноевропейским странам» (р. 326). При этом он указывает и на разделение терминов «государь» и «государство» уже до середины XVII в., и на важность Соборного уложения 1649 г. в формировании государственнического языка власти. Но, по мысли автора, это не означало появления политического языка в России XVII в. Однако при этом он делает оговорку:

Несомненно, что в некоторых официальных документах, в том числе и в Соборном уложении, значение слова «государство» превосходило понятие «владельческие земли», то есть это были община и территория, управляемая независимым монархом или правительством. Поэтому я считаю, что появление в России после 1660-х гг. более секулярного словаря власти не было процессом *ex nihilo* (лат. из ничего), то есть процессом, происходившим просто в силу и вследствие знакомства с западными идеями. Скорее эти идеи способствовали концептуализации уже имевших место изменений в понимании слова «государство», начавшихся в период Смуты и получивших юридическое оформление в виде различных упоминаний этого слова в Соборном уложении Московского государства и даже просто отсылки к понятию «государство» в высоких политизированных контекстах (р. 326).

Эти весьма важные наблюдения, из которых в том числе можно сделать вывод о том, что разрыв с западным государственно-политическим дискурсом, пусть такой дискурс в Московском государстве был насквозь пропитан богословием, все же не был таким тотальным. Тогда возможно, что последующая успешная адаптация понятий западноевропейского политического языка, связанных с идеей должности правителя и его обязанностью стремиться к «общему благу», была опять же подготовлена предшествующим развитием русской политической мысли?

Укажем на классическую работу Б. А. Успенского и В. М. Живова «Царь и Бог», не использованную автором. В ней показано, что даже при сакрализации царя его буквальное приравнение к Богу в Московском государстве воспринималось как кощунство и критиковалось. Своего пика обожествление правителя достигает именно при Петре I, а в русскую книжную культуру выражение «земной бог» входит только к середине XVIII в. и «становится устойчивым выражением императорского культа», в то время как об этом до XVIII в. писали исключительно иностранцы [Успенский, с. 247–249]. Сегодня в свете постколониальных исследований эта точка зрения, зафиксированная в записках иностранцев о России XVI–XVII вв., интерпретируется как имперский дискурс, и Э. Шашхалми вольно или невольно его репродуцирует в своем исследовании. Политическое мышление русских может быть понято только через семантику и словоформы русского языка. Соответственно, следует ли из того, что если у русских не было коронационной присяги, а было лишь поучение митрополита/патриарха при венчании на царство (которые автор должным образом не анализирует), то не было и представлений, что царь – это наместник Бога? Тот же Иосиф Волоцкий, обращаясь к правителям, прямо писал в 1510–1511 гг., что их «Бог в себе место избра на земли» [Послания, с. 230] («в себе место», то есть на свое место, что и означало сделать наместником). Это была устойчивая формула для Московского государства, и слова, что царя «Бог в себе место избра на земли», будут произноситься патриархом и при венчании на царство Федора Алексеевича в 1676 г. [ПСЗ-1, т. 2, № 648, с. 60]. Что до «общего блага», то, на наш взгляд, автор слишком категорично и безапелляционно отвергает наблюдение М. М. Крома о передаче этого понятия в русском языке XVI в. выражением «дело государево и земское» (р. 10–11).

В третьей главе *The Origins of Theory of Law and State in the Works of Feofan Prokopovich: An Intellectual from the Kievan Nest in the Service of Peter the Great* («Истоки теории права и государства в трудах Феофана Прокоповича: интеллектуал из киевского гнезда на службе у Петра Великого»), посвященной петровскому времени, Э. Шашхалми прослеживает оформление в России светского политического языка в первой четверти XVIII в., сосредоточивая свое внимание на текстах Феофана Прокоповича, особенно на его сочинении «Правда воли монаршей» (1722). В процессе анализа автор делает небезынтересные наблюдения, связанные с тем, как западноевропейский политический

язык адаптировался в России, что, в свою очередь, вело к появлению современных представлений о государстве.

Возникает вопрос: насколько имеет смысл столь подробно разбирать именно это произведение? В XIX–XX вв. было создано немало его интерпретаций [см. об этом: Бугров, Киселев, с. 78–81]. Однако мы недостаточно знаем, кто цитировал это сочинение, кто обсуждал его в XVIII в., оказало ли это сочинение какое-либо реальное влияние на представления о государстве в России, или оно довольно быстро ушло в область забвения. Сегодня не хватает более широкого контекста, который позволял бы сделать вывод, что именно «Правда воли монаршей» вместе с Феофаном Прокоповичем сыграли решающую и принципиальную роль в становлении нового политического языка в России XVIII–XIX вв.

Показательно, что автор, основываясь на разборе сочинений Феофана Прокоповича, утверждает, что словосочетание «целость государства» появилось именно в царствование Петра I, после которого «идея “целостности государства” сопровождает российские представления о власти и государстве вплоть до наших дней», включая формулировки Конституции 1993 г. (р. 49–50). Подчеркнем: автор делает важное принципиальное наблюдение, что фраза «целость государства» действительно с XVIII в. получает широкое распространение, и это можно рассматривать как свидетельство появления государственнического дискурса. Только вот эта фраза отнюдь не была изобретена в петровское время. В распространенном в России рукописном сочинении «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца», созданном не позднее 1670-х гг., в основе которого, скорее всего, лежало какое-то иноязычное сочинение (сочинения), содержалась такая рекомендация: «До задержания в целости государства надобет того, чтобы не были переменные права или судебники и постановления государьские» [Библиотека литературы Древней Руси, с. 648]. Копия этого сочинения находилась в библиотеке Петра I [Там же, с. 754]. Рассуждал о «целости государства» в период регентства царевны Софьи и Сильвестр Медведев, имя которого даже не упомянуто в книге. Про «целость государства» писал в 1690 г. в своей духовной, предназначенной Петру, идейный противник Медведева патриарх Иоаким [см.: Устрялов, с. 473]. Таким образом, активное формирование светского политического языка при Петре I опиралось уже на серьезный фундамент, созданный при его предшественниках. Подчеркнем, что сам Э. Шашкалми прямо пишет:

Тот факт, что царствование Петра, и особенно Феофан Прокопович, занимают центральное место в настоящем нарративе, не отрицает ни значения других авторов петровского периода, ни некоторых важных тенденций XVII в., касающихся изменений в значении *государства* и существования переходного периода (1660–1690-е годы), или десятилетий брожения (р. 24).

С учетом этих наблюдений следовало бы делать более осторожные выводы и, возможно, уделить большее внимание последней четверти XVII в.

К сожалению, у книги нет заключения. Вместо этого Э. Шашхалми в «Эпilogue» переносит читателя в политическую действительность России рубежа XX–XXI вв. и анализирует несколько современных политических текстов, в том числе Конституцию 1993 г., делая следующее заявление:

Начиная с Петра стало аксиомой: сильная, не ограниченная законами монархическая власть и территориальное единство обширного государства – это гарантии благополучия русского народа и пребывания России в статусе великой державы (р. 463–464).

На основе этого тезиса автор делает следующее обобщение:

...Мы можем говорить не просто о политических идеях, но о политической культуре или, в силу ее вековой преемственности, даже о политической традиции [России]. И, по существу, мы можем называть это [русским] менталитетом (Ibid.).

Однако если со времени правления Петра I «сильная, не ограниченная законами монархическая власть» была аксиомой политического мышления русских и не нуждалась в специальных доказательствах, тогда как стала возможной «затейка верховников» по ограничению самодержавия в 1730 г., после чего тот же В. Н. Татищев и Феофан Прокопович стали создавать тексты, в которых как раз доказывали необходимость существования в России сильной монархии? В этом отношении примечательно, что Э. Шашхалми весьма бегло описывает события 1730 г., никак не комментируя идейную подоплеку этой попытки ограничить самодержавие (р. 174). Приходится констатировать, что «сильная, не ограниченная законами монархическая власть» даже в 1730 г. не была аксиомой. Кроме того, в России второй половины XVIII в. развивается критика *самовластия*-деспотизма и активно поднимается проблема фундаментальных законов [Киселев; Лаборатория понятий, с. 346–374], что было бы просто невозможно, если бы все в России в качестве идеала воспринимали «не ограниченную законами монархическую власть». И это уже не говоря обо всей бурной истории России XIX–XX вв.

В заключение следует сказать, что исследование Э. Шашхалми ре-актуализирует одну из самых острых проблем российской истории – вопрос континуитета на рубеже XVII–XVIII вв. Вклад венгерского исследователя заключается в предложенной им оптике анализа – контекстуализме русской политической культуры в трансемпоральной ретроспективе раннего Нового времени. Однако при реализации такого инновационного подхода проявились связанные с ним трудности. Прежде всего это необходимость проработки огромного пласта источников, что чревато «пропусками» важных политических текстов XVI–XVII в. («Казанская история», переписка Курбского с Грозным, со-

чинения Сильвестра Медведева и т. д.). В свою очередь, это вело к тому, что в ряде случаев политический язык, как и политическая культура, интерпретировался достаточно узко. Может даже показаться, что выводы рецензируемого сочинения сводятся к давно набившему оскомину концепту западной историографии о неразвитости русского политического мышления, а, соответственно, и русской политической культуры. Важно и то, что исследование демонстрирует одну из ключевых проблем компаративного подхода – проблему переводимости/переносимости «понятий» из одной культуры в другую. Только слово «правда (воли монаршей)» в названии сочинения Ф. Прокоповича требует специального историко-семантического анализа при его передаче на английский язык (Justice, Will, Right, Truth). Венгерский же историк «поправляет» классический перевод этого сочинения Э. Лентина вместо обсуждения вносимых им поправок (р. 37, 190 и др.) [Lentin]. Со всей очевидностью здесь обозначилась проблема семантического несоответствия «понятий» в разных культурах. Метод простого калькирования в данном случае не работает.

Таким образом, в исследовании венгерского историка мы имеем дело с «практикой одомашнивания» (“domesticating practices”) наследия русской политической мысли конца XV – первой трети XVIII в. в современном англоязычном историографическом дискурсе [см.: Venuti]. Собственно, под этим углом зрения проясняется и реальное предметное поле рецензируемой работы – это процесс вестернизации русской политической мысли. Династизм, как его интерпретирует уважаемый автор, оставался определяющим фактором политического мышления западных интеллектуалов XVII в. (да и всего раннего Нового времени) и прекрасно сочетался с представлениями о хорошо управляемом государстве и «общем благе» в интеллектуальном наследии таких мыслителей и создателей «современного государства», как Т. Гоббс и Дж. Локк. Привлекательными моментами являются обращение автора к изобразительным источникам, использование иконографии и символики королевской/государственной власти в раннее Новое время, когда устное слово повсеместно в Европе превалировало над письменной традицией (визуальные образы власти, ритуалы, топография зданий и пространств, проецирующих легитимность власти).

Библиографические ссылки

- Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2006. Т. 14. 758 с.
- Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Казанская история. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 194 с.
- Киселев М. Трактат *De L'Esprit des Lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.
- Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 576 с.

Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. 462 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. : Наука, 1979. 447 с.

Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 390 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 2.

Успенский Б. А. Избранные труды : [в 3 т.] М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. Т. 1. 608 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1858. Т. 2. 589 с.

Lentin A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession : The Official Commentary. Oxford : Headstart History, 1996. 331 p.

Sashalmi E. Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign. Boston : Academic Studies Press, 2022. 507 p.

Venuti L. The Translator's Invisibility : A History of Translation. L. : Routledge, 1995. 324 p.

References

Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t. [The Library of Literature of Old Rus'. 20 Vols.]. (2006). St Petersburg, Nauka. Vol. 14. 758 p.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 480 p.

Kazanskaya istoriya [Kazan History]. (1954). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 194 p.

Kiselev, M. (2017). Traktat *De L'Esprit des Lois* Sh.-L. Monteske i fundamental'nye zakony v Rossii nachala 1760-kh gg. [Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Laboratoriya ponyatii: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka [Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in 18th-Century Russia]. (2022). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Lappo-Danilevsky, A. S. (2005). *Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kul'tury i politiki* [The History of Political Ideas in Russia in the 18th Century in Connection with the General Course of Development of Its Culture and Politics]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 462 p.

Lentin, A. (1996). *Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary*. Oxford, Headstart History. 331 p.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. (1979). Leningrad, Nauka. 447 p.

Poslaniya Iosifa Volotskogo [Letters of Joseph Volotsky]. (1959). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 390 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2.

Sashalmi, E. (2022). *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign*. Boston, Academic Studies Press. 507 p.

Uspensky, B. A. (1996). *Izbrannye trudy v 3 t.* [Selected Writings. 3 Vols.]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". Vol. 1. 608 p.

Ustryalov, N. G. (1858). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [History of the Reign of Peter the Great]. St Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 2. 589 p.

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L., Routledge. 324 p.

The article was submitted on 15.08.2023

**Становление пастырей:
православное приходское духовенство и гражданское
общество в последние десятилетия Российской империи***

Рец. на кн.: Scarborough D. Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2022. 264 p.

Джеймс Уайт

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Becoming Pastors:
The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society
in the Last Decades of the Russian Empire****

Rev. of: Scarborough, D. (2022). *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 264 p.

James White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The American scholar Daniel Scarborough has written a monograph dedicated to the history of the Russian Orthodox clergy in the late imperial regime. This work both encapsulates recent developments in the historiography of the imperial Russian Orthodox Church and contributes fresh archival research, principally using documents held in repositories in Moscow and Tver. His main focus is the mutual aid networks in which the clergy participated. Created over the course of the nineteenth century, these mutual aid networks were initially aimed at distributing

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: White, J. (2023). Becoming Pastors: The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society in the Last Decades of the Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860.

Цитирование: White J. Becoming Pastors: The Russian Orthodox Parish Clergy and Civil Society in the Last Decades of the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860 / Уайт Дж. Становление пастырей: православное приходское духовенство и гражданское общество в последние десятилетия Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1491–1500. DOI 10.15826/qr.2023.4.860.

resources among poor members of the clerical estate: the development of these networks was facilitated by the freedom of association granted to the clergy by the imperial state. In the late nineteenth and early twentieth centuries, Scarborough argues, these networks began to lose their estate focus, both supporting and including members of the laity: this was partially a response to the fact that the material position of the clergy was heavily dependent on the material condition of the laity and partially due to the fact that the clergy slowly began to lose their estate focus and transform into a profession focused on the spiritual and material wellbeing of the Orthodox flock. Scarborough emphasises several key moments (such as the famine of 1891–1892) and institutions (the seminary, for example) to demonstrate the extent to which clerical support networks included members of the laity and the forces that either facilitated or blocked this development. He concludes that while the clerical mutual aid networks did succeed, to some extent, in incorporating members of the laity, they were hampered by the imperial state's attempts to strictly control the clergy and use them as cheap civil servants, police officials, and propagandists: equally, while sometimes supporting the expansion of clerical aid networks, the episcopate and the Synod was often concerned to ensure that the Church's thinly-spread resources were mostly used to support the members and institutions of the clerical estate. All of this damaged the prestige of the clergy in the eyes of their parishioners and made them less willing to transfer scarce resources to clerical networks. Only with the all-Russia local church council of 1917–1918 did the Russian Orthodox Church fully incorporate the laity, a step which allowed the institution to survive Bolshevik rule.

Keywords: clergy, clerical estate, seminary, parish schools, civil society

Рецензируется монография американского ученого Дэниела Скарборо, посвященная истории русского православного духовенства в поздней имперский период. В ней отражены как последние достижения в историографии имперской Русской православной церкви, так и новые архивные исследования, в основном с использованием документов, отложившихся в хранилищах Москвы и Твери. Основное внимание уделяется сетям взаимопомощи, в которых участвовало духовенство. Созданные в течение XIX в., они изначально были направлены на распределение средств между бедными представителями духовного сословия: их развитию способствовала свобода объединений, предоставленная духовенству имперским государством. В конце XIX – начале XX в., по мнению Скарборо, эти сети стали терять свою сословную направленность, поддерживая и включая в себя представителей мирян: отчасти это было связано с тем, что материальное положение духовенства сильно зависело от материального положения мирян, а отчасти – с тем, что духовенство постепенно стало терять свою сословную направленность и превращаться в профессию, ориентированную на духовное и материальное благополучие православной паствы. Скарборо выделяет несколько ключевых моментов (таких как голод 1891–1892 гг.) и институтов (например, семинарии), чтобы продемонстрировать степень включения в сети поддержки духовенства представителей мирян и те силы, которые либо способствовали, либо препятствовали этому развитию. Он приходит к выводу,

что, хотя сети взаимопомощи духовенства в определенной степени и преуспели в привлечении мирян, им мешали попытки имперского государства жестко контролировать духовенство и использовать его в качестве дешевых государственных чиновников, полицейских и пропагандистов: в равной степени, иногда поддерживая расширение сетей взаимопомощи духовенства, епископат и Синод часто были озабочены тем, чтобы тонко распределенные ресурсы Церкви использовались в основном для поддержки членов и учреждений духовного сословия. Все это снижало престиж духовенства в глазах прихожан и заставляло их менее охотно перечислять скудные средства на нужды клерикальных сетей. Только Всероссийский поместный собор 1917–1718 гг. полностью включил мирян в состав Российской православной церкви, что позволило ей выстоять в условиях большевистского режима.

Ключевые слова: православное духовенство, духовное сословие, семинария, приходские школы, гражданское общество

В 1977 и 1983 гг. американский историк Грегори Фриз, опираясь на архивные исследования, представил две книги, посвященные социальной истории русского православного приходского духовенства XVIII–XIX в. [Freeze, 1977; Freeze, 1983]. Они в корне изменили историографическое восприятие русского православного духовенства, которое до этого в значительной степени зависело от стереотипных и тенденциозных представлений о нем в классической русской литературе и радикальной политической полемике. Фриз показал представителей духовенства не столько как «пассивных слуг самодержавия», сколько как динамичную социальную составляющую Российской империи, хотя и постоянно сталкивающуюся с ограничениями, связанными со структурой духовного сословия, требованиями, приоритетами и подозрениями имперского государства. Хотя в этих двух работах начало XX в. осталось без внимания, они в сочетании с открытием архивов в 1991 г. послужили толчком к созданию весьма динамичного историографического направления – изучения православия и религии в целом в Российской империи.

За последние три десятилетия ученые по-новому подошли к таким темам, как история, структура и реформирование православного прихода [Shevzov; Беглов]; своеобразная история православного духовенства в провинции [см., например: Мангилева]; положение православия в многоконфессиональном и полиэтническом пограничье Российской империи [Православие в Прибалтике; Friesen]; миссионерская деятельность православных среди неправославных групп [Палкин; White]; модернизация традиционных православных практик [Kenworthy, 2010; Michelson]; православная социальная работа, особенно в городской среде [Hedda; Грабко]. Однако в этом историографическом поле сохраняются некоторые недостатки, в частности, тенденция изолировать православие и церковь от более широких политических и социальных повествований [Kenworthy, 2018].

Дэниел Скарборо в качестве своего вклада в эту историографию представляет социальную историю русского православного духовенства конца XIX – начала XX в. В этом смысле монография Скарборо выступает как продолжение первоначального проекта Фриза, тем более что Скарборо использует ту же архивную базу (хранилища Москвы и Твери), что и его более старший коллега. Он также в значительной степени опирается на идеи, развиваемые Хеддой (название “Russia’s Social Gospel” является отсылкой к представлению этого ученого о православном социальном активизме позднеимперского периода). Эти влияния очевидны в главном аргументе, который предлагает Скарборо: «пастырская активность приходского духовенства в этот период сместила фокус православной богослужебной практики в России в сторону совместной социальной активности. Это повышение значимости социальной активности для церковной жизни и управления изменило организационную структуру православной церкви, которая стала более партиципаторной и соборной» [Scarborough, p. 3]². Таким образом, Скарборо стремится внести вклад в историографию не только русского православного духовенства, но и гражданского общества позднеимперского периода. Традиционно утверждение, что чрезмерное вмешательство государства и жесткая сегментация российского общества на социальные сословия препятствовали возникновению гражданского общества (по крайней мере, в его «истинном» смысле) в позднеимперской России. Однако Скарборо работает в русле последних работ историков, которые показывают, что гражданское общество в Российской империи возникало даже в условиях сохраняющегося сословного деления и масштабного государственного вмешательства. Он показывает, что к концу существования Российской империи в стране сложилось своего рода «клерикальное гражданское общество». Поскольку духовенство пользовалось доверием правительства, ему, что весьма уникально, были предоставлены не только широкая свобода объединений, но и возможность включать в них представителей других сословий.

Для продвижения своего тезиса он уделяет основное внимание сетям взаимопомощи, которыми располагало духовенство. Как отмечается в первой главе книги, начиная с учреждения попечительств о бедных духовного звания в 1823 г. духовному сословию были предоставлены полуавтономные механизмы, призванные направлять скудные материальные ресурсы как обедневшим членам сословия, так и сословным учреждениям, в первую очередь церковной системе образования. Во второй половине XIX в. такими полуавтономными механизмами стали епархиальные съезды, съезды благочиний, церковная пресса (как центральная, так и епархиальная), которые служили площадками для обсуждения и действий.

Сети взаимопомощи духовенства стали ответом на хроническую нехватку ресурсов: синодальные и епархиальные органы власти за-

² Здесь и далее перевод цитат автора статьи.

висели от скудного государственного бюджета, а духовенство часто не получало жалованья или получало его в недостаточном размере, что ставило его в зависимость от прихожан, как правило, обедневших крестьян. Существование этих сетей взаимопомощи было обусловлено индульгенциями от государства, которое предоставляло духовенству относительно высокую степень свободы объединений (особенно после Великих реформ 1860-х гг.) в обмен на отсутствие финансовой независимости.

Большинство обществ взаимопомощи духовенства касалось исключительно духовного сословия, так как государство стремилось ограничить добровольное объединение в пределах сословия. Однако духовенство пользовалось достаточным доверием, чтобы создавать и внесословные объединения, например, братства, которые набирали людей и оказывали помощь другим сословиям. Хотя К. П. Победоносцев в 1880-х гг. пытался ограничить формы объединения священников, бедствие голода 1891–1892 гг. заставило его частично отступить: сети взаимопомощи духовенства были полезны для предоставления информации, сбора материалов и направления помощи голодающим. Таким образом, даже формы объединения, рассчитанные на помощь только духовному сословию, стали доступны и другим группам населения: в равной степени эти церковные сети не ограничивались провинциями, а выходили за географические рамки.

Во второй главе монографии Скарборо прослеживает развитие этих клерикальных сетей в преддверии и во время кризисных 1904–1907 гг. (Русско-японская война, Первая русская революция и т. д.), когда они использовались для оказания материальной помощи населению. Здесь ключевым моментом является парадоксальное влияние Победоносцева. Стремление Победоносцева ограничить объединение (например, запретив до 1896 г. епархиальные съезды), соединялось с его ожиданием от духовенства социальной активности, особенно в сфере крестьянского образования. В этом смысле он заставлял духовенство стремиться к тем самым запрещенным им широким сословным объединениям, которые позволяли обеспечить как руководство, так и повышенный уровень духовной и материальной заботы о мирянах. Епископат стал ценить учреждения съездов и как важнейших винтиков в механизме епархиального управления, важных в поддержке сословных учреждений, и как полезных каналов благотворительности. Поэтому в кризис 1905 г., когда Победоносцев обратился к епископату с просьбой поддержать его и его программу, он в основном встретил отказ и повсеместные призывы к реформам, в том числе к прекращению вмешательства в сословные привилегии духовенства. В результате он был вынужден уйти в отставку.

В третьей и четвертой главах книги рассматриваются две формы образования, находившиеся в ведении духовенства, – семинарии и приходские школы. Семинарии и другие учебные заведения для духовенства (например, епархиальные женские училища) были основным

центром взаимопомощи внутри этого сословия, поскольку в них обучались почти исключительно дети священнослужителей, получавшие образование, необходимое для того, чтобы стать священниками либо стать достойными женами – помощницами священников. Сами учебные заведения выступали в качестве центров взаимопомощи, оказывая ее неимущим студентам и преподавателям. Попытка открыть семинарии для представителей других сословий была сильно ограничена контрреформами 1880-х гг., которые в значительной степени восстановили сословный характер этих учреждений и свели к минимуму роль клерикальных сетей в их функционировании в пользу епископа и Синода. Это противоречило как растущему стремлению духовенства к свободному использованию своих механизмов социального объединения, так и привлечению мирян, выплаты которых обеспечивали создание и функционирование сословно-церковных институтов.

Это нашло отражение во вспышке массового несогласия в семинариях в 1905–1907 гг.: хотя оно часто было окрашено социальным и политическим радикализмом, протесты также выражали озабоченность духовенства, особенно в отношении открытия дверей семинарий для других сословий. Когда некоторые из этих требований были удовлетворены, утверждает Скарборо, организованное диссидентство сошло на нет, оставив лишь отдельные вспышки насилия.

Массовое расширение системы церковно-приходских школ в конце XIX в. открыло перед духовным сословием (как мужчинами, так и женщинами) новые возможности: педагогическая деятельность давала не только повышенную зарплату, но и еще одну возможность для выражения пастырского долга (как через преподавание, так и через создание школьных библиотек). Строительство, оснащение и комплектование приходских школ требовали значительного финансирования, которое в немалой степени обеспечивалось либо обществами взаимопомощи духовенства, либо новыми благотворительными объединениями, имевшими общегосударственное происхождение, которые возглавлялись или поддерживались духовенством. Несмотря на то, что качество преподавания в этих школах подвергалось критике со стороны политических деятелей Думы и общества в целом (иногда справедливой), не приходится сомневаться в том, что они внесли огромный вклад в становление грамотности в сельской местности.

Пятая глава монографии посвящена проблеме, обозначенной ее автором как «кризис прихода». К середине XIX в. приход был лишен многих элементов саморегулирования, которыми он когда-то обладал, что привело к невозможности для большинства прихожан влиять на управление приходом, хотя именно они оплачивали содержание церкви, духовенства и литургической атрибутики. Начала озвучиваться идея превращения приходов в юридические лица. В связи с этим богословы, политические деятели и некоторые церковные лидеры часто констатировали глубокий кризис приходов, хотя единой картины их реформирования не было.

Государство не проявляло активности: единственной крупной реформой приходского управления в 1860-х гг. стало создание приходских попечительств, которые должны были направлять средства приходов на оплату труда духовенства, однако они создавались медленно и чаще всего использовались для сбора средств на строительство и благоустройство церквей. При этом они были лишены доступа к средствам и зданиям прихода (епископат опасался, что миряне разорят РПЦ, если получают возможность распоряжаться средствами), что создавало почву для напряженности в отношениях между духовенством и мирянами. Соглашаясь с этой традиционной точкой зрения, Скарборо уточняет, что, обладая более значительными бюджетами, приходские попечительства в городах эффективно распространяли благотворительность и работали рука об руку с духовенством. Они также сотрудничали с другими соседними попечительствами, формируя собственные сети взаимопомощи, которые были зеркальным отражением тех, что создавались церковным сословием.

Исследователь также рассматривает массовое создание начиная с 1880-х гг. обществ трезвости – еще одну форму благотворительных объединений под руководством духовенства, имевшую общесословную основу и обеспечивавшую реализацию долга священства по пастырскому попечению. В событиях Первой мировой войны духовенство смогло использовать свои связи для мобилизации ресурсов на нужды войны (забота о раненых солдатах и семьях призывников). Однако по мере того, как война шла, а ресурсов становилось все меньше, население все больше возмущалось попытками духовенства отвлечь ресурсы от более фундаментальной проблемы – выживания. Иными словами, усилия по интеграции других сословий в клерикальные сети (а значит, и по получению согласия других сословий на использование их ресурсов) оказались недостаточными для того, чтобы убедить значительную часть населения в необходимости социального лидерства духовенства, когда кризис стал чрезвычайно серьезным.

В шестой главе Скарборо рассматривает политическую роль духовенства в эпоху Думы. Правительство считало духовенство консервативным и лояльным, что делало его представителей идеальными кандидатами для избрания в Думу. Духовенство также поначалу могло рассматривать политическую деятельность как продолжение социального лидерства. Однако многие из его представителей, избранные в Первую и Вторую думы, вступили в левые и радикально левые партии, что усилило подозрительность как правительства, так и Синода. Будущие депутаты от духовенства подвергались проверкам на предмет достаточной консервативности и лояльности, вводился усиленный надзор и контроль за ними. Синод вместо того, чтобы использовать возможности 1905 г. для расширения самостоятельности Русской православной церкви в целом и духовенства в частности, опирался на государственную поддержку. Как следствие, во время Первой мировой войны дискредитированным оказалось не только государство, но и церковь.

Это подводит Скарборо к идеям, высказанным им в последней главе, посвященной духовенству в революционные 1917 и 1918 гг. Особое внимание он уделяет в ней событиям в Московской и Тверской епархиях, где различные объединения духовенства и мирян стремились сместить непопулярных епископов. Хотя резкий захват власти грозил расколом в Русской православной церкви, этого, по мнению Скарборо, удалось избежать благодаря тому, что руководители революционных церковных съездов стремились действовать в соответствии с каноническим правом, которое служило источником единства. Конечным результатом революционных потрясений и поместных церковных соборов 1917–1918 гг. стало создание Русской православной церкви, полностью включившей мирян в свое управление и превратившей механизмы взаимопомощи духовенства в полноценные элементы церковного управления.

Монография Д. Скарборо представляет собой хорошо проработанный вклад в историографию как Русской православной церкви, так и гражданского общества поздней имперской России. В отличие от многих исследователей, которые часто воспроизводят в своих работах идею замкнутости духовного сословия, исследователь демонстрирует, что социально-политическая история поздней империи не может быть изложена без обращения к православной церкви (и наоборот). Однако хотелось бы высказать два критических замечания. Во-первых, работу нельзя назвать сугубо оригинальной – хотя высказанные в ней аргументы подкреплены новыми архивными исследованиями, но многие выводы уже были сделаны в других работах: в некотором смысле исследование Скарборо является инкапсуляцией новейшей историографии в той же степени, что и вкладом в нее. Наиболее существенным моментом монографии является переориентация взгляда на взаимопомощь духовенства, перемещенную в центр социальной истории приходского духовенства. Во-вторых, хотя авторское внимание сосредоточено не только на Москве и Твери, и он иногда привлекает к исследованию и другие материалы, возникает вопрос: изменились бы его выводы, если бы он рассмотрел более мелкие, периферийные или менее богатые епархии? Взять на вооружение ряд гипотез Скарборо и проверить их на примере разных епархий – вот задача, которая возникает перед исследователями в будущем.

Библиографические ссылки

Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М. : Индрик, 2021. 1047 с.

Грабко М. Е. Деятельность Русской православной церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 213 с.

Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 477 с.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 334 с.

Православие в Прибалтике : религия, политика, образование : 1840-е – 1930-е гг. /

отв. ред. И. В. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. 527 с.

Freeze G. L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1977. 336 p.

Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1983. 545 p.

Friesen A. *Colonizing Russia's Promised Land: Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto : Univ. of Toronto Press, 2020. 224 p.

Hedda J. *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2011. 297 p.

Kenworthy S. M. *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. 528 p.

Kenworthy S. M. *Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // Revolutionary Russia*. 2018. Vol. 31, № 1. P. 1–23. DOI 10.1080/09546545.2018.1480893.

Michelson P. L. *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914*. Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 2017. 307 p.

Scarborough D. *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2022. 264 p.

Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. 358 p.

White J. M. *Unity in Faith? Edinoverie, Russian Orthodoxy, and Old Belief, 1800–1918*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2020. 271 p.

References

Beglov, A. L. (2021). *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reformy* [The Orthodox Parish on the Eve of the Russian Empire: Status, Discussions, Reforms]. Moscow, Indrik. 1047 p.

Freeze, G. L. (1977). *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 336 p.

Freeze, G. L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, Princeton Univ. Press. 545 p.

Friesen, A. (2020). *Colonizing Russia's Promised Land: Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto, Univ. of Toronto Press. 224 p.

Grabko, M. E. (2017). *Deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v rabochei srede Moskovskoi gubernii v kontse XIX – nachala XX v.* [The Activities of the Russian Orthodox Church among the Workers of Moscow Province at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 213 p.

Hedda, J. (2011). *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 297 p.

Kenworthy, S. M. (2010). *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. N. Y., Oxford Univ. Press. 528 p.

Kenworthy, S. M. (2018). *Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution*. In *Revolutionary Russia*. Vol. 31. No. 1, pp. 1–23. DOI 10.1080/09546545.2018.1480893.

Mangileva, A. V. (2015). *Sotsiokul'turnyi oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoi gubernii v XIX – nachale XX v.* [The Sociocultural Image of the Parish Clergy of Perm Province in the 19th and Beginning of the 20th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 477 p.

Michelson, P. L. (2017). *Beyond the Monastery Walls: The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914*. Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press. 307 p.

Paert, I. V. (Ed.). (2018). *Pravoslavie v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie. 1840-e – 1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltics: Religion, Politics, Education. 1840s to the 1930s]. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. 527 p.

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiskii*

kontekst i regional'naya spetsifika [Edinoverie from the Mid-18th to the Beginning of the 20th Centuries: National Context and Regional Specifics]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 334 p.

Scarborough, D. (2022). *Russia's Social Gospel. The Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 264 p.

Shevzov, V. (2004). *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford, Oxford Univ. Press. 358 p.

White, J. M. (2020). *Unity in Faith? Edinoverie, Russian Orthodoxy, and Old Belief, 1800–1918*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 271 p.

The article was submitted on 28.07.2023

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-8169-2755

adrianmaricka@mail.ru

Бортников Владислав Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3001-840X

octahedron31079@mail.ru

Бреева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет.

420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18.

ORCID 0000-0003-0781-8422

tbreeva@mail.ru

Варшавер Ольга Александровна, переводчик, драматург, член гильдии «Мастера литературного перевода».

Россия, Москва.

ovarshaver@gmail.com

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-5689-7166

vyssokova@mail.ru

Гиздатов Газинур Габдуллаевич, доктор филологических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана.

050022, Казахстан, Алматы, ул. Муратбаева, 200.

ORCID 0000-0002-6014-4183

gizdatovgazinur@gmail.com

Гонсалес Алехандро Ариэль, переводчик, член Аргентинского общества Достоевского, независимый исследователь.

Аргентина, Буэнос-Айрес.

ORCID 0000-0001-8808-8251

alexgon80@hotmail.com

Думчиков Александр Александрович, младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3134-8849

adumcikov@gmail.com

Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7656-0141

zevakojulia@gmail.com

Зицер Эрнест, PhD, адъюнкт-профессор, Дьюкский университет.

27708, США, Северная Каролина, Дарем.

ORCID 0000-0002-4060-2810

ernest.zitser@duke.edu

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3103-8074

mihail.a.kiselev@gmail.com

Колесник Александра Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-2690-1048

aleksa-kolesnik@yandex.ru

Кузнецова Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, переводчик, ответственный редактор секции перевода *Quaestio Rossica*, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-8360-1706

tatiana.s.kouznetsova@gmail.com

Ларина Яна Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0001-7296-0535

jana.larina@gmail.com

Лобос Омар, доктор филологических наук, преподаватель, Университет Буэнос-Айреса.

C1406CQJ, Аргентина, Буэнос-Айрес, Пуан, 480.

ORCID 0000-0001-8802-8232

calfucur@yahoo.com.ar

Петрова Елена Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0003-3564-460X

saint-petelena@mail.ru

Петрова Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

maria.petrova@bk.ru

Печёнкин Илья Евгеньевич, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой истории русского искусства, Российский государственный гуманитарный университет.

125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.

ORCID 0000-0002-8000-7792

pech_archistory@mail.ru

Пименова Ксения Дмитриевна, младший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-0719-2466

pimenovaksenia3@gmail.com

Попович Алексей Игоревич, младший научный сотрудник, ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0658-8795

alexeyropowich@mail.ru

Ржеуцкий Владислав Станиславович, кандидат исторических наук, постдокторант, Германский исторический институт в Париже.

75003, Франция, Париж, rue du Parc-Royal, 8.

ORCID 0000-0001-8434-6671

rjeoutski@gmail.com

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0002-9131-3285

sevask@mail.ru

Сидорова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-002-2813-7514

ogs531@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Турышева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3014-6153

oltur3@yandex.ru

Уайт Джеймс, PhD, заведующий лабораторией цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-4549-9381

james.white@eui.eu

Хаванова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-7694-5292

khavanova@inslav.ru

Хоруженко Татьяна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0477-7517

tkhoruzhenko@mail.ru

Хьюитт Карен, MBE, профессор, лектор, Оксфордский университет.

OX1 2JD, Великобритания, Оксфорд.

karen.hewitt@conted.ox.ac.uk

Щепёткин Антон Владиславович, кандидат теологии, доцент, Миссионерский институт.

620026, Екатеринбург, ул. Карла Маркса, 12.

ORCID 0000-0002-3433-803X

anton_chemfack@list.ru

Avdashkin Andrey, PhD (History), Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8169-2755

adrianmaricka@mail.ru

Bortnikov Vladislav, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3001-840X

octahedron31079@mail.ru

Breeva Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Kazan Federal University.

18, Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia.

ORCID 0000-0003-0781-8422

tbreeva@mail.ru

Dumchikov Aleksandr, Junior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3134-8849

adumcikov@gmail.com

Gizdatov Gazinur, Dr. Hab. (Philology), Professor, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages.

200, Muratbaev Str., 050022, Almaty, Kazakhstan.

ORCID 0000-0002-6014-4183

gizdatovgazinur@gmail.com

Gonzalez Alejandro Ariel, translator, member of the Dostoyevsky Society of Argentina, independent researcher.

Buenos Aires, Argentina.

ORCID 0000-0001-8808-8251

alexgon80@hotmail.com

Hewitt Karen, MBA, Professor, Lecturer, Oxford University.

Oxford, OX1 2JD, UK.

karen.hewitt@conted.ox.ac.uk

Khavanova Olga, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-7694-5292

khavanova@inslav.ru

Khoruzhenko Tatiana, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0477-7517

tkhoruzhenko@mail.ru

Kiselev Mikhail, PhD (History), Senior Researcher, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3103-8074

mihail.a.kiselev@gmail.com

Kolesnik Alexandra, PhD (History), Senior Researcher, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2690-1048

aleksa-kolesnik@yandex.ru

Kuznetsova Tatiana, PhD (Philology), translator, Responsible Editor of the English Section of *Quaestio Rossica*, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8360-1706

tatiana.s.kouznetsova@gmail.com

Larina Yana, PhD (History), Research Fellow, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-7296-0535

jana.larina@gmail.com

Lobos Omar, Dr. Hab. (Philology), Lecturer, University of Buenos Aires.

480, Puán, C1406CQJ, Buenos Aires, Argentina.

ORCID 0000-0001-8802-8232

calfucur@yahoo.com.ar

Pechenkin Ilia, PhD (History of Art), Head of the Department of Russian Art History, Russian State University for the Humanities.

6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-8000-7792

pech_archistory@mail.ru

Petrova Elena, PhD (Philology), Associate Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3564-460X

saint-petelena@mail.ru

Petrova Maria, PhD (History), Senior Researcher, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

maria.petrova@bk.ru

Pimenova Kseniya, Junior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0719-2466

pimenovaksenia3@gmail.com

Popovich Alexey, Junior Researcher, Assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0658-8795

alexeypopowich@mail.ru

Rjéoutski Vladislav, PhD (History), Postdoctoral Fellow, German Historical Institute.

8, rue du Parc-Royal, 75003, Paris, France.

ORCID 0000-0001-8434-6671

rjeoutski@gmail.com

Sevastyanova Svetlana, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0002-9131-3285

sevask@mail.ru

Shchepetkin Anton, PhD (Theology), Associate Professor, Missionary Institute.

12, Karl Marx Str., Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3433-803X

anton_chemfack@list.ru

Sidorova Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2813-7514

ogs531@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Turysheva Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3014-6153

oltur3@yandex.ru

Varshaver Olga, translator, playwright, member of the “Masters of Literary Translation”.

Moscow, Russia.

ovarshaver@gmail.com

Vysokova Veronika, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5689-7166

vyssokova@mail.ru

White James, PhD, Head of the Laboratory for Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4549-9381

james.white@eui.eu

Zevako Yulia, PhD (Political Sciences), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7656-0141

zevakojulia@gmail.com

Zitser Ernest, PhD, Adjunct Assistant Professor, Duke University.

27708, Durham, North Carolina, USA.

ORCID 0000-0002-4060-2810

ernest.zitser@duke.edu

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

ВОСХИМ – Всесоюзное объединение химической и сахарной промышленности
VOSKhIM – Vsesoyuznoe ob"edinenie khimicheskoi i sakharnoi promyshlennosti

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
VSNKh – Vysshii sovet narodnogo khozyaistva

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

КИД – Коллегия иностранных дел
KID – Kollegiya inostrannykh del

Наркоммаш – Народный комиссариат машиностроения
Narkommash – Narodnyi komissariat mashinostroeniya

НИОРК БАН – Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Российской академии наук
NIORK BAN – Nauchno-issledovatel'skii otdel redkoi knigi Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk

НККХ – Народный комиссариат коммунального хозяйства
NKKKh – Narodnyi komissariat kommunal'nogo khozyaistva

НТС – научно-технический совет
NTS – nauchno-tekhnicheskii sovet

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН
SPbII RAN – Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN

УХМС – Уралхиммашстрой
UKhMS – Uralkhimmashstroï

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti

AHN – Archivo Histórico Nacional

AT-OeStA – Österreichisches Staatsarchiv

HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv

HU-MNL-OL – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (Hungarian National Archives)

LHA – Lotharingisches Hausarchiv

RA – Riksarkivet

StAbt. – Staatenabteilungen

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 11, 2023, № 4

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013).

Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 10.01.2024. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 34,2. Усл. печ. л. 36,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 209.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru